АЗБУКА ВЕРЫ

Петр Ефимович Люкимсон

Иосиф Флавий. История про историка

Художественная литература · azbyka.ru

Иосиф Флавий. История про историка – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/iosif-flavij-istoriya-pro-istorika

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Иосиф Флавий. История про историка

Петр Ефимович Люкимсон

Предисловие

История не терпит суесловья.
Трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью,
И не любить без памяти нельзя.

Ярослав Смеляков

Я долго думал, с чего начать эту книгу, и, наконец, решил начать с правды. Я шел к ее написанию больше сорока пяти лет — с того самого дня, когда мне, двенадцатилетнему мальчишке, совершенно случайно попал в руки седьмой том из собрания сочинений Лиона Фейхтвангера с романом «Иудейская война».

Роман был проглочен залпом, за один день, и с того дня на всю оставшуюся жизнь я заболел Иосифом Флавием. Да что там заболел — с того времени, уже после прочтения двух других романов трилогии — «Сыновья» и «Настанет день», — я часто то отождествлял себя с Иосифом, то ненавидел его. Как и Иосиф, я ненавидел Рим и вместе с тем, так же, как и он, был очарован его государственной мощью, его великой культурой и искусством.

В то же время часто в своем воображении я оказывался по ту сторону фронта, на которой находился Иосиф, — я видел себя среди последних защитников Иерусалимского Храма, я был среди его священников, продолжавших службу так, словно римляне еще не ворвались в Храм, не обращая внимания на то, как они закалывают мечами стоявших рядом с ними товарищей, и не думая о том, что еще несколько секунд — и придет их очередь.

Я стоял вместе с последними из этих священников на крыше охваченного огнем Храма и бросал вверх ключи от него, успевая увидеть протянувшуюся с Неба и подхватывающую ключи руку прежде, чем эта крыша обрушится и увлечет меня за собой в огненную бездну…

Затем так уж получилось, что почти любая моя работа так или иначе требовала обращения к книгам Иосифа Флавия, и они всегда стояли в первом ряду моей домашней библиотеки — чтобы в любой момент оказаться под рукой.

Все эти годы я продолжал безмолвный диалог с Флавием, то соглашаясь с ним, то уличая в двуличии и эгоизме, то споря до хрипоты о самых главных ценностях бытия — о том, чем отличается подлинная вера от слепого фанатизма, о чести и бесчестии, о свободе выбора и свободе как таковой, которая должна быть для человека дороже самой жизни. Эти споры не прекратились и по сей день, но недавно я заметил, что чем старше становлюсь, тем чаще с ним соглашаюсь.

Одновременно я стал понимать, что хотя Фейхтвангер перед написанием трилогии перемолол всю имевшуюся на тот момент литературу об Иосифе Флавии, в биографии последнего столько лакун, что он, Фейхтвангер, просто не мог не примешивать к историческим фактам свою неисчерпаемую писательскую фантазию.

Впрочем, и в научной литературе о Флавии нет недостатка. Скорее наоборот: за столетия о нем накопилось столько книг и статей, что только для их прочтения понадобится несколько лет. Автор этой книги, безусловно, использовал их в своей работе — как замечательные статьи переводчиков и комментаторов произведений Флавия на русский язык Г. Г. Генкеля[1] и Я. Л. Чертка[2], так и блистательные монографии современных английских историков Тессы Раджак[3] и Десмонда Сьюарда[4] и израильского историка Давида Флуссера[5], а также многие другие. Но все эти работы слишком академичны, адресованы довольно узкому кругу профессиональных историков, занимающихся историей античности, иудаизма и христианства, и далекому от этих тем читателю почти наверняка покажутся скучными и утопающими в многословии.

Впрочем, читатель вправе задаться вопросом о том, можно ли вообще написать увлекательную научно-популярную книгу о судьбе историка?! Разве все люди не делятся на две категории — тех, кто творит историю, и тех, кто потом о ней пишет? История жизни первых и в самом деле обычно безумно интересна. А вот вторые всю жизнь проводят в архивах, за письменным столом или на лекциях в университетской аудитории. Они обычно так увлечены прошлым, что им некогда даже по-настоящему влюбиться, а самой большой драмой в их жизни становится ожесточенная грызня с коллегами по поводу точной даты того или иного события или вопроса о том, какой именно была температура воздуха во время битвы под Аустерлицем. Так стоит ли вообще тратить время на книги об их скучной жизни?!

Но это все же не совсем так.

Так уж устроены люди во все времена, что невольно начинают обращаться к событиям прошлого, чтобы найти ассоциации с современностью, извлечь из этого прошлого хоть какие-то уроки, а также примерить одежды великих полководцев и политических лидеров иных времен на своих современников. Как следствие, труды историков невольно начинают влиять (причем порой весьма значительно) на мнение и мировоззрение пусть и не самой многочисленной, но зато активной части общества, что почти всегда делает настоящего историка общественно значимой фигурой, а историю — злободневной и отнюдь не безопасной наукой.

Чтобы понять это, достаточно почитать воспоминания современников о том, что творилось в Санкт-Петербурге, когда туда для чтения цикла своих лекций приехал из Москвы В. О. Ключевский. Или о том, сколько студентов с самых разных факультетов набивалось на лекции Е. Тарле, Н. Эйдельмана или Л. Гумилева (хотя последний вроде бы занимался «веками отдаленными»).

Таким образом, вольно или невольно любой выдающийся историк оказывается вовлеченным в дела и беды своего времени. Ему так или иначе приходится вступать во взаимоотношения с властью, которая всегда требует удобного для нее освещения прошлого и которую мало интересует историческая правда. Да и не только власть — любой народ в массе требует от отечественных историков и писателей комплиментарной версии собственной истории и порой крайне болезненно реагирует на эту самую историческую правду.

Следует признать, что далеко не всем историкам было дано мужество твердо отстаивать свою точку зрения на прошлое, а соответственно, и на настоящее. Тем же, кто все же на такое решился, нередко приходилось заплатить за верность принципам необычайно высокую цену. Да, в итоге они заслуживали благодарную память потомков, но до этого сгнивали в тюрьмах и лагерях, а их труды либо уничтожались, либо на многие годы оказывались в спецхранах, не оказывая никакого влияния на умы и чувства нескольких поколений.

Но многие их выдающиеся коллеги выбирали другой путь — они учились «проходить между каплями»; учились тому, как одновременно донести до широкого читателя ту правду, которую считали нужным сказать, и избежать обвинений в нелояльности. Именно эти историки и писатели, как ни странно, и становились в итоге провозвестниками перемен к лучшему, а подчас и главными духовными двигателями этих перемен.

Такой фигурой, вне сомнения, является и герой этой книги, которому при жизни не раз приходилось идти на компромиссы с совестью и убеждениями и которому в течение многих веков после смерти его соплеменники предъявляли тяжелые обвинения в предательстве, лизоблюдстве, продажности, лживости и прочих смертных грехах. Но при этом его книги были и остаются важнейшим, а нередко единственным достоверным источником, рассказывающим о том, что происходило в Иудее во время «великого восстания» евреев против Рима, а также в предыдущие столетия. Ну а налет субъективности и политического угодничества, который и в самом деле присутствует в его трудах, зачастую столь легко снимается, что вполне позволяет восстановить подлинную картину событий.

Кроме того, в первой половине своей жизни Иосиф Флавий был как раз не тем, кто пишет историю, а тем, кто ее непосредственно творит, — сначала в качестве активного деятеля партии фарисеев («прушим») и дипломата, затем в роли коменданта мятежной Галилеи, а после — приближенного командовавшего римской армией, будущего императора Тита Веспасиана.

Непреходящий интерес к событиям, свидетелем и летописцем которых стал Иосиф Флавий, объясняется как их исторической уникальностью, так и тем огромным влиянием, которое они оказали на всю последующую судьбу человечества.

Следует понять, что восстание в Иудее отнюдь не было еще одним мятежом в одной из самых маленьких провинций великой и непоколебимой на тот момент Римской империи.

Это было, прежде всего, столкновение языческой греко-римской и монотеистической цивилизаций, придерживающихся совершенно различных систем ценностей. Если первая требовала беспрекословного подчинения власти цезаря и его законам, то вторая настаивала на том, что есть только один вечный Закон — тот, который был дан Богом на горе Синай, и лишь его следует придерживаться, а если какой-то цезарь издает собственные законы, то их следует исполнять лишь до тех пор, пока они не противоречат заповедям Творца всего сущего.

Если первая строилась на рабовладении (правда, рабство в Риме было отнюдь не таким, как принято думать), то вторая поднимала на щит идею, что человек может быть исключительно рабом Бога, а его личная свобода является высшей ценностью, ради которой подчас стоит и умереть. Если в Риме на первое место ставился долг перед отечеством, то в Иудее — долг перед Богом. Римской идее технического прогресса как несущего благо человечеству евреи противопоставляли идею справедливого устройства общества, основанного на заповеди любви к ближнему, как к самому себе…

Словом, нестыковок в самом отношении к мироустройству между этими двумя цивилизациями было столько, что столкновение между ними становилось неизбежным, а до идеи еврейского философа Моше Гесса (1812–1875) о том, что подлинное счастье человечества достижимо лишь путем синтеза лучшего, что создано этими двумя типами общества, было еще очень и очень далеко[6]. Так что немецкие теологии М. Хенгель и А.-М. Швемер, видимо, правы, когда утверждают, что при всей важности экономических, социальных и прочих причин конфликт между евреями и Римом носил в первую очередь религиозный характер[7].

Гибель Иерусалима и Иерусалимского Храма стала главной национальной трагедией еврейского народа, горечь которой ощущается до сих пор, несмотря на возрождение еврейской государственности на древней еврейской земле. Не случайно великий израильский писатель Шмуэль-Йосеф Агнон во время вручения ему Нобелевской премии в 1966 году начал свою речь словами: «Из-за исторической катастрофы, ибо разрушил Тит, государь Римский, Иерусалим и изгнал народ Израиля из своей страны, родился я в одном из городов изгнания. Но во все времена мнил я, будто родился в Иерусалиме».

Но эта же трагедия в итоге привела к тому, что христианство, говоря словами того же Гесса, окончательно вышло из лона иудаизма и, отделившись от него, стало превращаться в самостоятельную духовную силу, а затем и в ту мировую религию, которая уничтожила Рим как языческую империю. Что, если следовать Моше Гессу и Эрнесту Ренану, стало духовной победой иудеев над Римом — при всей разнице между «материнской» и «дочерней» религиями. И как раз для христианского мира сочинения Иосифа Флавия приобрели первостепенную ценность в качестве важнейшего доказательства того, что рассказ Евангелий имеет под собой неоспоримую историческую основу.

Этим в значительной степени объясняется то, почему сочинения Флавия так часто цитируются христианскими историками и почему последние приложили все силы для того, чтобы сохранить их для потомков.

Евреям, которые подвергли книги Флавия остракизму и даже наложили запрет на само упоминание его имени, предстояло оценить всю их ценность для своего национального этоса лишь спустя много столетий. Но сегодня большинство еврейских историков поверяют все свои открытия, касающиеся эпохи Второго Иерусалимского Храма, именно по сочинениям Флавия, а религиоведам последние служат для анализа текстов Талмуда и установления степени их исторической достоверности[8].

Вместе с тем Иосиф Флавий, вне сомнения, был гениальным писателем, чьи книги и сегодня читаются на едином дыхании. А также тем человеком, который во многом определил дальнейшее развитие истории как науки. Его стремление к объективному, а не «черно-белому» взгляду на исторические события, его система аргументации в дискуссии, вне сомнения, оказали огромное влияние на служителей Клио последующих столетий.

Всё вышесказанное и определило задачи, которые ставил автор при написании этой книги. Мне хотелось показать читателям, как сформировались личность Иосифа Флавия и его взгляды; что двигало выбором принимаемых им решений и какую роль он сыграл в Иудейском восстании 66–73 годов. Словом, дать его портрет на фоне эпохи и позволить читателю уже самому сделать выводы о том, как относиться к такой личности.

Для меня, безусловно, было важно свести воедино все имеющиеся многочисленные версии различных событий его жизни и попытаться докопаться до того, какая из них ближе к истине. Но не менее важно для меня было показать и его величие как писателя и историка, познакомить читателя с содержанием его книг и побудить их прочесть не в пересказе, а в том виде, в каком они были написаны.

При написании книги автор пользовался репринтным изданием «Иудейской войны» в переводе Я. Л. Чертока 1900 года, переизданным издательством «Орел» в 1991 году; изданием «Иудейских древностей» в переводе Г. Г. Генкеля 1996 года (издательство «Крон-пресс»); изданием *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона. Полное издание в одном томе, выпущенном издательством «Альфа-книга» в 2021 году, а также книгой *Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности

еврейского народа. Против Апиона, вышедшем в издательстве «Гешарим» в 1994 году, и «Жизнеописанием» — по публикации на интернет-сайте «Книгогид».

Изданий книг Иосифа Флавия на русском языке много, и чтобы не путать читателей ссылками на страницы какого-либо конкретного из них, я прибег к принятой в научной литературе кодировке его сочинений: «Иудейская война» обозначается, как «ИВ», а дальше идет через двоеточие номер книги, главы и подглавки; «Иудейские древности обозначаются» как «ИД» с указанием номера тома, книги и главы; «Жизнеописание» как «ЖО» с указанием номера главы и подглавки, а «Против Апиона» как «ПА» с указанием части, главы и подглавки. Такие же традиционные коды используются при цитировании текстов Священного Писания.

Также при написании этой книги автор активно пользовался книгами «Беседы по еврейской истории. Эпоха Второго Храма»[9], «Популярная история евреев» Пола Джонсона[10] и др.

Следует отметить, что многие герои этой книги были раввинами (слово «рав» обозначает одновременно «учитель» и «господин»), и потому при обращении к ним было принято перед произнесением имени добавлять слова «рав» или «рабби». Со временем в переводах еврейских источников на русский это обращение стало принято обозначать просто как «р.», и читатель должен быть готов к тому, что неоднократно встретит его на страницах книги.

Еще одна деталь, которую должен учесть читатель: у древних евреев не было фамилий в привычном нам смысле слова, и к людям было принято уважительно обращаться по имени и отчеству: «такой-то сын такого-то». На иврите слово «сын» звучит как «бен», но после вавилонского пленения (VI век до н. э.) евреи стали широко пользоваться родственным арамейским языком, в котором сын обозначается словом «бар». Оба эти слова вполне взаимозаменяемы, и то, какое из них конкертно использовалось, обычно зависело исключительно от закрепившейся привычки или контекста беседы.

Еще одной особенностью книги является то, что автор по возможности старался избегать слова «иудей», предпочитая ему слово «еврей», хотя Иосиф Флавий справедливо использовал эти два понятия как равнозначные. Дело в том, что в русском языке под словом «иудей» прочно закрепилось значение «исповедующий иудаизм», что в корне неправильно. Сам Флавий объяснял, что «иудей» является как раз понятием не религиозным, а географическим, — так стали называть в Вавилоне евреев, изгнанных из Иудеи. Затем название по стране исхода закрепилось, стало синонимом слова «еврей», и сами евреи стали называть себя «йегудим» — «выходцы из Иегуды (Иудеи)». Слово «еврей», как раз наоборот, обозначало национально-религиозную принадлежность, а не место жительства, и пришло время восстановить эту лингвистическую справедливость.

Часть первая. Герой

Глава 1. Маленький коэн

Иосиф Флавий родился в Иерусалиме в 36/37 году нашей эры в аристократической еврейской семье, принадлежащей к семье коэнов — потомственных священнослужителей Иерусалимского Храма.

С момента рождения каждый коэн предназначался для участия в храмовой службе — принесении предписанных жертвоприношений и воскурений, ведении праздничных молитв и благословении народа. Никто другой, кроме коэнов, не имел права выполнять эти функции, и исключительная роль в религиозной жизни народа определила их привилегированное положение в обществе. Потому Иосиф с полным правом мог начать свое «Жизнеописание»

словами: «Род мой отнюдь не бесславный, но издревле берущий начало от священников (коэнов)» (ЖО, 1:1).

«Как у каждого народа благородство определяется разными причинами, так у нас причастность к священству есть признак знатности рода. Я же происхожу не просто из священников, но из первой череды из двадцати четырех (в этом также немалое отличие) и от знатнейшего в ней рода» (ЖО, 1:1), — добавляет он далее.

Что ж, это и в самом деле, по меньшей мере отчасти, так. Пятикнижие Моисеево на веки вечные закрепило за потомками Леви, третьего сына праотца Яакова, статус служек, певчих и музыкантов при Храме, а также учителей Закона и исполнителей ритуальных услуг. Но в той же Торе Всевышний через пророка Моисея (тоже, по сути, левита) правом вести храмовые службы наделяет только прямых потомков его брата Аарона по мужской линии. Так что родиться коэном, безусловно, было дано не каждому[11].

Хотя для всех храмовых работ ежедневно требовалось не менее пятисот священнослужителей, работы на всех коэнов, число которых к I веку н. э. составляло десятки тысяч, попросту не хватало. Поэтому все они были разделены на 24 смены, каждая из которых проводила службу в Храме дважды в год в течение недели. Каждая смена, в свою очередь, состояла из представителей семи коэнских семей. Таким образом, каждая семья служила один день. Так как любая работа, связанная с жертвоприношением, считалась почетной, то внутри семьи роли во время службы определялись по жребию. А если учесть, что каждая семья насчитывала сотни и сотни мужчин, то коэн мог прожить жизнь, но так и не удостоиться участия в храмовой службе (хотя и обязан был находиться в постоянной готовности к исполнению этой своей миссии).

Говоря о том, что все его предки были «священниками первой череды», Иосиф тем самым подчеркивает, что им была предоставлена честь служить в самую почетную и ответственную первую смену, приходившуюся на великий осенний праздник Новолетия. Ну а то, что вдобавок они были из знатнейшего из семи родов этой первой смены, безусловно, возносило их едва ли не на самую вершину пирамиды еврейского общества.

Наконец, врожденную принадлежность будущего автора «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» к сливкам общества усиливало родство с царским родом Хасмонаев (Хашмонаев) — тех самых Маккавеев, которые в 166 году до н. э. подняли восстание против правившего империей Селевкидов царя Антиоха IV Епифана. Несмотря на то, что коэнам запрещено брать на себя царскую власть, Аристобул, внук первого вождя восстания Маттафии (Маттитьягу) Хасмоная в 104 году до н. э. объявил себя царем. родоначальником этой династии обычно считают сына Маттафии Йонатана, ставшего первосвященником и правителем (этнархом) Иудеи в 152 г. до н. э.

С этнархом Йонатаном Иосиф и связывает свое родство с царским домом.

«С материнской же стороны я царского рода. Ибо потомки Хасмонея, от которых она происходит, очень долгое время были первосвященниками и царями нашего народа. Вот моя родословная. Прадедом моим был Симон, прозванный „Пселлом“. Он жил в то время, когда первосвященником был сын Симона первосвященника, тот, что первым из них принял имя Гиркан. У Симона Пселла было девять детей, одним из которых был Матфий, называемый Эфлиев. Он женился на дочери первосвященника Ионафана, ставшего первым первосвященником из дома Хасмонеев, брата первосвященника Симона. В первый год первосвященства Гиркана у него родился сын Матфий, прозванный Кирт. У того родился сын Иосиф в девятый год правления Александра, а у Иосифа Матфий в десятый год царствования

Архелая, а у Матфия я сам в первый год принципата Гая Цезаря» (ЖО, 2–5).

Судя по всему, у Иосифа при жизни было немало недоброжелателей, подвергавших сомнению знатность его происхождения. Именно поэтому он так подробно его описывает, а в заключение еще и ссылается на якобы лично виденные им записи актов гражданского состояния, подтверждающие его слова.

Однако вслед за современниками недоверие к этой родословной выражают и Талмуд[12], и многие историки. Во-первых, они обращают внимание на то, что Иосиф Флавий рассказывает свою генеалогию очень запутанно, что обычно ему несвойственно. Во-вторых, из его рассказа следует, что к царскому роду принадлежал его отец, а не мать, как он сам это утверждает. В-третьих, сама представленная им хронология не вызывает доверия — получается, что прадед Иосифа родился за 170 лет до его рождения, а это просто невероятный временной разрыв.

Тесса Раджак тем не менее склонна считать эту генеалогию истинной. Проведя нехитрый подсчет, она приходит к выводу, что при таком раскладе деду Иосифа было семьдесят три года, когда родился его отец, а прадеду — шестьдесят пять лет, когда родился его дед. С учетом того, что у евреев во все времена считалось, что мужчина может завести семью и родить детей в любом, в том числе и в самом почтенном возрасте, в приведенных Т. Раджак данных нет ничего необычного.

Ссылка на записи актов гражданского состояния тоже говорит о многом — и в «Иудейских древностях», и в трактате «Против Апиона» Иосиф пишет о том, что такие записи о родословной священников делались на медной или бронзовой дощечке, тщательно сохранялись в архивах крупных городов, а когда после Иудейской войны часть их была утеряна, оставшиеся в живых коэны первым делом занялись их восстановлением (ПА, 1:7). И та уверенность, с которой он в «Иудейских древностях» пишет, что хочет успеть написать автобиографию, «пока еще живут те, кто может опровергнуть или подтвердить» написанное, также является подтверждением подлинности его родословной.

Вдобавок из приведенной Иосифом генеалогии видно, что имя Маттафия является в их семье родовым, что опять-таки очень характерно для евреев. Сам Иосиф был назван в честь своего деда, то есть его отец был Маттафием бен Иосиф[13].

Наконец, в «1-й Параполименоне» (24:7–18) приводятся результаты жеребьевки между 24 родами коэнов, и нести первую смену в ней выпадает Иегоиариву. Хасмонеи как раз были потомками Иегоиарива, и эта деталь также подтверждает слова Иосифа.

Что же касается того, что Иосиф утверждает, что он принадлежит к царскому роду со стороны матери, а из текста следует, что на самом деле речь идет о предках отца, то и в этом на самом деле нет никакого противоречия. Как известно, Тора[14] запрещает коэну жениться на разведенной, блуднице, прозелитке или дочери коэна, рожденного от запретного ему брака, и в связи с этими ограничениями коэны предпочитали жениться на двоюродных и троюродных сестрах и племянницах. Таким образом, вполне возможно, что к роду Хасмонеев относились как мать, так и отец Иосифа.

На самом деле вопрос заключается не в том, насколько верно представил Иосиф Флавий свою генеалогию в «Жизнеописании», а в том, насколько он преувеличил значение принадлежности к коэнам для положения в обществе в современную ему эпоху.

Судя по всему, Флавию, по понятным соображениям, очень хотелось представить еврейское общество как иерократию, в которой священники играют роль правящего класса. Но

из Талмуда и дошедших до нас других источников того времени ясно следует, что авторитет коэнов к концу I века до н. э. — началу I века н. э. был в народе в значительной степени подорван. Избранные в Синедрион (Сангедрин) за свои познания в Торе, умение толковать ее законы и применять их на практике «хахамим» — мудрецы — пользовались куда большим почетом, чем входившие в него урожденные священнослужители — главы тех самых 24 смен Храма, сформировавшие, по сути дела, храмовую олигархию.

Уже за столетие до рождения Иосифа председателем Синедриона отнюдь не обязательно должен был быть первосвященник. Так, в 38–32 годах до н. э. главами Синедриона были мудрецы Автальон и Шемая, которые вели свое происхождение от прозелитов — принявших иудаизм потомков ассирийского царя Санхерива, угнавшего в плен десять колен Израиля.

Однажды, рассказывает талмудический трактат «Йома» (71б), когда огромная толпа, сопровождавшая первосвященника после окончания службы Йом Кипура (Судного дня), увидела Шемаю и Автальона, народ оставил первосвященника и окружил двух мудрецов.

Уязвленный столь откровенным пренебрежением, первосвященник крикнул мудрецам, намекая на их нееврейские корни: «Проходите с миром, чужеземцы, своей дорогой!»

«Есть чужеземцы, которые стремятся к миру, следуя дорогой первосвященника Аарона, и есть потомки Аарона, которые пренебрегают его дорогой», — ответил на колкость Шемая, и, судя по всему, этот ответ был воспринят толпой с восторгом.

В первой половине I века н. э. этот процесс лишь усилился. Роль мудрецов, происходивших из разных слоев общества, непрерывно возрастала, приведя к появлению института раввинов.

В то же время принадлежность к потомственным священнослужителям, да еще и родство с Хасмонеями, вне сомнения, давали ребенку из такой семьи возможности, которых по определению не могло быть даже у выходцев из богатых семей «обычных евреев», не говоря уже о бедняках. И прежде всего открывали перед ним едва ли не с рождения двери в Иерусалимский Храм, а значит и путь к карьере внутри храмовой иерархии, которая могла в итоге привести его на пост первосвященника, члена и даже главы Синедриона или на какую-либо другую весьма значительную должность.

* * *

Отец Иосифа Маттитьягу, которого близкие называли просто Мати или Матей, был не только знатным, но и состоятельным человеком, что было отнюдь не само собой разумеющимся. Закон запрещал левитам и коэнам владеть землей; существовать они должны были на десятину, то есть на пожертвования, но на всех десятины, естественно, не хватало. Многие коэны жили в крайней бедности, зарабатывая на жизнь поденной работой или тем или иным ремеслом. В Иерусалиме большинство из них показывалось лишь на праздники Песах, Суккот и Шавуот, когда предписывалось совершать паломничество или когда приходило их время служения.

Однако были среди коэнов и настоящие богачи, преуспевшие в торговле, сумевшие скопить деньги на покупку земли или получившие ее от бедняков в качестве компенсации за неуплату долга.

Судя по всему, запрет на приобретение священнослужителями земельных участков начал нарушаться еще в период Вавилонского изгнания (597–539 годы до н. э.), когда многие земли продавались их хозяевами за бесценок. Именно в эти дни, к примеру, пророк Иеремия, бывший коэном, приобрел большой земельный участок в расположенной неподалеку от Иерусалима деревне Анатот — чтобы продемонстрировать этой покупкой неколебимую веру в то, что евреи

рано или поздно вернутся на родину и отстроят Иерусалим. Владел такими земельными наделами и отец нашего героя.

Здесь в Иерусалиме, который евреи называли «пупом земли» и центром мира, и прошли детство и отрочество Иосифа и его старшего брата, носившего то же имя, что и отец. Дома коэнов располагались в Верхнем городе, считавшемся привилегированным кварталом, в который бедняки могли попасть только в качестве водоносов, метельщиков или другой прислуги.

Некоторые из этих домов в наши дни тщательно изучены. Обычно они почти мгновенно опознаются археологами как дома священнослужителей — по множеству ритуальных бассейнов («микваот») внутри дома и обилию каменной мебели и утвари. Объясняется это просто: каждый коэн должен был жить в постоянной готовности быть вызванным в Храм для служения, а для этого он должен был находиться в состоянии ритуальной чистоты, то есть омываться в микве после близости с женой, случайного прикосновения к какой-либо скверне и т. д., — отсюда и непременный в таком доме ритуальный бассейн, иногда и не один. Ну а так как камень — это один из немногих материалов, через которые не передается ритуальная нечистота, то именно из камня в домах коэнов делались лежанки, скамьи и другие предметы мебели.

Особняки коэнов — членов храмовой олигархии — и других богатых иерусалимцев отличались изысканной архитектурой. Они и сегодня поражают своей красотой и размерами. Площадь некоторых составляет порядка 600 квадратных метров; их стены украшены фресками, а полы — изысканной мозаикой. В каждом таком доме был туалет с помещенным над выгребной ямой каменным или мраморным вполне удобным унитазом.

С Верхнего города хорошо просматривался остальной Иерусалим, который Иосиф вслед за многими своими современниками считал самым красивым и богатым городом мира. И у него были на то основания.

По своему значению Иерусалим, наряду с Римом, Александрией и Афинами, входил в четверку главных городов Римской империи, подмявшей под себя огромные пространства в Европе, Азии и Африке. Население Иерусалима без учета паломников в тот период составляло порядка ста тысяч человек. По этому показателю он, безусловно, уступал Риму, однако его изумительная красота, многократно усиленная стараниями Гордоса (Ирода) Великого не оспаривалась никем. Именно Ирод построил в Иерусалиме великолепные стадион, амфитеатр и ипподром, без которых, с точки зрения жителей эллинистического мира, ни один населенный пункт не мог считаться полисом — городом в полном смысле этого слова. Но помимо этих важнейших атрибутов полиса Ирод возвел в своей столице и множество других архитектурных шедевров.

Вероятно, из родительского дома Иосифа была отлично видна Антония — располагавшаяся на скале в северо-восточной части Иерусалима бывшая резиденция Хасмонеев, капитально перестроенная Иродом в 35 году до н. э. Антония поражала не только мощью, но и красотой двойных каменных стен, а также четырех высившихся по углам башен. Высота трех из них составляла 25, а четвертой — 35 метров.

В дни Иосифа в Антонии размещался римский гарнизон — из крепости хорошо просматривалась значительная часть города, и в ней без труда можно было разместить больше двух тысяч воинов. В самом дворце располагались сотни залов и комнат, каждая из которых отличалась своими особыми фресками и особым убранством; вся мебель и домашняя утварь в этих залах была сделана из полудрагоценных и драгоценных камней, золота и серебра. Были

здесь и внутренние дворики, и обеденная зала, в которой были свободно расставлены сто кушеток, а в подвальных помещениях располагались склады с запасами питья и продовольствия, а также тюремные и пыточные камеры. Под землей же тянулся ход из Антонии на территорию Храма, который в случае войны должен был стать следующим форпостом обороны.

Хорошо был виден из Верхнего города и Храма и другой дворец Ирода, также представлявший собой «город в городе». Он был окружен мощной стеной высотой 15 метров и состоял из комплекса зданий, с сотнями комнат и галерей, полы которых были выложены искусной мозаикой, стены либо расписаны фресками, либо облицованы мрамором и инкрустированы драгоценными и полудрагоценными камнями. При этом в каждой комнате можно было найти дорогую золотую, серебряную и стеклянную утварь.

Между различными зданиями дворца тянулись уютные скверы с беседками, множество купален и бассейнов, украшенных медными скульптурными композициями, из которых била вода.

И все же главной драгоценностью Иерусалима, да и всей восточной части Римской империи был, безусловно, Второй Иерусалимский Храм, отстроенный тем же Иродом с таким великолепием, что он во многом не уступал Первому Храму, построенному царем Соломоном.

«Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпицами для того, чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнить его. Каменные глыбы, из которых он был построен, имели до сорока пяти локтей длины, пяти толщины и шести ширины. Перед ним стоял жертвенник вышиной в пятнадцать локтей, тогда как длина и ширина его были одинакового размера в пятьдесят локтей» — так опишет Иосиф Храм в «Иудейской войне» (ИВ, 5:5:6).

Сегодня уже немногие сознают, что большая часть наших знаний об Иерусалиме и Втором Храме, да и обо всей жизни древней Иудеи дошла до нас, в сущности, благодаря отменной памяти и наблюдательности маленького коэна Иосифа сына Маттафии, который увековечит их в своих книгах.

Храм был не только средоточием религиозной жизни еврейского народа, но и его главным духовным, культурным и административным центром, причем поистине гигантским. По оценкам историков, в нем на разных работах ежедневно было занято порядка 25 тысяч человек. Это были не только коэны и левиты, но и многочисленный обслуживающий персонал и подсобные рабочие.

В Храме располагались большие загоны для предназначенного в жертву скота, склады с запасами необходимых для священнослужения дров, муки и оливкового масла; гигантская казна и сокровищница, в которую складывались жертвоприношения евреев, устремлявшихся в Иерусалим со всех концов известного тогда мира; колоссальный архив и библиотека.

Наконец, на территории Храма заседал Синедрион, бывший, как уже сказано, высшим судебным и законодательным органом, определявшим практически все стороны повседневной жизни еврейского народа и возглавлявшийся «наси» — президентом, или, если угодно председателем Верховного суда.

Просторный зал заседаний Синедриона заканчивался большим полукругом, вдоль которого сидели семьдесят его членов, возглавляемые председателем — такая форма позволяла судьям видеть друг друга в момент обсуждения. Перед судьями стояли три ряда кресел, которые занимали «талмидей-хахамим» — буквально «ученики мудрецов», то есть мудрецы — кандидаты в члены Синедриона, следившие за всеми его обсуждениями и имевшие право высказать свое мнение, если они считали это необходимым.

У каждого талмид-хахама было свое место, четко определенное место, обозначавшее одновременно весомость его мнения. Когда приходило время сменить члена Синедриона, то брали одного из кандидатов из первого ряда. При этом один из кандидатов из второго ряда переходил в первый, а из третьего — во второй. Тем временем выбирали из народа следующего кандидата в члены Синедриона, причем он не обязательно занимал кресло выбывшего — его место в ряду определялось его знаниями и заслугами перед обществом.

Существуют разные мнения по поводу того, был ли Маттитьягу, отец Иосифа, членом или хотя бы кандидатом в члены Синедриона. Сторонники версии того, что Иосиф был сыном члена Синедриона, опираются среди прочего на следующую фразу «Жизнеописания»: «Отец мой Маттафий славился не только знатностью своего рода, но еще более заслужил похвалу за свою справедливость» (ЖО, 2:7).

По всей видимости, говорят они, под «справедливостью» имеются в виду те суждения, которые Маттитьягу высказывал на заседаниях Синедриона, демонстрируя тем самым, что он занимает это место отнюдь не только по праву рождения.

Но с учетом того, что речь, вероятнее всего, идет о греческой кальке с иврита, «его справедливость» можно перевести и как «его благотворительность». Дело в том, что помощь бедным, согласно иудаизму, отнюдь не является милостыней — давая ее, богатые евреи лишь восстанавливают преднамеренно нарушенную Всевышним в этом мире справедливость, а потому и пожертвование обозначается однокоренным с ним словом. Это означает, что Маттафия мог заслужить уважение общества и своей значительной помощью бедным, которых в его время в Иудее, да и за ее пределами хватало.

В любом случае отец нашего героя был, вне сомнения, известным и уважаемым не только в своей среде, но и в городе человеком, что, безусловно, благоприятно сказалось на последующей судьбе его сына.

* * *

Есть что-то символическое в том, что 37 год нашей эры, год рождения Иосифа бен Маттафия, стал одновременно годом великих потрясений в Риме и во всей империи, заложившим основу многих будущих трагедий.

Именно в этот год на римский престол был возведен 25-летний Гай Юлий Цезарь Август Германик, больше известный как Калигула.

Один из самых емких рассказов о Калигуле и его правлении мы находим в классическом учебнике по истории Древнего Рима Н. А. Машкина: «Калигула начал с амнистии всех осужденных при Тиберии, распоряжения которого были признаны недействительными. Доносчики были наказаны, закон об оскорблении величества перестал применяться. Было разрешено пользоваться книгами, запрещенными при Августе и Тиберии. В отличие от экономного Тиберия Калигула тратил громадные средства на театральные представления и постройку новых зданий. Первый период правления молодого императора характеризовался

согласием между ним и сенатом. Но вскоре господствующие круги Рима должны были разочароваться. Молодой правитель стал проявлять стремление к злоупотреблению властью. Начались преследования, прежде всего лиц сенаторского сословия. Произвол доходил до таких пределов, что некоторые поступки Калигулы могли быть объяснены только его душевным расстройством. Подобно эллинистическим царям, Калигула считал себя неограниченным монархом. Некоторые приветствовали его как Юпитера Лациарского. Калигула установил особый церемониал, низкие поклоны, целование ног и пр. Значительные средства, собранные бережливым Тиберием, были израсходованы. Тогда Калигула прибегнул к разнообразным приемам, чтобы пополнить казну: конфисковалось имущество осужденных, устраивались принудительные аукционы, провинции должны были платить непомерные налоги»[15].

К тому времени наследники Ирода успели в значительной степени промотать состояние своего маниакально жестокого, но отнюдь не глупого с государственной точки зрения предка, а самое главное — утратить обретенную им относительную самостоятельность от Рима.

Иудея окончательно превратилась в римскую провинцию, управляемую назначаемым из Рима прокуратором или префектом. Накануне рождения Иосифа как раз за непомерную жестокость с этой должности был смещен памятный многим Понтий Пилат. Потомки Ирода формально сохранили за собой звание царей, но стали, по сути, подчиненными Риму крупными феодалами, правившими Галилеей и частью Голанских высот и Заиордании.

Вступление на престол Калигулы привело и к благоприятному повороту судьбы внука Ирода Агриппы, который после казни дедом его отца был отправлен в Рим и воспитывался, по сути, вместе с Калигулой. Будучи участником многих попоек и оргий юного Калигулы, Агриппа не скрывал, что мечтает как можно скорее увидеть того на престоле. Однажды он провозгласил за это тост, за что и был отправлен Тиберием в тюрьму.

Но став императором, Калигула немедленно освободил друга детства, осыпал его милостями и даровал ему в правление Иудею, а затем, в 39 году, — и Галилею. Что, однако, отнюдь не означало возвращения еврейской государственности — Рим по-прежнему определял все стороны жизни евреев на их родине.

Тут, наверное, следует остановиться и сказать, что население той территории, на которой некогда располагались древние еврейские государства Иудея и Израиль, было к I веку н. э. необычайно пестрым.

После изгнания десяти колен на территорию бывшего Израильского царства ассирийцы переселили сюда несколько племен из Месопотамии, которых Иосиф Флавий называл хуфейцами. Они частично восприняли у соседей евреев иудаизм, который, впрочем, совмещали с языческими верованиями, и в итоге образовали новый народ — самаритян, называемых так по столице Израильского царства Самарии (Шомрону). Отношения самаритян с евреями менялись в зависимости от политической ситуации — они то демонстрировали желание слиться с ними и позиционировали себя как часть еврейского народа, то проявляли крайнюю враждебность и потому считались у евреев лицемерами. Знаменитая евангельская притча о добром самаритянине родилась именно как оппозиция такому распространенному мнению; выражение «добрый самаритянин» синонимично русской «белой вороне».

Кроме того, за время пребывания евреев под властью греков и римлян не только сами евреи широко распространились по территории Римской империи, но и представители эллинизированного языческого населения, обычно называвшиеся просто «греками», во множестве селились на их землях. В результате в стране появилось множество городов со смешанным населением, причем если в одних преобладало еврейское население, то в других

«греки» ощутимо превосходили по численности евреев. Что немаловажно, многие из них были богаты и даже очень богаты, в то время как подавляющее большинство еврейского населения жило в бедности, а то и в нищете.

Часть этих новых жителей, кстати, принимала иудаизм, и их потомки считали себя евреями, чему есть немало свидетельств. Но бо`льшая часть оставалась язычниками, активно настаивала на своем праве, живя среди евреев, сохранять верность своим богам и обычаям, а также традиционному образу жизни — например, разводить и употреблять в пищу свинину, запрещенную евреям Торой.

Все это делало отношения между евреями и условными греками крайне напряженными, и нередко доходило до ожесточенных побоищ.

Неудивительно, что вскоре после прихода к власти Калигулы языческое население небольшого городка Явнэ решило перетянуть на себя чашу симпатий римской администрации, для чего воздвигло в городе жертвенник в честь нового бога — Калигулы.

Как и ожидалось, взбешенные евреи города тут же разрушили жертвенник, о чем было немедленно донесено римскому прокуратуру, а затем и самому императору. Чтобы наказать евреев, Калигула повелел римскому наместнику в Сирии Петронию установить в Иерусалимском Храме свою позолоченную статую.

Спустя несколько дней Петроний двинул в сторону Иерусалима два легиона, так как прекрасно понимал, что попытка осквернения Храма приведет к мятежу и массовому кровопролитию. Тем временем евреи, узнав об указе императора, направили представительную делегацию в Птолемаиду[16], где располагалась резиденция Петрония. Будущий автор великого романа «Сатирикон» втайне давно симпатизировал евреям и проявлял интерес к монотеизму, но при этом понимал, в какой сложной ситуации он оказался.

Приняв делегацию и убедившись в решимости евреев умереть, но не допустить осквернения Храма, Петроний выбрал самую мудрую в его положении тактику — решил тянуть время.

В письме императору он попросил его отложить церемонию установления его статуи в Храме, мотивируя это тем, что в Иудее наступила пора сбора урожая, а из-за беспорядков, которые неминуемо возникнут при выполнении повеления Калигулы, земледельцы не смогут продолжать сельскохозяйственные работы. Как следствие, Рим не досчитается значительной части налогов, а в стране начнется голод. Кроме того, мастера в Сидоне (Цидоне) еще не завершили работу над статуей, и она не будет готова в ближайшее время.

Петроний сообщил евреям содержание отосланной им депеши, но те не успокоились и в течение сорока дней оставались стоять у его дворца, дожидаясь ответа из Рима, — и в итоге указ Калигулы так и не был выполнен.

Иосиф Флавий рассказывает об этих событиях в «Иудейской войне», сопровождая их такими подробностями, словно сам был их очевидцем (ИВ, 1:10:1–5). Но понятно, что он по определению не мог помнить тех событий — он был еще младенцем. В то же время подробности и живость изложения невольно наводят на мысль, что еще в детстве Иосиф не раз слышал рассказ о них из уст непосредственных участников. Вероятнее всего, кто-то из друзей его отца входил в состав той самой еврейской делегации, которая отправилась в Птолемаиду. Вряд ли это был сам Маттитьягу — тогда Иосиф наверняка упомянул бы этот факт.

По параллельной, но совершенно не противоречащей версии тех событий, решающую роль в

том, что статуя так и не была установлена в Храме, сыграл последний царь Иудеи Агриппа Первый. Воспитанный одновременно и в римском, и еврейском духе, он все же считал себя прежде всего евреем, причем евреем, самозабвенно преданным религии своего народа. Узнав в Иерусалиме о приказе друга своей юности, Агриппа упал в обморок — с одной стороны, он пришел в ужас от того святотатства, который задумал Калигула, а с другой — зная его бешеный нрав, понимал, чем может закончиться попытка ему перечить.

Придя в себя, Агриппа тут же написал императору письмо с просьбой об отмене приказа. При этом он подчеркнул, что таким шагом Калигула завоевал бы признательность всего разбросанного по империи еврейского народа, считающего Храм центром своей духовной жизни. Евреи — лояльные подданные, писал Агриппа, но их вера запрещает поклоняться статуям, а потому помещение статуи в Храме приведет к еврейскому восстанию во всех провинциях империи. «Если же ты твердо решил поместить свою статую в Храме и уничтожить еврейский народ, то сначала лиши меня жизни», — говорилось в заключительных строках письма внука Ирода.

В результате Калигула уступил и отправил Петронию следующее послание: «Если ты еще не поместил мою статую в Храме, не делай этого. Но я повелеваю не чинить никаких препятствий тем, кто пожелает установить алтари в мою честь в любом другом месте Иудеи». В том же письме Петронию было приказано покончить жизнь самоубийством, но весть о смерти Калигулы достигла Иудеи раньше императорского указа и вызвала ликование в Иерусалиме.

Однако в «Иудейских древностях» Иосиф излагает эти события несколько иначе. По его версии, Агриппа в это время был в Риме и именно там употребил всю силу своего влияния на безумного императора (ИД, 18: 8:7–9). И снова, читая этот отрывок, остается лишь поразиться знанию Иосифом кулуарных подробностей, которые могли быть известны лишь очень немногим и которые вновь и вновь косвенно доказывают, что он был весьма пытливым ребенком, с малых лет жадно впитывавшим в себя рассказы взрослых о тех событиях, современниками которых им довелось быть.

И значит, пришло самое время поговорить о том, какими были его детство и отрочество.

Глава 2. В поисках себя

Нет сомнений, что решающее значение на формирование личности Иосифа бен Маттитьягу оказала атмосфера, царившая в родительском доме.

Судя по намекам, содержащимся в его «Жизнеописании», этот дом был открыт для гостей, здесь часто бывал весь цвет тогдашнего иерусалимского общества, а среди близких друзей его отца числился и глава Синедриона Иехошуа бен Гамла (Иисус сын Гамлиэля), для которого его жена Марта, дочь богача Боэта, в начале 60-х годов I в. н. э. купила у царя Агриппы Второго звание первосвященника. Впрочем, по поводу датировки жизни и деятельности этого мудреца Талмуда до сих пор между историками и раввинами идут большие споры.

Первые, опираясь на сочинения Иосифа Флавия, убеждены, что он получил должность первосвященника в 64 году и пробыл на ней всего два года, после чего был убит по обвинению в предательстве. Талмуд настаивает на том, что жена Иехошуа бен Гамлы приобрела титул первосвященника для мужа у царя Александра Яная, правившего до 76 года до н. э., что выглядит, прямо скажем, не очень реально.

При этом в большинстве источников упоминается, что именно Иехошуа бен Гамла ввел в Иудее обязательное образование для мальчиков, начиная с шести лет. Для этого во всех городах и

деревнях Иудеи при синагогах были созданы школы, в которых дети учились чтению и письму, изучали Пятикнижие, а затем и ряд книг пророков — при том, что корпус Священного Писания к тому времени еще не был канонизирован. Завершало обучение заучивание передаваемых изустно религиозных законов и высказываний мудрецов.

Введение в Иудее всеобщего обучения начиная с шести-семи лет, безусловно, было событием мирового значения, так как в итоге повлияло на формирование и развитие всей системы образования человечества. Однако по поводу того, когда именно это произошло, снова начинаются споры. Одни датируют указ Иехошуа бен Гамлы 64 годом, то есть первым годом его первосвященства, другие же относят его к 30–40-м годам, то есть ко времени детства Иосифа, когда бен Гамла уже входил в состав Синедриона, а возможно, и возглавлял его. Талмуд считает основоположником системы всеобщего образования в Иудее другого мудреца — Шимона бен Шеттаха, жившего на сто лет раньше Иехошуа бен Гамлы. Но в то же время подчеркивает, что именно последний претворил идею такого образования в жизнь и вдобавок значительно расширил программу обязательных школ.

Для нас в данном случае важно, что во времена детства Иосифа школы, предназначенные для детей из разных слоев общества, уже, безусловно, существовали. Но Маттитьягу и его жена решили не отдавать туда сыновей, а заниматься их образованием дома. Они, видимо, исходили из того, что в такие школы детей посылали те, кто в силу своего невежества попросту не мог выполнить заповедь, предписывающую отцу обучить сына Торе. После возвращения из Вавилонского плена значительная часть еврейского населения плохо знала иврит, говорила на арамейском языке и предпочитала читать Тору и другие священные книги по «таргумам» — переводам с иврита на арамейский.

Указ рабби Иехошуа бен Гамлы, таким образом, способствовал возвращению еврейского общества к родному языку. Но Маттитьягу явно был достаточно образован, чтобы самостоятельно учить детей ивриту и изучать с ними священные книги в оригинале.

«Я же, воспитываясь вместе с братом Маттафием (он был мне братом и по матери, и по отцу), много преуспевал в учении, отличаясь, как считали, памятью и разумением. Еще когда я был ребенком около 14 лет, меня все хвалили за любовь к книжности, так что великие священники и главы народа постоянно приходили, чтобы уточнить у меня что-нибудь из Закона», — сообщает Флавий о своем детстве (ЖО, 8–9).

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что по отношению к Иосифу было выполнено указание мудрецов, согласно которому «с 5 лет надо приобщаться к Писанию; Мишну надо изучать с 10 лет, исполнять заповеди — с 13 лет; изучать Талмуд с 15 лет»[17]. В пять лет он приступил к изучению Пятикнижия, книг пророков, псалмов и «священных свитков» Эсфирь, Руф, «Песни песней» и др.; в десять перешел к изучению законов и высказываний великих мудрецов прошлого, передававшихся изустно из поколения в поколение, а в четырнадцать, то есть на год ранее обычного срока, — к искусству религиозной полемики.

В том, как Иосиф подчеркивает, что он «много преуспевал в учении, отличаясь, как считали, памятью и разумением», можно усмотреть элемент хвастовства. Но, видимо, он и в самом деле был в детстве вундеркиндом, чудо-ребенком, одним из признаков которого как раз считалась хорошая память — с ранних лет еврейского мальчика приучали заучивать наизусть огромные отрывки текста, а то и целиком всю Тору. Высказывания мудрецов заучивались наизусть изначально, и потому именно хорошая память нередко была главным залогом успеха в обучении и одновременно постоянно развивалась в процессе учебы. Уже потом наступал черед развития самостоятельного мышления.

Иосиф и в самом деле был хорошим учеником. Об этом свидетельствуют многие страницы его «Иудейской войны»: споря как со своими соплеменниками, так и с иноверцами, он свободно приводит в качестве аргументов примеры из той или иной священной книги, а порой и цитирует их — правда, допуская иногда неточности. Сам же стиль его речи, свобода обращения с источниками свидетельствуют о том, что он и в самом деле, говоря словами еврейских мудрецов, в детстве и отрочестве в ходе учения был подобен впитывающей в себя все губке[18].

Английский историк Десмонд Сьюард, касаясь процесса обучения Иосифа, пишет: «Понятно, что Маттитьягу и его супруга не жалели ни сил, ни средств для образования Иосифа и его старшего брата, которого также звали Маттитьягу. Иосиф ясно говорит об „обоих родителях“. Это звучит неожиданно, поскольку у женщин в иудаизме не было никакого права принимать участия в образовании детей и никакой религиозной функции»[19].

Сьюард в данном случае излагает традиционный взгляд на роль женщины в иудаизме, которая сводилась исключительно к рождению детей и заботе о родном очаге. Женщина, согласно такому взгляду, обязана была знать правила кашрута, то есть диетарные законы Торы и законы семейной чистоты, но не умела читать и писать, а необходимые ей молитвы заучивала наизусть. Такой же взгляд исповедует и Фейхтвангер, воплощая его в образе Мары — еврейской девушки, ставшей рабыней императора Веспасиана и первой женой Иосифа. Но эта картина вряд ли отражает реальное положение вещей. Уже в Талмуде есть споры между мудрецами о том, должны ли отцы учить дочерей Торе или нет, и их мнения по данному вопросу разделяются. Сам факт такого спора и неоднозначность мнений свидетельствуют о том, что женщины, особенно в богатых еврейских семьях, все-таки учили Пятикнижие и владели грамотой. Так почему бы нам не предположить, что мать Иосифа, имя которой он не сохранил для истории, была из числа таких образованных женщин и участвовала в обучении сына — хотя бы в самые первые годы?!

Но то, что оба родителя занимались его образованием, отнюдь не означает, что они давали ему уроки. У них было достаточно средств, чтобы нанять превосходных частных преподавателей Писания и устной традиции, поскольку — и это тоже нам известно из Талмуда — многие знатоки Закона в ту эпоху бедствовали и вполне могли зарабатывать частными уроками для детей из богатых семей.

Помимо религиозных дисциплин маленький Иосиф наверняка изучал и азы математики, включая не только четыре арифметические действия, но и, возможно, азы геометрии и правила действия с дробями (в Талмуде приводится немало подобных задач из житейской практики). Во всяком случае, какие-то зачатки математического мышления у него точно были и пригодились затем в один из самых драматических моментов его жизни, о котором нам еще предстоит узнать.

Тесса Раджак обращает особое внимание на упоминаемую Иосифом *philogrammaton* — его любовь к грамматике, для которой он использует греческое слово. В этом ей видится намек на то, что он, вероятно, изучал греческий язык, а возможно и греческую философию. Впрочем, она тут же признаёт, что в тот период его жизни такое было маловероятно.

Это и в самом деле так. Изучение греческой (то есть языческой) философии мудрецами не приветствовалось, хотя сами они порой вели ожесточенные и весьма поучительные философские споры как с римскими, так и с греческими философами. Один из вопросов, занимающих исследователей: изучал ли Иосиф в отрочестве и юности греческий язык и литературу? И снова ответ на него скорее отрицательный, чем положительный.

Подавляющее большинство жителей Иерусалима и Иудеи в целом в I веке н. э. составляли евреи, говорившие между собой на арамейском языке и — реже — на иврите. Греческий в этих местах нужен был только для общения с римлянами и иностранными паломниками, а также за ближними и дальними пределами области — в Галилее или в самой Греции, на Кипре или Крите, куда жителя Иудеи могло забросить по торговым делам. Поэтому на греческом в городе говорили только представители знати, да и то далеко не все.

Причем следует учесть, что в данном случае имеется в виду отнюдь не литературный греческий язык, то есть не классический аттический диалект, на котором написаны поэмы Гомера или драмы Софокла, а «койне» — так называемый «общий греческий», своеобразный жаргон, родившийся на основе смешения четырех диалектов греческого, на котором говорили во всех уголках Римской империи, включая и сам Рим.

Койне был языком международного общения, и знаменитая Септуагинта — перевод Торы на греческий, осуществленный 70 еврейскими мудрецами по указанию Птолемея Второго-Филадельфа в III веке до н. э., написана именно на этом языке. Таким образом, ученые евреи еще в тот период свободно владели койне; это знание сохранилось и в последующие столетия. Однако никаких сведений о том, что Иосиф Флавий учил койне в детстве, у нас нет.

Скорее всего, греческий язык Иосиф выучил гораздо позже — возможно, в двадцать с лишним лет, когда стал готовиться к поездке в Рим, но и это был не более чем разговорный койне. Литературным же греческим языком он — и это уже не вызывает сомнений — овладел, будучи в достаточно зрелом возрасте. При этом Иосиф всегда сознавал, что, когда пишет на греческом, ему требуется многоопытный взыскательный редактор.

Скорее всего, под «любовью к грамматике» Иосиф понимает любовь к чтению разнообразной литературы. Накопленная к тому времени еврейская литературная сокровищница была поистине огромна, хотя до наших дней, к сожалению, дошла лишь ничтожная ее часть. В нее входили как религиозные и философские сочинения, так и исторические трактаты, мемуары, переводы из древнеегипетской и ассирийско-вавилонской литературы и т. д. Все это хранилось в виде свитков в домашних библиотеках богатых евреев, а также в библиотеке Храма, и у Иосифа в детстве и в юности должен был быть к ним свободный доступ, которым он сполна воспользовался.

Только так можно объяснить тот факт, что в «Иудейских древностях» Иосиф явно пользуется не только Библией и сочинениями греческих историков, но и многими утерянными на сегодня еврейскими источниками, и свободно их цитирует. Причем пользуется нередко по памяти, которая, как бы хороша она ни была, не могла не подводить его в деталях.

Нет сомнений, что именно широкий круг чтения в итоге помог ему в овладении писательским мастерством: для написания столь крупномасштабных произведений, как «Иудейская война» и «Иудейские древности», одного врожденного таланта явно мало; нужен еще и солидный культурный багаж.

Что касается того, что к четырнадцати годам он уже считался выдающимся знатоком Торы и Закона, — это также отнюдь не выглядит пустым хвастовством. Еврейская история знает примеры подобной и даже куда большей религиозной образованности, когда мальчики восьми — десяти лет, не говоря уже об отроках постарше, поражали почтенных раввинов знанием наизусть огромных массивов текста, а иногда и всего Талмуда и проявляли удивительную способность к их анализу. Ну, а 13 лет считались у евреев возрастом совершеннолетия, и подростки этого возраста нередко на равных вели споры о том, как следует понимать те или иные религиозные предписания, или на религиозно-философские темы.

Что касается утверждения Иосифа о том, что первосвященники и старейшины города постоянно приходили к нему, «чтобы уточнить что-нибудь из Закона», то Раджак совершенно правильно отмечает, что рассказ этот напоминает известную евангельскую историю о двенадцатилетнем Иисусе, который пришел с родителями в Иерусалим на Песах и задержался там в Храме: «Через три дня нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк, 2: 46–47).

Из дальнейшего рассказа Евангелия следует, что дело происходило на женском дворе Храма (в другой сектор Мария просто не смогла бы войти), но обе эти истории, как ни странно, отнюдь не свидетельствуют о том, что Иисус и Иосиф были по своим знаниям на равных с мудрецами.

Не исключено, что речь идет об известном способе разрешения зашедшего в тупик спора по той или иной галахической, то есть связанной с еврейским религиозным законодательством проблеме. Для того чтобы поставить в нем окончательную точку, обращались к мальчику двенадцати-тринадцати лет (то есть такому, который вот-вот достигнет совершеннолетия или только что прошел через его церемонию). Такой отрок в силу незамутненности духовного зрения выступал в качестве своего рода арбитра, и его решение о том, на чьей стороне правда, принималось обеими сторонами.

В чем, видимо, можно не сомневаться, так это в том, что в 14 лет Иосифа, как и любого подростка в его возрасте, мучили вопросы о смысле жизни, о том, в чем состоит Высшая Правда. А кроме того — опять-таки как многих подростков — мысли о неком своем великом предназначении; о том, что именно ему в силу своего происхождения, тяги к знаниям и благородства духа уготовлена особая роль в истории своего народа, а может быть, и всего мира. Не исключено, что он часто отождествлял себя в эти годы с библейским Иосифом — ненавидимым братьями, брошенным ими на поругание в яму, проданным в Египет и в итоге возвысившимся и спасшим всю семью. Эту ассоциацию он, видимо, пронесет через всю жизнь, и с годами она будет только усиливаться.

Общая атмосфера, царившая в Иудее того времени, и свойственная ему в общем-то на протяжении всей жизни религиозная экзальтация, только усиливали такие мысли и подталкивали юного коэна к напряженному духовному поиску.

* * *

Рассказ Иосифа о годах своей юности замечателен тем, что отразил в себе многие духовные и идейные поиски еврейской молодежи и — шире — всего еврейского общества I века н. э. В значительной степени наши знания об основных религиозно-идеологических течениях того времени базируются сегодня именно на сочинениях Иосифа Флавия, а все остальные исторические и теологические источники (включая Новый Завет) их лишь дополняют.

«Когда мне исполнилось 16 лет, — пишет Иосиф, — я решил изучить, чтобы как можно лучше узнать все имеющиеся у нас течения, которых, как я уже много раз говорил, по числу три. Первое — течение фарисеев, второе саддукеев и третье ессеев. Я думал, что после того, как изучу и узнаю все эти течения, смогу выбрать (для себя) лучшее из них. Потратив немало душевных и плотских усилий, я прошел через все три, но виделось мне тогда, что я все еще не достиг верного знания. И потому я стал учеником и последователем некого человека по имени Банус, который жил в пустыне, одежду себе находя на деревьях и питаясь плодами диких деревьев, и часто днем и ночью окунался в холодную воду, чтобы быть (все время) в состоянии (ритуальной) чистоты. Я провел у него три года, и когда удовлетворил свою жажду познания, вернулся в город. В девятнадцать лет я стал заниматься общественной деятельностью и присоединился к течению фарисеев, которое напоминает греческое течение стоиков» (ЖО,

2:10–12).

Невозможно не заметить очевидной противоречивости этого отрывка: если Иосиф три года провел у некого отшельника Бануса (Бана), а в девятнадцать лет уже занялся общественной деятельностью, то когда же он изучал остальные религиозно-политические течения своего времени, если приступил к их изучению в шестнадцать лет?

Большинство посвященных Флавию исследователей считают, что Банус был ессеем, но это, безусловно, не так или по меньшей мере не совсем так.

Ессеи как направление, или, точнее, секта внутри иудаизма, появились еще в период восстания Маккавеев и просуществовали до конца эпохи Второго Иерусалимского Храма, но никогда не были многочисленны. В основу их мировоззрения была положена идея удаления не только от светской, но и вообще от обычной жизни с целью духовного и нравственного усовершенствования, доводя понятие благочестие до крайности. Так как в обыденной жизни соблюдать законы о чистоте и взятые ими на себя обеты было невозможно, то они удалялись в пустынные места и жили крайне замкнутыми общинами. Причем общинами чисто мужскими — женщин они в свою среду не допускали. Занимались они преимущественно земледелием и пчеловодством, так как среди прочего отказывались от употребления в пищу мяса животных.

Читатель уже наверняка заметил в образе жизни ессеев прообраз христианского монашества, но, помимо этого, их можно вполне назвать и провозвестниками коммунистической идеи.

Одним из основных правил их жизни было: «Мое да будет твоим, твое да будет моим». Всю имевшуюся у них собственность ессеи вручали выборному казначею, закупавшему все необходимое для общины. Питались они, как уже было сказано, только плодами земли; ели два раза в день по одному блюду, так как считали, что пища нужна человеку лишь для того, чтобы служить Богу. Одежду они носили крайне скромную и до полного износа. Человек, по их мнению, должен был подавлять в себе страсти, находить успокоение в вере, изучении святых книг и размышлениях о возвышенном, чтобы реализовать главную цель жизни — стать сосудом для восприятия «руах а-кодеш» («святого духа»). Сами они называли себя «сынами Света», относя к «сынам Тьмы» все остальное человечество, включая соплеменников.

«Вступить в общину (ессеев. — *П. Л.*) было трудно. Желавшие это сделать проходили испытательный срок в течение двух лет. После истечения этого срока общее собрание выносило решение о принятии кандидата в общину. Новый член передавал общине „все знания, труд и имущество“ (в уставе общины прямо сказано, что принятие нового члена сопровождается смешением его имущества с имуществом общины)»[20], — пишет выдающийся советский историк религии И. С. Свенцицкая.

В восьмой главе второй книги «Иудейской войны» Иосиф Флавий чрезвычайно подробно описывает быт ессеев, их распорядок дня; рассказывает о том, что их общины были не только в пустыне, но и в различных городах и деревнях; о порядке их совместных трапез, постоянном ритуальном окунании с целью очищения (но не совершенно обнаженными), внутреннем коллективном суде, а также о готовности всегда прийти на помощь ближнему, даже незнакомым людям, но не своим близким родственникам. Отмечает он и то, что были ессейские общины, которые придерживались безбрачия, а были и те, которые считали, что рождение детей — величайшая заповедь, и ради ее исполнения вступали в брак, но на время беременности жен прекращали с ними интимные отношения; подчеркивает их долголетие — многие из них доживали до ста лет и даже больше.

Особый интерес у него вызывают воззрения ессеев на жизнь после смерти: «Они именно

твердо веруют, что хотя тело тленно и материя невечна, душа же всегда остается бессмертной; что, происходя из тончайшего эфира и вовлеченная какой-то природной пленительной силой в тело, душа находится в нем как бы в заключении, но, как только телесные узы спадают, она, как освобожденная от долгого рабства, весело уносится в вышину. Подобно эллинам, они учат, что добродетельным назначена жизнь по ту сторону океана — в местности, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя, а вечный, тихо приносящийся с океана нежный и приятный зефир. Злым же, напротив, они отводят мрачную и холодную пещеру, полную беспрестанных мук. Эта самая мысль, как мне кажется, высказывается также эллинами, которые своим богатырям, называемым ими героями и полубогами, предоставляют острова блаженных, а душам злых людей — место в преисподней, жилище людей безбожных, где предание знает даже по имени некоторых таких наказанных, как Сизиф и Тантал, Иксион и Титий. Бессмертие души, прежде всего, само по себе составляет у ессеев весьма важное учение, а затем они считают его средством для поощрения к добродетели и предостережения от порока. Они думают, что добрые, в надежде на славную посмертную жизнь, сделаются еще лучшими; злые же будут стараться обуздать себя из страха перед тем, что даже если их грехи останутся скрытыми при жизни, то, по уходе в другой мир, они должны будут терпеть вечные муки. Этим своим учением о душе ессеи неотразимым образом привлекают к себе всех, которые только раз вкусили их мудрость» (ИВ, 2:8:11).

И далее он говорит о том, что, видимо, для него было особенно важно и притягивало его к ессеям: «Встречаются между ними и такие, которые после долгого упражнения в священных книгах, разных обрядах очищения и изречениях пророков утверждают, что умеют предвещать будущее. И, действительно, редко до сих пор случалось, чтобы они ошибались в своих предсказаниях» (ИВ, 2:8:12).

Все эти подробности не оставляют сомнений: какое-то время Иосиф бен Маттитьягу все же жил среди ессеев и мог пристально наблюдать за ними. Возможно, это продолжалось несколько месяцев, а затем он понял, что такая жизнь не для него, но с зорким взглядом писателю этого хватило, чтобы многое заметить и запомнить — на память он никогда не жаловался.

Что же касается отшельника Бануса, с которым Иосиф, по его словам, провел три года (что весьма удивительно для его явно несклонной к аскетизму натуре), то он не мог быть ессеем, поскольку отвергал жизнь в общине. Банус явно разделял некоторые взгляды ессеев на то, как следует жить, но, возможно, сам считал себя пророком и посланником Божьим и создал некое собственное учение — подобных людей в то время в Иудейской пустыне было немало.

Что же целых три года могло удерживать избалованного, привыкшего к сытой и комфортной городской жизни юношу возле этого пустынника? Зная последующую историю жизни Иосифа, мы можем с большой степенью вероятности предположить, что Банус использовал некие мистические практики для того, чтобы притянуть на себя дух пророчества, и Иосиф хотел овладеть ими. Во всяком случае, он явно тяготел к мистике, хотя и старался этого не афишировать даже среди евреев, не говоря уже о явно тяготеющих к рационализму римских аристократах. Но в то же время он, видимо, поверил в то, что перенял это умение у Бануса и, приведя тело и дух в определенное состояние, также способен прозревать будущее.

Вернувшись домой, Иосиф, судя по всему, на какое-то время сблизился с партией саддукеев (цдуким). Основоположником ее по традиции считается первосвященник Цадок, которого Талмуд называет недоучившимся учеником мудреца Антигноса из Сохо (III век до н. э.). Саддукеи отрицали Устную Тору, полагая, что необходимо следовать только Священному Писанию. Одновременно они отвергали идею посмертного воздаяния и считали, что душа умирает вместе с телом. Флавий, уподобляя фарисеев стоикам, сравнивает саддукеев с

эпикурейцами.

Стоя одновременно на страже Закона (чтобы все было, «как написано») и отвергая любые нововведения, саддукеи видели в греческом и римском владычестве проявление Божьей воли, а потому охотно шли на сотрудничество сначала с Селевкидами, а затем и с римлянами. Почти все они принадлежали к зажиточным слоям общества.

Два последних обстоятельства обусловили то, что римские наместники предпочитали видеть на посту первосвященника именно представителя саддукеев и всячески поддерживали последних. Таким образом, принадлежать к саддукеям было попросту выгодно, и многие поддались этому соблазну. Не миновал он, по-видимому, на какое-то время и юного Иосифа, решившего попробовать свои силы на общественно-политическом поприще.

В той же главе «Иудейской войны» он дает саддукеям следующую характеристику: «Саддукеи — вторая секта — совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону. Точно так же они отрицают бессмертие души и всякое загробное воздаяние. Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собой суровее и грубее; даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими» (ИВ, 2:8:14).

В итоге Иосиф, по его собственному признанию, решил примкнуть к фарисеям (порушим). Автор прекрасно понимает, какие ассоциации вызывает это слово у русскоязычного читателя и вообще у христиан.

Толковый словарь Ожегова в качестве синонимов слова «фарисей» дает такие слова, как «ханжа» и «лицемер», и в этом значении они пришли в русский язык из Нового Завета. Но в Евангелии от Матфея Иисус, с одной стороны, говорит: «берегитесь закваски фарисейской и садуккейской» (Мф. 16:6), — а с другой призывает: «Итак всё, что они („книжники и фарисеи“. — *П. Л.*) велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» (Мф, 23:3), то есть требует неукоснительного соблюдения заповедей Торы именно в понимании их фарисеями, из чего следует, что и сам он по большому счету принадлежал к этому течению.

А апостол Павел с гордостью провозглашал в Синедрионе: «Мужи братия! я фарисей, сын фарисея…» (Деян. 23:6).

Кстати, в Талмуде также содержится жесткая критика тех фарисеев, которые на словах провозглашают одно, а делают другое, так что герои Нового Завета в своей критике не одиноки — она была очень распространена в то время, будучи неотъемлемой частью нападок на образ жизни элиты (что было и, к счастью, будет во все времена).

В сущности, современный иудаизм — это иудаизм именно «фарисейского» толка, основанный на убеждении, что Тора содержит в себе ответы на все вопросы, которые ставит перед евреем жизнь; что судьба каждого еврея и всего еврейского народа зависит от того, насколько ревностно евреи соблюдают заповеди Торы. Одновременно фарисеи настаивали на следовании как Письменной Торе, так и устному преданию, а также расширенному толкованию текста Священного Писания, с тем чтобы оно отвечало требованиям сегодняшнего дня.

«Из двух первенствующих сект фарисеи слывут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят всё в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками,

но что и в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются после их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки…» (ИВ, 2:8:14). Это, кстати, одно из важных свидетельств Иосифа, доказывающее, что уже в ту эпоху еврейские мудрецы верили в «гильгуль нешамот» — переселение душ.

Разница в политических взглядах между саддукеями и фарисеями заключалась в том, что последние отвергали какое-либо сближение с греками и римлянами и считали, что любое, даже самое косвенное участие еврея в их праздниках означает его впадение в язычество.

Исследователей среди прочего занимает вопрос, к какой из двух партий принадлежал Маттитьягу, отец Иосифа. Точных указаний самого Флавия по этому поводу нет, но вероятнее всего, он был фарисеем — особенно учитывая его дружбу с одним из лидеров этой партии р. Иехошуа бен Гамлой. Однако в силу своего происхождения он мог поначалу принадлежать и к саддукеям и изменить взгляды с течением времени.

Сам факт, что родители позволили Иосифу искать себя в самых разных течениях, говорит о толерантности еврейского общества того времени — вопреки распространенному мнению, между теми же саддукеями и фарисеями было ожесточенное политическое соперничество, но не было смертельной вражды. По ряду вопросов их мнения совпадали, и они могли даже сотрудничать, а молодежь вообще могла время от времени переходить из одного лагеря в другой в соответствии с изменениями в своем мировоззрении. Однако по мере роста антиримских настроений во всех слоях населения эти разногласия становились всё более и более непримиримыми, а к тому моменту, когда Иосиф вступил из юности в молодость, изменились настолько, что перешли в откровенную вражду.

Вместе с тем — видимо, уже после того, как он решил попробовать себя на политическом и военном поприще, — Флавий понял, что на самом деле в еврейском обществе существуют не три, а четыре идейных течения. Причем, при всей малочисленности четвертого, его никак нельзя сбрасывать со счетов.

Вот как он пишет об этом в тех же «Иудейских древностях»: «Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкою своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры; напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян» (ИД, 2, XVII, 1:6).

Под этой «четвертой философской школой» Флавий имеет в виду зелотов и сикариев: они и в самом деле были основной движущей силой антиримского восстания, итогом которого стало разрушение Иерусалима и Храма.

Иегуда Галилеянин, о котором он говорит, был сыном казненного Иродом Великим мятежника Хизкии. После смерти Ирода он поднял мятеж против очередной переписи населения, организованной римским прокуратором Квиринием. Мятежникам удалось захватить арсенал в цветущем, хорошо укрепленном городе Сепфорисе (Ципори), и полученное таким путем оружие еще больше разожгло пламя восстания. В итоге оно было в буквальном смысле слова потоплено в крови, а сам Иегуда убит.

Однако его затаившиеся в горах Галилеи последователи сохранили не только память о своем лидере, но верность его идеям, центральная из которых заключалась в том, что евреи должны служить только Богу, только Его называть Господином. Любая чужеземная власть является враждебной, а потому не только римляне, но и те евреи, которые с ними каким-либо образом сотрудничают, должны быть уничтожены. Только после уничтожения ненавистного режима Господь явит Своему народу Мессию, который и установит на Земле новый миропорядок, в котором все человечество будет избавлено от мук и страданий, а евреи займут полагающееся им место «народа священников и святых».

Смерть не страшила последователей этой философии — ведь, как и фарисеи, они верили в то, что мученически погибших за веру и освятивших своей смертью имя Творца ждет «олам а-ба» — «будущий мир», хотя что он собой представляет, понимали очень размыто. Как бы то ни было, они шли на смерть легко и радостно.

Традиция предпочтения убийства своих близких и последующего самоубийства сдаче в плен и попаданию в рабство, начавшаяся еще во время подавления волнений в Галилее Иродом, получила в их среде очень широкое распространение. Сами они себя называли «канаим», что на иврите означает «ревнители» и переводится на греческий как «зелоты».

Осознавая, что разжечь пламя нового народного восстания не так просто, последователи Иегуды Галилеянина, возглавляемые его сыновьями Яаковом, Симоном (Шимоном) и Менахемом, решили перейти от проповеди своих идей к террору. Зачастую их действия сводились к откровенному разбою — ограблению богатых язычников и евреев, поджогам зданий, в которых находились те или иные римские учреждения и т. д., а затем и к убийствам.

После этого за ними закрепилось название «сикарии» — от латинского «sica» — «кинжал». Как сообщает Иосиф Флавий, их излюбленным приемом было явиться в Иерусалим под видом мирных паломников, спрятав кинжал под одеждой, затесаться в толпу, а затем нанести смертельный удар выбранной жертве — как правило, еврею, замеченному в дружбе или сотрудничестве с римлянами. Многие историки считают, что именно сикарии являются основоположниками политического терроризма. В некоторых вопросах зелоты смыкались с ессеями, и некоторые исследователи даже считают, что они были не более чем самым радикальным крылом ессеев. В «Иудейской войне» Иосиф называет сикариев не иначе как «шайкой разбойников», и, видимо, он был далеко не одинок в этой оценке.

Читатель уже наверняка обратил внимание, что среди сколько-нибудь значимых течений религиозной, общественной и политической мысли Иосиф Флавий не упомянул христиан. В его время они, безусловно, существовали, но были, видимо, крайне малочисленны и непопулярны.

Остается главный вопрос: в чем, собственно говоря, состояли убеждения самого Иосифа Флавия? Видимо, Лион Фейхтвангер в «Иудейской войне» прав, когда описывает его душевные и идейные метания. Будучи критически мыслящим и одновременно очень эмоциональным молодым человеком, Иосиф просто по определению не мог стать фанатическим приверженцем какой-то одной точки зрения.

В вопросах понимания Священного Писания он, безусловно, был на стороне фарисеев и так же, как и они, был убежден в однозначном духовном и интеллектуальном превосходстве еврейской монотеистической культуры над языческой — и он докажет верность этим взглядам в своем гениальном трактате «Против Апиона». Вместе с тем он втайне разделял и позицию саддукеев о том, что власть Рима — не самое большое зло; в ней есть свои преимущества, и надо их использовать, а не идти на какие-то самоубийственные военные и политические шаги — и потому он решительно осуждал тех же сикариев и не хотел иметь с ними ничего общего

Однако стоило римлянам совершить очередную провокацию против евреев и их веры, посягнуть на Храм, насильно начинать насаждать язычество и устраивать жестокие расправы по отношению к тем же зелотам — и в нем начинало преобладать национальное чувство. Его симпатии вмиг разворачивались в сторону ревнителей-зелотов, и их чаяния становились и его чаяниями.

Но как бы ни складывались обстоятельства в тот или иной момент его жизни, он продолжал верить в то, что Всевышний предназначил его для некой великой миссии. Придет час — и он должен будет исполнить это предназначение, с тем чтобы его имя навек сохранилось в народной памяти.

Глава 3. Бурная юность

Следует заметить, что обращение молодого Иосифа бен Маттитьягу к общественно-политической деятельности было, безусловно, закономерным — к этому поприщу, видимо, изначально готовили его родители и стремился он сам.

Как мы уже говорили, дом Маттитьягу-коэна был открыт для гостей, среди которых были первосвященник и рядовые священнослужители, и члены Синедриона, и просто знатоки Писания, и можно не сомневаться, что большинство разговоров этих уважаемых мужей включало в себя и обсуждение политических новостей, а также яростные споры о том, как влиять на настроение народных масс и куда вести нацию дальше.

Так как, в отличие от римлян, у евреев детям всегда разрешалось присутствовать на общих трапезах и при разговорах взрослых, то Иосиф с детства был свидетелем таких споров, пересудов, а также и неминуемо возникающих во время таких застольных бесед воспоминаний о давнем и недавнем прошлом.

И его отец, и многие родственники и друзья семьи Маттитьягу еще хорошо помнили последние годы правления Ирода Великого. Помнили со всеми его ужасными злодеяниями, но и с грандиозным строительным пылом, а также финансовыми и политическими шагами, значительно улучшившими положение евреев, живущих как на родине, так и в других областях Римской империи.

С высоты всего в несколько десятилетий они даже начали слегка идеализировать страшные годы. Да, при Ироде надо было уметь держать язык за зубами. Да, существовала большая вероятность быть схваченным на улице, а потом навсегда исчезнуть в подземельях царского дворца (причем чем выше было твое общественное положение, тем выше была такая вероятность!). Но ведь с другой стороны, при Ироде все же был порядок; власть римлян ощущалась не так явственно, а в дни голода он находил средства для закупки зерна и раздачи его народу. А вот после его смерти все покатилось под откос. Наследники царя показали полную несостоятельность: постоянно ездили в Рим разбираться друг с другом, что вызывало понятное недовольство народа. А как следствие этого, и в Иудее, и в Галилее, и в Самарии началась смута, которая, по сути дела, с тех пор и не прекращалась — короткие времена затишья сменяются новыми бунтами.

Тогда, в 3756 году по еврейскому календарю (4 год до н. э.) римский наместник Сирии Вар направил в Иерусалим третью часть всей имеющейся у него армии, которая присоединилась к уже находившимся там римским солдатам. Когда квестор Сирии (то есть управляющий финансами провинции) Сабин потребовал выдать ему сокровищницу Ирода, это вызвало взрыв народного негодования. А тут еще приближался Шавуот[21], праздник дарования Торы, и тысячи паломников устремились в Иерусалим. Эта огромная толпа в какой-то момент

окружила римлян, и те оказались в осаде.

Сабин в ответ дал указание легионерам прорываться в сторону Храма, и исход этого боя профессиональных бойцов с не имеющим никакого военного опыта простонародьем был предрешен. Чтобы сдержать наступление римлян, евреи поднялись на построенную Иродом ведущую к Храму изумительной красоты галерею и начали оттуда стрелять в противников из лука. Римляне в ответ подожгли галерею, и часть из тех, кто там стоял, сгорела заживо, часть предпочла покончить жизнь самоубийством, вонзив меч в живот; а те, кто спрыгнул вниз, разбились или были заколоты римлянами.

Тем не менее Сабин после этих событий отступил, а мятеж охватил все области Святой Земли. Именно тогда Иегуда Галилеянин, сын казненного Иродом без суда Хизкии, и собрал вокруг себя множество недовольных как римлянами, так и любой властью вообще, захватил оружейные склады в Сепфорисе и поднял знамя восстания.

На самом деле очагов восстания было множество, поскольку почти каждый, в ком были хоть какие-то лидерские качества, спешил в том году провозгласить себя вождем, а то и царем, но нередко вся их борьба сводилась к нападению на небольшие отряды римлян и к грабежам.

Вар в итоге затушил все эти очаги мятежа, распяв больше двух тысяч его участников. Наследники Ирода превратились в правителей небольших областей, власть Рима стала всеобъемлющей, и в 6 году в Иудею прибыл первый прокуратор (то есть, по сути дела, управляющий областью, подчинявшийся наместнику-губернатору Сирии) Колоний. Вскоре после его вступления на этот пост Иегуда Галилеянин поднял новое восстание, в ходе которого был убит.

За Колонием на посту прокураторов Иудеи последовали Амбвиний, Анней Руф, Граций и Понтий Пилат. Последний особенно прославился своей жестокостью и вероломством. Именно за явное превышение власти Пилат был отправлен в 36 году на суд императора в Рим, признан виновным, сослан в Галлию, где и покончил жизнь самоубийством.

Иосиф родился вскоре после отставки Пилата, и его детство проходило на фоне царствования Агриппы Первого, получившего, как уже рассказывалось, от Калигулы Батанею и Трахонею, к которым впоследствии тот прибавил еще и Галилею и Перею — земли изгнанного в 39 году другого дяди Ирода, Антипы. Его влияние в кулуарах римской власти оставалось огромным, и когда на престол взошел Клавдий (41–54), Агриппа выступил в качестве посредника между сенатом и новым императором, чем помог тому удержаться на троне. В благодарность Клавдий сделал его еще и царем Иудеи и Самарии, и таким образом его царство оказалось даже больше, чем царство его великого и безумного деда.

Должность прокуратора при Агриппе была упразднена, а новый царь на деле доказал, что в нем течет не только кровь идумея Ирода, но и кровь Хасмонеев, проявив себя как мудрый, рачительный и в то же время преданный своему народу правитель. Как уже было сказано выше, Иосиф рассказывает и в «Иудейской войне», и в «Иудейских древностях» о периоде правления Агриппы Первого с такими подробностями, что почти не остается сомнений, что он мальчиком лично слышал рассказы взрослых о новом царе и его деятельности.

Агриппа Первый, видимо, понимал, что рано или поздно широкомасштабная военная операция Рима против Иудеи неизбежна, и потому стал не только расширять и украшать Храм, но и укреплять Иерусалим, то есть, по сути, продолжил действовать в том же направлении, что Ирод Великий. Он начал возводить четвертую стену вокруг города, причем Иосиф, видевший процесс строительства собственными глазами, утверждает, что стена эта была такой крепкой,

«что, если бы она была окончена, римская осада не могла бы иметь никакого успеха» (ИВ, 2:11:6).

Но в том-то и дело, что это поняли и в Риме, откуда последовал грозный оклик прекратить строительство. А в 44 году Агриппа Первый внезапно скончался на 54-м году жизни. То, что это произошло сразу после большого пира в Кейсарии, невольно наводит на подозрение, что его смерть стала следствием отравления — в Риме решили, что с начавшим себя вести крайне подозрительно царем Иудеи надо кончать.

Это подтверждает и то, что Клавдий не передал трон Агриппы Первого находившемуся в тот момент в Риме его сыну Марку Юлию Агриппе Второму, хотя тому было 17 лет — вполне зрелый по понятиям того времени возраст. Вместо этого юному царю, ставшему последним в династии Ирода, Клавдий пожаловал находившуюся в Сирии Халкиду, а затем, спустя годы, — владения его двоюродного деда Филиппа — Батанею, Трахонею и Гавлантиду, то есть области, располагавшиеся вокруг Кинерета (Тивериадского озера). Нерон после своего воцарения добавил к этому часть Галилеи, включая Тверию (Тивериаду), перейский город Юлиаду и прилегающие к нему 24 деревни.

В Иудее же в 46 году появился новоназначенный прокуратор Куспий Фад, которого вскоре сменил на этом посту тогда еще совсем молодой Тиберий Александр — человек, безусловно, неординарный.

Еврей по рождению, сын главы еврейской общины Александрии Александра Лисимаха и племянник великого греческо-еврейского философа Филона Александрийского, он еще в ранней юности отказался от монотеизма и стал всячески демонстрировать приверженность религии Рима. Вряд ли Тиберий Александр был убежденным язычником — скорее всего, обычным рационалистом и последователем философии Тита Лукреция Кара, отрицавшего все сверхъестественное. В язычество же он ударился исключительно с целью сделать блестящую военную и политическую карьеру в Риме и в итоге достиг поставленной цели — стал наместником императора в Египте. Будучи потомком Хасмонеев, Тиберий Александр приходился семье Иосифа дальним родственником.

В «Иудейской войне» Иосиф утверждает, что в период прокураторства Куспия Фада и Тиберия Александра «народ хранил спокойствие, так как те не посягали на туземные обычаи и нравы» (ИВ, 2:11:6), но это, мягко говоря, не совсем соответствует действительности — и герой этой книги, находившийся в то время в переходном возрасте, это, безусловно, знал.

Фад начал свою деятельность в Иудее с того, что возродил требование предыдущих прокураторов отдать ему на хранение облачение, в котором первосвященник совершал службу в Судный день, а с ним и право лично назначать и устранять первосвященников. Это унизительное требование вызвало волнения в Иерусалиме, которые быстро перекинулись на все остальные области. Предводительствуемые зелотами, последователями Иегуды Галилеянина, партизанские отряды начали нападать на римлян, а также на всех неевреев всюду, где только могли, и Куспию Фаду приходилось проводить одну карательную операцию за другой.

Одновременно именно в этот период в народе усилились мессианские чаяния. Появилось большое количество проповедников, возвещавших скорый приход Мессии и избавление от ненавистного владычества римлян. Имена некоторых из них сохранились исключительно в произведениях Иосифа Флавия. Из них же становится ясно, что бедняки были готовы поверить любому, кто обещал освобождение, и один проповедник сменялся другим. И Куспий Фад для поддержания порядка с завидным усердием преследовал всех этих лжемессий, лжепророков и

их последователей.

Недолгое правление Тиберия Александра, на которое вдобавок пришлись годы засухи и голода, также было отмечено постоянными волнениями. Будучи евреем по крови, он хорошо знал своих соплеменников и старался не задевать их религиозные чувства, но и он прибегал к кровавым расправам над мятежниками и в конце концов сумел схватить и распять двух предводителей зелотов — сыновей Иегуды Галилеянина Яакова и Симона (Шимона).

Иосифу исполнилось 13 лет, то есть он стал по еврейским понятиям совершеннолетним, когда в Иудею прибыл новый прокуратор — Вентидий Куман. В это время Иосиф уже приступил к изучению всех деталей храмовой службы, проводил на территории Храма немалую часть времени, что делало его не только очевидцем, но и участником многих событий.

В частности, он, вне сомнения, наблюдал вблизи за событиями, развернувшимися в дни праздника Песах 50 года, когда огромная толпа паломников хлынула в Храм, а римские солдаты по обыкновению заняли места на галерее, чтобы пресечь любое волнение прежде, чем оно успеет начаться. И тут один из солдат повернулся спиной к паломникам, обнажил зад и громко выпустил ветры, выразив тем самым свое отношение к евреям и их празднику.

Эта грязная «шутка» и стала той самой спичкой, которая была брошена в канистру бензина, — и без того униженная римским конвоем, начиненная ненавистью толпа стала громко требовать наказания осквернившего чувства верующих солдата, а молодежь начала забрасывать легионеров камнями — этим вечным и всегда находящимся под рукой оружием Ближнего Востока. Куман в ответ вызвал подкрепление. При появлении тяжелых пехотинцев, которые в любой момент могли пойти в наступление и начать резню, среди паломников началась паника, и они бросились прочь от Храма. В начавшейся давке, как утверждает Иосиф в «Иудейской войне», очевидно наблюдавший эту сцену с храмовой стены, погибло 10 тысяч (а согласно «Иудейским древностям», 20 тысяч) человек. «Так праздник превратился для всего народа в день плача, и каждый дом наполнился воплями и рыданиями» (ИВ, 2:12:1).

Вскоре после этого возле расположенной к северу от Иерусалима деревни Ветхорон (Бейт-Хорон) банда еврейских разбойников ограбила приехавшего в страну с личным поручением от императора некого Стефана. Куман не нашел ничего лучшего, кроме как провести в ответ карательную акцию во всех окрестных деревнях за то, что их жители не преследовали и не задержали разбойников. Любопытно, что евреи не оказывали особого сопротивления, когда римляне грабили их дома, а их самих целыми семьями объявляли пленными и обращали в рабство. Но — только до того момента, пока один из солдат не разорвал и бросил в огонь свиток Торы. Столь чудовищного святотатства евреи простить не могли, и страна снова забурлила.

В Кейсарию, где находилась резиденция Кумана, устремилась огромная толпа, требовавшая смертной казни солдата, так откровенно надругавшегося над Священным Писанием, а значит и над самим Богом. Куман понял, что ситуация становится слишком взрывоопасной, и приговорил святотатца к смерти. Причем на казнь солдата вели через толпу его обвинителей.

После этого страсти успокоились, но ненадолго. Толчок к новому кровопролитию дало столкновение между евреями и самаритянами, в ходе которых обе стороны пролили немало крови. В итоге представительные делегации и тех и других направились в Рим искать правды и обвиняя противоположную сторону в начале конфликта. Они не учли, что для римлян главное — обеспечить порядок, и ради этого они начали распинать и рубить головы как евреев, так и самаритян.

Куман был вызван в Рим, и туда же, на суд императора, были отправлены защищавшие интересы своих народов лидеры евреев и самаритян. Первых представляли первосвященники Ионафан (Йонатан) и Анания (Ханания), а также сын Ханании Анан (Ханан). В Риме обе стороны попытались найти покровителей, которые могли бы замолвить за них словечко перед императором. Евреи прибегли к помощи Агриппы Второго, который горячо защищал своих соплеменников.

Кончилось дело тем, что самаритяне были признаны виновными и трое самых знатных членов их делегации были казнены, Куман был признан не справившимся с возложенной на него миссией и отправлен в ссылку, а трибуна Целлера, допустившего бесчинства своих солдат, император велел вернуть в Иерусалим, с тем чтобы его пытали, проволокли по городу и затем отрубили голову.

* * *

Тогда же, в 52 году, в то самое время, когда Иосиф начал «искать себя» и направился сначала к ессеям, а затем в пустыню отшельничать вместе с Банусом, в Иудею прибыл новый прокуратор — Феликс, родной брат влиятельного фаворита Клавдия вольноотпущенника Паласа, который, по сути дела, и управлял в те годы и самим императором, и империей.

Чтобы понять, что представлял собой Феликс и что думали о нем его сограждане, лучше всего обратиться к «Анналам» великого Тацита. «Но брат Паласа Феликс, — сообщает Тацит, — состоявший много лет прокуратором в Иудее, превосходил его в жадности; могущество, которое его прикрывало, внушало ему уверенность, что всякие его преступления пройдут безнаказанно. Он действовал смело и произвольно, с гордостью царя и низостью раба»[22].

Из этих слов становится понятно, что Феликс откровенно грабил Иудею и крайне нетерпимо относился к любым попыткам помешать его произволу. Как следствие, население нищало, еще больше озлоблялось на власть Рима, откровенно симпатизировало зелотам, а окончательно обнищавшие крестьяне подавались в разбойники и грабили на дорогах путников, оправдывая свои действия идейными соображениями.

Прокуратором Феликс, по мнению историков, стал при содействии представшего перед императором по тяжбе между евреями и самаритянами первосвященника Ионатана. Последний надеялся, что в благодарность за протекцию Феликс будет на посту прокурора учитывать мнение еврейской верхушки, но, разумеется, жестоко просчитался. С одной стороны, за свою поддержку Феликса Ионатан стал ненавистен для зелотов и сикариев, решивших сделать его следующей целью, а с другой — Феликс был разъярен непрестанными призывами Ионатана не быть столь жестоким к народу.

Сам Иосиф в «Иудейских древностях» характеризует правление Феликса следующим образом: «Между тем дела Иудеи приходили со дня на день все в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликс ежедневно ловил и казнил как тех, так и других… Особенную неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионатану за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, которого император по просьбе Ионатана же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя ненависти народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под которым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионатана, потому что постоянные увещевания тяжелы тем, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму подкупил одного из преданнейших друзей Ионатана, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионатану наемных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при

помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионатану, обступили его и покончили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народною толпою и убивали тут как своих личных врагов, так и тех, против которых их нанимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и детьми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях…» (ИД, 20:8:5).

Как видим, Феликс, с одной стороны, безжалостно боролся с сикариями, с другой — при необходимости с ними сотрудничал, превращая часть из них из борцов за идею в обыкновенных наемных убийц.

В это же время в стране снова усилились мессианские настроения, вновь появилось множество самозваных пророков и лжемессий — тех самых, которых Иосиф называет проходимцами и обманщиками, явно считая их «пророчества» опасным для народа бредом. Нередко такие самозванцы собирали толпы поклонников, которые в предвкушении чуда следовали за ними в пустыню, на берега Иордана и вообще куда угодно. И так же, как Фаст, Феликс жестоко пресекал их деятельность.

«Около того же времени, — рассказывает Иосиф в „Иудейских древностях“, — в Иерусалим явился некий египтянин (еврей из Египта. — *П. Л.*), выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил четыреста человек, а двести захватил живьем. Между тем египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они грабили и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним» (ИД, 2:20:8).

Одним из главных злодеяний Феликса стала резня евреев в Кейсарии — городе со смешанным населением, где между евреями и местными «греками» шла ожесточенная борьба за власть и право жить по своим обычаям. Евреи при этом напирали на то, что Кейсария была построена еврейским царем Иродом и, следовательно, верховодить в ней должны они. Греки резонно возражали, что город изначально строился как нееврейский, с языческими храмами, ипподромом, статуями богов и императоров на улице и всем прочим, и поначалу в городе не жило ни одного еврея. А значит подлинные хозяева города — греки и они будут жить так, как считают нужным, не заботясь о чувствах евреев.

Дело дошло до столкновений, и когда евреи отказались внять призыву Феликса успокоиться, тот бросил на них солдат, которые начали настоящую резню в еврейских кварталах, а также безнаказанно занялись грабежом богатых еврейских домов.

К периоду правления Феликса и относится начало того, что Иосиф называет своей «общественной деятельностью». Мы можем только догадываться, в чем именно она состояла.

Как раз в дни Феликса Агриппа Второй назначил первосвященником Измаила бен Фаба, что породило распри внутри сословия коэнов, и те вовлекли в них и других горожан. Если верить «Иудейским древностям», дело дошло до того, что первосвященник и его окружение собирали у народа и присваивали себе десятину, предназначенную для простых коэнов, в результате чего последние остались без источника пропитания и несколько самых бедных коэнов умерли от голода.

Две враждующие партии постоянно жаловались друг на друга прокуратору и вербовали себе приверженцев, устраивавших на улицах словесные стычки, переходившие в настоящие бои. Вероятнее всего, Иосиф также участвовал в этой борьбе на стороне простых коэнов и, возможно, даже был одним из тех самых «вербовщиков приверженцев» — чем не общественная деятельность? Если это так, то он неминуемо должен был снискать определенную популярность у сторонников одной из партий, а в случае ее победы и получить с этого какие-то дивиденды — скажем, в виде престижной должности при Храме. И что уж совершенно точно, за ним должна была закрепиться репутация «молодого человека, подающего большие надежды».

Лишь в 60 году император Нерон, вступивший на престол в 54 году (и бывший, кстати, ровесником Иосифа) отозвал наконец Феликса с поста прокуратора и назначил на его место Порция Феста.

Фест развернул в Иудее жесточайшую борьбу с разбойниками и террористами-сикариями, чем объясняется противоречивое отношение к нему историков — если одни считают, что это была правильная и необходимая политика, призванная навести порядок в стране и избавить население от страха, то другие осуждают Феста за чрезмерную жестокость.

В период его правления в Иерусалиме произошел еще один значимый эпизод.

Начался он с того, что Агриппа Второй воздвиг при старом дворце Хасмонеев новое, возвышавшееся над городом здание, с которого открывался среди прочего и вид на Храм, так что, лежа на кушетке в своей трапезном зале, царь мог наблюдать с балкона за тем, как совершаются самые сакральные храмовые службы, что строжайше запрещено Законом, — никто не имел права смотреть на коэнов во время их служения. Когда священники заметили, что Агриппа наблюдает за ними, они пришли в ярость и воздвигли у галереи со стороны Западной стены Храма[23] высокую стену, которая закрывала вид на Храм не только царю, но и стоявшим на галерее римским караульным.

Агриппа и Фест в равной степени были в бешенстве от этого поступка, однако требование прокуратора снести стену встретило категорический отказ и народное возмущение. Решив не будить лиха, Фест согласился на то, чтобы дело о стене было рассмотрено самим императором, и в Рим отправилась представительная делегация из двенадцати коэнов и фарисеев, возглавляемая первосвященником Измаилом и казначеем Храма Хелкией. Они добились аудиенции у жены Нерона Поппеи, известной своими симпатиями к евреям, а Поппея соответствующим образом повлияла на мужа, и тот повелел оставить стену, загораживающую вид на Храм, нетронутой. После этого члены делегации засобирались в обратный путь, но тут по указанию той же Поппеи Измаилу и Хелкие было велено остаться — потому что симпатии симпатиями, а необходимости присматривать за Иудеей и иметь на всякий случай ее видных жителей в качестве заложников никто не отменял.

В 62 году Фест скоропостижно скончался, и Нерон послал в качестве прокуратора Лукцея Альбина, грабившего население Иудеи с еще большей алчностью, чем Антоний Феликс. Вместо того чтобы бороться с незаконным притеснением народа и с грабителями, он вошел с ними в

долю и стал всячески покрывать их, вследствие чего в стране пышным цветом расцвели преступность и беззаконие.

«Не было того злодейства, которого он бы не совершил, — пишет Иосиф Флавий об Альбине. — Мало того, что он похищал общественные кассы, массу частных лиц лишил состояния и весь народ отягощал непосильными налогами, но он за выкуп возвращал свободу преступникам, схваченным или их непосредственным начальством или предшествовавшими правителями и содержащимся в заключении как разбойники. Только тот, который не мог платить, оставался в тюрьме. При нем опять в Иерусалиме подняли голову сторонники переворота. Богатые посредством подкупа заручились содействием Альбина настолько, что они, не встречая препятствий с его стороны, могли безбоязненно возбуждать мятеж; и та часть народа, которой не нравилось спокойствие, примкнула к тем, которые действовали заодно с Альбином. Каждый из этих злодеев окружал себя своей собственной кликой, а над всеми, точно разбойничий атаман или тиран, царил Альбин, использовавший своих сообщников на ограбление благонамеренных граждан. Дошло до того, что ограбленные, вместо того чтобы громко вопиять, как естественно должно было быть в таких случаях, вынуждены были молчать; те же, которые еще не пострадали, из боязни перед подобными насилиями даже льстили тем, которые должны были бы подлежать заслуженной каре. Вообще никто не смел произнести свободное слово — люди имели над собой не одного, а целую орду тиранов» (ИВ, 2:14:1).

В то же время Альбин пытался бороться со все усиливающимся террором сикариев, многих из которых он казнил или бросил в тюрьму. В ответ сикарии захватили в заложники сына первосвященника Ханана Эльазара, бывшего письмоводителем при Храме, и потребовали в обмен на его освобождение выпустить из тюрьмы 10 их товарищей. Ханан, бывший ставленником Альбина, бросился в ноги прокуратору, умоляя спасти сына и выполнить условие.

И Альбин поддался на эти уговоры, допустив ошибку, которую потом будут допускать многие политики, — после этого сикарии стали захватывать в заложники одного представителя знати за другим, чтобы обменять их на заключенных товарищей. Ситуация эта потом будет раз за разом повторяться на протяжении столетий, вновь и вновь доказывая, что уроки истории никогда никого ничему не учат[24].

В 64 году, узнав, что ему на смену едет Гессий Флор, Альбин казнил часть сидевших в тюрьмах арестантов, а часть в обмен на солидную мзду выпустил на волю. В результате тюрьмы опустели, но страна наполнилась уголовниками.

Но в том же 64 году или даже чуть ранее Иосиф в составе небольшой делегации отправился в Рим для выполнения некой крайне важной миссии, которая должна была в случае успешного завершения стать новым этапом его общественной карьеры.

Глава 4. Все пути ведут в Рим

«Когда же мне исполнилось двадцать шесть лет, дела повернулись так, что пришлось мне отправиться в Рим. Причиной тому было следующее: когда Феликс надзирал за Иудеей, он арестовал несколько священников из Иудеи, людей уважаемых и прямых по незначительному и легковесному обвинению, и отослал их в Рим дать ответ за это перед императором. Моим (горячим) желанием было помочь им в освобождении, особенно после того, как я услышал, что, даже оказавшись в столь бедственном положении, они не оставили пути Господни и питались исключительно инжиром и орехами» (ЖО, 3), — сообщает Иосиф в «Жизнеописании».

Что ж, на первый взгляд в этом нет ничего необычного. Евреи того времени часто отправляли

делегации в Рим «добиваться правды» у императора, и как еврейские, так и римские хроники полны таких историй. Однако все они рассказывают о том, что подобная миссия возлагалась на самых уважаемых и славящихся своей мудростью и дипломатическими способностями людей — как правило, почтенных старцев.

Неужели 26-летний Иосиф считался достойным кандидатом для столь почетной миссии? Какими заслугами он для этого обладал? Какими способностями выделялся, чтобы получить подобное поручение от Синедриона? (А без этого, по собственной инициативе, он бы вряд ли пустился в путь.)

И снова у нас нет на это однозначного ответа, так как сам Иосиф об этом ничего не говорит. Остается только предполагать, что в период своей «общественной деятельности» он и в самом деле обратил на себя внимание членов Синедриона. Но решающее значение в его направлении в Рим сыграли два фактора. Во-первых, то, что к тому времени он достаточно свободно владел койне и читал на нем (то есть у него не было проблем в общении с греками и римлянами), а во-вторых, обширные связи его отца. Прежде всего, разумеется, личная дружба Маттитьягу с р. Иехошуа из Гамлы, который тогда как раз стал первосвященником и до конца своей жизни явно покровительствовал Иосифу.

Не говорит он и о том, за какую именно незначительную провинность несколько почтенных коэнов были брошены в тюрьму, и нам опять-таки остается об этом только догадываться.

В «Иудейской войне» Иосиф сообщает, что в период Феликса вся Иудея была «полна насилия». Но вот о том, что Феликс арестовал и отправил в Рим кого-то из еврейских лидеров, сообщает лишь раз — в связи со столкновениями между эллинами и евреями в Кейсарии, закончившимися тем, что Феликс, по сути, разрешил своим солдатам устроить в городе еврейский погром: «Когда однажды иудеи одержали победу, на площадь явился Феликс и с угрозами приказал им отступить; когда же те не повиновались, он напустил на них солдат, которые убили многих и разграбили их имущество. Когда же после этого борьба все-таки не прекратилась, Феликс отобрал по несколько влиятельнейших лиц с обеих сторон и отправил их в качестве послов к Нерону для того, чтобы они лично перед императором оспаривали свои права» (ИВ, 2:13:7).

Но при этом ни слова не сказано, что эти влиятельнейшие лица были священниками, так что был ли послан Иосиф освобождать участников этих событий (среди которых могли быть и коэны) или каких-то других, остается загадкой.

Эта неопределенность и побудила Лиона Фейхтвангера в его известном романе «Иудейская война» по-своему смоделировать ситуацию, причем так, чтобы она выглядела достаточно двусмысленной. По его версии, Иосиф бен Маттитьягу сам был инициатором собственной миссии, и ему пришлось потрудиться, чтобы убедить Синедрион в ее необходимости и, что называется, выбить под нее финансирование.

«Иосиф еще раз страстно, и все же трезво взвешивает свои шансы, — пишет Фейхтвангер. — Ему двадцать шесть лет, у него все данные для блестящей карьеры: аристократическое происхождение, разностороннее образование, политический талант, бешеное честолюбие. Нет, он не желает киснуть в Иерусалиме, он благодарен отцу за то, что тот в него верит и добился его отправки в Рим.

Правда, успех его миссии весьма сомнителен. С юридической точки зрения. Иерусалимский Великий совет не имел ни оснований, ни правомочий посылать по данному делу в Рим особого представителя. И Иосифу пришлось откапывать аргументы во всех закоулках своего мозга,

чтобы эти господа в Иерусалиме наконец сдались.

Итак, три члена Великого совета, которых губернатор Антоний Феликс вот уже два года назад отправил в Рим в императорский трибунал как бесспорных бунтовщиков, несправедливо приговорены к принудительным работам. Правда, эти трое господ находились в Кейсарии, когда иудеи во время предвыборных беспорядков сорвали императорские значки с дома губернатора и переломали их; но сами они в мятеже не участвовали. Выбрать как раз этих трех высокопоставленных старцев, людей совершенно неповинных, было со стороны губернатора произволом, возмутительным злоупотреблением властью, оскорблением всего еврейского народа. Иосиф видел в этом тот долгожданный случай, который дает ему возможность выдвинуться. Он собрал новые доказательства невиновности трех старцев и надеялся добиться при дворе или их полной реабилитации, или хотя бы смягчения их участи»[25].

В том, что почтенные старцы питались в заточении исключительно инжиром и орехами и не брали в рот никакой запрещенной евреям Торой пищи, как раз ничего удивительного и, как ни странно это не прозвучит, даже особо героического нет: именно так вели себя евреи на протяжении многих поколений. Об этом рассказывается в библейской «Книге Даниила», во многих хрониках, а также свидетельствуют примеры такого поведения религиозных евреев и в ГУЛАГе, и в советских тюрьмах, и в немецких концлагерях.

Поездка в Рим из Иудеи считалась в то время почти рутиной: огромные торговые и пассажирские корабли по несколько раз в неделю выходили из Кейсарии в столицу империи, останавливались для пополнения воды и пищи сначала на Крите, а затем в Греции и уже оттуда следовали в Италию, обычно до современного Неаполя. Иосиф сообщает, что отправился в Рим на корабле, вмещавшем в себя 600 пассажиров. Это число кажется слишком большим, но такие суда в то время уже были. А дальше следует рассказ о том, что этот корабль потерпел кораблекрушение в Адриатическом море и Иосиф вместе с другими выжившими плыл в море всю ночь и затем вместе с еще 80 счастливчиками был спасен «явившимся Божьим провидением» киринейским кораблем, который и доставил его в Италию, а оттуда он сухопутным путем добрался до Рима.

Однако Тесса Раджак считает, что, вероятнее всего, историю о кораблекрушении Иосиф Флавий попросту придумал, поскольку сюжет с кораблекрушением и чудесным спасением героя был чрезвычайно распространен в античном мире, и в данном случае писатель в Иосифе возобладал над мемуаристом и побудил приукрасить повествование, чтобы придать ему больший драматизм.

Как бы то ни было, не вызывает сомнений тот факт, что Иосиф отправился в Рим — либо в 63-м, либо в 64-м году, но не позднее марта этого года. Это означает, что он был свидетелем «великого пожара», случившегося в Риме в ночь на 19 июля и практически уничтожившего 11 из 14 кварталов города, а затем повлекшего гонения на христиан, которых Нерон обвинил в поджоге города.

По версии, которая многие столетия активно продвигалась историками христианства, инициатором поджога был сам Нерон. Но многие историки сегодня сходятся во мнении, что Нерон был тут ни при чем, пожар и в самом деле начался случайно, а Нерон обвинил в этом злодеянии христиан просто потому, что народ требовал найти и наказать виновных.

Описание Ренана помогает понять, каким был Рим в течение трех лет пребывания там Иосифа бен Маттитьягу:

«Рим уже столетием раньше сделался чудом мира; он равнялся по величине древним столицам

Азии. Его здания были красивы, прочны и солидны, но улицы казались жалкими модникам, так как вкус все более склонялся к банальным и декоративным сооружениям; мечтали об эффектах ансамбля, которые нравятся зевакам, придумывали тысячи фривольностей, неизвестных древним грекам. Нерон был во главе движения; Рим, о котором он мечтал, был чем-то вроде современного Парижа, искусственным городом, построенным по приказу свыше, имеющим в виду главным образом дивить провинциалов и иностранцев. Молодой безумец увлекался этими грандиозными планами. Ему хотелось увидеть нечто необычайное, грандиозное зрелище, достойное артиста; он мечтал о событии, которое отметило его царствование…»[26]

Но если Иосиф видел пожар Рима, то он должен был видеть и погромы христиан, и их массовые аресты, а также последовавшие затем казни, их смерть на аренах цирка и на крестах, на которых они были распяты вдоль улиц и подожжены, чтобы служить живыми факелами. Тем не менее и в «Иудейской войне», и в «Иудейских древностях» Флавий, хотя и называет Нерона «изувером» и «безумцем», отзывается о нем в целом достаточно сдержанно. Более того, в «Древностях» он сам себя одергивает: «Однако довольно об этом! Многие писатели повествовали о Нероне; одни из них, которым он оказывал благодеяния, из признательности к нему извращали истину, другие из ненависти и вражды настолько налгали на него, что не заслуживают никакого извинения… Однако пусть те, кто не дорожит истиною, пишет о нем, как ему угодно, если это доставляет ему такое удовольствие. Мы же на первом плане ставили истину и потому коснулись лишь вскользь всего того, что не относится прямо к нашему предмету; касательно же иудейских дел мы распространяемся подробно, не останавливаясь ни перед постигшими иудеев бедствиями, ни перед их ошибками» (ИД, 20:8:3).

Десмонд Сьюард, объясняя эту сдержанность, напрочь отметает запущенную некоторыми спекулянтами от истории версию о том, что Нерон сделал Иосифа своим агентом в Иудее, но соглашается с тем, что Иосифа сдерживало чувство благодарности, поскольку именно по прямому указанию императора томившиеся в тюрьме коэны были освобождены, и таким образом миссия молодого посланца из Иерусалима увенчалась успехом.

Однако прежде, чем это произошло, случилось, очевидно, немало событий.

По опыту делегации, оспорившей решение прокуратора Феста, Иосиф понимал, что для него крайне важно лично встретиться с супругой императора Поппеей, которая не раз проявляла симпатии к евреям, а по слухам, даже тайно прошла гиюр — церемонию перехода в иудаизм. Иосиф вроде бы эту версию в «Древностях» даже поддерживает, называя Поппею «глубоко верующей женщиной, которая наставляла императора в вере», то есть чуть ли и не самого Нерона превращая в еврея-прозелита.

Однако, разумеется, версия об обращении Поппеи в иудаизм не более чем версия. Эта почтенная матрона, видимо по праву считавшаяся самой красивой женщиной Рима, была типичным продуктом своей среды и своего времени. Тацит отмечает в первую очередь ее алчность и властолюбие, и у нас нет оснований ему не верить. Но вместе с тем она, вне сомнения, была очень умна, и самые низменные качества, как и во многих римских аристократах, в ней удивительным образом сочетались с самыми высокими. В том числе и с тягой к духовности, которую на фоне переживаемого римским обществом религиозно-философского кризиса испытывали многие представители высшего общества империи. В поисках ответов на мучающие их вопросы они обращались к различным религиозным и философским системам, в том числе и к иудаизму с его таким загадочным для язычников единственным, невидимым и неощущаемым Богом. Некоторые из них и в самом деле принимали иудаизм, причем нередко это были женщины, подпавшие под влияние своих любовников-евреев.

Однако Божественная Августа Поппея Сабина, похоже, была все же не из их числа. Из слов того же Иосифа Флавия следует, что наряду с иудаизмом она интересовалась также восточным оккультизмом и проявляла благосклонность «к халдеям и магам».

Но Поппея была тем ключом, без которого успех его миссии был невозможен, и Иосиф рассчитывал на то, что живущие в столице соплеменники помогут организовать ему такую встречу. В Риме на тот момент жило несколько десятков тысяч евреев, игравших немалую роль в экономической и культурной жизни города. Бо`льшая их часть обреталась на правом берегу Тибра, но селились они и в других кварталах, причем обязательно общиной, у каждой из которых была своя синагога. Даже между собой эти евреи говорили уже только на койне, а Священное Писание предпочитали читать в переводе на греческий. Что вовсе не означает, что они не считали своей духовной столицей Иерусалим, в который время от времени совершали паломничество. Кроме того, они регулярно отправляли в Иерусалимский Храм огромные пожертвования, что вызывало бешенство у римлян, наблюдавших за тем, какие колоссальные богатства ежегодно утекают в Иудею.

Иосиф об этом не пишет, но, судя по всему, самые уважаемые члены еврейской общины Рима устроить ему встречу с Поппеей отказались — видимо, не пожелав вмешиваться в спорное дело и давать еще один повод заподозрить себя в двойной лояльности.

И тогда Иосиф обратился за помощью к актеру Алитиру (он и стал прототипом Деметрия Либания в романе «Иудейская война» Фейхтвангера). Сьюард убежден, что Иосиф пошел на этот шаг от безысходности: отношение к актерам у евреев было самое негативное. Ну а к римским актерам в особенности, так как в дни праздников они играли богов, нимф, сатиров и всех прочих, а значит, с точки зрения иудаизма, занимались идолопоклонством.

Алитир же вдобавок ко всему был не драматическим актером, а мимом, то есть принадлежал к тем, кто развлекал прохожих на улицах и аристократов на их виллах грубыми шутками, нередко носившими откровенно скабрезный, а подчас и порнографический характер. Но благодаря своему таланту комика-мима Алитир стал одним из самых любимых артистов императора и императрицы, он обладал правом свободного входа во дворец и часто виделся с ними обоими. При этом, будучи евреем по рождению, он продолжал хранить верность своему народу и, выслушав Иосифа, охотно вызвался ему помочь.

Так Иосиф попал в личные апартаменты императрицы и, судя по всему, понравился ей как мужчина. Вне сомнения, он был интересен императрице и как еврей, посвященный во многие тайны своей религии и не чуждый мистицизму. Вряд ли дело между ними дошло до романа, как это предполагают многие историки, — такой шаг был связан со смертельным риском для обоих, поскольку жена цезаря должна быть вне подозрений. Но о том, что взаимная симпатия возникла, свидетельствует не только то, что Поппея упросила Нерона как можно скорее освободить из тюрьмы еврейских священников, но и то, что Иосиф получил от Поппеи, «помимо этого благодеяния, великие дары»[27].

Вдобавок, по одной из версий, тот самый римский бюст, по которому мы представляем, как выглядел Иосиф Флавий, был изготовлен по указанию Поппеи. И, глядя на этот бюст, следует признать, что Иосиф был по-своему красив.

Видимо, бóльшую часть из своего почти трехлетнего пребывания в Риме Иосиф жил на «благодеяния» Поппеи, ни в чем не нуждаясь. При этом, если судить по бюсту, он сбрил бороду (что категорически запрещено евреям Торой) и внешне ничем не отличался от остальных римских обывателей.

Фейхтвангер в романе «Иудейская война» утверждает, что именно в Риме Иосиф познакомился со своим заклятым врагом и пожизненным оппонентом Юстом (Юстусом) Тивериадским, и тогда же между ними произошла первая стычка и возникла взаимная неприязнь. Но это не более чем художественный вымысел, с помощью которого писатель попытался объяснить дальнейший ход событий в Иудее. Вероятнее всего, знакомство Юста и Иосифа произошло позже, в бытность последнего губернатором Галилеи.

* * *

Вне сомнения, Рим не мог не произвести неизгладимого впечатления на Иосифа своей имперской мощью.

Обилие грандиозных языческих храмов, высоких, иногда в семь-восемь этажей доходных домов, термы, дворцы, виллы — все это невольно должно было поразить его воображение. Если в его родном Иерусалиме население составляло порядка ста тысяч человек, а в Александрии — трехсот тысяч, то в Риме жило свыше шестисот тысяч.

Не мог не поразить его и отстроенный после пожара «Золотой дом» Нерона, представлявший собой утопавший в золоте и драгоценных камнях дворцово-парковый ансамбль общей площадью до 120 гектаров. В этом дворце, посреди которого высилась 30-метровая статуя императора, его и принимала Поппея, а возможно, и сам Нерон.

Но сам языческий дух Рима был Иосифу глубоко чужд. Он не только избегал соблазна попробовать запретную для евреев пищу, но и не ходил на гладиаторские бои и прочие языческие игрища в цирк, и — так и не приобщился к римскому театру.

Что же, в таком случае, заставило его задержаться в Риме на целых три года; даже после того, как он исполнил свою миссию? Ответ прост: все это время Иосиф не только завязывал новые знакомства и наращивал связи с влиятельными лицами как внутри еврейской общины, так и в римских кулуарах власти, но и напряженно учился. Очевидно, в Риме он не только усовершенствовал свой греческий и овладел латынью, но и по-настоящему глубоко познакомился с греческой и римской литературой, что очень пригодится ему в будущем.

Одновременно он наблюдал за повседневной жизнью римлян, стремился проникнуть в их психологию. Позже он утверждал, что также познакомился в Риме с системой армейской тренировки и техникой ведения войны римской армией. Но это уже звучит несерьезно: нет никаких сведений, что Иосиф в дни пребывания в Риме ездил по тренировочным лагерям легионов. А значит максимум, что он мог видеть, — это марширующих по городу в полном облачении преторианцев или парад, в котором участвовал один из прибывших в город легионов.

Тем не менее в 66 году на родину возвращался другой Иосиф — обладающий куда большими знаниями и жизненным опытом, узнавший, что такое мощь Рима, и понявший, чем может обернуться для его народа столкновение с этой мощью.

Он знал из писем отца, что в Иудее дела обстоят из рук вон плохо. Но он и представить не мог, насколько плохо…

Глава 5. Возвращение на родину, в страну незнакомую

Нет никаких сомнений, что Иосиф вернулся домой не позднее конца июня — начала июля 66 года. Вернись он чуть позже — и после того, как он ступил на землю Кейсарии, был бы

просто растерзан толпой местных греков, как, впрочем, и любой другой еврей. Столкновение с ними было неизбежно, и даже если бы он каким-то чудом остался в живых, то непременно хотя бы несколькими фразами рассказал бы об этой переделке в «Жизнеописании», как рассказал о кораблекрушении, которое то ли было, то ли не было. Но нет — все прошло мирно, и, оказавшись под отчим кровом в Иерусалиме, он с жадностью слушал рассказы отца и его друзей о том, что произошло за годы его отсутствия.

Выходило, что он был большим оптимистом, когда, уезжая, думал, что хуже Альбина прокуратора быть не может. Еще как может! Сменивший Альбина Гессий Флор, на которого Иосиф возлагает главную ответственность за начало Иудейского восстания, оказался настоящим чудовищем.

Грек из Клазомеи, обладавший римским гражданством, Флор получил место прокуратора благодаря тому, что его жена Клеопатра была одной из многих подруг жены Нерона Поппеи.

Историки далеки от того, чтобы однозначно присоединиться к обвинениям Иосифа. Причины восстания, по их мнению, были слишком глубоки и многообразны, чтобы сваливать всю ответственность на одну конкретную личность. Но и они сходятся во мнении, что Флор, не раз сталкивавшийся с евреями в Малой Азии, был, вероятнее всего, патологическим антисемитом. Если другие прокураторы в отношении евреев придерживались как интересов Рима, так и личных интересов, то у Гессия Флора к этому примешивалась еще и личная ненависть.

Он терпеть не мог тот народ, которым был поставлен управлять, и не только не намеревался идти на какие-то послабления, но, напротив, хотел преподать ему «хороший урок». По словам Иосифа, он «вел себя так, как будто его прислали в качестве палача для казни осужденных. В своей жестокости он был беспощаден, в своей наглости — без стыда» (ИД, 2:14:2).

Флор не просто резко повысил налоги, причем не только в пользу Рима, но и в свою собственную, но и довел коррупцию до абсурдных масштабов, даже не стесняясь своего постоянного требования все новых взяток. Вместо того чтобы бороться с разбоем и преступностью, ставшими в стране рутиной, он попросту развязал руки разбойникам, обусловив свое бездействие тем, что они будут отдавать ему определенную долю от добычи.

«Обогащаться за счет единичных лиц, — пишет Иосиф, — ему казалось чересчур ничтожным; целые города он разграбил, целые общины он разорил до основания, и немного недоставало для того, чтобы он провозгласил во всей стране: каждый может грабить, где ему угодно, с тем только условием, чтобы вместе с ним делить добычу. Целые округа обезлюдели вследствие его алчности; многие покидали свои родовые жилища и бежали в чужие провинции» (ИВ, 2:14:2).

Иерусалимская знать, понимая, что дальше так жить невозможно, склонялась к тому, чтобы послать делегацию с жалобой на Флора в Рим, к императору, или хотя бы в Антиохию, к губернатору Сирии Цестию Галлу, но одновременно сознавала всю опасность этого предприятия. Флору не составляло труда перехватить послов, и тогда бы все они кончили жизнь на кресте.

Было решено дожидаться, когда Галл сам посетит Иудею. И когда он по сложившейся традиции прибыл в сопровождении Флора в Иерусалим накануне Песаха, губернатора окружила огромная толпа, молившая сжалиться над евреями и освободить их от злодея-прокуратора.

Надо отдать должное Цестию — он выслушал многих жалобщиков и пообещал во всем разобраться и убедить прокуратора быть более справедливым к подданным, несмотря на то,

что стоявший рядом Флор сопровождал каждую жалобу язвительными замечаниями.

По предположению Иосифа, Флор, проводивший, как это и предписывалось, высокого гостя до Кейсарии, во-первых, пришел в бешенство от того, что евреи посмели на него пожаловаться, а во-вторых, с тревогой думал о том, какое письмо о своем посещении Иерусалима Цестий Галл отправит в Рим, — он видел, что жалобы населения показались губернатору небезосновательными. Конечно, Флор мог рассчитывать на заступничество Поппеи, но в данном случае все осложнялось ее известными симпатиями к евреям. Именно тогда, считает Иосиф, прокуратор пришел к выводу, что следует действовать по принципу «чем хуже, тем лучше» — с тем чтобы довести евреев до отчаяния, заставить их поднять мятеж, и тогда «он мог надеяться большим злом отвлечь их (императора и его окружение. — *П. Л.*) от разоблачения меньшего» (ИВ, 2:14:3).

Предлога для нового витка эскалации Флору пришлось ждать недолго. В мае, то есть спустя несколько недель после Песаха, жившие в Кейсарии греки привезли в ответ на свое ходатайство полученный подкупом указ Нерона о том, что город следует считать греческим, а следовательно, и интересы греческого населения должны в нем превалировать над интересами еврейского. В «Иудейской войне» Фейхтвангер для остроты сюжета предположил, что указ был привезен на том самом корабле, на котором Иосиф возвращался из Рима, а издан был в качестве своеобразной компенсации грекам за освобождение группы священнослужителей-коэнов, которого добился сын Маттитьягу. Так это или нет, утверждать невозможно, но два этих события действительно произошли либо одновременно, либо с разницей в одну-две недели.

Вскоре после этого указа в Кейсарии обострился давний спор между местными греками и евреями вокруг синагоги, построенной на земле, которая принадлежала одному из местных греческих фабрикантов — владельцу нескольких ремесленных мастерских. Каким образом это получилось, сегодня уже выяснить нельзя, но евреи не отрицали права фабриканта на этот земельный участок и не раз выражали готовность выкупить его за сумму, многократно превышающую его реальную стоимость. Однако грек пошел на принцип и не только не продал землю, но и начал застраивать ее новыми мастерскими, оставив к синагоге лишь крайне узкий проход.

Горячие еврейские юнцы стали ломать постройки. Дело запахло их арестом со всеми вытекающими последствиями, и тогда лидеры еврейской общины Кейсарии решили разрешить конфликт с помощью взятки: они обратились к Флору, и тот ясно дал понять, что в обмен на взятку прикажет хозяину мастерских расширить проход к синагоге и уладить конфликт с соседями. Евреи, недолго думая, вручили прокуратору 8 талантов золотом — поистине астрономическую сумму (один талант составлял в тогдашних мерах веса у евреев 34, 272 килограмма[28], а у римлян — 26 027 килограмма.

При этом они не озаботились даже получением от Флора хоть какого-то письменного документа, а тот после получения взятки уехал из Кейсарии в Себастию, предоставив событиям развиваться своим ходом.

На следующий день, в субботу, когда евреи явились на молитву, один из греков поставил у входа в синагогу перевернутый вверх дном горшок и на нем демонстративно зарезал птицу — намекая таким образом на то, что все евреи — прокаженные и им было бы неплохо принести в жертву птицу, как их Тора предписывает прокаженному, исцелившемуся от своей болезни. На месте вспыхнули жестокие драки между евреями и греками, причем каждая из сторон стала хватать в качестве оружия все, что попадалось под руку. Начальник городской конной стражи Юкунд попытался было навести порядок, но воодушевленные указом Нерона греки отказались

ему повиноваться. Евреи, прихватив свитки Торы, в страхе бежали из города, а затем тринадцать лидеров общины Кейсарии направились в Себастию к Флору, чтобы просить его заступничества. При этом они осторожно намекнули, что рассчитывают на его поддержку в обмен на те самые 8 талантов, которые ему уже подарены. Но намек привел Флора в ярость, и, заявив, что у евреев не было права вывозить свои книги из города, он бросил их в тюрьму.

Весть об этом мгновенно дошла до Иерусалима, и город загудел от возмущения. Но Флор — в соответствии с версией Иосифа о том, что он всеми силами желал подтолкнуть евреев к восстанию, — вместо того, чтобы попытаться утихомирить страсти, потребовал выдать ему из Храмовой казны 17 талантов «под тем предлогом будто император нуждается в них» (по одной из версий, возможно, в счет покрытия недоимок).

Это окончательно вывело народ из себя, и огромная толпа собралась у Храма, требуя немедленно направить делегацию к императору, с тем чтобы он освободил страну от Флора. Нашлись также те, кто поливал прокуратора самыми грязными словами, а несколько шутников взяли в руки корзинки и стали обходить толпу, прося милостыни и жалобно приговаривая: «Подайте бедному, несчастному Флору».

Не секрет, что во все времена власть имущих больше всего раздражало не возмущение, а смех по их адресу. Флор не был в этом смысле исключением: как только ему доложили об этой шутке, он пришел в ярость и направился в Иерусалим во главе большого отряда конницы и пехоты — с явным намерением учинить расправу над его жителями.

Иерусалимцев объял страх. Поначалу, надеясь умилостивить прокуратора, они решили устроить ему обычную торжественную встречу. Но когда по приказу Флора конница двинулась на толпу, та в ужасе разбежалась, и в городе воцарилась мертвая тишина в ожидании грядущих казней.

На следующий день Флор воссел на поставленное перед царским дворцом судейское кресло, вызвал к себе на суд священников и старейшин и потребовал выдать ему тех, кто насмехался над ним, угрожая в противном случае расправиться с ними самими. Те попытались урезонить прокуратора, утверждая, что народ в целом настроен мирно, не собирается бунтовать, а тех юношей, которые позволили себе грубые шутки по его поводу, уже невозможно разыскать, да они, наверное, и сами жалеют о своем поступке. Так что для всех будет лучше, если Флор сейчас объявит, что прощает народ, вместо того чтобы казнить его за выходку нескольких человек.

Однако прокуратор явно не был готов выслушивать такое предложение и вместо этого дал приказ своим солдатам разгромить рынок в Верхнем городе и убивать там всех, кто попадется под руку. Большинство прибывших с ним всадников и пехотинцев составляли жители эллинизированных городов Иудеи и Галилеи, ненавидевшие евреев не меньше прокуратора, и потому они бросились исполнять приказ не за страх, а за совесть: в течение короткого времени рынок был разгромлен и свыше 3600 человек, живших в прилегающих к нему кварталах, включая женщин и детей, были убиты.

Невольной свидетельницей этой кровавой резни стала принцесса Вереника (Береника, или, еще точнее, Береники — именно так произносили ее имя современники). Дочь Агриппы Первого, она в это время как раз развелась со своим третьим мужем, царем Киликии Полемоном, тяжело заболела и, выздоровев, прибыла в Иерусалим, чтобы принести благодарственную жертву в Храм. Заодно она приняла на месяц обет назорейства, обрила голову и ходила босиком. Ей было на тот момент 36 лет, и она все еще была очень красива.

Вереника направила к Флору командира своего отряда телохранителей с мольбой прекратить кровопролитие, но дело кончилось тем, что римские солдаты едва не растерзали ее саму и ее стражу, и она была вынуждена укрыться во дворце. Затем босая и с неприкрытой головой принцесса предстала со все той же мольбой перед прокуратором, но ей дали ясно понять, что лучшее, что она может сделать ради своей безопасности, это уйти.

Завершился этот страшный день тем, что Флор приказал схватить, бичевать, а затем распять десятки знатных иерусалимцев, включая тех, кто имел римское гражданство и звание «всадников», то есть подлежал казни только через суд и уж, конечно, никак не унизительной смерти через распятие.

Ни один прокуратор до того не позволял себе подобного злодеяния и беззакония. И Иосиф, бывший непосредственным свидетелем происходившего, понимал, что это только начало.

Так, в написанной впоследствии «Иудейской войне» Иосиф ясно доказывает, что последующее восстание было обусловлено исключительно стяжательством, произволом и жестокостью римских прокураторов, снимая, по сути дела, с евреев обвинения в необоснованном мятеже.

* * *

Дальнейшие события развивались стремительно. Во время похорон жертв резни возмущение народа нарастало, повсюду раздавались призывы взяться за оружие и отомстить римлянам. Однако и храмовая аристократия, и члены Синедриона видели в тот момент свою миссию в том, чтобы предотвратить новое кровопролитие, и потому, с одной стороны, стали умолять народ успокоиться и не провоцировать Флора, а с другой — направили к нему делегацию с заверением в полной лояльности населения.

Флор в ответ сообщил, что уже вызвал еще две когорты (то есть примерно тысячу воинов) в Иерусалим и теперь требует, чтобы иерусалимцы приветствовали их радостными криками у ворот города. И это после только что учиненной резни! Тем не менее это унизительное требование было принято. Однако Флор отдал приказ когортам не отвечать на приветствия так, как того требовала установившаяся традиция, то есть ни в коем случае не демонстрировать, что они прибыли с мирными намерениями, а как только из толпы раздастся чей-то оскорбительный выкрик, пустить в ход оружие.

Этот расчет оправдался: когда римляне отказались продемонстрировать, что пришли с миром, несколько человек из толпы выкрикнули оскорбления в адрес ненавистного прокуратора, и когорты тут же направились на толпу, обнажив мечи и убивая каждого, кто попадался им под руку. Толпа бросилась искать спасения в городе, и у ворот возникла страшная давка. Конница стала давить копытами мечущихся в панике людей и продвигаться вперед, чтобы прорваться к крепости Антония, соединиться с находившимся там гарнизоном, и уже оттуда прорваться на Храмовую гору и начать грабить Храм.

Но к этому времени мужчины города начали браться за оружие — точнее, за топоры, кухонные ножи, словом, за все, что попадалось под руку. Молодежь, быстро собрав камни и схватив охотничьи луки, поднялась на крыши домов. Чтобы не дать Флору и его бойцам прорваться на Храмовую гору, евреи подожгли и разрушили галерею, соединявшую Антонию с Храмовой горой, и прорыв в Храм по прямой стал невозможен. Одновременно они перекрыли и дорогу в саму крепость. На улицах вспыхнули ожесточенные бои, сверху на головы римлян летели камни и стрелы. Поняв, что в Храм войти не получится, римляне отступили к царскому дворцу, который Флор сделал своей временной резиденцией.

Увидев, что события приобретают крайне неприятный для него оборот, прокуратор вызвал к себе наиболее горячих сторонников мира с Римом — священников-саддукеев и объявил, что поручает им восстановить спокойствие в городе, для чего оставляет им войска, а сам возвращается в Кейсарию. Те заверили его, что смогут утихомирить страсти, и попросили оставить — помимо гарнизона в Антонии — еще одну когорту, но только не ту, что только совершила кровопролитие.

Вернувшись в Кейсарию, Флор тут же засел за письмо губернатору Галлу, в котором обвинил евреев в мятеже, нападении на римских солдат и в намерении сбросить с себя власть Рима.

Но и евреи не сидели сложа руки: вместе с Вереникой они направили Цестию Галлу письмо, в котором подробно рассказывалось о всех провокациях Флора и устроенном им кровопролитии.

Галл поспешил созвать совет, на котором приближенные советовали ему самому направиться в Иерусалим во главе всей имеющейся в его распоряжении армии и уже на месте разобраться, что там происходит, и либо залить Иудею кровью, либо, если евреи остались верными римлянам, поддержать проримские настроения. Однако Галл счел, что время для такого шага еще не пришло, и направил трибуна Неаполитана тщательно разобраться в происходящем в Иерусалиме и представить ему доклад о ситуации.

По дороге в Иерусалим Неаполитан встретил царя Агриппу Второго, который возвращался из Александрии, куда ездил поздравлять своего дальнего родича Тиберия Александра с назначением губернатором Египта. Агриппа не скрывал, что сам донельзя встревожен дошедшими до него от сестры вестями и едет в город в надежде утихомирить страсти.

Примерно в километре от города царя и трибуна уже ждала толпа встречающих, во главе которой шли с обнаженными и посыпанными пеплом головами рыдающие вдовы убитых. Были здесь и члены Синедриона, и постоянно служащие в Храме коэны, но бóльшую часть вышедших приветствовать царя и посланника губернатора составляли обычные горожане. Все они стали наперебой рассказывать о злодеяниях Флора и убедили Неаполитана с одним слугой пройтись по городу и самому удостовериться в том, что его население настроено вполне миролюбиво и вовсе не желает восставать против Рима.

Неаполитан последовал этим просьбам; осмотрев город, убедился, что все в нем спокойно, и, совершив жертвоприношение в Храме, отправился к Цестию Галлу.

После этого взгляд всего народа обратился к Агриппе Второму. Зная о его огромных связях в Риме, народ надеялся, что он вместе с первосвященником возглавит делегацию, которая донесет до Нерона правду о случившемся, снимет с евреев обвинения в бунте и добьется скорейшей отставки Гессия Флора.

Агриппа в ответ велел собрать народ на огромной площади перед своим дворцом. Он явился туда вместе с сестрой, которая своим религиозным рвением и сочувствием к бедам своего народа успела завоевать симпатии масс. Здесь последний прямой потомок Ирода по мужской линии произнес пространную речь, которую Иосиф в «Иудейской войне» приводит от первого до последнего слова. Агриппа и в самом деле был той фигурой, которая могла бы повернуть ход событий и предотвратить многие грядущие беды, но в силу целого ряда причин не смог или не захотел этого сделать.

Глава 6. Бунт

Большинство еврейских, а вслед за ними и целый ряд европейских историков воспринимают

Агриппу Второго в крайне отрицательном свете. По их мнению, в отличие от отца, он не чувствовал связи со своим народом, считал себя не евреем, а римлянином, и его забота о судьбе евреев и Иудеи была притворной — больше всего его заботили собственные интересы, желание угодить Риму и сохранить за собой подаренное ему небольшое царство.

Автору этой книги такой подход кажется крайне упрощенным. На самом деле, Агриппа Второй был, видимо, неоднозначной личностью; вне сомнения, он испытывал тревогу за будущее Иерусалима и Храма; он метался между этой тревогой и собственными шкурными интересами, а потому старался избегать принятия каких-либо тяжелых решений. В силу этого он никак не годился на роль подлинного национального лидера и в итоге вступил на путь коллаборационизма.

Яснее всего мнение еврейских исследователей об Агриппе выразил один из лучших переводчиков Флавия на русский язык Яков Львович Черток (1860–1913) в комментариях к «Иудейской войне»: «Воспитанный при римском дворе Агриппа II был его преданной креатурой и послушным орудием в руках сирийских наместников и иудейских прокураторов, в дружбе которых он всегда заискивал в собственных интересах»[29].

Столь же неоднозначно относился к этому царю и Иосиф бен Маттитьягу, который, вне сомнения, часто встречался с ним во время своей последующей жизни в Риме, прибегал к его связям и даже консультировался с ним во время написания «Иудейской войны». Сьюард даже предполагает, что он получил запись речи Агриппы от него самого и затем просто вставил ее в книгу. Тесса Раджак же убеждена, что эта речь написана по памяти и содержит в себе немало добавок от самого Иосифа, который устами Агриппы Второго выражает собственную позицию — уже тогда он был убежден, что восстание против Рима бессмысленно, поскольку обречено на поражение и чревато самыми тяжелыми последствиями для его народа[30]. Но то, что Иосиф вместе с другими стоял и слушал эту речь, внимательно наблюдая за реакцией окружающих, сомнений не вызывает.

Отношение же Иосифа к Агриппе — в тот момент или задним числом, во время написания книги, — никак не назовешь комплементарным. Скорее наоборот: он презирает царя за нерешительность и чрезмерную озабоченность своими интересами в ущерб интересам нации.

«Судя по настроению народа, можно было видеть ясно, что, если ему будет отказано в отправлении депутации, он не останется в покое, — пишет Иосиф Флавий. — Но Агриппа рассчитал, что назначение послов для обжалования Флора создаст ему врагов; с другой же стороны, он отлично понимал, как невыгодно будет для него, если он допустит, чтобы военная вспышка, охватившая иудеев, разгорелась в пламя» (ИВ, 2:15:3).

Сама речь Агриппы, произнесенная на арамейском, была построена в лучших традициях греческого и римского ораторского искусства — видно, что он этому учился и немало потрудился, готовя выступление на языке, бывшем ему по большому счету чужим. Современным политикам и спичрайтерам, безусловно, есть чему поучиться у него, чтобы повысить силу своего влияния на любую аудиторию.

Царь начал с того, что выразил уверенность в мирном настроении большинства народа, а заодно буквально одной-двумя фразами посеял сомнение в чистоте намерений тех, кто призывает к восстанию против римлян: «Если бы я видел, что вы все без исключения настаиваете на войне против римлян, а не наоборот, что лучшая и благонадежная часть населения твердо стоит за мир, то я бы не выступил теперь перед вами и не взял бы на себя смелость предложить вам свой совет. Ибо всякое слово о том, что следовало бы делать, бесполезно, когда гибельное решение принято заранее единогласно. Но так как войны

домогается одна лишь партия, подстрекаемая отчасти страстностью молодежи, не изведавшей еще на опыте бедствий войны, отчасти — неразумной надеждой на свободу, отчасти также — личной корыстью и расчетом, что, когда все пойдет вверх дном, они сумеют эксплуатировать слабых, — то я счел своим долгом собрать вас всех сюда и сказать, что именно я считаю за лучшее, дабы люди разумные опомнились и переменили свой образ мыслей и добрые не пострадали из-за немногих безрассудных».

Затем он предложил разобрать суть претензий народа к римлянам по пунктам. Он утверждал, что если ими движет желание освободиться от власти Рима, то начинать восстание из-за желания сменить прокуратора нелепо: даже самый мягкий прокуратор все равно будет воплощать эту власть. Если же они хотят начать войну только из-за прокуратора, то это еще глупее, поскольку «нелепо из-за одного человека бороться со многими, из-за ничтожных причин — воевать с такой великой державой».

Далее Агриппа сделал экскурс в историю, напомнил, что евреи сами виноваты в потере независимости, так как сами пригласили римлян на свою землю, и далее стал напоминать о мощи Рима и о том, сколько народов, куда более многочисленных и обладающих куда большей территорией, ресурсами и воинственностью, чем евреи, вынуждены были склонить голову перед этой мощью. Один пример показательнее другого следовал за другим, и, наконец, Агриппа добрался до соседнего Египта, который поистине огромен, защищен со всех сторон и тем не менее, кроме денег, покорно снабжает Рим продовольствием:

«Но все это бессильно против счастья римлян; два легиона, расположенные в городе, обуздывают далеко простирающуюся египетскую страну точно так же, как и родовую македонскую честь. Где же вы думаете найти союзников против римлян? В необитаемой ли части земли? Ведь на обитаемой земле все принадлежит Риму. Или, быть может, кто-либо из вас перенесется мыслью за Евфрат и будет мечтать о том, что наши соплеменники из Адиабены поспешат к нам на помощь? Но они, во-первых, без основательного повода не дадут себя втянуть в такую войну; а если бы даже они и приняли такое безрассудное решение, то их выступлению воспрепятствуют парфяне, потому что в интересах последних лежит сохранение мира с римлянами, которые всякую вылазку парфянских подданных против них будут считать нарушением мирного договора. Таким образом, ничего больше не остается, кроме надежды на Бога. Но и он стоит на стороне римлян, ибо без Бога невозможно же воздвигнуть такое государство. Подумайте дальше, как трудно станет вам даже в борьбе с легкопобедимым врагом сохранить чистоту вашего богослужения; обязанности, соблюдение которых вам больше всего внушает надежду на помощь Бога, вы будете вынуждены переступать и этим навлечете на себя его немилость».

Таким образом, из его спича следовало, что сам Всевышний в данный момент истории находится на стороне римлян и выступать против них бессмысленно.

Завершил Агриппа речь призывом задуматься над теми бедствиями, которые навлечет за собой восстание как на евреев, живущих на своей земле, так и на тех, кто живет в других странах, и результаты его будут поистине катастрофическими: «Никто же из вас не станет надеяться, что римляне будут вести с вами войну на каких-то условиях и что когда они победят вас, то будут милостиво властвовать над вами. Нет, они для устрашения других наций превратят в пепел священный город и сотрут с лица земли весь ваш род; ибо даже тот, который спасется бегством, нигде не найдет для себя убежища, так как все народы или подвластны римлянам, или боятся подпасть под их владычество. И опасность постигает тогда не только здешних, но и иноземных иудеев — ведь ни одного народа нет на всей земле, в среде которого не жила бы часть ваших. Всех их неприятель истребит из-за вашего восстания; из-за несчастного решения немногих из вас иудейская кровь будет литься потоками в каждом городе и каждый будет

иметь возможность безнаказанно так поступать. Если же иудеи будут пощажены, то подумайте, какими недостойными окажетесь вы, что подняли оружие против такого гуманного народа. Имейте сожаление если не к своим женам и детям, то по крайней мере к этой столице и святым местам! Пожалейте эти досточтимые места, сохраните себе храм с его святынями! Ибо и их не пощадят победоносные римляне, если за неоднократную уже пощаду храма вы отплатите теперь неблагодарностью. Я призываю в свидетели вашу Святая Святых, святых ангелов господних и нашу общую отчизну, что я ничего не упустил для вашего спасения. Если вы теперь примете правильное решение, то вместе со мной будете пользоваться благами мира, а если вы последуете обуревающим вас страстям, то вы это сделаете без меня, на ваш собственный риск».

Речь эта, которая во многом, увы, оказалась пророческой, была поначалу воспринята народом с энтузиазмом. Немало этому способствовало и то, что по ее окончании Агриппа разрыдался, а вслед за ним заплакала и Вереника. На какое-то время Агриппа и в самом деле стал вождем нации. Народ принялся заверять царя, что на самом деле они не против Рима, а выступают исключительно против Флора. В ответ царь заметил, что, отказавшись платить налоги (это замечание подтверждает предположение историков, что требование Флором 17 талантов из Храма было обусловлено именно неуплатой налогов) и разрушив галерею, ведущую от Антонии к Храму, евреи, по сути, уже начали войну с Римом, и теперь для исправления ситуации надо срочно собрать все подати и восстановить галерею.

После этого члены Синедриона разделили между собой территорию Иудеи и отправились по деревням собирать налоги, а иерусалимцы стали общими усилиями восстанавливать галерею. Но тут выяснилось, что Агриппа отнюдь не собирается хлопотать в Риме о немедленной смене Флора, а, наоборот, собирается убедить народ дожидаться, пока император сам решит назначить ему преемника.

Это мгновенно вызвало взрыв негодования и усилило позиции сторонников восстания. Агриппа, сопровождаемый оскорблениями, поспешил уехать из Иерусалима, а тем временем Менахем (Флавий называет его по-гречески — Манаим), младший сын основателя движения зелотов Иегуды Галилейского, собрав большой отряд, захватил стоявшую недалеко от Мертвого моря и считавшуюся неприступной крепость Масаду. Находившийся там римский гарнизон был перебит, а в распоряжении зелотов оказался хранившийся в крепости огромный арсенал. Это означало, что в руках зелотов оказалось достаточное количество оружия, позволявшее им на равных сражаться с римлянами.

Вскоре после этого и произошло событие, которое, по мнению Иосифа Флавия, да и других историков, стало той «точкой невозврата», после которой крупномасштабная военная операция Рима против Иудеи сделалась неизбежной.

В качестве непосредственного инициатора этих событий выступил бывший письмоводитель Храма сын первосвященника Ханании Эльазар (тот самый, который был «похищен» зелотами), ставший начальником храмовой стражи. Он предложил не принимать в Храм больше никаких даров и не приносить жертвы от имени неевреев, и в первую очередь римлян.

Чтобы понять всю взрывную силу этой идеи, стоит вспомнить, что на всей территории Римской империи римляне требовали, чтобы во всех городах устанавливались храмы их богам и там приносились жертвы во славу императора и Рима. Это было главным показателем лояльности империи. Евреи были единственным народом, освобожденным от такой обязанности, — римляне учли, что они служат только своему Богу, любые другие храмы, кроме Иерусалимского, считают оскорблением своей религии и готовы умереть, но не приносить жертвы языческим богам. Поэтому евреев в качестве доказательства их лояльности Риму

обязали ежедневно приносить жертву в Храме в честь императора[31]. Отказ от такого жертвоприношения означал, что Иудея не признаёт над собой власти Рима со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Осознавая всю опасность сложившейся ситуации, священники созвали во дворе Храма народ, и священники и фарисеи попытались напомнить ему, что изначально, еще будучи построенным царем Шломо (Соломоном) Храм творца Вселенной был предназначен для служения Ему евреями от имени всего человечества. В Храме всегда принимались дары от всех народов и приносились жертвы за все народы Земли. Не преминули они вспомнить и слова пророка: «Мой дом будет назван домом молитвы для всех народов» (Исайя, 56:7). Если бы отказ от жертвы от имени неевреев был направлен против частного лица, заявил один из ораторов, «он мог бы уже возбудить негодование как преступление против человеколюбия, они же даже позволяют себе лишить императора и римлян этого права…» (ИВ, 2:17:3).

Однако толпа уже не желала ничего слушать — она полностью поддерживала демарш Эльазара бен Ханании и его сторонников.

Война Риму была объявлена.

* * *

Талмуд в трактате «Гитим» так же, как и Флавий, связывает начало восстания с прекращением жертвоприношений в честь императора, но дает несколько иную версию этих событий, утверждая, что все беды евреев начались из-за их беспричинной вражды друг с другом, апогеем которой стала история Камцы и Бар Камцы.

Автор этих строк решил изложить эту историю в известном переложении Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого:

«Некий человек имел друга по имени Камца и врага по имени Бар Камца. Однажды, устроив пир, человек этот сказал своему слуге:

— Иди и скажи Камце, что я приглашаю его на пир. Слуга, по ошибке, пригласил Бар Камцу (которого многие ненавидели за то, что он был сторонником римлян. — *П. Л.*).

Войдя в пиршественную залу и увидя Бар Камцу среди гостей, хозяин, обращаясь к нему, сказал:

— Ведь ты враг мне. Место ли тебе здесь? Встань и уйди.

— Прошу тебя, — сказан Бар Камца, — так как я уже нахожусь здесь, позволь мне остаться; я готов заплатить стоимость всего, что съем и выпью на твоем пиру.

— Я на это не согласен, — ответил хозяин.

— Я уплачу половину стоимости всего пира.

— Не желаю.

— Уплачу всё, сколько пир стоит.

— Нет! — решительно сказал хозяин и, схватив гостя за руку, заставил его встать и удалиться.

„При нанесенной мне обиде, — сказал себе Бар Камца, — присутствовали просвещеннейшие

люди города и не заступились за меня, — они, следовательно, рады моему унижению. Хорошо же, пойду с доносом на них к кесарю“.

Явившись к кесарю (Нерону. — *П. Л.*), Бар Камца сказал:

— Государь! Евреи изменили тебе.

— Чем ты докажешь это? — спросил кесарь.

— Пошли им, — ответил Бар Камца, — жертвоприношение и увидишь, принесут ли они жертву твою.

Послал кесарь через него же трехлетнего тельца (по свидетельству Талмуда, животное перед этим было тщательно осмотрено с тем, чтобы оно полностью соответствовало требованиям евреев к жертвоприношению. — *П. Л.*). В дороге Бар Камца сделал тельцу повреждение на верхней губе (по другому преданию — в роговой оболочке), что делало животное неприемлемым для жертвоприношения. Держали ученые совет, и решено было: ради царя принять тельца для жертвоприношения. Восстал против этого р. Захария бен Евколос.

— Это, — сказал он, — может создать в народе мнение, что вообще животные с телесным изъяном могут быть приносимы в жертву.

Пришли к решению — казнить Бар Камцу, дабы он не стал доносить о деле этом кесарю. И тут противником общего мнения выступил р. Захария.

— Утвердится мнение, — сказал он, — что казни подлежит всякий, кто причинит жертвенному животному повреждение. По поводу этого раби Иоханан говорил:

— Смиренномудрие р. Захарии бен Евколоса привело к разрушению нашего храма, сожжению Святилища и изгнанию народа из родной земли»[32].

Из этого рассказа следует, что евреи не просто отказались принести жертву от имени императора, а отвергли лично присланное им для этого животное, а это был уже более серьезный проступок — открытое проявление пренебрежения к цезарю.

Таким образом, причиной Иудейской войны и последовавшего в ходе нее разрушения Храма, по Талмуду, стала не только нелепая на первый взгляд история Камцы и Бар Камцы, но и неспособность р. Захарии бен Евколоса (Евколос означает по-гречески «колеблющийся»), считавшегося величайшим знатоком Закона, принять какое-либо однозначное решение, которое позволило бы избежать столкновения с римлянами.

Даже если рассматривать рассказ Талмуда просто как притчу, она, безусловно, отражает половинчатость решений элиты еврейского общества той эпохи, ее внутренний разлад. И, как следствие, утрату авторитета у народной массы, а вместе с ним и лидерства.

* * *

После того как руководство Храма не смогло настоять на своем, сторонники мятежа практически взяли Иерусалим под свой контроль. Оружие они получили из рук людей Менахема бен Иегуды, который до поры оставался в Масаде.

В этой ситуации верхушка священнослужителей (традиционная еврейская историография утверждает, что на тот момент она состояла только из саддукеев) стала опасаться, что римляне

возложат на нее ответственность за мятеж, и не нашла ничего лучшего, как послать к Флору и Агриппе делегации с просьбой прислать войска и навести порядок в городе и стране. Агриппа, который, по словам Иосифа Флавия, «старался сохранить для римлян иудеев, а для иудеев — их храм и столицу», направил в город три тысячи находившихся в его распоряжении всадников во главе с Филиппом бен Йакимом.

В результате вышло так, что в руках римлян, конницы Агриппы, храмовой олигархии и поддерживающих их сторонников мира с римлянами оказался Верхний город, а в руках мятежников — Храмовая гора и Нижний город. Между двумя силами начались жестокие бои, продолжавшиеся неделю, в ходе которых восставшие пытались добиться победы и занять Верхний город за счет своего мужества и готовности к самопожертвованию, а их противники пытались пробиться к Храму, используя свою военную выучку.

На восьмой день противостояния восставшие проникли в Верхний город и первым делом сожгли дворцы Агриппы и Вереники, затем дом первосвященника Ханании. После этого они ворвались в здание городского архива, быстро сломили сопротивление его охраны, и вскоре архив запылал. В этом пожаре сгорали, к ликованию многих, все данные о налогоплательщиках и накопившихся за ними долгах, освобождая жителей Иудеи от их оплаты.

В ходе завязавшихся в Верхнем городе тяжелых уличных боев часть сторонников римлян укрылась в подземных ходах и в канализации, а часть во главе с первосвященником Хананией, его братом Хизкией и другими членами делегации, посланной к Агриппе, укрылась во дворце-крепости Ирода. Вместе с крепостью Антонией он стал последним оплотом римского гарнизона и сторонников «партии мира».

На следующий день восставшие сумели прорваться в Антонию и в ходе развернувшегося уже внутри самой крепости сражения перебили весь римский гарнизон. Теперь для полной победы им оставалось овладеть дворцом Ирода, но тот для того и строил крепость, чтобы она выдержала длительную осаду в случае мятежа недовольных его царствованием, а таких, как известно, хватало.

В течение двух дней мятежники раз за разом пытались атаковать дворец, но каждый раз отступали под градом стрел его защитников, неся огромные потери. Осадных орудий у них не было, так что пробить стены они не могли; подобраться к ним поближе и сделать подкоп — тоже, из-за тех же лучников.

И тут в Иерусалим явился Менахем бен Иегуда. Завоеватель Масады въехал в город в наброшенном на доспехи пурпуровом плаще, не оставлявшем сомнений в том, что он видит себя будущим царем Иудеи. В голове Менахема мгновенно созрел оригинальный план взятия крепости. Он предложил вести подкоп издалека — с места, до которого не долетают стрелы. Осаждавшие подвели такой подкоп к одной из башен, укрепили получившийся тоннель деревянными подпорками, а затем подожгли их. Как только горящие подпорки рухнули, вместе с ними рухнула и башня. Но римляне, как выяснилось, уже разгадали замысел мятежников и успели соорудить вторую стену, чем немало поразили своих противников.

Тем мне менее защитникам дворца стало ясно, что дальнейшее сопротивление безнадежно. Находившиеся в составе римского гарнизона самаритяне и местные греки направили к осаждавшим парламентариев с просьбой предоставить им свободный выход в обмен на сдачу оружия. И Менахем дал на это добро. Римские солдаты беспрепятственно покинули крепость, а затем и город. Однако несколько сотен оставшихся за ее стенами солдат во главе с офицером Метилием, будучи урожденными римлянами, посчитали такую сдачу позором для римского оружия и укрылись в трех башнях дворца — Гиппикусе, Фазаиле и Мариамне. Тем временем

воины Менахема, ворвавшись во дворец, стали безжалостно убивать находившихся там сторонников римлян. Тех, кто пытался спрятаться, находили и приканчивали на месте. Среди убитых оказался и первосвященник Ханания, пытавшийся с братом укрыться в водостоке. То самый Ханания, который в свое время умолил прокуратора Феликса выкупить из плена своего сына Эльазара, ставшего одним из предводителей его убийц…

* * *

Пока римляне сидели в осаде в башнях, Менахем явился в Храм в окружении своих бойцов во все той же пурпурной мантии и предъявил претензии на власть над Иерусалимом, а значит и над всей страной. Причем он явился в Храм, будучи при оружии, что было грубейшим нарушением Закона. Это повергло в шок Эльазара и его приближенных.

Как объяснял сам Иосиф, дело было не в том, что Эльазар увидел в Менахеме нового диктатора, желающего узурпировать власть вместо римлян, а в том, что сам Эльазар видел себя вследствие своего знатного происхождения куда более подходящим на эту роль. А так как Храм был «его территорией» (вспомним, что он был еще и начальником храмовой стражи), то ему не стоило большого труда натравить собравшийся там народ на Менахема и его приверженцев.

Под градом камней Менахем и его люди вынуждены были бежать из Храма. А как только они оказались на улице, где можно было применять оружие, их начали убивать.

«Манаим с его людьми держались некоторое время, но, увидев, что весь народ восстал против них, каждый бросился бежать, куда мог. Те, которых удалось поймать, были убиты, другие, пытавшиеся укрыться, подверглись преследованию; только немногие спаслись бегством в Масаду, в том числе был и Элеазар, сын Иаира, близкий родственник Манаима, сделавшийся потом тираном в Масаде. Сам Манаим, бежавший в так называемую Офлу и трусливо спрятавшийся там, был вытащен оттуда и после многих мучений лишен жизни; той же участи подверглись его военачальники, а также Авесалом, бывший худшим орудием его тирании» (ИВ, 2:17:9), — сообщает Флавий.

Тем временем римляне поняли, что дольше находиться в осаде они не могут, и предложили капитуляцию на тех же условиях, что до этого их товарищи по оружию: они прекращают сопротивление и разоружаются в обмен на право покинуть город. Эльазар принял эти условия, но, как только римляне сложили оружие, отдал указание их всех перерезать. В живых был оставлен только Метилий, вымоливший себе жизнь в обмен на обещание перейти в иудаизм и сделать обрезание. Если, конечно, Иосиф не придумал эту историю, чтобы подготовить оправдание поступку, который ему самому еще предстояло совершить.

С его же точки зрения, самое страшное заключалось в том, что эта резня римлян была учинена в субботу — в день, когда евреям запрещается без крайней нужды браться за оружие, а в данном случае такой нужды не было.

Сбывались слова, сказанные Агриппой в речи на площади: «Если же, наоборот, во время войны вы сами будете нарушать отцовские законы, то я не понимаю, из-за чего вам еще воевать…»

Вскоре сбылось и другое предвидение царя: как только весть о случившемся в Иерусалиме докатилась до Кейсарии, в городе начался еврейский погром, и, по словам Иосифа, за час (видимо, эти слова не надо понимать буквально) было убито 20 тысяч человек. Тех же евреев, которые пытались бежать из города, по приказу Флора ловили, обращали в рабов и отправляли на галеры.

Резня, устроенная в Кейсарии, побудила многих евреев примкнуть к бандам разбойников, которые, превратившись в мощные боевые отряды, стали нападать на греков, живущих в окрестных городах, дойдя на юге до Газы, а на севере до современного Акко. В ответ греки начали массовые убийства евреев в городах Сирии, и счет жертв погромов и грабежей пошел на десятки, а затем на сотни тысяч. По свидетельству Иосифа, зверскую жестокость проявляли обе стороны, причем погромщики нередко уже не разбирались, где свои, где чужие: «Вся Сирия была в страшном волнении; каждый отдельный город разделился на два враждебных лагеря, каждая часть искала спасения в гибели другой. Дни проходили в кровопролитиях, а ночи страх делал еще ужаснее, чем дни. Там, где кончали с иудеями, начинали бояться друзей иудейства… Жадность к легкой наживе толкала на убийства самых благонамеренных людей из обеих партий, потому что имущество убитых разграблялось без всякого стеснения — его присваивали, точно добычу, доставшуюся на войне. Кто больше награбил, тот восхвалялся как победитель наибольшего числа врагов. Города были переполнены непогребенными трупами, старцы валялись распростертыми возле бессловесных детей, тела умерщвленных женщин оставлялись обнаженными, с непокрытыми срамными частями. Вся провинция была полна ужасов; но страшнее всех совершавшихся злодейств были опасения за те потрясения, которые грозили еще всей стране» (ИВ, 2:18:2).

Еврейские погромы происходили и на территории царства Агриппы, который уехал к губернатору Цестию Галлу, оставив бразды правления в руках своего друга Вара, а тот стал беспощадно расправляться с еврейскими мятежниками. Далее погромы докатились до Александрии, где всегда существовала напряженность между евреями и греками. При попустительстве губернатора Тиберия Александра здесь было убито свыше 50 тысяч человек: еврейские кварталы были буквально усеяны трупами, которых некому было хоронить, так как кого-либо в живых там не осталось.

* * *

В начале осени 66 года Цестий Галл решил, что пришло время для широкомасштабной карательной операции и подавления еврейского бунта. Он выступил из Антиохии, собрав под своим командованием 12-й легион, к которому присоединил две тысячи солдат из других легионов, шесть когорт пехоты и четыре конных отряда. К этим силам были присоединены две тысячи всадников и три тысячи пехоты царя Коммагены Антиоха, две тысячи пехоты и две тысячи всадников Агриппы, три тысячи пехотинцев и сто всадников царя Соема. Подойдя к Птолемаиде, Цестий увеличил эту и без того огромную армию вспомогательными отрядами и в сопровождении Агриппы, игравшего роль проводника и снабженца, вошел на территорию Галилеи.

Жители первого вставшего на его пути небольшого пограничного города Хавулона при его приближении бежали в горы, оставив всё свое имущество на разграбление. Жители Иоппии-Яффо, до которых Галл добрался по морю, бежать не успели и были убиты римскими солдатами все до единого.

На усмирение Галилеи Галл направил командира 12-го легиона с частью этого подразделения, которую он считал достаточной для усмирения области. Но жители столицы Галилеи Сепфориса (Ципори) сами открыли ему ворота и проявили такое дружелюбие, что Галл не стал трогать тамошнее население, после чего примеру этого города последовали и все остальные. Затем он провел несколько карательных операций против местных разбойников и, увидев, что в области царит спокойствие, направился со своим корпусом в Кейсарию.

Цестий Галл тем временем медленно, но верно продвигался к Иерусалиму, сжигая все попадавшиеся ему по пути города. Тех из их жителей, которые не успели убежать при

приближении римлян, убивали. Когда армия Галла оказалась в 10 километрах от Иерусалима, было решено прервать отмечавшийся в эти дни Праздник Кущей (Суккот) и даже святую субботу и начать готовиться к войне. Группа еврейских бойцов совершила дерзкую вылазку в лагерь римлян, в результате которой 515 римлян было убито, в то время как потери евреев составили 22 человека.

В это же время атаман разбойников Симон (Шимон) бар Гиора, которого евреи долгое время отказывались даже пускать в Иерусалим, напал с тыла на римлян, отнял у них множество нагруженных продовольствием вьючных животных и вступил с ними в город. С этого момента он был признан и вскоре стал одним из руководителей восстания.

Однако в самом Иерусалиме всё больше жителей склонялись к тому, что дело зашло слишком далеко и надо бы как-то задобрить римлян и остановить их от разрушения и разграбления города. Узнав об этих настроениях, Агриппа послал двух своих приближенных в качестве послов, которые должны были пообещать полную амнистию от римлян, если горожане сложат оружие. Но послы были задержаны одним из отрядов мятежников, и один из них был убит, а второй, будучи ранен, чудом успел бежать.

Цестий тем не менее решил воспользоваться начавшимся в Иерусалиме разбродом и подвел войско вплотную к городу. Три дня он ждал парламентеров с предложением о капитуляции, а на четвертый начал штурм, попытавшись прорваться в Иерусалим с запада — через дворец Ирода, но наткнулся на такое отчаянное сопротивление, что остановил наступление.

«Если бы ему заблагорассудилось в ту же минуту штурмовать стены, он сейчас же овладел бы городом и положил бы конец войне. Но военачальник Тираний Приск и большинство начальников конницы были подкуплены Флором и отклонили его от этого плана. В этом кроется причина того, что война затянулась на такое продолжительное время и сделалась столь ужасной и гибельной для иудеев», — утверждает Иосиф. Но дело, видимо, было не только в происках Флора.

В городе действительно существовала партия во главе с неким Хананом, готовая открыть римлянам ворота, но мятежники раскрыли готовящуюся измену, сбросили Ханана со стены, а остальные его сторонники попрятались по домам.

Цестий тем временем попытался войти в город с севера и снова потерпел поражение. И хотя (опять-таки по словам Иосифа) ему была подана весть, что в городе нарастает паника, что очень скоро население восстанет против сторонников мятежа, откроет ворота и встретит римлян с распростертыми объятиями, он неожиданно решил отступить.

Мятежники, в свою очередь, бросились преследовать отступавших римлян, нанося по их арьергарду один удар за другим, и вскоре отступление превратилось в самое обыкновенное бегство. Потеряв в результате вылазок противника пять тысяч человек, бросив осадные орудия и множество оружия, перебив множество мулов, за исключением тех, что переносили оружие, римляне покинули Иудею.

А в Иерусалиме партия восстания торжествовала, празднуя поистине грандиозную победу.

Глава 7. Проблемы победителей

Историки до сих пор бьются над загадкой, что именно заставило Цестия Галла повернуть назад, — и не находят ответа.

По одной из версий, он опасался начала сезона дождей, во время которого его армия застряла бы под стенами города, оказалась отрезанной от коммуникаций и стала бы уязвимой для непрекращающихся вылазок противника.

«Неспособность, проявленная Цестием в этой кампании, поистине поразительна. Дурное правление Нерона должно было сильно понизить уровень всей администрации в государстве, чтобы сделать возможными такие события. Впрочем, Цестий недолго жил после своего поражения; многие приписывают его смерть огорчению. Неизвестно, что стало с Флором», — пишет Ренан[33].

В Иерусалиме все случившееся, несомненно, было воспринято как чудо, как ясное указание свыше, что Всевышнему угодны помыслы восставших и действия против римлян, а изменник Агриппа ошибался.

Однако у иерусалимской знати, членов Синедриона, местных интеллектуалов, да и просто у здравомыслящих горожан было по данному поводу совсем иное мнение, которое в целом разделял и Иосиф.

Они понимали, что, с одной стороны, речь идет о поистине грандиозной победе — еще никогда прежде римская армия, ее отборные части во главе с опытным военачальником не терпели столь унизительного поражения. Весть об этом уже начала разноситься по всему миру, подтачивая убеждение в непобедимости римлян, грозя перерасти в массовые восстания в других концах империи и угрожая ее разрушением.

Но с другой — это означало только одно: римляне вернутся, чтобы восстановить свое реноме, и вернутся очень скоро. Причем восстанавливать они будут его так, чтобы в обозримом будущем всем остальным народам было неповадно даже думать о восстании против Рима. А это, в свою очередь, означало, что Иерусалим и Храм может постигнуть судьба Карфагена.

Никто из иерусалимских богачей, включая старого Маттитьягу-коэна и его сыновей, понятное дело, не только не хотел умирать вместе с городом, но и терять свои роскошные дома и земли в его предместьях. Выход, казалось, был один: надо договариваться с Римом, умилостивить его, но при этом постараться сохранить лицо, то есть оставить за собой право жить по своим обычаям и традициям.

Но высказывать вслух мысли о примирении с Римом было небезопасно: в городе была опьяненная успехом, не желающая прислушиваться к голосу разума толпа, вдобавок хорошо вооруженная тем оружием, которое было получено после взятия Масады и захвачено у армии Цестия Галла. Включая, между прочим, и брошенные римлянами осадные орудия. И это не считая множества явившихся под видом паломников на осенние праздники сикариев из Галилеи и других мест.

Во главе этой толпы стояли не приемлющие никакого компромисса с римлянами зелоты Эльазар бен Ханания и Симон бар Гиора. Стоило им указать на кого-то в качестве потенциального коллаборациониста, готового сотрудничать с римлянами, и этот человек был бы немедленно растерзан. При этом Эльазар, обвинивший убитого Менахема бен Иегуду в попытке захватить власть, сам явно рассчитывал на роль если не царя, то общенационального лидера и уже начал проявлять диктаторские замашки.

Атмосфера в столице была накаленной, и часть богатых иерусалимцев, страшась как римлян, так и своих зелотов, которых они иначе как фанатиками и разбойниками не называли, решила бежать в Антиохию, к Цестию Галлу, чтобы засвидетельствовать лояльность Риму и таким

образом сохранить жизнь и имущество.

Вместе с ними город покинула и небольшая община первых христиан. Часть их оставила город еще в самом начале восстания, увидев в происходящем исполнение пророчества Иисуса о разрушении Иерусалима и Храма: «И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено» (Мф., 24:1–2).

После же ухода римлян они окончательно уверились, что эти слова будут исполнены, и поспешили в ту же Сирию, Грецию или на Кипр. Именно в том самом достопамятном 66 году и происходит, по сути, окончательное отделение христианства от иудаизма и превращение его в самостоятельную религию — хотя трения между христианами и евреями, считавшими последователей Иисуса опасными сектантами, начались десятилетиями раньше.

* * *

В сложившейся крайне запутанной военно-политической ситуации было решено созвать Синедрион, пригласив на это заседание, помимо членов и кандидатов в члены, и других пользующихся влиянием и уважением и имеющих какие-то заслуги перед народом лиц.

Председательствовали на заседании рабби Иехошуа бен Гамла и первосвященник Ханана бен Ханана, а в число участников был включен и Иосиф — то ли в знак признания его заслуг в выполнении дипломатической миссии в Риме, то ли потому, что он был сыном близкого друга председателя Синедриона и у того были на него свои виды. А может, и по обеим этим причинам вместе.

Заседание, на котором, видимо, присутствовал и Эльазар бен Ханания, проходило необычайно бурно. Позиция, согласно которой надо договариваться с Римом, была озвучена, но тут же встал вопрос о том, каким образом и на каких условиях, и выяснилось, что приверженцев явки с повинной и полной и безоговорочной капитуляции очень немного.

Сторонники отпадения от Рима, то есть восстановления еврейской государственности на всей территории Святой Земли, тут же бросились в атаку и стали доказывать, что это не только возможно, но и даже очень возможно. Рим, напоминали они, слабеет на глазах. Нерон практически не управляет страной. Начался закат империи, а потому у евреев есть все шансы на победу. Города можно укрепить так, что они смогут эффективно противостоять римлянам, и те попросту увязнут в трясине войны. Даже если они дойдут до Иерусалима, то город выдержит и два, и три года осады, но римляне, понятное дело, столько ждать не смогут. Можно будет обратиться за помощью к сотням тысяч евреев, живущих в Вавилонии, — неужели они откажут своим братьям?! Да и почему бы не привлечь в качестве союзницы Парфию — этого давнего и заклятого врага Рима?!

Наконец, главный упор делался на помощь Бога, по воле Которого все и происходит и Который в обмен на верность Своего народа пошлет ему Мессию, и тот установит мир и благоденствие на всей земле.

Итоги заседания Синедриона можно свести к нескольким фразам. Было решено пока не предпринимать никаких активных шагов по отношению к римлянам, а ждать, когда те вернутся, и уже тогда действовать по ситуации, будучи готовыми как к войне, так и к миру. Так как римляне ушли из всех областей, в которых жили евреи, то следует, во-первых, обеспечить в них нормальное течение жизни, то есть взять на себя административные и полицейские функции Рима, а заодно начать укреплять города и деревни, готовя их к войне. С этой целью во

все области направить комендантов, назначенных Синедрионом.

После этих решений последовали выборы комендантов.

Ответственными за Иерусалим, а значит и за всю Иудею, были назначены первосвященник Ханан бен Ханан и молодой Иосиф бен Горион (Гурион), проявивший в дни восстания немало мужества в боях против римлян и, возможно, именно за это мужество заслуживший свое прозвище (по одной из версий, «бен Горион» следует понимать не буквально, как «сын Гориона», а фигурально, то есть как «сын львенка»; «львенок»).

Иисусу (Иешуа) бен Сафия и Эльазару бен Ханании было решено вверить Идумею — таким образом, Эльазара отправляли на самый юг, подальше от Иерусалима, чтобы не дать ему возможность совершить путч в столице.

В Иерихон был направлен некий Иосиф бен Симон, в Перею — Манассия (Менаше); в Тамну, включавшую в себя также Иоппию-Яффо, Лиду-Лод и Эммаус-Никополь, — ессей Иоанн (Йоханан).

Можно предположить, что немалые споры вызвал вопрос о том, кого назначить комендантами Галилеи. Всем было понятно, что, скорее всего, римляне начнут операцию из Сирии и, чтобы обеспечить себе надежный, обладающий всеми необходимыми ресурсами тыл, первый удар направят именно на Галилею, то есть в случае войны именно этот участок и будет самым ответственным.

В числе кандидатов в коменданты Нижней и Верхней Галилеи, включая расположенную на Голанских высотах Гамлу, был назван (как предполагается, с подачи р. Иехошуа бен Гамла) и Иосиф бен Маттитьягу.

Иосиф, который по предположению Сьюарда, был обуреваем в этот момент самыми противоречивыми чувствами и даже, возможно, подумывал о том, чтобы вслед за другими на это смутное время отправиться в Рим, чтобы там попытаться смягчить участь, грозящую его соплеменникам, не мог не оценить всей почетности этого назначения. И уж тем более не мог от него отказаться — даже если бы захотел. Однако, по-видимому, его кандидатура вызвала споры, и потому Иосифу было решено придать в качестве заместителей двух молодых коэнов — Иозара и Иегуду[34].

Комментируя назначение комендантов (Флавий использует для обозначения этой должности греческое слово «стратег»), историки обращают внимание на два момента.

С одной стороны, выборы были достаточно демократичны, так как на посты стратегов были назначены представители разных слоев общества, а значит уже в ту эпоху у евреев не придавалось особого значения знатности происхождения. Любопытно, что среди избранных оказался и один ессей. Ессеи затем были и среди защитников Масады, а стало быть, хотя большинство из них были пацифистами, какая-то часть этой общины принимала участие в восстании, и участие весьма активное.

С другой стороны, тот факт, что фактический лидер восстания Эльазар бен Ханания был отослан в самую дальнюю провинцию, свидетельствует о поражении сторонников жесткого военного противостояния римлянам.

Большинство назначенцев, как и Иосиф, придерживались двойственной позиции. Среди них были и те, кто надеялся на то, что армия Цестия Галла войдет в город и на этом все кончится. Главное, что их занимало, — как прийти к миру с Римом, и это в итоге в немалой степени

определило все последующие события.

* * *

Исследователи обращают внимание на то, что, описывая начало мятежа, Флавий отнюдь не упрощает картину и не делает ее черно-белой. Безусловно, он не видит социально-экономические корни бунта, забывает и о начавшемся голоде, и о тысячах мастеровых, оставшихся без работы после того, как Агриппа окончательно остановил строительство Храма, и о разорении крестьян. Будучи представителем сословия священников, Флавий усматривает основной конфликт в нарушении римлянами религиозных прав евреев, что, безусловно, было одним из важнейших, но все же далеко не единственным фактором.

В то же время его анализ, согласно которому и сторонники восстания, и его противники составляли меньшинство общества, а маятник симпатий большинства качался из стороны в сторону, и сами эти симпатии нередко носили не рациональный, а эмоциональный характер, в целом, безусловно, верен. Опережая будущие выводы еврейских мудрецов о причинах поражения восстания, Иосиф делает особенный акцент на внутренние распри, а по сути дела, на гражданскую войну между евреями, влекущую за собой множество жертв.

Сам Иосиф, как уже было сказано, принадлежал к противникам восстания, но отнюдь не потому, что симпатизировал римлянам. То есть он придерживался той самой позиции, которой придерживалось большинство фарисеев: они были противниками восстания не потому, что считали его несправедливым или их устраивало нахождение Иудеи под властью Рима, а потому что сознавали почти полное отсутствие шансов на успех.

И все же, что должен был испытывать 29-летний Иосиф бен Маттитьягу в течение тех четырех-пяти необычайно насыщенных событиями месяцев, которые прошли с момента его возвращения из Рима?

Он ступил на родную землю полный надежд на то, что теперь, после успеха его миссии, его ждет признание лучших людей Иерусалима и блестящая карьера — может быть, даже члена Синедриона. Нет, конечно, сразу на такое членство он не рассчитывал, однако вполне мог быть введен в число кандидатов в члены, пусть пока и на задних скамьях, но с правом высказывать свое мнение и с правом совещательного голоса. А дальше он уже быстро сумел бы пробиться в первый ряд, а там, глядишь, получил бы и кресло у овальной стены.

В принципе, будучи коэном, он мог рассчитывать и на место первосвященника, и, возможно, уже видел себя в его облачении входящим в Судный день в Святая Святых, а затем выходящим под ликующие крики народа: «Как сама красота, которой Создатель наделил творения Свои, — таков облик первосвященника. Как роза, цветущая в саду очарований, — таков облик первосвященника…»

Вместо этого он во время волнений вынужден был прятаться с другими коэнами в Храме, втайне желая победы партии мира и питая надежды на то, что Цестий Галл войдет в Иерусалим, после чего жизнь снова вернется в нормальное русло. И вот сейчас ему предстоит стать посланником мятежного, «отпавшего» Иерусалима в Галилее, и с этого момента в глазах римлян он становится врагом империи, не заслуживающим ничего, кроме смерти.

Однако эти размышления странным образом смешивались с сознательной, а может идущей из подсознания гордостью за еврейский народ, которая невольно чувствуется между строк «Иудейской войны».

И это понятно: Агриппа был, безусловно, прав, когда говорил о том, что все племена склонили голову перед военной мощью Рима. Даже парфяне, покорившие множество народов и пытавшиеся ему противостоять, по большому счету признали его превосходство, и их царь Вологез заключил мирный договор с Нероном. И вдруг на маленьком клочке земли небольшой, плохо вооруженный народ оказывается способным на равных сражаться с лучшей армией мира и в итоге заставляет ее отступить! И кто знает: может быть, правы те, кто рассчитывает на помощь Бога и на успех восстания?!

Но рассказывая об этих днях в «Жизнеописании», Иосиф отмечает, что «стало поражение Цестия несчастьем для всего нашего племени». Известие об этом поражении привело к новым еврейским погромам в Дамаске и других городах Сирии. При этом убивали не только евреев, но и всех, кто им сочувствовал, а также христиан, которых считали евреями и которые в большинстве своем и были ими по крови. Правда, по утверждению Ренана, «мягкость этих добрых сектантов и их безобидный характер часто спасали их»[35].

Многие евреи во время погромов или в их предчувствии бежали из Сирии и сопредельных стран, надеясь найти убежище у своих соплеменников. Как следствие, Галилея наполнилась тысячами беженцев, оставшихся без крова и имущества и нередко горевших жаждой мести. И это была еще одна проблема, с которой предстояло столкнуться Иосифу на новом поприще.

Цестий Галл тем временем направил делегацию бежавших к нему лидеров «партии мира» к Нерону, чтобы они из первых уст рассказали императору о том, как все было, и возложили вину за это на Флора — надеясь тем самым снять ответственность с себя и смягчить императора.

А Иосиф, покинув родной Иерусалим, уже направлялся в сторону Галилеи. На дворе был октябрь 66 года, и в стране стояла та самая пора, которую в России принято называть бабьим летом. Но Иосифу, разумеется, было не до того, чтобы любоваться прекрасными пейзажами, так как его занимали совсем другие мысли. Он прекрасно осознавал не только весь престиж, но и всю сложность и ответственность нового назначения.

Глава 8. Комендант Галилеи

Чтобы читатель понял всю сложность легшей на плечи Иосифа бен Маттитьягу задачи, следует сказать хотя бы несколько слов о том, что представляла собой Галилея той эпохи.

Ее благодатные земли и умеренный климат давали обильные урожаи зерновых культур, множества видов фруктов и овощей, а также оливок и винограда, позволявших вырабатывать в больших количествах два таких ценных в то время продукта, как вино и оливковое масло. На ее пастбищах паслись обильные стада — евреи выращивали крупный и мелкий рогатый скот, а сирийские греки — свиней (с одним из таких свиных стад и встречается Иисус в Евангелии от Матфея).

В то же время периодически возникавшая в этих краях засуха и высокие налоги, которые накладывали римляне, Агриппа и Береника, во владении которой здесь тоже было несколько городов и селений, ложились тяжелым бременем на местных крестьян. Многие из них разорялись и уходили в разбойники, но в разбойники идейные. Почти за полтора тысячелетия до появления образа Робин Гуда они воплощали вложенную в этот образ идею — нападали в основном на римлян и на сотрудничающих с ними богатых евреев, искренне считая себя при этом борцами за свободу и социальную справедливость.

Впрочем, разбойники таились в лесах, горах и многочисленных пещерах Галилеи еще со

времен Ирода Великого, которому довелось с ними немало повоевать. Вообще, Галилея всегда держалась наособицу от Иудеи. Ее жители подчеркивали, что они, будучи евреями, являются именно «галилеянами», а не «иудеями», и нередко встречали в штыки исходившие из Иерусалима новые религиозные предписания. Фейхтвангер это подчеркивает, описывая, как галилеяне жарят курицу в сметане — принципиально, в знак протеста против недавнего постановления мудрецов, распространивших (чтобы не произошло нечаянной ошибки) запрет на смешение мясного и молочного и на курятину. Жителям Иудеи все это, понятно, не нравилось, и свое отношение к галилеянам они выразили в поговорке «Разве может выйти что-то путное из Галилеи?!».

Население Галилеи было куда сильнее эллинизировано, чем в Иудее. Многие евреи здесь свободно говорили на греческом и даже предпочитали этот язык арамейскому, не говоря уже про иврит. В то же время эта область была буквально раздираема внутренними распрями. К напряженности между еврейским и греческим населением добавлялись постоянные дрязги между евреями.

Сельское население враждовало с горожанами, считая, что те обирают их, назначая неоправданно низкие цены на плоды земли и перепродавая их потом втридорога в другие области (в чем была своя правда). Города враждебно относились друг к другу, борясь за сферы влияния, и здесь тоже порой дело доходило до настоящих войн. Наконец, жители любого города и любой деревни также были расколоты по вопросу отношения к восстанию против Рима — в одних городах преобладали убежденные сторонники, что воевать можно и нужно, в других — те, кто считал, что ничем хорошим этот бунт не кончится и ради спасения жизни следует, наоборот, всячески демонстрировать лояльность империи.

Бо`льшая часть галилейских городов, в которых предстояло действовать Иосифу, входила в царство Агриппы, но провозгласила независимость, присоединилась к восстанию и одновременно не желала терпеть диктат Иерусалима и его ставленника.

В целом ситуация в Галилее в 66 году напоминала ту, которая сложилась на рубеже 1920-х годов на фоне Гражданской войны в Украине, когда по ней рыскали банды всех цветов и оттенков и каждый атаман видел себя «хозяином» какой-то области.

В этот практически нераспутываемый клубок противоречий и был волею судьбы вовлечен Иосиф. В задачу ему было поставлено наведение правопорядка и подготовка области к войне, избегая, насколько это возможно, открытой конфронтации с приграничными областями, находящимися под властью римлян, — в надежде, что с ними еще удастся договориться.

Было у него еще одно указание от Синедриона: в Тверии (Тивериаде, названной так в честь императора Тиберия), где подавляющее большинство составляли евреи, разрушить украшенный статуями и изображениями богов, фавнов, нимф и прочей «языческой нечисти» царский дворец, поскольку иудаизм категорически запрещает делать изображения людей и животных.

Явившись в Галилею, Иосиф энергично принялся за дело и почти сразу же столкнулся с теми местными партиями, которым ему предстояло противостоять вплоть до начала римского наступления. Два его заместителя, Иозар и Иегуда, по его словам, пробыли с ним недолго: убедившись в опасности порученной им миссии, они поспешили собрать положенную им десятину и удалились в Иерусалим.

Иосиф (опять-таки, только по его словам!) убеждал их остаться, по меньшей мере до тех пор, пока они не наладят положение в Галилее. Иозар и Иегуда на какое-то время задержались в

области, но при этом не упускали случая поживиться за счет взяток, а затем всё же вернулись в Иерусалим. Иосиф же продолжил исполнять обязанности стратега, даже не посягая на те деньги, которые ему были положены, и никогда не пытаясь запустить руку в общественную казну (и снова мы знаем о его кристальной честности исключительно от него самого!).

И биографы Флавия, и историки относятся к этим его утверждениям (как, впрочем, и ко всем последующим) крайне скептически. По их мнению, Иосиф, не желая ни с кем делить власть, попросту сначала отстранил Иегуду и Иозара от всех дел, а затем дал понять, что в Галилее им делать нечего.

Еще больший скептицизм вызывает у них рассказ Иосифа о его первых шагах на посту коменданта, и особенно о военных приготовлениях. Хотя многое в его рассказе выглядит логично и убедительно.

Иосиф понял, что более или менее эффективно управлять областью он сможет лишь с опорой на местных харизматических лидеров, и потому для начала создал некое подобие областного Синедриона — Совет из 70 «старейших и почтеннейших мужей», которые формально управляли всеми делами Галилеи. Кроме того, в каждом городе он организовал местные суды в составе семи судей, а в крупных городах, таких как Тверия и Сепфорис (Ципори), на демократической основе были выбраны городские советы.

Укрепив местную администрацию, он приступил к следующей части задачи — разоружению разбойников и сторонников восстания, число которых значительно увеличилось за счет горевших жаждой мести беженцев из приграничных областей. Однако очень скоро он отказался от этой идеи, поняв, что за ее реализацию может поплатиться головой.

Вместо этого он решил пойти по старому и проверенному во все эпохи пути: привлечь всю эту вооруженную и опасную в своих настроениях вольницу на свою сторону. Для этого он предложил местным жителям официально взять разбойников на содержание, выплачивать им регулярное жалованье, а взамен «робин гуды» должны стать ядром той будущей галилейской армии, которой — возможно! — предстоит противостоять римлянам. «Ибо я больше всего заботился, чтобы в Галилее был мир» (ЖО, 78), — поясняет Иосиф решение о сотрудничестве с разбойниками.

Остальную часть собираемых налогов новый комендант решил пустить на обнесение стенами и укрепление галилейских городов, а также на возведение фортификационных сооружений.

Так, по словам Иосифа, он окружил окопами пещеры на берегу Кинерета (Генисаредского озера) и вокруг горы Тавор (Итаврийской горы) в Нижней Галилее, а в Верхней — вокруг горы Мерон и других возвышенностей. Только два города, утверждает Иосиф, обвели себя стенами за свой счет — проримски настроенный богатый Сепфорис и Гисхала (Гуш-Халав), где правил Иоанн (Йоханнан) бен Леви, получивший чуть позже прозвище «Гисхальский». Причем Иосиф настаивает, что он лично нередко не только руководил строительством стен, но и порой на равных с другими принимал непосредственное участие в строительных работах.

Дальше — больше. Собрав все имевшееся в области оружие, какое только было можно, в том числе и старое, он пришел к выводу, что может выставить войско… в сто тысяч человек. Однако затем он сообщает, что суммарно сформированная им армия включала в себя 60 тысяч пехотинцев и 250 всадников — не считая 4500 наемников и его личной охраны в 600 человек.

Всю эту массу людей он разделил по принципу армии царя Давида на две части, одна из которых занималась военными учениями, в то время как другая работала в деревнях на себя и

на своих призванных на военные сборы товарищей, а затем они сменяли друг друга.

Иосиф подчеркивает, что уделял огромное внимание выучке своих солдат по римскому образцу: он разделил их на десятки, сотни и тысячи, требовал строжайшего соблюдения дисциплины, обучал передаче и выполнению различных сигналов, порядку наступления и отступления, стягиванию и развертыванию флангов, оказанию взаимной помощи и т. п.

Словом, в «Иудейской войне» Иосиф предстает перед нами как мудрый, справедливый и неподкупный администратор, опытный и талантливый военачальник, готовящий свою армию к сражениям по всем правилам армейской науки.

* * *

Однако большинство его биографов сходятся во мнении, что представленная Иосифом картина была по меньшей мере сильно приукрашена, если не сказать больше.

Во-первых, из его же «Жизнеописания» следует, что если он и навел порядок в Галилее, то весьма относительный. Война между городами продолжалась; то там, то здесь возникали смуты. Часть разбойников действительно была превращена в наемников и посажена на жалованье по примеру римской армии, но часть продолжала вести прежний образ жизни. Многие города и в самом деле были обнесены при нем стенами, но стены эти возводились практически без фундамента, наспех, так что рухнули под первыми же ударами римлян, и сейчас археологи с трудом находят или вообще не находят их руин.

Во-вторых, что касается выучки галилейских крестьян и превращения их в полноценную армию, то тут исследователи сходятся во мнении, что речь идет об откровенном блефе. По их мнению, у Иосифа попросту не было достаточных знаний, чтобы обучать армию. Скорее всего, он привлек для этих целей евреев или греков-прозелитов, действительно когда-то служивших в римской армии.

Но сама попытка организовать армию по римскому образцу, видимо, была роковой ошибкой — смешно было надеяться, что за несколько месяцев галилейские крестьяне научатся на равных противостоять легионерам-профессионалам с помощью римской же военной науки. Успех здесь могла принести лишь избранная в свое время Маккавеями тактика партизанской войны с засадами, непрестанными вылазками, изматыванием противника неопределенностью ситуации.

То, что Иосиф строил армию по римскому образцу, как раз доказывает, что он был никудышным полководцем-тактиком. Стратегом же он был вообще никаким, так как — и это показало ближайшее будущее — он вообще не выработал какой-либо стратегии ведения войны, и все его действия как военачальника в итоге свелись исключительно к тому, чтобы максимально замедлить продвижение римлян к Иерусалиму. О том, чтобы нанести им поражение и остановить их, не было и речи.

Наконец, и приведенные им цифры не вызывают никакого доверия. По всем оценкам, помимо 4500 наемников и 600 солдат личной охраны, о которых он говорит, Иосиф не мог выставить больше восьми — десяти тысяч воинов.

Кроме того, в силу самой задачи своей книги он вообще не упоминает в «Иудейской войне» или упоминает мельком многие неприятности, которые ему пришлось пережить в Галилее. А неприятностей, говоря современным языком, было вагон и маленькая тележка.

* * *

В Тверии еще до приезда туда Иосифа сложились три партии. Первая — сторонников восстания, большинство которых составляли городские низы во главе с лидером промышлявших на Кинерете рыбаков Иисусом (Иешуа) бен Сафия. Вторая — категорических противников войны, состоящая из зажиточных горожан. И третья — партия знатного горожанина Писта и его сына Юста, которые, если верить Иосифу, поддакивали и тем и другим, будучи одержимы желанием стать правителями города. Этому Юсту и предстояло стать на многие годы главным оппонентом и заклятым врагом Иосифа.

Когда Иосиф сообщил городскому совету Тверии, что ему поручено разрушить царский дворец, между членами совета вспыхнул ожесточенный спор о том, насколько стоит подчиниться этому требованию Иерусалима. Совет еще заседал, когда в городе стало известно, какой именно вопрос он обсуждает, и Иисус бен Сафия повел толпу ко дворцу. Вскоре дворец запылал, а ворвавшиеся в его покои простолюдины стали грабить хранившиеся в нем ценности, которых было немало.

Затем та же толпа пошла громить тех немногих греков, которые остались в городе, и убила их всех до единого.

Услышав об этом, Иосиф пришел в ярость и поспешил в Тверию. Но когда он туда прибыл, все было уже кончено. Тем не менее Иосиф отдал указание своей страже, насколько это возможно, отобрать награбленное. Среди доставленных ему ценностей были коринфские светильники, столы, сделанные из серебра и драгоценных и полудрагоценных камней, а также немалое количество чистого серебра. Не желая пользоваться подобными методами обогащения, Иосиф передал реквизированные ценности десяти членам городского совета и велел сохранить их для законного хозяина — царя Агриппы.

Это решение нового коменданта вызвало возмущение у участников погрома дворца. Они отказывались понять, почему у них забирают то, что они считали законной добычей. В тот день у Иосифа появилось сразу два заклятых врага — Юст сын Писта и Иисус сын Сафии, вскоре избранный главой городского совета Тверии. Это было первое, но, увы, далеко не последнее столкновение Иосифа с жителями Тверии.

Третьим его заклятым врагом вскоре стал Иоанн Гисхальский. Бывший поначалу сторонником примирения с римлянами, он перешел на сторону восставших после того, как жители расположенного неподалеку сирийского Тира совершили набег на его родную Гисхалу и сровняли ее с землей. После этого Иоанн на свои средства отстроил деревню и вдобавок принял беженцев из Сирии, вооружил их и создал собственную миниатюрную армию из четырехсот бойцов.

Поначалу у Иосифа сложились с Иоанном дружеские отношения, но вскоре последний заподозрил коменданта в проримских настроениях и начал активно добиваться его смещения с поста, не скрывая желания занять его место.

Сам Иосиф утверждал, что впервые заподозрил Иоанна в нечистоплотности и стяжательстве, когда тот обратился к нему с просьбой разрешить вывезти и продать собранное для выплаты налогов Риму зерно — с тем чтобы использовать вырученные деньги на строительство крепостных стен Гисхалы. Иосиф отказал, и в «Жизнеописании» обосновал этот отказ тем, что… «думал сохранить это зерно или для римлян, или для самого себя, поскольку именно мне иерусалимская община вверила управление тамошними делами» (ЖО, 72).

Услышав отказ, Иоанн не успокоился, а дал взятку двум другим сокомендантам, и те, собрав совещание, двумя своими голосами против одного голоса Иосифа отдали в распоряжение

Иоанна… все запасы хлеба в области.

Затем Иоанн обратился к Иосифу с новой просьбой: предоставить ему эксклюзивное право доставлять изготовленное в Галилее оливковое масло к границе Сирии и продавать тамошним евреям — чтобы они не нарушали заповеди, запрещающей использовать в пищу масло, изготовленное язычниками.

Это право позволяло ему закупать масло по 1 драхме за амфору, а продавать одну амфору за 8 драхм. Полученную за счет такой торговли огромную прибыль он пустил на восстановление родной деревни и обнесение ее стенами.

Нет ни одной книги об Иосифе Флавии, в которой не отмечалось бы, что все написанное им об Иоанне Гисхальском не просто далеко от какой-либо объективности, но буквально дышит злобой и ненавистью.

Я. Л. Черток в комментариях к «Иудейской войне» считает, что такая оценка Иоанна не просто предвзята, а намеренно искажает его облик: на самом деле тот, дескать, был одним из лидеров народного восстания, храбро воевал с римлянами вначале в Галилее, а затем в Иерусалиме, а деньги, заработанные им на торговле, тратил на обустройство своей деревни, помощь поселившимся там беженцам и содержание своего войска, которое в итоге выросло с четырехсот до четырех тысяч бойцов. Его же конфликт с Иосифом, по Чертоку, объясняется тем, что Иоанн одним из первых разгадал, что Иосиф сочувствует римлянам и собирается сдать им Галилею, и потому всеми силами старался добиться его отзыва в Иерусалим. «Из „Жизнеописания“ (10) можно видеть ясно, что дружина Иоанна представляла собой не шайку разбойников, а патриотический отряд, мстивший сирийцам за постоянную резню проживающих в их городах евреев и опустошительные набеги на еврейские города», — добавляет Черток[36].

Что тут скажешь? На самом деле Иоанн, как и Иосиф, был фигурой совсем не однозначной, а история знает немало примеров, когда подлинные героизм и патриотизм вполне сочетаются со стяжательством. Дальнейшие события это только подтверждают.

Вскоре после ссоры между Иосифом и Иоанном (еще, однако, не перешедшей в открытый конфликт) последний задумал попросту устранить соперника со своего пути и для этого направил Иосифу письмо с просьбой разрешить ему для поправки здоровья приехать в Тверию — якобы для того, чтобы воспользоваться ее знаменитыми горячими источниками. Иосиф, по его словам, не заподозрил ничего дурного и не только дал разрешение, но и отдал распоряжение поставленному им управляющему городом Силе предоставить Иоанну и его людям достойное помещение для жилья и позаботиться, чтобы они ни в чем не знали недостатка.

Однако появившись в городе, Иоанн немедленно начал призывать жителей отказаться от подчинения Иосифу и провозгласить его стратегом Галилеи. В этих своих замыслах он нашел сторонников в лице Юста и его отца Писта, которые также попытались использовать всё свое влияние на горожан, чтобы настроить их против Иосифа.

Сила немедленно оповестил патрона о происходящем в городе, и ночью Иосиф с двумястами тяжеловооруженными пехотинцами двинулся из Тарихеи в Тверию, чтобы к раннему утру быть в городе.

При виде стратега в окружении воинов жители Тверии высыпали ему навстречу, и, что самое любопытное, среди них был и Иоанн Гисхальский, пришедший засвидетельствовать свою

лояльность. Иосиф, оставив при себе только одного телохранителя Яакова и отряд из десяти пехотинцев, направился на городской стадион, где, встав на насыпь, произнес перед жителями речь о том, что хранить верность ему и Иерусалиму в их же собственных интересах.

Он так увлекся этой своей, построенной по всем правилам ораторского искусства речью, что даже не заметил, как Иоанн направил к стадиону сотни своих бойцов с твердым указанием прикончить Иосифа. Этот отряд уже начал блокировать выходы из стадиона и окружать насыпь, когда верный Яаков обратил внимание Иосифа на происходящее и заметил, что пришло время вместо интересов тивериадцев позаботиться о своих собственных. Вдвоем они спрыгнули с насыпи, где некий житель Тверии по имени Ирод подхватил Иосифа и, крикнув «Бегите за мной», вывел его с телохранителем на берег озера. Здесь они сели в первую попавшуюся лодку и добрались на ней до Тарихеи.

Жители Тарихеи, которые, как уже было сказано, симпатизировали устроившему в их городке свою официальную ставку Иосифу, узнав о случившемся, были возмущены предательством тивериадцев. Как вскоре выяснилось, это возмущение разделяли и жители многих других городов и сел Галилеи. Повсюду прозвучали призывы пойти войной на Тверию, сравнять город с землей, а всех его жителей, включая женщин и детей, обратить в рабство.

Вслед за этим в Тарихею из разных мест потянулся народ, готовый принять участие в штурме Тверии, и под началом Иосифа оказалась многотысячная армия, горящая жаждой мести и… грабежей. К чести Иосифа, он отказался поддержать братоубийственную бойню, убедив эту разношерстную толпу, что римляне только и ждут, когда евреи начнут резать друг друга.

Операция против Тверии была теперь тем более бессмысленна, что Иоанн удалился в свою Гисхалу и оттуда написал Иосифу письмо, в котором уверял, что в Тверии все случилось без его ведома. Он просил не держать на него зла и даже клялся в верности. Когда Иосиф сообщил об этом собравшимся, те заявили, что такому негодяю, как Иоанн, верить не следует и если уж нельзя пойти войной на Тверию, то тогда надо идти хотя бы на Гисхалу. Но Иосиф благоразумно уклонился от схватки с Иоанном «на его поле» и призвал народ расходиться.

Вскоре после этих событий Иосиф решил направиться в Сепфорис — город, давно воевавший с Тверией за право называться столицей Галилеи, но так же, как и Тверия, всячески подчеркивавший свое непризнание полномочий Иосифа. Дело осложнялось еще и тем, что подавляющее большинство населения Сепфориса придерживалось проримских настроений и не особенно скрывало, что с нетерпением ждет возвращения римлян.

Чтобы не дать Иосифу войти в их город со своей армией, сепфорийцы заплатили огромную сумму главарю банды разбойников, некому Иисусу, под началом которого находилось 800 людей, что позволяло ему контролировать довольно большую территорию в районе Птолемаиды (Акко). Иисус, польстившись на деньги, действительно попытался внезапно напасть на Иосифа, но тот благодаря перебежчику узнал о планах бандита, вышел ему навстречу и вызвал на переговоры. Когда Иисус принял это предложение, Иосиф устроил все так, что атаман вместе с немногими приближенными оказался отрезан от своей банды и, будучи внезапно окруженным гвардейцами Иосифа, сложил оружие и присягнул ему на верность.

Среди прочих событий тех дней Иосиф вспоминает и перебежавших к нему из Трахониты двух знатных римлян, заявивших, что желают помогать евреям в их войне, и привезших с собой деньги и оружие. Судя по всему, они в чем-то провинились перед Агриппой и теперь опасались его гнева. Понимая, что их военные познания могут ему очень даже пригодиться, Иосиф принял перебежчиков с распростертыми объятиями. Однако евреи стали настаивать на том,

чтобы римляне приняли иудаизм и прошли обряд обрезания, от чего те наотрез отказались.

На какое-то время Иосифу удалось убедить народ оставить перебежчиков в покое. Он напомнил жителям Тарихеи о том, что веру в Бога нельзя внушить насильно, как и нельзя допустить, чтобы те, кто пришел искать у евреев убежища, раскаялись в таком желании.

Однако затем возмущение тарихейцев вспыхнуло снова. По городу поползли слухи, что эти два римлянина занимаются колдовством, чтобы помешать евреям одержать победу над своими соплеменниками. Иосиф на это остроумно заметил, что если бы римляне и в самом деле могли побеждать своих врагов с помощью чародейства, им вряд ли нужна была армия. Но это лишь ненадолго успокоило страсти, так как, по словам Иосифа, «нашлись негодяи, которые постоянно подстрекали народ против беглецов».

Дело дошло до того, что однажды толпа явилась к дому, где жили римляне, с явным намерением их убить. Допустить подобной мерзости Иосиф, по его словам, не мог. Поэтому он поспешил к дому с отрядом телохранителей, на всякий случай забаррикадировался в нем и дал приказ рыть канал от него в сторону озера. По этому каналу он довел римлян до берега, вместе с ними переправился на лодке на другую сторону Кинерета и здесь дал им деньги, чтобы они могли купить себе коней и добраться до территории, находящейся под властью Рима, не забыв добавить слова участия и поддержки. У Иосифа щемило сердце от мысли о том, что их ожидает на земле Агриппы, и он с облегчением вздохнул, когда узнал, что в итоге царь их простил.

* * *

Не забывает Иосиф упомянуть и о своих военных победах над римлянами, которые время от времени пытались совершать вылазки на территорию Галилеи.

Как раз в те самые дни восстала Гамла, находившаяся до того под властью наместника Агриппы юдофоба и интригана Вара. Сменивший Вара Эква Модия направился к городу и, не сумев взять его штурмом, начал осаду. Один из офицеров Эква Модии, Эбутий, узнав, что Иосиф с частью своей армии находится на границе Галилеи в деревне Симония, решил внезапно напасть на него ночью с сотней всадников и двумястами пехотинцами. Однако Иосиф своевременно получил донесение разведчиков о приближении римлян, вышел навстречу Эбутию с десятикратно превосходящим его по численности отрядом и выстроил своих воинов по склонам.

В сложившейся ситуации Эбутий попытался выманить пеших евреев на равнину, чтобы использовать свою конницу, но Иосиф не поддался на эту уловку, и в результате Эбутий с позором бежал, оставив на поле боя трех своих солдат, а Иосиф преследовал его почти до расположенного в районе Птолемаиды принадлежащего принцессе Беренике городка Бесара. Здесь он напал на зернохранилище и на ослах и верблюдах вывез все имевшиеся в городе запасы зерна.

Эбутий, под охраной которого была эта территория, так и не решился вступить в бой с 2500 воинами Иосифа, так что груженный зерном караван беспрепятственно добрался до Галилеи.

Еще одну победу Иосиф одержал над стоявшим со своей конницей в Скифополе римским офицером Неаполитаном, грабившим деревни близ Тверии. О численности отряда Неаполитана не сообщается, но хотя он и был полностью конным, ясно, что пехота Иосифа имела и здесь огромное численное преимущество, так что говорить в обоих этих случаях о каком-то полководческом таланте Иосифа явно не приходится.

Однако он рассказывает о своих столкновениях с Эбутием и Неаполитаном прежде всего для

того, чтобы доказать успешность своей деятельности в Галилее не только в качестве администратора, но и в роли полицмейстера и главнокомандующего. Именно это, по его мнению, и возбуждало зависть и злобу Иоанна Гисхальского, который, если поверить Иосифу, только и искал новый повод для его смещения с поста или вынашивал новые планы его убийства.

Вслед за этим произошло еще одно событие, едва не стоившее Иосифу жизни.

Управляющий делами Агриппы и Вереники эллинизированный еврей Птолемей[37] решил, что пришло время бежать из Галилеи к римлянам, и под защитой небольшого отряда отправился в Кейсарию. Но по дороге на него напали те самые разбойники из деревни Дабаритта, которым платил Иосиф. Милостиво дав возможность самому Птолемею бежать, они захватили его багаж и, гордясь своим «подвигом», доставили захваченные 600 золотых слитков, множество серебряных бокалов, массу дорогих тканей и другие ценности Иосифу.

Бандиты явно ждали одобрения своих действий комендантом и того, что он разделит с ними добычу, пусть даже возьмет себе львиную долю. Но вместо этого Иосиф начал объяснять, что грабить и воровать нехорошо, что Тора в равной степени запрещает подобные действия по отношению к любому человеку, даже нееврею, а тут речь шла об их соплеменнике. После такой длинной нотации Иосиф велел отослать всю добычу в свою резиденцию в Тарихеи и объявил, что при случае вернет награбленное законному хозяину.

Это решение привело разбойников в ярость, и они увидели в этом еще одно доказательство того, что Иосиф «спелся» с римлянами и защищает прежде всего их интересы в ущерб интересам народа — ведь в противном случае он сам бы всячески препятствовал вывозу ценностей из Галилеи на подвластную врагу территорию.

Сначала они поделились своим возмущением в родной деревне, потом — в близлежащем городе, а затем весть о поступке коменданта докатилась и до других городов, и огромная толпа во главе с председателем городского совета Тверии Иисусом бен Сафия и Иоанном Гисхальским направилась в Тарихею. Здесь к ней присоединились местные жители, и в результате на городском ипподроме собралось около 40 тысяч человек.

Выступавшие перед собравшимися ораторы один из другим обвиняли Иосифа в предательстве. Дальше всех пошел Иисус бен Сафия. Взяв в руки свиток Торы Иисус заявил: «Граждане! Если вы не возненавидите Иосифа за то, что он хочет предать вашу отчизну врагу, то вы должны ненавидеть его за то, что он — враг святой Торы и открыто нарушает ее заветы!»

Толпа в ответ взорвалась возмущенными криками, требуя предать коменданта смертной казни через сожжение. На волне этих настроений Иисус во главе небольшого отряда солдат и потянувшейся за ними толпы направился к резиденции Иосифа, который в это время спал сном праведника, оставшись практически без охраны, — почти все его телохранители примкнули к толпе и находились вместе с ней на ипподроме. О том, что произошло дальше, версии самого Иосифа расходятся, хотя в главном, безусловно, совпадают.

Если верить «Иудейской войне», четыре телохранителя все же сохранили ему верность. Разбудив патрона, они стали советовать ему бежать — и к этому времени толпа уже подожгла дом. Однако Иосиф, не испугавшись многочисленных врагов, вышел к толпе в разорванных черных одеждах, посыпал пеплом голову, повесил меч за спину и, закинув руки назад, попросил дать ему слово…

Согласно «Жизнеописанию», поджога дома не было, но верность Иосифу сохранил только один

телохранитель по имени Симон. Видя за окнами разъяренную толпу, он предложил своему патрону в создавшейся ситуации как можно достойнее уйти из жизни — подобно царю Саулу, упасть на подставленный им меч и совершить самоубийство. Однако Иосиф отказался от столь «заманчивого» предложения, оделся в черные одежды, спрятал под одежду меч и, выйдя из дома через заднюю дверь, направился окольным путем на ипподром, где все еще находилось множество народа. Здесь он попросил дать ему возможность сначала разъяснить свои действия, а затем уже предать его смерти, если они сочтут это справедливым.

Всем своим видом и каждым словом Иосиф продуманно взывал к сочувствию толпы — и это сработало.

Согласно «Иудейской войне», его речь перед возмущенными жителями Галилеи звучала так:

«Эти сокровища я не имел в виду ни послать к Агриппе, ни присвоить себе, ибо никогда я не буду считать своим другом нашего противника или личной выгодой то, что вредит нашим общим интересам. Но я видел, что ваш город, о граждане Тарихеи, в высшей степени нуждается в защите и не имеет никаких запасных денег для сооружения его стен — вот почему я решил из боязни перед тивериадцами и другими городами, претендующими на эту добычу, сохранить втайне этот клад для того, чтобы на эти средства выстроить вам стену. Если вы этого не одобряете, то я прикажу принести сюда добытое добро и отдам его на разграбление; если же я имел в виду вашу пользу, то казните вашего благодетеля!»

Сказав это, Иосиф разрыдался и упал на землю, давая понять, что теперь собравшиеся на ипподроме могут сделать с ним всё, что пожелают. Если это было искусной актерской игрой, то Иосиф был поистине гениальным актером, а его хладнокровию можно только позавидовать — он и в самом деле находился в руках толпы и, как поверженный римский гладиатор на арене, целиком зависел от ее настроения.

Но, думается, в тот момент, глядя в лицо смерти, он был предельно искренен. И слезы его тоже были искренними — он плакал прежде всего о себе, твердо уверенный, что расплачивается за свою правоту и верность Богу, которому ненавистны воровство и грабеж. Да, он солгал, когда заявил, что намерен пустить взятые грабежом ценности на строительство стен Тарихеи, но это была для него ложь не только во спасение, но и во имя справедливости. К тому же он и в самом деле собирался обнести Тарихею стенами, уже изыскал на это средства, так что в главном он сказал правду.

И сцена рыдающего наместника Галилеи, полномочного представителя иерусалимского Синедриона, похоже, произвела на собравшихся должное впечатление — как и его речь. Эта речь была встречена криками поддержки и одобрения; настроение толпы в мгновение переменилось. Особенно оставшихся на ипподроме и составлявших, по-видимому, большинство толпы жителей Тарихеи, об интересах которых он, оказывается, думал в первую очередь. К тому же тарихейцы, как уже говорилось, и прежде симпатизировали Иосифу — хотя бы за то, что он избрал в качестве своей ставки именно их городок, почти все жители которого были простолюдинами и жили рыбацким промыслом.

Здесь надо, видимо, ненадолго остановиться и сказать, что мы не знаем, где именно находилась эта самая Тарихея (или Тарихеи). Из произведений Иосифа ясно, что она располагалась всего в 6–7 километрах от Тверии и так же, как и Тверия, стояла на самом берегу Кинерета, так что из одного города в другой можно было легко дойти пешком или доплыть на лодке. Многие исследователи вслед за американским археологом и библеистом Уильямом Ф. Олбрайтом отождествляют Тарихею с Магдалой — той самой, из которой была евангельская Мария Магдалина. Однако есть и исследователи, которые указывают, что

Тарихея, о которой говорит Иосиф, располагалась к югу, а не к северу от Тверии и была в итоге до основания разрушена римлянами.

Но вернемся к событиям на тарихейском ипподроме. Не успел Иосиф закончить столь впечатлившую народ речь, не успел он отрыдать до конца, как на беговой дорожке снова появились Иисус бен Сафия и Иоанн Гисхальский со своими соратниками — они вернулись, убедившись, что Иосифа в его доме нет.

Тот при виде своих врагов произнес еще одну речь, и, почувствовав резкую перемену в настроении толпы, которая вот-вот могла повернуться против них самих, Иисус и Иоанн отказались от планов немедленной расправы с Иосифом и ретировались.

Впрочем, как выяснилось, ненадолго — через пару часов, по версии «Иудейской войны», две тысячи, а по «Жизнеописанию», шестьсот вооруженных людей снова собрались у его дома и стали требовать от Иосифа «выйти и поговорить», угрожая в противном случае поджечь дом.

Понимая, что как только он появится на улице, то будет немедленно растерзан, Иосиф поднялся на крышу и заявил, что готов вести переговоры о выдаче награбленного имущества, но из-за стоящего шума не может разобрать, в чем, собственно говоря, состоят требования собравшихся. Поэтому он предлагает послать к нему в дом парламентеров из числа их предводителей и самых знатных людей, а те затем сообщат соратникам, чем закончились переговоры.

Это условие было принято, но как только «парламентарии» переступили порог его дома, Иосиф велел телохранителям наглухо запереть двери, оттащить «гостей» в дальний угол дома и там бичевать их знаменитыми римскими плетками, всрывавшими при ударе кожу и быстро превращавшими человека в кровоточащий кусок мяса.

Экзекуция, видимо, продолжалась долго, а толпа оставалась стоять у резиденции коменданта, думая, что там идут переговоры. Затем двери дома внезапно распахнулись, и оттуда выбросили на улицу залитых кровью людей. У одного из них вдобавок была отрублена рука, которую ему привязали на шею. При виде этого зрелища все стоявшие в ужасе бросились прочь от дома, а Иосиф не скрывал, что остался чрезвычайно доволен тем, как повел себя в ситуации смертельной опасности.

* * *

Не прошло и несколько дней после этих событий, как Иосифу доложили о новых волнениях в Тверии.

«Партия мира» неожиданно снова обрела силу и направила от имени жителей письмо царю Агриппе, в котором заявляла о своей верности ему и римлянам и просила его прислать войско и взять их снова под свою опеку. Это уже была и в самом деле измена, заслуживающая карательной акции.

Однако когда Иосиф прибыл в город для разбирательства, жители, словно не было никакого письма Агриппе, всячески демонстрировали верность делу восстания и слезно просили помочь со строительством новых и укреплением уже имеющихся стен. Иосиф поспешил их успокоить, заверил, что стены у них будут, и даже отдал мастерам приказ начать работу по их возведению.

Но стоило ему вернуться в Тарихею, как тивериадцы заметили возле города небольшой конный отряд римлян (вероятно, всё того же Неаполитана). Решив, что царь Агриппа откликнулся на

их письмо и прислал солдат, горожане тут же снова заявили, что не желают подчиняться Иосифу, а признают над собой власть Агриппы и Рима.

Это был, по сути дела, открытый бунт, который надо было немедленно подавить, но… на дворе была пятница. Вечером должна была вступить в свои права царица-суббота, и Иосиф, не ожидая такого поворота дел, накануне отпустил на отдых всю свою личную гвардию, оставив при себе лишь семерых тяжеловооруженных пехотинцев.

В сложившейся ситуации ему не оставалось ничего другого, как снова пойти на хитрость. Иосиф приказал запереть ворота Тарихеи и приставил к ним верных людей с наказом следить, чтобы никто не вышел из города и не рассказал о задуманном им трюке. Затем вызвал к себе глав семей и велел каждому спустить свое судно в воду вместе с минимумом команды и ждать его дальнейших указаний. Всего набралось 230 таких рыбацких баркасов, на каждом из которых вполне можно было уместить пару десятков, а то и больше воинов, но беда, напомним, заключалась в том, что у Иосифа их не было.

Погрузившись вместе с оставшимися в его распоряжении семью бойцами в лодку, он приказал кормчему плыть в Тверию, а рыбацкой «армаде», состоявшей из судов, на каждом из которых было в лучшем случае четыре безоружных человека, следовать за его «флагманским фрегатом».

Жители Тверии, все еще дожидавшиеся, когда же царь пришлет свое войско, вместо этого увидели приближающиеся к городу по озеру множество кораблей во главе с судном, на котором находился Иосиф, окруженный тяжелыми пехотинцами.

Не видя, что на каждом из рыбацких судов находится один-два человека, тивериадцы, как и рассчитывал Иосиф, решили, что перед ними поистине огромное войско, готовое в любой момент высадиться на берег и войти в город. В панике они бросили оружие и стали приветливо махать масличными ветвями приближающемуся к ним на лодке Иосифу, всячески демонстрируя свое миролюбие.

Вступив в переговоры с собравшимися на крепостной стене горожанами, «Иосиф пригрозил им серьезно, жестоко укорял их в том, что они первые, которые начали войну с римлянами, заранее пожирая свои силы в междоусобицах, идут только навстречу желаниям неприятеля, что они ищут крови человека, заботящегося об их безопасности, и не стыдятся запереть город перед тем, который окружил его стеной, — рассказывается далее в „Иудейской войне“. — Одновременно он изъявил готовность принять к себе всех тех граждан, которые признают свою вину и помогут ему овладеть городом. Немедленно явились к нему 10 влиятельнейших граждан Тивериады. Он приказал поместить их в одну из лодок и отплыть с ними далеко в озеро. Затем он потребовал к себе 50 других из важнейших членов магистрата под предлогом получить и от них залог верности. После этого он выдумывал еще другие поводы, чтобы вызывать к себе все больше и больше людей, точно он желал заключить с ними договор, и каждый раз приказывал рулевым как можно скорее ехать в Тарихею и там заключить всех пленных в тюрьму; таким образом он захватил в свои руки весь совет, состоявший из шестисот членов, да еще двух тысяч простых граждан и в челнах отправил их в Тарихею» (ИВ, 2:21:9).

Таким образом, говоря словами Дж. К. Роулинг, «шалость удалась»: с горсткой солдат он оставил тивериадцев без их вождей, отправив всех в тюрьму. Однако на этом он не остановился и стал выпытывать, кто же из горожан громче всех призывал к бунту против него, и те, ничтоже сумняшеся, указали на некого юношу по имени Клит. Когда Иосиф приказал отрубить подстрекателю обе руки, тот стал умолять оставить ему хотя бы одну руку. Иосиф согласился при условии, что Клит сделает это сам. И юноша в самом деле отрубил себе руку, после чего

крайне довольный собой Иосиф вернулся до наступления субботы в Тарихею. Он мог с удовлетворением заявить, что сумел подавить восстание тивериадцев ничтожными силами и без всякого кровопролития — отрубленная рука Клита была, разумеется, не в счет.

В Тарихее он устроил пышную субботнюю трапезу, на которую пригласил и наиболее знатных из своих пленников, включая Юста и его отца. Разговор во время застолья пошел откровенный, и Иосиф признался Юсту и Писту, что и сам отлично понимает силу римлян и всю смертельную опасность оказания им сопротивления, но из-за опасений мести зелотов никогда не говорит об этом вслух. Он посоветовал пленникам также не распускать до времени языки, а ждать более подходящего момента. На следующее утро он выпустил из тюрьмы всех остальных узников, и те вернулись в родную Тверию.

Еще через несколько дней он взял Гисхалу, отказавшуюся признавать его власть вместе с Сепфорисом, дал своим солдатам ее разграбить, но затем собрал всю добычу и вернул хозяевам — грабеж был совершен с целью предостережения, а возвращением жителям Гисхалы имущества Иосиф пытался завоевать их сердца и отвратить от поддержки Иоанна, остававшегося его главным врагом.

Но и Иоанн, как выяснилось, не отказался от своих планов и не собирался сидеть сложа руки.

Глава 9. Комиссия

Если верить Иосифу, события последующих дней предопределили интриги, которые продолжал плести против него Иоанн Гисхальский. Поняв, что силой ему взять власть в Галилее не удастся, он отправил своего брата Симона вместе с верным соратником Ионатаном бен Сисена в Иерусалим к своему давнему другу, члену Синедриона, фарисею по убеждениям Симону бен Гамлаилу.

Иосиф, кстати, очень высоко отзывается об уме и порядочности этого человека, говорит, что был хорошо знаком с ним лично, но подчеркивает, что, перед тем как он выехал в Галилею, между ним и Симоном бен Гамлаилом произошла какая-то размолвка. Иоанн об этом явно знал и потому рассчитывал использовать личную неприязнь члена Синедриона в свою пользу.

Оба посланца Иоанна в сопровождении сотни приданных им для охраны воинов благополучно добрались в Иерусалим и, встретившись с Симоном бен Гамлаилом, передали ему просьбу Иоанна: убедить власти Иерусалима, что Иосиф, вопреки первоначально определенным рамкам его миссии, стал «тираном Галилеи», единолично принимает все решения и одновременно ведет двойственную политику — с одной стороны, вроде бы готовя область к войне, а с другой — делая всё, чтобы в случае возвращения Агриппы и римлян сдать им Галилею и представить дело так, будто он, будучи ее комендантом, заботился об их интересах и даже сохранил их имущество.

Внимательно выслушав посланцев, Симон бен Гамлаил нашел их доводы справедливыми и стал убеждать таких авторитетных членов Синедриона, как бывшие первосвященники Ханан бен Ханан и Иехошуа бен Гамла, что Иосифа и в самом деле следует немедленно отозвать из Галилеи, поскольку тот явно превышает данные ему полномочия, а некоторые его шаги иначе как странными и подозрительными не назовешь. Причем сделать это надо как можно скорее, пока Иосиф окончательно не подавил возникшую против него оппозицию и, взяв Гисхалу, не расправился с таким бескомпромиссным противником Рима, как Иоанн.

Однако на заседании Синедриона мнения по поднятому Симоном бен Гамлаилом вопросу разделились. Многие его члены во главе с теми же Хананом бен Хананом и Иехошуа бен Гамла

придерживались тех же половинчатых взглядов, что и Иосиф, и не спешили поддержать его отставку. По приходящим из Галилеи вестям, говорили они, Иосиф очень даже неплохо справляется с управлением. Да, возможно, в таких ее главных городах, как Тверия, Сепфорис и Габара, неспокойно, а Иоанн Гисхальский считает Иосифа врагом. Но ведь разбоя в Галилее при сыне Маттитьягу и в самом деле стало значительно меньше! Жители большинства деревень и городков чувствуют себя в безопасности, на дорогах также царит спокойствие, а отдельные нападения со стороны римлян и их сторонников успешно отбиты, так что проримским настроениям Иосифа нет никаких доказательств. Скорее наоборот: известно, что он укрепляет города, создает и обучает армию; обеспечивает неприкосновенность границы, а захваченное у римлян зерно отправил в Иерусалим. Да и население его в целом поддерживает.

Сколько дней длились эти прения, неизвестно, но, видимо, достаточно долго. Симон бен Гамлаил продолжал настаивать на своем, но Синедрион колебался и все больше склонялся к тому, чтобы отвергнуть идею смещения Иосифа. Тогда, согласно «Жизнеописанию», Симон бен Гамлаил посоветовал своему тезке, брату Иоанна, подкупить нескольких входящих в ближайшее окружение Ханана людей, чтобы те убедили последнего в справедливости доводов Иоанна Гисхальского. И эта уловка удалась: под влиянием учеников и советников Ханан бен Ханан согласился… Нет, не на немедленное смещение Иосифа, а на создание комиссии, которая проведет проверку его деятельности в Галилее и доставит его самого для отчета, а возможно, и последующего суда в Иерусалим.

В состав комиссии было решено включить четырех ученых мужей (вероятно, кандидатов в члены Синедриона), из которых трое — Ионаф, Ханания и Иозар представляли партию фарисеев, а Симон, самый младший из них, — саддукеев. При этом если Иозар и Симон принадлежали к двум очень знатным семьям коэнов, то есть являлись представителями храмовой олигархии, то Ионаф и Ханания были выходцами из низов. Такое соотношение членов комиссии, видимо, отражает и соотношение сил в Синедрионе 67 года. При этом нельзя не обратить внимания и на тот факт, что одним из членов комиссии был тот самый Иозар, который вместе с Иосифом входил в триумвират, назначенный управлять Галилеей. Это может означать только одно: в ходе обсуждения вопроса о том, как следует поступить с Иосифом, он выступил на стороне посланцев Иоанна Гисхальского и подтвердил их слова.

Судя по всему, решение о создании комиссии было принято в узком кругу, и его до поры до времени было решено держать в тайне. Формально в задачу комиссии было поставлено разобраться, что на самом деле происходит в Галилее, ознакомиться с настроением местного населения и выяснить, насколько справедливы обвинения в адрес Иосифа. Однако, поскольку за созданием комиссии стоял Симон бен Гамлаил, а у него сомнений в виновности Иосифа не было, то членам комиссии было предписано убедить жителей области, что Иосиф является негодным правителем, арестовать его и доставить для суда в Иерусалим.

В случае же, если он откажется добровольно сложить оружие и начнет сопротивляться, его следовало убить как изменника, а комиссия должна была взять на себя управление Галилеей, мотивируя это тем, что в ее состав входят люди не менее ученые и не менее знатные, чем Иосиф бен Маттитьягу.

Для финансирования деятельности комиссии ее членам было выдано 40 тысяч серебряных шекелей, на часть из которых они наняли для исполнения своего плана некого Иисуса — одного из множества галилейских разбойников, который в это время вместе с 600 своими бойцами как раз находился в Иерусалиме. Получив плату за три месяца вперед, Иисус согласился последовать за этой четверкой в родные места. Кроме того, для придания комиссии большего авторитета им было придано 300 иерусалимских граждан, получивших «командировочные» для покупки пропитания на все время, пока они будут находиться

в Галилее. Таким образом, вместе с Симоном бен Леви, братом Иоанна Гисхальского, и его сотней пехотинцев выехавшая из Иерусалима в Галилею процессия насчитывала свыше тысячи человек.

Еще до отъезда Ионаф, Ханания, Иозар и Симон направили письмо Иоанну, с тем чтобы он был готов к вооруженному столкновению с Иосифом, а также написали жителям Тверии, Сепфориса и Габары, чтобы те прислали Иоанну свои ополчения для подмоги.

Но поистине нет ничего тайного, что не стало бы явным! Среди участников заседания по формированию «проверочной комиссии» оказался и Иоханан бен Гамала, который поспешил рассказать о принятом решении своему старому другу Маттитьягу, а тот немедленно отослал письмо с этим известием сыну, так что оно на несколько дней опередило появление в Галилее членов комиссии и их свиты.

Таким образом, Иосиф оказался готов к их приезду, и у него появилось время, чтобы обдумать свои дальнейшие шаги. В письме отец умолял Иосифа, поскольку на кону стоит его жизнь, подчиниться требованиям комиссии и прибыть в Иерусалим, чтобы там доказать в суде свою невиновность. К тому же, добавлял Маттитьягу, чтобы достучаться до сердца сына, он уже стар, его здоровье пошатнулось, и он жаждет увидеть своего Иосифа прежде, чем смежит веки.

Однако у Иосифа было на этот счет свое мнение. Уступать кому-либо власть, и уж тем более такому заклятому врагу, как Иоанн Гисхальский, он не собирался, и вскоре у него в голове возникла та стратегия противостояния комиссии, которой он решил последовательно придерживаться.

* * *

Были ли претензии Иоанна Гисхальского к Иосифу справедливыми?

И снова мнения историков расходятся, но даже когда они оппонируют друг другу, ни у одного из них нет однозначного ответа на этот вопрос. Те, кто убежден, что Иосиф изначально не был настроен на войну с Римом, вынашивал планы примирения, а значит и предательства если не всего своего народа, то последовательных сторонников продолжения восстания, утверждают, что Иосиф сознательно искажает картину, говоря о том, что стал жертвой интриг и подкупа людей Ханана бен Ханана. Иосиф, по их мнению, действительно к тому времени вел себя как диктатор Галилеи — кого хотел казнил, а кого хотел миловал; жестоко подавлял любые попытки оспорить его решения, а семьдесят членов созданного им для игры в демократичность некого подобия местного Синедриона держал в Тарихеи в качестве заложников. Все его приготовления к войне были, как показало будущее, блефом, и нет почти никаких сомнений, что если бы военное управление областью было доверено Иоанну Гисхальскому, сопротивление римлянам было бы куда более эффективным и длительным.

Возможно, в этом и заключалась задача комиссии: она должна была взять на себя административно-хозяйственные, а Иоанн — военные функции.

Но и оппоненты противников Иосифа правы, когда указывают на то, что выдвигаемые против него обвинения выглядели голословными, а комиссия была изначально предвзятой. Подобная критика в адрес Иосифа раздавалась и при его жизни, и, отвечая на нее, он писал: «Будучи около тридцати лет, в каковом возрасте, даже воздерживаясь от беззаконных вожделений, трудно избежать клеветы завистников, тем более имея большую власть, я не опозорил ни одну женщину и презирал всякие дары как не имеющий в них нужды — и даже не принимал у приносивших десятину, которая полагалась мне как священнику. Однако победив сирийцев,

населяющих окрестные города, я взял часть из добычи и признаю, что послал ее в Иерусалим родственникам. И дважды взяв штурмом Сепфорис, четырежды Тивериаду и один раз Габару, а также захватив Иоанна, который неоднократно злоумышлял против меня, я не стал мстить ни ему, ни какому-либо из названных племен, как будет показано в дальнейшем. Поэтому, я думаю, Бог (ибо не укрываются от Него поступающие как должно) и от их рук избавил меня, и затем сохранил среди многих опасностей» (ЖО, 15:80–83).

Дальнейшие события, о которых мы опять-таки знаем прежде всего из автобиографии самого Иосифа, если не полностью, то отчасти подтверждают эти его слова.

Получив письмо отца, Иосиф объявил друзьям, что спустя три дня собирается покинуть Галилею и вернуться в Иерусалим, а также позаботился о том, чтобы весть о его «решении» быстро разошлась по всем уголкам Галилеи. Встречено это было населением отнюдь не с ликованием, а наоборот — со страхом и горечью. Как оказалось, большинство жителей по достоинству оценили тот относительный покой и порядок (пусть и ценой прямого подкупа разбойников), который навел Иосиф, и многие опасались, что с его отставкой снова возобновятся грабежи на дорогах и разбойничьи налеты на деревни. Тысячи людей начали стекаться в расположенную неподалеку от Сепфориса деревеньку Асохис, где в тот день остановился Иосиф, чтобы умолить его остаться на посту коменданта. И это было лучшее доказательство того, что Иосиф и в самом деле является популярным народным лидером.

Сам он, зная, что посланцы Иерусалима вот-вот должны появиться в Галилее, и гадая, чем же все это в итоге обернется, тем не менее отправился спать и увидел сон, который расценил как пророческий.

Во сне Некто подошел к его постели и сказал: «Освободи душу от печалей, человече, и избавься от всякого страха. Ибо то, что огорчает тебя, сделает тебя величайшим и во всем счастливейшим. Ты добьешься успеха не только в этом, но и во многом другом. Не страдай: но помни, что тебе еще нужно воевать с римлянами».

Пробудившись от этого сна, Иосиф пребывал в отличном настроении, так как увидел в нем ясный знак, что он сможет расстроить все козни своих противников. Эта уверенность укрепилась, когда собравшаяся на поле возле Асохиса толпа встретила его восторженными криками, а затем умоляла остаться и не бросать Галилею на произвол врагов и разбойников. Многие из собравшихся, включая женщин и детей, подкрепили эту мольбу тем, что встали на колени. Затем раздались гневные крики в адрес иерусалимских властей, намеренных отозвать такого толкового правителя области, и завершилось все тем, что с Иосифа стали требовать клятвы, что он никуда не уедет. И Иосиф поклялся — исключительно, как он уверяет, из «жалости к народу» и из понимания, что «стоит ради такого множества претерпеть и явные опасности». Ну и заодно потребовал, чтобы собравшиеся сформировали ополчение из пяти тысяч воинов, пропитание которых обеспечивали бы их родные города и деревни.

С учетом имевшейся у него трехтысячной личной гвардии, под началом Иосифа оказалось восемь тысяч человек — совсем немалое войско.

С этой армией он направился в сторону северной границы с Галилеей, к Птолемаиде-Акко, где как раз появился римский офицер Плацид с двумя когортами пехоты (то есть примерно с 720 воинами) и несколькими сотнями конницы. По заданию губернатора Сирии Цестия Галла римляне стали возводить вал — по версии Иосифа, чтобы использовать его как плацдарм для нападения на ближайшие населенные пункты Галилеи. Хотя не исключено, что и наоборот — для обороны Птолемаиды на случай вылазки евреев, а может, и для того и для другого одновременно.

Иосиф разбил свой лагерь в нескольких километрах от римского. Началось затяжное противостояние, в ходе которого евреи и римляне не раз выходили друг против друга, но дальше обстрелов из пращей и луков дело так и не дошло.

По признанию самого Иосифа, его уход с армией в сторону Птолемаиды был лишь отвлекающим маневром — чтобы не сталкиваться до времени с прибывшей в Галилею комиссией. Так что не исключено, что это не Плацид спровоцировал его на небольшую позиционную войну, а он Плацида.

Во втором часу ночи, когда Иосиф с друзьями и знатными жителями Галилеи возлежал за обильной трапезой, явно не отказывая себе в выпивке, ему доложили, что прибыл какой-то всадник и требует допустить его к коменданту, так как он должен передать присланное тому письмо из рук в руки. Иосиф велел впустить курьера, и, тот, войдя, не только не поклонился, но даже не произнес требуемых правилами приличия слов приветствия, а лишь протянул письмо и сказал: «Это послали тебе прибывшие из Иерусалима. Напиши ответ немедленно, так как я спешу».

Находившиеся в зале на миг онемели от такой откровенной дерзости: всем своим видом курьер показывал, что не признаёт полномочий Иосифа и не собирается оказывать ему какие-либо знаки почтения как наместнику Галилеи. Присмотревшись, Иосиф вспомнил, где он мог видеть этого молодого воина: тот какое-то время служил у царя Агриппы. Разумеется, он был взбешен хамством этого юнца, но внешне сохранил хладнокровие и даже пригласил его сесть и разделить с ними трапезу, чем еще больше удивил своих гостей.

Курьер наотрез отказался принять приглашение и остался стоять посреди залы. Иосиф же вернулся на свое ложе и какое-то время, не распечатывая письма, продолжал беседовать с друзьями.

Наконец, он поднялся, сказал, что время позднее и всем пора спать, но когда гости стали расходиться, попросил четырех самых близких друзей остаться, а слуге велел подать новые кувшины с вином. Отдавая это распоряжение, он повернулся к почтальону спиной, быстро распечатал письмо и пробежал по нему глазами.

«Ионаф и вместе с другими иерусалимцами (прибыли, чтобы сказать) Иосифу: мир! — говорилось в письме. — Почтенные граждане Иерусалима услышали, что Иоанн из Гуш-Халав многократно досаждал тебе, а потому послали нас потребовать от него, чтобы в будущем он слушался твоих указаний. Поэтому мы хотим посоветоваться с тобой о совместных действиях и приглашаем тебя явиться к нам с небольшой свитой, поскольку деревня, в которой мы находимся, не способна прокормить много людей».

Иосиф усмехнулся: не нужно было долго думать, чтобы понять: это ловушка. Стоит ему сделать то, о чем его просят, и в лучшем случае сразу после прибытия на встречу он будет арестован и в кандалах отправлен в Иерусалим. В худшем его убьют на месте, без суда, а потом скажут, что это было сделано, когда он стал оказывать сопротивление. Он знал это абсолютно точно, так как и сам уже не раз пользовался подобным приемом.

Наспех заклеив печать так, чтобы курьер не понял, что он уже прочитал письмо, Иосиф поблагодарил того за службу и велел дать ему двадцать драхм на дорогу — целое состояние: примерно месячное жалованье легионера. Увидев, как блеснули при упоминании о драхмах глаза юноши, он понял, что тот жаден до денег, а значит ловить его надо именно на эту наживку. Заметим, что это был далеко не первый раз, когда Иосиф проявил себя в качестве знатока человеческой психологии и умелого манипулятора людьми.

— Если ты согласишься выпить с нами, то получишь еще по одной драхме за каждую выпитую чашу, — сказал он, и курьер в ответ с радостью согласился, подсел за стол и начал осушать одну чашу за другой.

Иосиф не называет национальности курьера, но, вероятнее всего, тот был сирийским греком, а не евреем. Дело в том, что и греки, и римляне употребляли вино в больших количествах, но при этом обильно разбавляли его водой, снижая крепость до 4–5 градусов, а иногда и меньше. Вино, разбавленное до 8–9 градусов, считалось крепким. Евреи же чаще всего пили вино неразбавленным, причем крепость вина была даже несколько выше, чем у современных вин — порядка 16–18 градусов. Поэтому, подливая курьеру одну чашу за другой, Иосиф знал, что тот просто не понимает, какое количество алкоголя вливает в себя. Наконец, посланный опьянел настолько, что стал видеть в Иосифе близкого друга и рассказал ему то, о чем Иосиф и сам догадался: как только он появится перед членами комиссии, на него набросятся со всех сторон и убьют.

Убедившись в справедливости своих подозрений, Иосиф сел за стол и написал следующий ответ: «Иосиф Ионафу и его людям: мир вам! Я радуюсь, узнав, что вы прибыли в Галилею в добром здравии, а особенно потому, что смогу, передав вам управление здешними делами, отправиться на родину — ибо я давно уже хотел это сделать. Итак, следовало бы мне прибыть к вам не то что в Ксалот, но и дальше, и без просьбы. Однако прошу извинить меня, что не могу этого сделать. Ибо я стерегу в Хаболоне Плацида, который задумал вторгнуться в Галилею. Итак, приходите вы ко мне, прочтя это письмо. Будьте здоровы» (ЖО, 44:226–227).

Запечатав письмо, он вручил его молодому воину и отправил вместе с ним 30 знатных галилеян, к каждому из которых приставил телохранителя, с наказом приветствовать высоких гостей из Иерусалима, но ни о чем с ними не говорить. Через какое-то время ему был доставлен ответ, в котором говорилось буквально следующее: «Ионаф и его спутники Иосифу: мир тебе. Мы предписываем тебе на третий день явиться к нам без гоплитов в селение Габаро, чтобы мы выслушали обвинения, которые ты имеешь против Иоанна» (ЖО, 45:229).

Итак, маска была сброшена: это был уже прямой приказ, и для того, чтобы отдать его, у комиссии должны были быть соответствующие полномочия. Разумеется, ни на какую встречу Иосиф не торопился, но отдал указание своим людям пристально следить за всеми перемещениями членов комиссии и соответствующим образом настраивать местных жителей всюду, где те только могут появиться.

Поэтому когда иерусалимская делегация прибыла в большую, богатую и хорошо укрепленную деревню Яфу, местные жители стали кричать, что у них хороший стратег, которого они всячески поддерживают, а незваным гостям лучше поскорее убраться не только из их деревни, но и вообще из Галилеи. Ионафа и его людей эти крики выводили из себя, но взяться за мечи они не решились. Вместо этого они последовали в другую деревню, затем в третью и четвертую, но всюду их ждал такой же прием. Так они пришли в Сепфорис, где их встретили более или менее радушно. Но, как уже говорилось, будучи проримски настроенными, жители этого города желали иметь дело с посланцами из Иерусалима и с Иоанном еще меньше, чем с Иосифом, а потому отказались говорить о последнем ни плохого, ни хорошего. Таким образом, выходило, что Иоанн в своем письме Синедриону лгал, по меньшей мере, в том, что галилеяне ненавидят Иосифа как тирана — все свидетельствовало о том, что, напротив, он очень любим местным населением.

Когда члены комиссии со свитой добрались до деревни Асохис и местные жители снова стали проклинать их и славить Иосифа, Ионаф, решив (отчасти, видимо, справедливо), что речь идет о хорошо проплаченном фарсе, велел сопровождавшей его страже избить наиболее активных

участников демонстрации палками.

Из Асохиса иерусалимцы направились в Габару, где их встретил Иоанн Гисхальский со своим войском. Когда Иосифу донесли об этом, он понял, что воевать с комиссией все же придется и, оставив в лагере на границе небольшой гарнизон, прибыл с большей частью армии в Йодфату, расположенную всего в 8 километрах от Габары.

Вскоре после прибытия он направил своим противникам следующее письмо: «Если вы хотите, чтобы я непременно пришел к вам, то в Галилее двести четыре города и селения: я приду в какой хотите из них, кроме Габары и Гисхалы — ибо первая родина Иоанна, вторая же ему друг и союзник» (ЖО, 45:235).

Ионаф, Хнания Иозар, Симон и Иоанн решили на это послание уже не отвечать, а вместо этого созвали совещание, с тем чтобы решить, что делать дальше.

Иоанн заявил, что демонстрируемая Иосифу поддержка населения — не что иное, как устроенный им же спектакль, и он в каждом населенном пункте знает немало тех, кто пылает ненавистью к коменданту. Следовательно, надо написать им, чтобы они, во-первых, готовились присоединиться к восстанию против Иосифа, а во-вторых, отослали в Иерусалим письма с требованием объявить Иосифа «врагом народа», ну, а после того, как Синедрион это сделает, никто больше сына Маттитьягу поддерживать не решится.

Предложение было утверждено, а около девяти вечера к Иосифу перебежал некий Захи, один из участников этого тайного совещания, и сообщил о принятом там решении.

Иосиф, не медля, приказал расставить посты на всех дорогах и арестовывать любого, у кого будет найдено какое-либо письмо, заковывать его в колодки и охранять, а письма доставлять ему. Одновременно он отправился в Габару, велев собрать возле нее побольше своих сторонников, владеющих оружием.

Снова собралась огромная толпа, снова Иосиф произнес страстную речь, и снова собравшиеся стали громко выражать ему поддержку, «называя благодетелем и спасителем». И вновь Иосиф, поблагодарив, призвал ополчение проявлять сдержанность — просто стоять лагерем на равнине и ждать его дальнейших приказов, а он тем временем попытается уладить дело без пролития братской крови.

И вновь Иосифа трудно заподозрить в лицемерии: допустить, чтобы что-либо случилось с послами, он не мог. Ему было крайне важно, чтобы те вернулись в Иерусалим целыми и невредимыми, а желательно, чтобы еще и обвинили во лжи и в своих бедах Иоанна Гисхальского.

* * *

В тот же день, когда Иосиф устроил смотр своим силам, он получил донесения о том, что его солдаты перехватили нескольких курьеров, пытавшихся доставить послания от его противников в Иерусалим. Письма эти, по его словам, «были полны лжи и ругательств». Теперь он с чистой совестью двинул свою армию на Габару, в которой в полном составе находились иерусалимская делегация, а также Иоанн Гисхальский с небольшой группой своих людей.

Узнав о появлении Иосифа, Иоанн отправился в родную деревню, чтобы как можно скорее привести своих бойцов на подмогу, а члены комиссии вместе с сопровождавшими их «командированными» и наемниками заперлись в стоявшем посреди городка замке с высокой башней, принадлежавшем Иисусу, который, судя по всему, был главой местного совета, а де-

факто — правителем города. Заперев все двери замка, кроме одной, они наивно рассчитывали, что вскоре возле нее появится Иосиф со своими гвардейцами, и тут дверь закроется, отсекая Иосифа от свиты, и он окажется в ловушке. Все это выглядит очень странно, но, похоже, эти Ионаф и его люди и в самом деле не понимали, что за то время, пусть и недолгое, которое Иосиф провел в Галилее, он превратился в многоопытного политика и какого-никакого военачальника, научившегося просчитывать куда более сложные ходы своих врагов, спинным мозгом чувствующего опасность и прекрасно умеющего расставлять ловушки.

Именно поэтому Иосиф не поспешил к открытым воротам замка, а сделал вид, что отправляется спать. Ионаф и его люди, решив, что он и вправду лег спать, вышли на улицу и занялись агитацией среди ополченцев в надежде убедить их в том, что Иосиф совершенно не справляется с занимаемой должностью и его нужно срочно сменить. В ответ вооруженная толпа стала громко возмущаться, советуя иерусалимцам не лезть в дела Галилеи; и если до этого им с Иосифом жилось совсем неплохо, говорили они, то не надо мешать им так жить и дальше, так что никакого другого лидера, кроме него, они не хотят.

Услышав стоявший на улице шум, Иосиф поспешил выйти из дома, в котором остановился, и тут толпа, по его словам, буквально взорвалась аплодисментами и одобрительными криками. Внезапно обнаружив себя в окружении разъяренной, да еще и вооруженной толпы, Ионаф и его люди стали подумывать о том, как бы поскорее ретироваться, чтобы выйти живыми из этой переделки. Однако Иосиф дал знак толпе замолчать, а затем очень вежливо и доброжелательно попросил гостей остаться. И те, еще раз оглянувшись вокруг, поняли, что будет лучше, если они выполнят эту просьбу.

Тем временем Иосиф отдал указание расставить караулы на всех подступах к Габаре, чтобы не дать отряду Иоанна внезапно появиться в городе, а затем взял слово.

Вначале он напомнил о том первом письме, которое ему отправили «комиссары» из столицы и в котором они утверждали, что прибыли для того, чтобы рассмотреть его распрю с Иоанном. При этом Иосиф показал толпе это письмо, так что отпираться было невозможно.

— Но если бы вы и в самом деле пожелали разобраться, кто из нас двоих прав в нашем споре, — продолжил Иосиф, — то вы бы устроили своего рода суд, на который обязательно пригласили бы свидетелей с обеих сторон. И я бы привел двух-трех людей, которые бы подтвердили, что все это время я хорошо вел дела в Галилее, после чего, уверен, вы бы сняли с меня все обвинения. Но сейчас я понимаю, что нескольких свидетелей недостаточно, и потому привел сюда их всех. Пусть они расскажут вам, как я себя здесь вел и что делал. А вас, о галилеяне (тут он обратился к толпе), я заклинаю ничего не скрывать, а говорить только правду, и если я сделал что-то дурное, то скажите об этом.

«Когда я еще говорил это, — пишет Иосиф далее в „Жизнеописании“, — раздались всеобщие возгласы, называющие меня благодетелем и спасителем. Они свидетельствовали о прошлых моих деяниях и призывали к будущим. И все клялись, что жены их свободны от поругания и что никто никогда не был мною обижен. Затем я прочитал галилеянам два письма из тех, что отправили мне поставленные мною стражи, захватив их, когда они были посланы Ионафом: полные хулы и лживо утверждавшие, что я обращаюсь с галилеянами скорее как тиран, а не как стратег, — и много другого было там понаписано, не исключая никакого бесстыдного вранья. И я сказал народу, что получил эти письма потому, что гонцы отдали их по доброй воле, ибо я не хотел, чтобы сами мои противники знали о сторожевых отрядах, дабы, испугавшись, они не перестали писать.

Услыхав это, толпа, сильно разгневавшись, двинулась на Ионафа и тех, кто был с ним, чтобы

уничтожить их. И они бы сделали это, если бы я не успокоил гнев галилеян, а людям Ионафа не сказал, что я прощу им то, что они уже сделали, если они раскаются и, отправившись на родину, расскажут пославшим их правду о том, как я вел дела.

Сказав так, я отпустил их, хотя и знал, что они не сделают ничего из того, что обещали. Народ же распалялся гневом против них и просил меня позволить им покарать осмелившихся на такое. Итак, я всеми способами стал убеждать их пощадить этих людей — ибо я знал, что всякая смута погибельна для общего блага. Но народ не отступал от своего гнева на них, и все двинулись к дому, где остановились люди Ионафа. Я же, видя, что их напор неудержим, вскочив на коня, приказал народу следовать за мной в селение Согана, которое находилось в двадцати стадиях от Габары. И применив такую уловку, я устроил так, чтобы не показалось, что я зачинщик междоусобной войны» (ЖО, 50–51:259–265).

Итак, Иосиф предложил комиссии тихо-мирно вернуться в Иерусалим и там выступить перед Синедрионом в его защиту. Но он прекрасно понимал всю нереальность такого исхода, поскольку члены комиссии явно представляли интересы «партии войны», и с этой точки зрения им нужен был на посту коменданта именно Иоанн, а не он.

Поэтому он избрал другой путь — приказал сотне почтенных и пользующихся авторитетом в обществе старцев отправиться в Иерусалим, предстать там перед Синедрионом и всячески расхвалить Иосифа, одновременно обвинив Иоанна Гисхальского и присланных эмиссаров в том, что они сеют раздор и провоцируют беспорядки. Главной целью этой делегации было получение из рук правителей Иерусалима письма, в котором Иосифу приказывается остаться в Галилее, а Ионафу, Ханании, Иозару, Симону и всем остальным немедленно вернуться в столицу.

Делегаты должны были выехать из Галилеи в глубокой тайне, чтобы об их отъезде не узнал никто из противников Иосифа, и выполнить порученную им миссию в считаные дни. Для этого им следовало добираться до Иерусалима кратчайшей дорогой, через Самарию. Но, добавляет Иосиф, так как Самария к этому времени уже почти вся была в руках римлян, то он придал им для охраны 500 воинов. Это замечание Иосифа показывает, что события, о которых идет речь, происходили, видимо, в мае — июне 67 года — именно в это время римляне восстановили контроль над Самарией. Они не могли происходить позже, так как через месяц римляне уже были в Галилее.

* * *

Потерпев поражение в Габаре, Ионаф отпустил Иоанна в родной Гуш-Халав, а сам вместе с товарищами отправился в Тверию, откуда другой непримиримый враг Иосифа, Иисус бен Сафия направил им письмо, обещая всяческую поддержку в провозглашении эмиссаров правителями города. Ну а получив под свое начало Тверию, добавлял Иисус, они из нее смогут распространить свою юрисдикцию на всю Галилею.

Иосиф узнал об этом письме от верного Силы и уже хотел было поспешить с войском в Тверию, но Ионаф его опередил — он направил в Тарихею делегацию, которая стала уверять Иосифа в том, что все члены комиссии относятся к нему с большим почтением, осознали, что им куда лучше иметь союзником его, а не Иоанна, и в ближайшее время собираются возвращаться в Иерусалим, чтобы честно доложить обо всем, что они здесь увидели.

И, по словам Иосифа, они клялись при этом такими страшными клятвами, что он решил им поверить. Тем более что очень хотелось поверить — приближалась суббота и начинать какие-либо военные действия было совсем не с руки.

Но именно в субботу утром глава городского совета Тверии Иисус бен Сафия собрал в главной синагоге города огромное количество народа, представил им членов комиссии и стал убеждать, что «лучше, сограждане, повиноваться четырем мужам, и родом славным, разумением не последним, чем одному». Эти его слова были поддержаны Юстом, но вызвали недовольство у многих присутствующих сторонников Иосифа, так что в синагоге вспыхнул скандал, грозящий перейти в массовую драку. Но, к счастью, приближался полдень, и надо было спешить совершить утреннюю субботнюю трапезу.

Иосиф узнал об этом на исходе субботы и поспешил из Тарихеи в Тверию с большим отрядом воинов. Однако когда он прибыл в город, весь народ снова собрался в синагоге.

Перепугавшись при виде Иосифа с солдатами, люди Ионафа тут же стали распускать слух о том, что возле деревни неподалеку от Тверии видели римский отряд, после чего раздались крики не допустить грабежа пригородных земель римлянами. Иосиф, догадываясь, что его водят за нос, все же отправился в указанное место, но, не найдя и следа римлян, вернулся в город, где к тому времени шло заседание городского совета в присутствии многих других жителей.

Он вошел в здание синагоги, где оно проходило, как раз в тот момент, когда Ионаф зачитывал четыре письма (по мнению Иосифа, поддельных) от жителей приграничных областей, утверждавших, что большой римский отряд конницы и пехоты собирается через два дня грабить их земли, и призывавших поспешить им на помощь.

Закончив зачитывать письма, Ионаф обвинил Иосифа в том, что тот совершенно не справляется с защитой жителей, и эта его речь оказала должное воздействие — собравшиеся ей поверили и стали требовать от Иосифа покинуть Тверию и немедленно отправиться помогать соплеменникам.

Иосиф, прекрасно поняв, какой спектакль перед ним разыгрывается, решил подыграть: заявил, что он как раз ничего против не имеет, но так как в письмах сказано, что римляне нанесут удар одновременно с четырех направлений, то он предлагает разделить армию на пять частей, во главе каждой поставить одного из членов комиссии, и пусть те на деле докажут свою доблесть, а не только дают советы. Он же, Иосиф, оставит себе пятую часть армии и в необходимости придет на помощь другим.

Это предложение было встречено возгласами одобрения, а Ионаф и трое других членов комиссии выглядели явно растерянными. Однако тут у одного из приближенных Ионафа, Ханании, возник в голове поистине дьявольский план, который он решил прикрыть высокими религиозными соображениями.

Ханания предложил последовать традиции, согласно которой перед лицом опасности, чтобы продемонстрировать, что они полагаются не на силу своего оружия, а исключительно на Бога, объявить всеобщий пост и устроить массовую молитву в синагоге, на которую, само собой, следует явиться без оружия.

Иосиф моментально понял, в чем тут заключается подвох, но выступать против традиции, чтобы его обвинили в недостатке веры, не решился.

Наутро, собираясь на молитву, он все же надел панцирь, а меч спрятал так, чтобы тот был незаметен для окружающих, и то же самое велел сделать двум своим телохранителям.

В синагогу он направился в сопровождении нескольких десятков солдат, но стоявший на входе Иисус бен Сафия заявил, что места для всех там не хватает, и потому Иосифу придется войти

лишь в сопровождении пары телохранителей, а остальные его гвардейцы должны будут остаться на улице.

К тому времени Иисус бен Сафия уже послал в Гисхалу за Иоанном, обрадовав союзника тем, что Иосиф будет без оружия и тот сможет сделать с ним все, что пожелает.

Поначалу молитва шла как обычно, но затем Иисус вышел на возвышение для публичного чтения Торы и стал спрашивать Иосифа, куда он девал отобранное у народа имущество, «добытое» им при разграблении царского дворца в Тверии.

Иосиф ответил, что все эти ценности он передал тогдашним старейшинам города во главе с Юлием Капеллой, и они могут это подтвердить.

Тогда Иисус задал главный из заготовленных им вопросов: «А что стало с двадцатью золотыми монетами, которые ты получил, продав некоторое количество серебра из захваченного царского имущества?!»

И Иосифу не оставалось ничего другого, как признаться, что он отдал эти деньги отправленным им в Иерусалим послам, то есть использовал общественное достояние в личных целях.

Это было уже ни много ни мало, как признание в коррупции, и люди Ионафа сразу же стали выкрикивать обвинения в адрес коменданта, требуя придать его суду.

Чтобы успокоить страсти, Иосиф заявил, что готов немедленно компенсировать эти двадцать золотых из собственных средств, и это мгновенно изменило настроение собравшихся — с их точки зрения, вопрос о коррупции после этого можно было закрыть.

Почувствовав перемену в настроении толпы, Иисус потребовал, чтобы народ покинул синагогу и в ней остались только члены городского совета, которые проведут суд над Иосифом.

Многие заподозрили, что в этом требовании содержится какой-то подвох, и отказались расходиться. Но тут Ионафу шепнули, что Иоанн с большим отрядом уже близко, и он, вне себя от радости, вышел на возвышение и провозгласил: «Хватит, тивериадцы! Расследование о двадцати золотых можно прекратить, ибо не за них достоин Иосиф смерти, а за то, что сладкими речами обманул народ Галилеи и установил свою диктатуру!»

После этих слов заговорщики, обнажив мечи, стали надвигаться на Иосифа, и тогда он и его телохранители также выхватили спрятанное под одеждой оружие, чем явно привели своих противников в замешательство. В синагоге поднялась суматоха, воспользовавшись которой, Иосиф и его спутники выскочили на улицу и переулками, чтобы не столкнуться с отрядом Иоанна, добежали до берега озера, сели там в первую подвернувшуюся лодку и вскоре были уже в Тарихее.

Во всем случившемся Иосиф увидел явный Божий промысел: ведь не сдай у Ионафа нервы, дождись он прихода Иоанна Гисхальского — и его непременно ждала бы смерть!

Оказавшись в своей резиденции, Иосиф немедленно созвал большой совет из своих сторонников, на котором рассказал о случившемся в Тверии, и в ответ, как он и ожидал, услышал призывы начать войну и уничтожить как противников Иосифа в этом городе, так и Иоанна со всеми его людьми в Гисхале.

Однако Иосиф снова успокоил страсти и попросил соратников немного повременить, чтобы

дождаться возвращения посланной им в Иерусалим делегации — а по его расчетам, она должна была вернуться со дня на день.

Посланники и в самом деле вскоре вернулись и рассказали о полном успехе своей миссии. По их словам, когда представители Синедриона узнали, что Симон бен Гамлаил и Ханан бен Ханан за их спиной, по собственной инициативе, отправили комиссию в Галилею, они пришли в ярость. Ярость эта выплеснулась на улицу, и народ даже едва не поджег их дома.

Но самое главное — послы привезли Иосифу официальное письмо, подтверждающее законность его полномочий в Галилее и требующее немедленного возвращения всех членов комиссии в Иерусалим.

Теперь ситуация в корне менялась: все сомнения в правомочности власти Иосифа над Галилеей отпадали, а вот действия членов комиссии объявлялись незаконными, и им стоило побыстрее убраться туда, откуда они пришли.

После этого Иосиф снова собрал тысячи своих сторонников на холме возле расположенной неподалеку от Тверии деревни Арбела, зачитал им письмо из Иерусалима и тут же поручил курьеру доставить его в руки Ионафа.

Прочитав письмо, Ионаф понял всю двойственность ситуации, в которой оказался и, будучи явно растерян, собрал старейшин Тверии, Иисуса бен Сафию и Иоанна Гихальского на совет, чтобы совместно выработать линию поведения.

На заседании тивериадцы говорили, что, наоборот, теперь членам комиссии ни в коем случае нельзя покидать город, большая часть населения которого перешла на их сторону и больше не хочет видеть Иосифа. При этом понятно, что Иосиф попытается отомстить; вскоре появится здесь со своей армией, и Тверии надо готовиться к обороне.

Однако в итоге самым дельным собравшимся показался совет Иоанна Гисхальского. Он предложил продолжить «искать правды» в Иерусалиме, для чего туда должны отправиться два члена комиссии — Ионаф и Ханания, которые и убедят руководство страны в том, что Иосиф является узурпатором и опасным преступником, и получат дополнительные полномочия, а может, и армию.

Оставшиеся же здесь другие члены комиссии — Иозар и Симон — вместе с Иоанном помогут подготовить город к обороне и отразить атаку Иосифа.

В тот же день Ионаф и Ханания в сопровождении сотни солдат покинули город, но только для того, чтобы на границе Галилеи быть арестованными одним из поставленных Иосифом постов.

Разумеется, об этом в тот же день было доложено Иосифу, но он решил до времени сохранить эту информацию в тайне, выждал два дня и только затем появился с небольшим отрядом под стенами Тверии. Он предложил жителям города сложить оружие и выслать из него членов комиссии — как этого и требовалось в присланном из Иерусалима указе. Но тивериадцы, будучи уверены, что Ионаф и Ханан уже достигли Иерусалима и смогли переломить там ситуацию в свою пользу, ответили на это бранью и насмешками.

По словам Иосифа, он все еще обдумывал то, как взять город без кровопролития, но, судя по всему, после ареста Ионафа и Ханана, его эта ситуация уже только потешала.

На следующий день он привел к Тверии десятитысячное войско, но разделил его на четыре части. Три отряда, по три тысячи бойцов в каждом он дислоцировал в засаде в ближайших

деревнях, расположенных по разные стороны от города, и дал приказ ждать его сигнала, а сам появился у стен Тверии всего лишь с тысячью бойцов.

Увидев, с какой горсткой солдат явился к ним Иосиф, тивериадцы снова стали осыпать его насмешками. Они предприняли несколько вылазок из города, а потом устроили самый настоящий фарс — выставили на видное место погребальное ложе и стали со смехом оплакивать кончину Иосифа, демонстрируя, что он для них мертв и ничего не значит.

В ответ Иосиф заявил, что пришел предложить мир и хочет, чтобы члены комиссии с большим отрядом, который, по их мнению, будет достаточен для обеспечения их безопасности, вышли с ним на переговоры, поскольку он готов разделить с ними власть в Галилее.

Иозар не поверил Иосифу и отказался выйти за стены города, но вот юный Симон с большим отрядом охраны вскоре явился в ставку коменданта. Тот очень радушно его встретил, стал с ним прохаживаться на виду у всех, а затем, сделав вид, что хочет поговорить с ним наедине, увлек Симона в сторону, подальше от его телохранителей, и, как только те исчезли из виду, схватил его и передал в руки своих людей.

После этого Иосиф приказал двум своим отрядам выйти из укрытия и начать штурм Тверии. Бой получился упорный; в какой-то момент тивериадцы даже обратили его солдат в бегство, и Иосифу пришлось приложить усилия, чтобы переломить ход сражения и загнать тивериадцев обратно в город. В этот момент он отдал команду третьему отряду войти в город со стороны озера и поджечь первый же захваченный дом. Увидев поднимающийся над городом столб дыма, защитники Тверии решили, что город взят, бросили оружие и стали молить Иосифа о пощаде.

В тот вечер он удержал своих воинов от разграбления города и в честь победы устроил большой пир, на который велел привести Симона. Попросив у юного коэна прощение за недавнее вероломство, Иосиф сказал, что намерен отослать его с миром в Иерусалим, дав вдобавок денег «на дорогу».

На следующее утро Иосиф во главе десяти тысяч бойцов вошел в город. Вызвав на стадион старейшин, он потребовал от них назвать имена тех, кто больше всех подстрекал против него. Затем, проведя по составленному списку аресты, отослал их в кандалах в Йодфату (Иотапату).

Вслед за этим он объявил Иозара и Симона, а также всех прибывших с ними людей свободными и отослал их домой, дав каждому деньги на дорожные расходы.

История с комиссией была закончена, и закончена полной победой Иосифа.

* * *

Но вот удержать своих солдат от грабежа Тверии, которую они считали своей законной добычей, ему, похоже, не удалось. Пришлось собрать армию и потребовать от нее вернуть награбленное и сложить всё в кучу на центральной площади города — с тем, чтобы тивериадцы опознавали и разбирали свои вещи.

Поначалу награбленное отдавали неохотно. Но только до того момента, когда Иосиф приказал бичевать одного из сопровождавших его солдат, разгуливавшего в награбленной одежде.

Утихомирив Тверию, Иосиф взялся за Иоанна Гисхальского, но опять так, чтобы избежать кровопролития.

Он объявил, что те сторонники Иоанна, которые в течение двадцати дней сложат оружие, получат полную амнистию. У тех же, кто этого не сделает, будет сожжен дом, а их имущество передадут в казну — тем более что у него имеется полный список всех людей Иоанна (это и в самом деле было так, и для составления такого списка пришлось приложить немало усилий). В итоге, по словам Иосифа, четыре тысячи бойцов Иоанна сложили оружие и перешли на его сторону, а с Иоанном остались лишь его земляки и беженцы из Тира.

Таким образом, Иосиф мог торжествовать полную победу и считать себя безраздельным правителем Галилеи.

Но к этому времени у ее северной границы уже стояли легионы Тита Веспасиана Флавия.

Глава 10. Рим возвращается

Известие о начале восстания в Иудее, разгромном поражении Цестия Галла у Иерусалима и изгнании римлян и греков с большей части территории, на которой некогда располагались два независимых еврейских государства, застало императора Нерона в гастрольном турне по Греции.

Гастрольным оно было в самом прямом смысле этого слова — считая себя великим актером, император в каждом городе выступал в этом качестве в театре, играл в различных пьесах, декламировал стихи, и аплодисменты зрителей были для него куда слаще, чем крики толпы «Слава Цезарю!».

В поездке Нерона сопровождала огромная свита, состоявшая из римских аристократов, политиков и оставшихся не у дел военных самого разного калибра, игравших в первую очередь роль клакеров. Каждый из этой «группы поддержки», понятное дело, старался попасть в поле зрения императора, заслужить его благосклонность особо бурными и продолжительными аплодисментами, чтобы затем выпросить у «божественного» доходную должность для себя или для кого-то из членов семьи.

В «Иудейской войне» Иосиф Флавий пишет, что, узнав о печальных событиях в Иудее, Нерон «почувствовал тайный страх и смущение; но наружно старался быть высокомерным и показывал себя гневным, говоря: „во всем происшедшем виновата больше небрежность полководца, чем храбрость врагов“» (ИВ, 3:1:1).

Но насчет «страха и смущения» — это скорее не более чем домыслы автора. Зная Нерона, можно предположить, что он был возмущен тем, что его какими-то глупостями отвлекают от занятия высоким искусством и хотят помешать его актерскому триумфу. Но вот всю вину за случившееся он, безусловно, возложил на Цестия Галла, так как ему и в голову не приходило, что своим указом о том, что Кейсария является чисто греческим городом и языческое население вольно делать там все, что ему вздумается, именно он заложил под Иудею мину, которая просто не могла не взорваться.

Итак, «стрелочник» был найден, и с этого момента судьба Цестия Галла была решена. Правда, Галл еще несколько месяцев оставался губернатором Сирии и даже, как уже говорилось выше, пытался проводить против евреев локальные военные операции, но выступить против них в полномасштабный поход не решался, считая, что у него для этого недостаточно сил. Вероятно, он ждал помощи и подкрепления от Рима, но в Риме, а точнее, в окружении забросившего ради актерского успеха все дела императора, от Цестия Галла явно ждали другого.

И вскоре дождались: в конце зимы или начале весны 67 года Галл внезапно скончался. Была

ли это естественная смерть или самоубийство; ушел ли он из жизни сам или ему «помогли», навсегда останется покрыто мраком истории. Но хотелось того Нерону или нет, ему пришлось вернуться к государственным делам и подумать о назначении преемника Галла. После некоторого размышления он разделил его должность на две: административное управление Сирией передал Лицинию Муциану, который формально продолжил называться губернатором Сирии, а военное управление областью поручил Титу Веспасиану Флавию (которого обычно принято называть не по родовому имени, а просто Веспасианом); ему Муциан должен был передать все имеющиеся в его распоряжении легионы. Именно Веспасиану была дана задача поставить взбунтовавшуюся Иудею и прилегающие к ней области на колени и подавить восстание так, чтобы от этого содрогнулись не только евреи, но и все остальные покоренные Римом народы.

Выбор Веспасиана Тита Флавия однозначно говорит о том, что Нерон все же сохранил государственные чутье и сметку и владел искусством военных и политических назначений. Это становится особенно ясно, если учесть, что незадолго до того оставшийся на какое-то время не у дел Веспасиан умудрился впасть в опалу к Нерону, заснув (и, вероятно, вдобавок громко захрапев) на одном из спектаклей императора.

Назначение 58-летнего Веспасиана главнокомандующим экспедиционным корпусом (то есть, по сути, палачом Иудеи), безусловно, открывало перед ним огромные перспективы в уже казавшейся законченной карьере и в итоге, как известно, привело его на императорский трон.

Родословная и биография Тита Веспасиана Флавия достаточно хорошо известна из «Жизни двенадцати цезарей» Светония и «Анналов» Тацита, причем оба историка не скупятся на комплименты в его адрес, так как для них он однозначно является одним из самых выдающихся военных и государственных деятелей Римской империи.

Выходец из итальянской провинции, сын откупщика податей и знатной умберийки, Веспасиан знал в своей жизни немало взлетов и падений. Он успешно воевал во Фракии, Германии и Британии, покорил много племен и городов, получил консульство, а затем — по жребию — стал правителем Африки и «правил ею честно и с большим достоинством, если не считать, что однажды в Гадрумете во время мятежа его забросали репой».

«Во всяком случае, — пишет Светоний, — вернулся он из провинции, ничуть не разбогатев, потерял доверие заимодавцев и вынужден был все свои именья заложить брату, а для поддержания своего положения заняться торговлей мулами: за это в народе и называли его „ослятником“. Говорят также, что он получил двести тысяч сестерциев с одного юноши, которому выхлопотал сенаторскую одежду против воли его отца, и за это получил строгий выговор…»[38]

От Светония же известно, что Веспасиан никогда не скрывал свое плебейское происхождение, был до конца жизни неприхотлив, необычайно демократичен в общении, умел прощать недругов и провинившихся, а в вину ему Светоний ставит разве что чрезмерную любовь к деньгам. Но опять-таки деньги ему нужны были на те или иные государственные цели. В качестве его мягкосердечия Светоний приводит случай, произошедший, когда Веспасиан впал в немилость к Нерону: когда он «в страхе спрашивал, что ему делать и куда идти, один из заведующих приемами, выпроваживая его, ответил: „На все четыре стороны!“ А когда потом этот человек стал просить у него прощения, он удовольствовался тем, что почти в точности повторил ему его же слова».

Таким образом, имея за спиной весьма солидный послужной список, Веспасиан был одним из самых опытных римских полководцев своей эпохи, и Нерон действительно сделал лучший

выбор из всех возможных. В самом этом выборе Иосиф позже увидит предопределение свыше, сделавшее поражение евреев неотвратимым. Ведь Творец вполне мог подсказать и другой выбор — особенно с учетом той антипатии, которую Нерон испытывал к опальному генералу.

* * *

Вскоре после получения нового назначения Веспасиан покинул греческий город Ахайу, где в то время находился Нерон, и, переплыв Дарданеллы, направился посуху в Сирию. Одновременно он отправил своего старшего сына Тита в Александрию, чтобы тот собрал и привел к нему находившуюся там армию — тот самый пятнадцатый легион «Аполлинарий», который потопил в крови восстание в египетской столице.

Слухи о том, что огромная римская армия готовится выдвинуться к границам Галилеи, быстро достигли Иерусалима. Из опасений, что римляне могут ворваться в Иудею со стороны моря, было решено предпринять атаку на стоявший на берегу Аскалон (Ашкелон), население которого состояло из греков и с нетерпением ожидало возвращения римлян.

Еврейская армия совершила стремительный марш к этому городу, который защищала лишь одна когорта пехоты и один отряд всадников во главе с многоопытным командиром Антонием.

Завязавшееся у стен Аскалона сражение стало предвестием многих последующих бед евреев: оно показало, что горстка хорошо обученных и сражающихся по всем правилам науки римлян вполне может отбить атаки многократно превосходящих их беспорядочно сражающихся еврейских ополченцев. Особенно с учетом того, что у евреев почти полностью отсутствовала конница, появление которой на поле боя оказывается решающим фактором победы.

Первый бой за город закончился самой настоящей бойней: евреи потеряли 10 тысяч человек, включая двух своих командиров, в то время как потери среди римлян были единичными.

Третий из командиров, Нигер Пирейский, сумел бежать, собрал остатки армии и даже, не дав ей необходимой передышки, снова бросил ее в атаку — и снова потерпел поражение и вынужден был с остатками бойцов укрыться в крепостной башне. Когда римляне подожгли башню, он сумел выжить, пробравшись через подземный ход в расположенную неподалеку пещеру, но понесенное им поражение было поистине ужасным.

Зимой 67 года Веспасиан прибыл в столицу Сирии Антиохию, где принял находившиеся там два легиона, пятый и десятый, под свое командование. Туда же подошел вместе со своей армией и Агриппа Второй.

Из Антиохии Веспасиан с Агриппой направились в Тир, жители которого встретили Агриппу не просто враждебно, а очень враждебно — для них он был не царем, а обычным евреем, которому полагалась та же ненависть, что и остальным его соплеменникам.

Тиряне попытались настроить против него римского главнокомандующего, утверждая, что все это время еврейский царек вел двойную игру, заигрывая как с евреями, так и с Римом, а также напомнили Веспасиану о том, что родственник и полководец Агриппы Филипп в начале восстания бежал из города, оставив римский гарнизон без помощи.

Но Веспасиан был слишком умен, чтобы ссориться с Агриппой: тот нужен был ему прежде всего в качестве проводника, отлично знавшего местность, на которой предстояло воевать. Поэтому он сделал выговор старейшинам Тира за то, что они посмели оскорблять «царя и друга римлян», а Филиппа отправил на суд в Рим — чтобы с ним разбирался император, сняв с него, Веспасиана, эту головную боль.

Из Тира Веспасиан повел свою армию вдоль берега Средиземного моря в расположенную на самой границе Галилеи Птолемаиду. Туда же вскоре прибыл со своей армией Тит, побив все тогдашние рекорды скорости передвижения по морю и по суше — особенно с учетом того, что на дворе все еще стояла зима. Пусть мягкая, средиземноморская, но зима.

В одно мгновение Птолемаида превратилась в гигантский военный лагерь, состоящий из трех легионов, двадцати трех когорт, считая с пятью прибывшими из Кейсарии, подкрепленных конным отрядом. За ними подтянулись пять конных отрядов из Сирии. Десять когорт насчитывали по тысячи человек каждая, остальные — по шестьсот человек, каждый конный отряд — эти танковые войска античности — состоял из 120 всадников. Кроме того, местные царьки Антиох, Соем и Агриппа Второй выставили по две тысячи стрелков и тысячи всадников, арабский царь Малк направил с другой стороны Иордана пять тысяч пехотинцев, бо`льшая часть из которых были отличными лучниками, и тысячу конницы.

Таким образом, если судить по данным Иосифа, римская армия перед вторжением в Галилею и Иудею насчитывала 60 тысяч человек, не считая почти такого же количества бойцов вспомогательных войск, призванных вести различные инженерные работы. Исследователи оценивают боевую мощь армии Веспасиана несколько ниже — по их мнению, на том этапе она состояла из 45 тысяч солдат, но и это — огромная цифра. Особенно если учесть, что вся армия, которой Рим располагал в те дни, составляла порядка 150 тысяч воинов.

В Птолемаиде Веспасиан лично проинспектировал каждое подразделение, проверив, чтобы оно было полностью укомплектовано необходимым оружием и амуницией.

Там же, в Птолемаиде произошла первая встреча Тита Веспасиана с принцессой Вереникой, которая, по предположению Фейхтвангера, прибыла умолить Веспасиана по возможности проявить милосердие к жителям и — главное! — пощадить Иерусалим, а если это не получится, то хотя бы Иерусалимский Храм.

Там, в Птолемаиде 26-летний Тит воспылал страстью к 38-летней Веренике, и страсть эту, похоже, пронес через всю жизнь. Но только для того, чтобы в итоге убедиться, что император далеко не всегда может позволить себе жениться по любви.

Об этой любви мы знаем от римских историков куда больше, чем от Иосифа Флавия. Но вот догадываться о том, что действительно чувствовали по отношению друг к другу эти двое, принадлежавшие к враждующим народам, мы можем только по роману Фейхтвангера, умевшего, как и любой большой писатель, проникать в тайны человеческой психологии.

Наконец, в Птолемаиде произошло еще одно важное событие, во многом определившее все последующие. Сюда явилась делегация из Сепфориса, жители которого, как уже не раз говорилось, никогда особо не скрывали своих проримских настроений и поддерживали тесные отношения еще с Цестием Галлом. Старейшины Сепфориса не только в очередной раз заявили Веспасиану о своей лояльности, но и попросили его прислать к ним в город большой гарнизон «для защиты от воинственных соплеменников».

Одновременно они подробно описали главнокомандующему римской армией ситуацию в Галилее, рассказав в числе прочего об Иосифе и какие шаги он предпринял по подготовке области к отражению римской атаки, а также о том, как защищены основные галилейские города и какие силы они могут противопоставить противнику.

Веспасиан мгновенно оценил все выгоды сделанного ему предложения и направил в Сепфорис шесть тысяч человек пехоты и сотню всадников во главе с трибуном Плацидом, с которым

Иосиф уже давно вел позиционную войну. Теперь Сепфорис, большой и хорошо укрепленный город, превращался в удобный плацдарм для завоевания всей Галилеи, и Иосиф, разумеется, это прекрасно понимал.

Достигнув Сепфориса, Плацид разместил пехоту в городе, а для конницы построил лагерь за его стенами и отсюда производил непрестанные вылазки в окрестные города и села, грабя их и внушая ужас перед грядущим, тем самым парализуя волю галилеян к сопротивлению.

Иосиф попытался отбить Сепфорис у Плацида. Он привел свою армию в селение Гарис, расположенное в паре километров от Сепфориса, и ночью внезапной атакой попытался взять город. Взобравшись по лестницам на его стены, евреи сумели войти в город и даже захватить несколько его кварталов, но быстро поняли, что без знания местности они понесут большие потери, и Иосиф дал команду отступать. Римляне в том бою потеряли 12 солдат, погибло также несколько жителей города-предателя, а у Иосифа был убит только один боец.

Наутро битва продолжилась, но тут в дело вступила конница, и когда евреи поняли, что их пытаются окружить, они бросились бежать врассыпную. Иосифу ничего не оставалось делать, как также спасаться бегством. Ему снова удалось уцелеть, но в этом бою был убит прикрывавший его верный телохранитель Юст.

В эти же самые дни в Галилее появилась гвардия царя Агриппы во главе с начальником личной охраны царя Силлой. Заняв позицию в районе городка Юлиада (в евангелиях этот город обозначен как Вифсаида; в оригинале — Бейт-Цайда, что можно перевести как «Охотничий домик»), неподалеку от того места, где Иордан впадает в Кинерет, отряд Силлы перекрыл все дороги в Селевкию и Гамлу, отрезав, таким образом, эти два города от остальной Галилеи и оставив их жителей без надежды, что Иосиф сможет прислать к ним подкрепление.

Если верить «Жизнеописанию», Иосиф сначала направил к Юлиаде две тысячи пехотинцев во главе с офицером по имени Иеремия, но тот так и не решился вступить в бой и несколько дней лишь обстреливал лагерь Силлы из луков и камнеметных орудий.

Затем к Юлиаде прибыл сам Иосиф с еще тремя тысячами воинов, и ситуация резко изменилась. Устроив засаду в близлежащем овраге и четко проинструктировав своих солдат, как они должны действовать, Иосиф выманил отряд Силлы на равнину, а затем отдал команду передовому отряду устроить притворное бегство.

Гвардейцы Агриппы бросились преследовать отступающего противника, но когда солдаты Иосифа миновали овраг, они резко развернулись, а с тыла по врагу ударила засада.

«И я бы довершил в тот день это дело, если бы не помешал некий демон. Ибо конь, на котором я сражался, попал в топкое место и сбросил меня на землю: и поскольку у меня было повреждено запястье, я был доставлен в селение, называемое Кефарнома (Капернаум, он же Кфар-Нахум). А мои люди, услышав это и опасаясь, что со мной случилось что-нибудь похуже, прекратили преследование и вернулись ко мне весьма обеспокоенные».

Судя по всему, полученная Иосифом рана оказалась серьезной: ночью у него начался жар, и по совету врачей его переправили в Тарихею. Узнав об этом, Силла предпринял утром наступление на лагерь Иосифа. Устроив засаду на другом берегу Иордана, он стал вызывать оставшихся без командира евреев на бой. И бой в конце концов завязался, но затем к Силле поступило ложное сообщение о том, что Иосиф выслал своим бойцам подкрепление из Тарихеи, и царская гвардия решила отступить. Евреи потеряли в том бою шестерых человек.

Но главной проблемой Иосифа зимой и весной 67 года оставался Сепфорис. Бой, который

попытался дать Иосиф Плациду, лишь еще больше раззадорил и разозлил его. «Раздраженные нападением римляне, не отдыхая ни днем, ни ночью, опустошали поля, грабили имущество поселян, убивали способных носить оружие, а более слабых продавали в рабство. Убийства и пожары наполняли всю Галилею; никакие бедствия и несчастья не остались неиспытанными, ибо преследуемые не имели другого убежища, кроме городов, укрепленных Иосифом» (ИВ, 3:4:1), — сообщает он в «Иудейской войне». Там же он признаётся, что, если бы сумел удержать этот укрепленный им самим город, «даже римляне не могли бы взять его, разве только с большим трудом».

Еврейские историки в ответ с сарказмом замечают, что у Иосифа было, как минимум, два шанса оставить Сепфорис в руках повстанцев и не допустить в него римлян, но он словно специально упустил и тот и другой. В сущности, в «Жизнеописании» он сам свидетельствует об этом.

Когда сепфориты в первый раз послали делегацию к Цестию Галлу с просьбой прислать гарнизон в их город, Иосиф, узнав об этом, двинулся туда с войском, рвавшимся покарать предателей. Город был взят штурмом, а его жители, заметив ярость нападавших, бросили свои дома и укрылись в стоявшем на холме замке.

Оказавшись внутри опустевших кварталов, бойцы Иосифа занялись грабежом, не слушая ни приказов, ни просьб Иосифа прекратить мародерство. Тогда он распустил слух, что римляне ворвались в другую часть города с большим войском, и с помощью этой уловки заставил свою армию бежать.

Да и во второй раз, когда уже была занята часть Сепфориса, разве не он сам скомандовал к отступлению под предлогом недостаточного знания местности?!

Таким образом, не кто иной, как Иосиф, был виноват в том, что Плацид, по его собственным словам, рыскал по всей Галилее, убивая и беря в плен всех, кто попадался ему на пути. Когда же он сталкивался с каким-то вооруженным отрядом, его бойцы пытались укрыться за стенами ближайшего города, а штурмовать их Плацид долго не решался.

Но, наконец, в голове его созрел необычайно дерзкий план: внезапно всеми имевшимися у него силами напасть на хорошо укрепленную Иотапату (Йодфату). Судя по всему, Плацид рассчитывал на то, что покорение Иотапаты вселит в жителей Галилеи такой ужас, что они начнут сдавать свои города без боя, и тогда именно он определит весь дальнейший ход войны; попросту преподнесет Веспасиану Галилею на блюдечке, а себе обеспечит славу выдающегося военачальника с дальнейшей головокружительной военной карьерой.

Но, как известно, рожденные в головах отчаянных любителей повоевать планы часто рушатся при первом же столкновении с реальностью, и план Плацида не стал в этом смысле исключением. Жители Иотапаты давно и хорошо готовились к войне. На подступах к этому затерянному между горами городу были выставлены караулы, и потому они встречали Плацида в полном вооружении у родных стен. А вот римляне, похоже, такого явно не ожидали, и, прежде чем они сами успели подготовиться к атаке, евреи атаковали их сразу с нескольких сторон, обрушив на них сотни стрел и дротиков. Правда, Плацид и его солдаты не потеряли твердости духа, быстро выстроились в знаменитую римскую черепаху, в которой передние ряды выставляют перед собой щиты, а срединные поднимают их над головой.

Благодаря организованному отступлению, а также нежеланию евреев вступать в ближний бой с хорошо вооруженной тяжелой пехотой, убитых в этом бою среди римлян было немного, но вот раненых — предостаточно. Защитники же Иотапаты потеряли всего троих убитыми и

нескольких ранеными. Так Плацид понял, что имеющимися у него силами город не взять, хотя от своей идеи, как мы увидим чуть позже, до конца не отказался.

Но, как бы то ни было, все это еще были бои местного значения. Настоящая битва была впереди.

* * *

И она началась, когда Веспасиан отдал приказ своим легионам перейти границу Галилеи. Здесь, наверное, следует предоставить слово самому Иосифу Флавию, блестяще описавшему ту самую наводившую ужас на весь мир неостановимую поступь римских легионов:

«Решившись, наконец, сам вторгнуться в Галилею, Веспасиан выступил из Птолемаиды и двинул свое войско в поход в принятом по римскому обычаю порядке. Легкие вспомогательные отряды и стрелков он выслал вперед для отражения непредвиденных неприятельских нападений и осмотра подозрительных лесов, удобных для засад. За ними следовало отделение тяжеловооруженных римлян, состоявшее из пехоты и всадников, после чего шли по десять человек из каждой центурии, носившие как собственную поклажу, так и инструменты для отмеривания лагеря; за ними тянулись рабочие, которые должны были выравнивать извилистые и бугристые места по главной дороге и срубать мешающие кустарники, дабы войско не уставало от трудностей похода; позади них, под прикрытием сильного отряда всадников, подвигался обоз, состоявший из багажа начальствующих лиц. Затем следовал сам Веспасиан, сопровождаемый отборной пехотой, всадниками и броненосцами, вслед за ним ехали принадлежащие к легионам всадники, которых каждый легион имел 120; затем шли мулы, навьюченные осадными машинами и другим военным снаряжением; после появлялись легаты, начальники когорт с трибунами, окруженные отборным войском; за ними несли знамена и посреди них орла, которого римляне имеют во главе каждого легиона. Как царь птиц и сильнейшая из них, орел служит им эмблемой господства и провозвестником победы над всяким врагом, против которого они выступают. За этими святынями войска шли трубачи, и тогда лишь двигалась главная масса войска тесными рядами, по шесть человек в каждом, сопровождаемая одним центурионом, который, по обыкновению, наблюдал за порядком. Обозы легионов вместе с вьючными животными, носившими багаж солдат, непосредственно примыкали к пехоте. Наконец, позади всех легионов шла толпа наемников, за которыми для их безопасности следовал еще арьергард, состоявший из пехоты, тяжеловооруженных воинов и массы всадников» (ИВ, 3:62).

Однако, войдя в Галилею, Веспасиан не стал двигаться дальше, а стал строить на ее границе обычный военный лагерь — с тем чтобы сам вид столь огромной армии вселил ужас в сердца местных жителей и внушил им мысль о бесполезности любого сопротивления. И этот психологический прием отлично сработал: бо`льшая часть стоявшего у того же Гариса, рядом с Сепфорисом, войска Иосифа стала разбегаться, еще даже не столкнувшись лицом к лицу с римлянами, — будучи поражена рассказами тех, кто их видел.

Дезертирство в эти первые дни войны приняло такие масштабы, что Иосиф был в отчаянии, и в конце концов и сам вместе с верными ему бойцами решил отказаться от проявления какой-либо инициативы и до тех пор, пока это будет возможно, избегать прямого столкновения с врагом.

«Иосиф, оставшись с очень немногими, счел себя чересчур слабым для встречи неприятеля; от его внимания не ускользнул также упадок духа, овладевший иудеями, и то обстоятельство, что они большей своей частью, если бы могли довериться римлянам, охотно вошли бы в соглашение с ними. Исполненный мучительных предчувствий насчет исхода войны вообще, он

решил на этот момент по возможности уйти от опасности и вместе с оставшимися верными ему людьми бежал в Тивериаду» (ИВ, 3:6:3), — констатирует он в «Иудейской войне».

Это бегство Иосифа лишь еще больше усилило страх жителей Тверии, понявших, что, если бы Иосиф хоть немного верил в возможность победы над римлянами, он бы не укрылся за их стенами. Надо заметить, что это было недалеко от истины: он и в самом деле понял, что остановить римлян теми силами, которые имеются в его распоряжении, невозможно, что лучшее, что можно сделать в той ситуации, в которой он оказался, — это сдаться и уповать на прощение римлян. Но в то же время в «Иудейской войне» он уверяет, что, несмотря на всю тяжесть положения, у него ни на минуту не появлялось мысли об измене своей родине и народу и обмене жизни на бесчестие.

Поэтому, прибыв в Тверию, он первым делом уселся за письмо в Иерусалим. Он писал его, постоянно одергивая себя и требуя от самого себя объективности: ему не хотелось ни преувеличивать силу римлян, чтобы прослыть паникером, ни преуменьшать ее, чтобы вдохнуть новые надежды в горячих сторонников продолжения восстания и войны с Римом до победы, которая представлялась все более и более ирреальной.

Закончил письмо он словами о том, что если правительство решит начать мирные переговоры, то он готов взять на себя эту миссию, но не раньше, чем получит официальное подтверждение своих полномочий. Если же решение о войне остается в силе, то он ждет такого подкрепления из Иерусалима, которое будет достаточным, чтобы сразиться с римской армией на равных. Не исключено, что он также советовал Синедриону попробовать сформировать армию из еврейских добровольцев из Персии и Вавилона, а также обратиться за помощью к Парфии. Г. Г. Генкель почему-то видит в этом послании признание Иосифа в собственной трусости, малодушии и политической бездарности, хотя на взгляд автора этой книги, это была вполне разумная просьба. Но в силу целого ряда факторов, и прежде всего нежелания парфянского царя Вологеза нарушать договор и вступать в новую войну с Римом, она была неосуществима.

Веспасиан между тем уже начал войну, взяв Габару. Взяв легко — гарнизон города бежал еще до прихода легионеров, и в нем оставались только мирные жители. Но после вступления в город он приказал убить всех юношей, а девочек и женщин взять в рабство. Вслед за этим последовал приказ сжечь не только город, но и все окрестные селения, а не успевших убежать из них жителей обратить в рабство.

Солдаты выполняли приказ своего полководца охотно: многие из них летом 66 года стояли под стенами Иерусалима и сейчас вымещали на жителях пережитое тогда унижение.

Было понятно, что такая же судьба ждет и другие города Галилеи.

Плацид тем временем посвятил Веспасиана в свой план, согласно которому взятие Иотапаты позволит быстро, буквально в течение нескольких дней, успешно закончить всю кампанию в Галилее и двинуться на Иерусалим. И Веспасиану эта идея, похоже, понравилась.

Глава 11. Мертвые сраму не имут

Самим своим существованием Иотапата словно бросала вызов любому полководцу, который задумал бы овладеть этим городом.

С одной стороны, она была расположена вроде бы в низине, между горами, так что путник, ехавший по торной дороге, мог ее и не заметить. Надо было въехать в сами горы, чтобы вдруг перед тобой словно из ниоткуда возник цветущий, полный жизни город.

С другой стороны, она почти целиком располагалась на стоящей посредине этой долины высокой горе, и со всех сторон ее окружали такие глубокие пропасти, что, глядя вниз с городских стен, жители не видели их дна. При этом Иосиф окружил Иотапату мощными стенами, а к воротам города по склону горы вела узкая дорога, на которой с трудом могли разминуться два всадника.

Готовя Иотапату к войне, Иосиф сделал большие запасы продовольствия; всех видов продуктов в городе должно было хватить на много месяцев, так что призрак голода ее защитников не страшил. Но вот с водой и в самом деле была проблема. На всей Земле обетованной главным источником воды всегда были проливные дожди, начинающиеся обычно в ноябре и идущие примерно до марта. Дождевую воду собирали в выкопанные для этой цели глубокие водосборники и затем использовали ее до начала следующего сезона дождей. Иотапата не была в этом смысле исключением. Безусловно, были и колодцы; те, кто жил на берегу Иордана или Кинерета, пользовались водой из реки или озера, но и они зависели (и по сей день зависят) от обилия дождей — в засушливые годы Иордан мелеет настолько, что его вполне можно перейти посуху. Да и по Кинерету в такие годы можно пройти не один десяток метров, лишь слегка замочив ноги. Но в Иотапате никаких других источников воды, кроме водосборников, не было.

Веспасиан начал с того, что велел вспомогательным войскам и нескольким подразделениям легионеров выровнять местность и проложить к городу широкую дорогу, по которой легко могла бы пройти армия со всем, что необходимо для осады. Строительство дорог, как и любой другой необходимой инфраструктуры, в Древнем Риме было отлажено не хуже, а в чем-то даже лучше, чем в наши дни. Так что, действуя по всем правилам инженерной науки, армия проложила дорогу за четыре дня. Узнав об этом, Иосиф оставил Тверию и с восемью тысячами бойцов поспешил на помощь городу. Это была вся его армия — никаких десятков тысяч, о которых он говорил, хвастаясь успехами в подготовке Галилеи к обороне, у него не было и в помине.

Приход в город Иосифа со своей дружиной воодушевил жителей, которые, несмотря на весь свой боевой пыл, при виде прокладывающих дорогу римлян заметно приуныли.

Но, как оказалось, Иосиф своим марш-броском воодушевил не только иотапатцев, но и Веспасиана, узнавшего о его появлении от жителя города, перебежавшего на сторону римлян.

Теперь Веспасиану была нужна не только Иотапата, но и Иосиф — пленение главнокомандующего еврейской армией в Галилее сулило быстрое окончание кампании, так как после этого никакого сколько-нибудь организованного и направляемого из единого центра сопротивления попросту не могло быть.

Поэтому Веспасиан немедленно отправил Плацида и декуриона Эбутия во главе тысячи всадников с приказом перекрыть все выходы из Иотапаты так, чтобы даже летучая мышь, не говоря уже об Иосифе, не могла проскочить мимо этих постов. Таким образом, город оказался в полной блокаде. На следующий день здесь появился сам Веспасиан и велел строить лагерь на расстоянии полета стрелы от городских стен — так, чтобы жители прекрасно видели его солдат со стен, но при этом не могли причинить им никакого вреда.

Лагерь также был построен в рекордно короткие сроки, так как каждое подразделение и каждый солдат в этом подразделении четко знал, что ему следует делать. Вскоре город оказался окруженным со всех сторон тройной живой стеной, так что первоначальное конное оцепление стало теперь третьей линией блокады. Можно только представить, с каким ужасом

смотрели в наступающих сумерках жители на это тройное кольцо, стянувшее петлю на шее Иотапаты. Но, как замечает Иосиф, евреи, «отчаявшись в спасении, сделались через это только смелее, ибо ничто так не воодушевляет на борьбу, как сознание безысходности» (ИВ, 3:7:4).

На следующее утро римляне начали атаку. Но, предвидя это, защитники города встретили их у стены и в рукопашной схватке успешно отбили первую атаку, чем немало удивили видавшего виды Веспасиана. В ответ он велел обрушить на обороняющихся настоящий дождь из стрел и камней, и под их прикрытием римляне начали взбираться вверх по склону, ведущему к городским стенам, а уж как брать городские стены, они знали очень хорошо.

Но в этот момент Иосиф лично возглавил вылазку за городские стены, и на холме завязался тяжелый бой, продолжавшийся до самого вечера. К концу боя евреи отбросили своих противников далеко от стены, но обе стороны понесли заметные потери. У римлян было 13 убитых и несколько сотен раненых, у иудеев — 17 убитых и 600 раненых.

На следующий день бой продолжился, и, как и в предыдущем, обе стороны выказывали в нем чудеса мужества и храбрости. Успех оказанного врагу сопротивления, по словам Иосифа, сделал евреев «еще более смелыми; но и римляне защищались сильнее; удар, нанесенный их честолюбию, ожесточил их до крайности, так как им казалось равносильным поражению то, что они не сразу победили» (ИВ, 3:7:6).

Так продолжалось пять дней. На шестой, пораженный мужеством противника, Веспасиан решил, что с него хватит этих бессмысленных лобовых атак и брать крепость следует старым проверенным способом: насыпать земляной холм вровень с городскими стенами и уже с него прорваться внутрь после того, как катапульты, баллисты и прочие орудия сделают свое дело.

Это означало, что ожидаемого «блицкрига» не получилось. Галилейская кампания могла оказаться куда более долгой, чем он предполагал.

* * *

Думается, читатель уже задался вопросом о том, откуда у Иосифа столь точные сведения о вражеских потерях, не выдумывал ли он все эти цифры?

Забегая вперед, заметим, что ответ на этот вопрос известен. Во время работы над «Иудейской войной» Иосиф опирался не только на свою замечательную память и, возможно, личные записки, но также и на милостиво переданный ему полевой дневник Веспасиана.

Каждый римский полководец во время войны вел такой дневник, в который вносил все значимые, а подчас и не очень значимые события каждого дня, а также, само собой, и дневную сводку о потерях. Ведение такого дневника было частью римской военной науки — записи помогали лучше проанализировать ситуацию на фронте и принять наиболее верное решение. Потом из подобных сухих заметок вырастали военные мемуары вроде «Записок о галльской войне» Юлия Цезаря. Так что приводимым Иосифом цифрам и фактам вполне можно доверять — у него был очень надежный источник.

Итак, Веспасиан начал строить штурмовую насыпь, для чего вспомогательные войска вырывали ежедневно горы земли, доставляли множество камней как для укрепления вала, так и для камнеметных орудий, а заодно вырубили все окрестные деревья, совершенно обнажив местность вокруг Иотапаты. Понятно, что при строительстве они оказались досягаемыми для стрельбы из луков, и защитники города стали осыпать их градом стрел. Чтобы защитить своих людей, Веспасиан велел сплести из ивняка своего рода гигантские высокие беседки и

выставить впереди такие же плетеные ограды. Теперь летевшие сверху стрелы застревали между прутьями ограды или крыш «беседки» и строители могли спокойно работать. Работа шла в три смены: треть бойцов строила вал, треть копала для него землю, а треть обстреливала еврейских стрелков. Затем они менялись местами.

Видя, что стрелы больше не причиняют римлянам никакого вреда, Иосиф приказал обстреливать их тяжелыми камнями, выполнявшими в античном мире роль современных ракет. Камни проламывали плетеные крыши, калеча строителей, но даже если обходилось и без этого, они всё равно пугали рабочих своим устрашающим свистом и заметно замедляли темп работы.

В ответ Веспасиан выстроил вдоль стены города 160 различных орудий и осыпал защитников города градом из длинных стрел и копий, которые пучками выстреливали катапульты, тяжелыми, иногда в десятки килограммов веса специально заточенными камнями, которые с гигантской скоростью вылетали из баллист и, попадая в столпившихся на стенах людей, приводили к большим потерям.

К этому добавлялись и пылающие головни, и обычные стрелы, так что теперь евреи боялись поднять головы из-под брустверов, и строительство насыпи возобновилось прежними темпами.

В качестве противодействия осажденные стали совершать внезапные вылазки на строителей и охранявших их солдат. Появляясь перед ними словно из-под земли, они убивали безоружных рабочих, нередко обращали в бегство римских воинов, а затем поджигали уже возведенные деревянные и плетеные сооружения, разрушали часть построенного вала и возвращались под прикрытие стен. Даже если численное превосходство позволяло легионерам оттеснить их, они всё равно в своей тяжелой амуниции не могли нагнать легковооруженных и потому куда быстрее передвигавшихся иудеев.

Проанализировав ситуацию, Веспасиан понял, что евреи в своих рейдах из-за стен пользуются промежутками между «беседками», и велел соединить их в единую защитную галерею. Это оказалось эффективным — вылазки почти прекратились, работы пошли быстрее, и высота вала вскоре почти сравнялась с высотой стены.

Иосиф в качестве ответной меры приказал горожанам нарастить стену, но римляне теперь уже с вала осыпали их стрелами, не давая вести работы. И вновь следует отдать должное смекалке Иосифа: он приказал оградить своих строительных мастеров стеной из развешанных на столбах сырых воловьих шкур. Камни, попадая в такие шкуры, отскакивали от них, как от батута, а стрелы скользили по их поверхности. Это позволило спокойно вести работы и увеличить высоту стен Иотапаты местами на 20, а то и более метров, построить на них множество башен и оснастить их крепкими брустверами.

Увидев, что стремительно выросшие стены почти свели на нет всю ту работу, которую они проделывали в течение нескольких недель, римляне заметно пали духом, а Веспасиан пришел в ярость. У евреев, наоборот, укрепление стен вызвало новый прилив сил, и они возобновили вылазки, заставляя римлян бросать позиции и сжигая их орудия и вообще все, что только можно было сжечь.

Не желая больше нести потери, Веспасиан решил перейти к длительной осаде города, чтобы принудить его защитников капитулировать от голода и жажды.

Как уже было сказано, запасов еды в Иотапате было более чем достаточно, но вот с водой дело обстояло куда хуже, а, как известно, если без пищи человек может продержаться почти месяц,

то без воды — не более трех дней. Учитывая это, Иосиф был вынужден ввести в городе жесткие нормы выдачи воды, что удручающе подействовало на многих горожан — хотя они еще не умирали от жажды, но сама перспектива такой смерти их явно пугала, и они по чисто психологическим причинам стали постоянно испытывать куда большую жажду, чем если бы этого страха не было. Им все время казалось, что запасы воды уже иссякли, а до долгожданных дождей было еще ой как далеко.

Как следствие этой паники, у построенных над водяными ямами цистерн стали собираться огромные очереди желающих получить водный паек. Заметив это с вала, римляне стали бить из катапульт и баллист по этим очередям, и каждый такой обстрел уносил всё новые жизни.

Поняв, что чем больше война затягивается, тем больше она приобретает психологический характер, Иосиф нашел новый блестящий ход: велел жителям вымочить свои одежды в драгоценной воде и развесить их на брустверы так, чтобы с них на стену потек настоящий водный поток. Можно представить, с каким озлоблением смотрели римляне на это представление; как таяли в этот момент их надежды на то, что еще немного — и Иотапата начнет умирать от жажды.

Вдобавок к этому Иосиф обнаружил козью тропу, ведущую из ущелья в долину, по которой ночью можно было миновать римские караулы, и с ее помощью установил сношение с внешним миром и организовал доставку дополнительных продуктов в город.

Каждую ночь кто-то из его воинов спускался по этой тропе в долину, а затем, прикрыв для маскировки спину бычьей шкурой, проползал мимо римских караульных. Видимо, именно таким образом Иосиф и отправил в Иерусалим письмо о том, что Иотапата еще держится и он планирует удерживать ее, как минимум, до праздника Шавуот (Пятидесятницы), то есть примерно до начала июня. Однако затем один из посланцев Иосифа был пойман, тропа обнаружена и пользоваться ею стало опасно.

Таким образом, Иосиф все больше и больше приходил к выводу, что Иотапата обречена и потому ему следует бежать из города — хотя бы по той же «козьей тропе».

Думал ли он при этом сдаться в плен римлянам? Такая версия маловероятна, поскольку если бы у него и в самом деле были такие мысли, то он бы реализовал их сразу после падения города. Но вот о своем личном спасении он думал безусловно. Ему было тридцать лет, и он хотел жить. Но Иосиф бен Маттитьягу не был бы самим собой, если бы не подвел под это в общем-то естественное, инстинктивное желание мощную идеологическую базу. Так что, когда иотапатцы разгадали его планы и, видимо, были готовы растерзать его за предательство, Иосиф по своему обыкновению представил им массу очень логичных доводов, согласно которым он планирует покинуть осажденный город… ради их же блага.

Во-первых, говорил Иосиф, так он сможет продолжить руководить борьбой против римлян, соберет новую армию, приведет ее к Иотапате и ударит в тыл Веспасиану.

Во-вторых, узнав о том, что Иосифа больше нет в городе, римский военачальник ослабит свой пыл, а возможно, и вообще снимет осаду, переключившись на другие цели, главной из которых станет его пленение.

Вот как он представляет все это в «Иудейской войне»: «Иосиф тогда убедился, что город недолго еще будет держаться и что его личное спасение, в случае дальнейшего его пребывания в нем, сделается весьма сомнительным. Ввиду этого он, посоветовавшись со знатнейшими лицами, составил план бегства. Жители, однако, узнали об этом, обступили его и

умоляли не покидать их в то время, когда они только и рассчитывают на него: он составляет еще последнюю надежду на спасение города, так как пока он здесь, то ради него каждый будет бороться с радостью; попадут они в руки неприятеля, он останется их утешением. Ему не подобает бежать от врага, бросать друзей и при наступлении бури покинуть корабль, на который он вступил при спокойном плавании. Он окончательно погубит город, так как никто не осмелится больше сопротивляться неприятелю, если уйдет тот, который всем внушает бодрость.

С этой минуты Иосиф не давал больше повода заметить, что он занят мыслью о собственном спасении, а говорил, что, наоборот, желает уйти в их же собственных интересах. Ибо его пребывание в городе, пока они еще вне опасности, не принесет им много пользы; если же они будут покорены, тогда он без всякой надобности погибнет вместе с ними. Но раз ему удастся проскользнуть мимо осаждающих, он может оказать им извне существеннейшие услуги: он поспешит тогда, как можно скорее, собрать галилеян из деревень и таким образом заставит римлян выступить против него и отступить от их города. Он не видит, чем он может быть им полезен теперь, оставаясь на месте, — будет разве то, что он сделает римлян более настойчивыми в осаде, так как для них чрезвычайно важно захватить его в свои руки; если же они узнают о его бегстве, тогда они значительно охладеют к осаде.

Иосиф, однако, не убедил этих людей, а достиг только того, что они еще сильнее к нему приставали. Дети, старцы, женщины с грудными младенцами на руках пали с воплем пред ним, охватили его ноги и, рыдая, молили его все-таки делить с ними их судьбу, — не потому, я думаю, чтоб они не желали спасения ему, а потому, что они еще надеялись на свое собственное: ибо они думали, что пока Иосиф остается на месте, им не может быть причинено никакое зло.

Убедившись, что лучше уступить их настойчивым требованиям и что в случае упорства его возьмут под стражу, тронутый, с другой стороны, жалостью к стонущим, он решил остаться и, вооружившись тем духом отчаяния, которое внушало положение города, воскликнул: „В таком случае пора начать бой, ибо надежды на спасение больше нет! Ценой жизни мы купим добрую славу и храбрыми подвигами прославим себя перед дальними потомками“. От этих слов он перешел к делу, сделал вылазку во главе отборных бойцов, обратил в бегство неприятельские аванпосты, протеснился до самого лагеря римлян, разрушил кровли, под которыми укрывались строители шанцев, и бросил пылающие головни в их сооружения. Повторяя то же самое на второй и на третий день, он еще несколько дней и ночей подряд провел в безустанной борьбе» (ИВ, 3:7:15–17).

Вряд ли все было именно так, как здесь описано. Скорее всего, угроз в адрес решившего бежать командующего обороной города было куда больше, чем просьб и мольбы остаться. И остался Иосиф отнюдь не потому, что его тронула «жалость к стонущим», а поскольку ясно понял: еще немного — и его «возьмут под стражу», а затем, возможно, и казнят. Словом, у него просто не осталось иного выхода, и, отчаявшись сам, он повел отчаявшихся горожан в последние жестокие бои, вновь доказав, что обладает не только удивительной способностью к выживанию, но и немалой воинской храбростью и полководческой смекалкой.

Однако далее Иосиф точно замечает, что если обороняющаяся сторона действует от отчаяния, то наступающей куда легче сохранить хладнокровие и действовать по всем правилам военной науки. Когда вылазки евреев стали приводить к значительным потерям среди римлян, в то время как сами евреи их почти не несли, быстро возвращаясь в город, Веспасиан пришел к выводу, что самым главным в данной ситуации является не дать противнику достигать поставленных при вылазках целей. А значит — и радости побед в отдельных сражениях при почти неизбежном поражении в глобальной битве.

С этой целью он выдвинул вперед арабских лучников и сирийских пращников, метавших из пращи свинцовые отливки яйцевидной формы. Эти отряды обстреливали совершавших вылазки защитников Иотапаты спереди, а сзади на них обрушивался град стрел и камней из метательных орудий.

Теперь участники вылазок несли ощутимые потери, но под градом стрел и свинцовых пуль, убивавших при прямом попадании наповал, продолжали идти вперед, добираться до передней линии противника и вступать в рукопашную схватку с такой яростью и мужеством, что невольно наводили страх на римлян. Римские солдаты всё больше понимали, что нынешняя кампания будет куда тяжелее, чем все, в которых они до сих пор участвовали, и, несмотря на всю мощь их армии, многим из них придется оставить здесь свои кости.

* * *

Тем не менее римляне всё ближе и ближе подходили к стенам, и настал день, когда Веспасиан решил, что пришло время установить таран и попытаться проломить стену. Евреи называли знаменитый римский таран, представлявший собой гигантскую, подвешенную на опорах и ритмично раскачиваемую балку, «бараньей головой» — за сходство укрепленной на конце балки железной болванки с головой овна. Работавших у «барана» легионеров прикрывали всё те же лучники, пращники, а также камнеметательные орудия, так что появление защитников города на стене, чтобы мешать работе тарана, означало верную смерть. Кроме того, сам таран был покрыт сплетенной из ивняка и обтянутой сверху кровлей, защищавшей раскачивавших его воинов от стрел.

Но Иосиф вновь придумал средство, которое, конечно, не останавливало, но смягчало эффект удара тарана. В значительной степени это было обусловлено тем, что «баранья голова» всегда била в одну точку. Иосиф велел набить мешки мякиной и опускать их сверху на то место, куда следовал удар. Мягкость мешка смягчала силу удара тарана и немного отклоняла его в сторону. Римляне попробовали переносить орудие на другие участки стены, но переносить мешки с мякиной оказалось еще легче.

Так таран был нейтрализован, но ненадолго: римляне привязали впереди него серпы, которые срезали мешки.

Когда стена начала уже колебаться, Иосиф отдал приказ собрать по всей крепости как можно больше сухих дров, и с вязанками этих дров, пропитанных смолой, мазутом (его евреи обычно использовали для отопления домов) и серой, сразу три отряда внезапно вышли за стены города и стали поджигать орудия и все инженерные сооружения римлян. Сухие дрова мгновенно запылали, и вскоре передовые позиции римлян превратились в огненную стену. Римлянам был предоставлен выбор: либо сгореть заживо, либо бросить горящие орудия и постройки и отступить, и они предпочли второе.

В это же время один из солдат армии Иосифа, Элиэзер бен Шамайя, родом из галилейской деревни Саавы, поднял над головой огромный камень и швырнул его со стены в таран, причем так удачно, что отрубил ту самую железную «баранью голову». Затем он сам спрыгнул со стены на построенный римлянами вал, схватил «голову» прямо под носом пораженных римлян и с этим огромным грузом стал снова взбираться на стену.

Через пару минут римляне пришли в себя и стали обстреливать смельчака стрелами. Пять из них достигли цели, но Элиэзер продолжал лезть на стену. Он сумел взобраться на ее вершину, откуда победно помахал «бараньей головой» римлян и только после этого упал, корчась от причиняемой стрелами боли, и вскоре скончался.

Чудеса храбрости продемонстрировали в тот день и два других солдата Иосифа — братья Нетир и Филипп из деревни Рума, которые увлекли за собой других бойцов и сражались с такой яростью, что разорвали оборону воинов прославленного Десятого легиона и обратили их в бегство.

Сам Иосиф во главе другого отряда, шедшего с десятками пылающих факелов и вязанками дров, и осуществил поджог боевых машин и построек римлян, обратив в бегство легионеров.

Однако римлянам понадобилось меньше полусуток, чтобы прийти в себя. Утром после поджога в их лагере было тихо, но к вечеру того же дня они снова стали устанавливать таран — причем напротив того самого места, где он стоял и успел изрядно покрошить стену.

В это же время один из еврейских воинов выстрелил со стены в Веспасиана и попал ему то ли в лодыжку, то ли в колено. Главнокомандующий римской армией, как ему и положено, находился на расстоянии полета стрелы, так что стрела попала в него, когда находилась уже на излете. Рана была легкой, но из нее обильно хлынула кровь, что поначалу напугало всех находившихся вокруг него солдат. По войску пронесся слух, что генерал тяжело ранен, и это на какое-то время ослабило боевой дух. Однако сразу после перевязки Веспасиан, превозмогая боль, вышел к войскам, демонстрируя подлинно римскую твердость духа. Легионеры встретили его восторженными криками и теперь рвались в бой, чтобы доказать, что они достойны столь славного командира. Но Веспасиан с того дня еще долго, а может, и до конца жизни ходил чуть прихрамывая.

Снова заработала «баранья голова». На этот раз евреи пытались остановить ее, бросая сверху на римлян горящие головни и тяжелые камни. Но в ночное время горящие головни служили отличным прицелом для лучников, и вдобавок стрелометательные машины, прозванные за свою форму «скорпионами», и катапульты изрыгали настоящий дождь из стрел и камней, который убивал не только тех, кто стоял на стенах, но и жителей на улицах Иотапаты.

«Действие скорпионов и катапульт губило многих сразу, тяжесть извергнутых ими массами камней срывала брустверы со стены, разбивала углы башен. Нет такого густого отряда, который не был бы разбит до последнего воина силой и величиной такого камня. О мощи боевых орудий можно судить по некоторым случаям, имевшим место в ту ночь. Одному из людей Иосифа, стоявшему на стене, камнем сорвало голову, причем череп был отброшен на расстояние трех стадиев от туловища. На рассвете беременная женщина, только что покинувшая свой дом, была застигнута камнем, который вырвал у нее дитя из утробы и отбросил его на полстадии. Так велика была сила баллист. Еще ужаснее были грохот орудий, свист и гул стрел. Беспрестанно раздавалось сотрясение земли от падавших на нее со стены трупов; внутри города подымался каждый раз душу раздирающий крик женщин, с которым смешивались доносившиеся извне стоны умирающих. На том месте, где кипела битва, вся стена текла кровью и на нее можно было взбираться по одним только человеческим трупам. Общий гул еще усиливался и делался более ужасным от эха, раздававшегося с окрестных гор, и все, что только может быть страшным для зрения и слуха, совершалось в ту ночь. Многие из защитников Иотапаты умерли в эту ночь геройской смертью, многие были ранены» (ИВ, 3:7:23), — пишет Иосиф в «Иудейской войне», демонстрируя немалое писательское мастерство в описании батальных сцен.

К утру стена начала поддаваться, римляне стали готовить штурмовые лестницы, а тем временем под прикрытием брустверов, в панцирях и шлемах, защищавших их от стрел, Иосиф вместе с отрядом своих бойцов успели построить новую стену.

После пролома первой стены Веспасиан дал войскам небольшую передышку, а затем приказал

готовиться к штурму. Он вновь велел коннице оцепить все пространство вокруг крепости, чтобы никто из ее защитников не мог бежать, а затем подготовить штурмовые лестницы в нескольких местах уцелевшей стены. Однако это был не более чем отвлекающий маневр: на самом деле основной удар должен был быть нанесен именно в районе пролома, и впереди штурмующих Веспасиан поставил три ряда спешившихся всадников с тяжелыми копьями наперевес. За ними шли отборные части пехоты, а сзади стояли призванные их прикрывать лучники.

Иосиф разгадал, куда придется направление главного удара. Возле сохранившейся части стены он поставил наиболее уставших и пожилых бойцов, а перед проломами выставил шесть отрядов отборных воинов, каждый из которых возглавлял опытный командир. Кроме того, он сам, по меньшей мере по его собственным словам, то и дело появлялся в самых опасных местах и при необходимости брал на себя командование. Конкретная позиция каждого из отрядов определялась по жребию.

Воинам он отдал приказ заткнуть уши, чтобы не слышать призванных подавить противника воинственных кликов легионов, а также во время обстрела опуститься на колени и прикрыть головы щитами. В бой же им следовало идти только тогда, когда римляне наведут мосты к стенам — чтобы использовать против врага его же собственные сооружения.

Судя по всему, перед сражением Иосиф, как и положено, обратился к своим бойцам с речью, хотя в «Иудейской войне» он прячет ее в тексте и не акцентирует на этом внимание.

«Пусть каждый пойдет в бой не во имя спасения своего города, а чтобы мстить уже теперь за его гибель; пусть они представят себе, как враг вскорости будет убивать стариков и резать женщин и детей, и пусть теперь же обратят всю свою ярость против тех, которые совершат над ним все эти ужасы» (ИВ, 3:725), — призвал он бойцов.

Когда стало ясно, что штурм города неотвратим, среди женщин, встревоженных за судьбу детей, началась паника, которая, разумеется, не могла не подействовать на защитников. Иосиф в ответ приказал загнать женщин и детей в дома, прикрикнул, чтобы они замолчали, и занял выпавшее ему по жребию место у стены, не обращая внимания на взбирающихся по штурмовым лестницам римлян, и, забыв о грозящей всем смерти, стал с нетерпением ждать, когда же лучники противника начнут обстрел.

По своему обыкновению, римляне начали штурм с громких боевых криков, смешивавшихся со свистом летящих непрерывным потоком стрел и камней, сам грохот которых был вполне сопоставим с современным ракетным или артиллерийским обстрелом и призван был вселить ужас и парализовать волю любого, самого смелого воина.

Но напомним, что уши защитников были плотно закрыты шерстью, и потому уровень шума, который они слышали, был на порядок ниже. Дождавшись под щитами, когда обстрел кончится, евреи бросились к римлянам по наведенным к стене мостам прежде, чем те успели на них ступить, и здесь завязалась кровавая рукопашная схватка.

Поначалу евреи оттеснили римлян назад, вновь поражая их своей отчаянной храбростью, но если для защитников Иотапаты это была битва не на жизнь, а на смерть, то для римлян это была просто опасная работа, которую надо сделать и которая подчинялась определенному распорядку. В назначенное время подуставшие легионеры отправлялись на обеденный перерыв, на смену им заступали свежие силы, а силы оборонявшихся таяли с каждой минутой. Они начали отступать, и в конце концов римляне подошли к самым стенам Иотапаты. Выстроившись в свою знаменитую «черепаху», они двинулись вперед, и, казалось, уже ничто

не может остановить эту поступь.

«В эту страшную минуту, — говорится в „Иудейской войне“, — Иосифа надоумила нужда (прекрасная изобретательница, когда отчаяние изощряет находчивость человека) лить на прикрытых щитами солдат кипящее масло. Многие из его людей имели этот материал под руками в большом количестве, словно они запаслись им еще заранее, и со всех сторон полили его на римлян, швыряя в них также и горячо накаленную посуду. Это обожгло римлян и привело их в смятение; под ужасными мучениями они падали вниз со стены, ибо масло и под вооружением легко протекало по всему телу от головы до пяток и обжигало кожу, как пламя, так как масло по природе своей быстро нагревается и благодаря содержимому в нем жиру медленно остывает. Обтянутые своими панцирями и шлемами, римляне не могли освободиться от жгучего масла; прыгая и корчась от боли, они падали с мостов; те, которые бежали назад, сталкиваясь с напиравшими вперед товарищами, были легко побеждены поражавшими их с тылу иудеями.

Римлян в их несчастье не покидала, однако, сила, точно так, как иудеев находчивость. Видя перед собой ужасные страдания облитых, они тем не менее теснились вперед против обливавших их иудеев, и каждый проклинал предшествовавшего ему в строю, мешавшего ему развернуть свои силы. Иудеи, со своей стороны, чтобы удержать этот новый натиск, прибегли к другой хитрости: они высыпали на доски сваренное греческое сено[39], по которому римляне, скользя, скатывались вниз. Ни те, которые отступали назад, ни другие, которые стремились вперед, не могли удержаться на ногах, но одни, отброшенные назад на мосты, были растоптаны, а другие в большом числе падали вниз на вал и здесь были расстреляны иудеями, так как последние при падении римлян освободились от рукопашного боя и могли теперь сделать употребление из своих стрел. К вечеру полководец приказал солдатам, сильно пострадавшим во время штурма, прекратить битву. Не мало легло в этой битве и еще больше было ранено; из иотапатцев пало мертвыми шесть человек, а унесено раненых свыше 300».

Таким образом, евреи выиграли эту битву, причем снова во многом благодаря военной сметке Иосифа, превратившего с помощью кипящего масла призванную защищать римлян броню в смертельную ловушку. Впоследствии эти два его военных новшества — кипящее масло, запасы которого в Иотапате были огромны, и вареная грецкая сочевица — были взяты на вооружение защитниками городов во многих грядущих войнах.

Римляне были в бешенстве и в отчаянии одновременно. Прекрасно чувствуя настроение своей армии, Веспасиан понимал, что очень нужна хоть какая-то победа над этими упрямыми иудеями — нельзя было допустить того, чтобы у его легионеров появилась мысль, что они сражаются не просто с равным, а с превосходящим их противником.

* * *

В поисках такой победы Веспасиан направил командира Десятого легиона Траяна во главе тысячи всадников и двух тысяч пехоты к расположенному неподалеку от Иотапаты небольшому городку Яфа.

Прибыв сюда, Траян поначалу решил, что город слишком хорошо укреплен, чтобы его можно было взять такими малыми силами, — вокруг Яфы была построена двойная стена, то есть один, даже самый успешный штурм вроде бы еще ничего не решал. Траян уже собирался отступать, но тут из стен Яфы выступила большая городская армия, и ему пришлось принять бой. И вновь, как под Аскалоном, коннице удалось обратить в бегство превосходящие силы евреев, и они бросились назад, в город. Но римляне наседали и, не дав закрыть ворота, последовали за ними. Местные ополченцы стали отступать ко вторым стенам, ожидая, что земляки откроют им

ворота, но те так перепугались, что отказались это сделать.

То, что за этим последовало, было уже не боем, а бойней. Конница просто методично вырезала мечущихся между двумя стенами легковооруженных жителей Яфы, а следовавшая за ней пехота добивала раненых. Так были убиты 12 тысяч человек; в живых солдаты Траяна не оставили ни одного. По словам Иосифа, «они умирали, проклиная не римлян, а своих же собратьев».

Траян понял, что теперь, когда город остался без большей части своей армии, его можно будет взять без особого труда, и направил к Веспасиану гонца с просьбой прислать своего сына Тита с небольшим подкреплением. Тит во главе пятисот конных и тысячи пехотинцев совершил стремительный марш-бросок и вскоре оказался под стенами Яфы.

Расчет Траяна был верным: на следующий день город пал. Взять вторую стену Титу и Траяну оказалось нетрудно, но внутри Яфы жители стали оказывать то отчаянное сопротивление, на которое способны только те, кто сознает свою обреченность. Впрочем, здесь лучше опять предоставить слово самому Иосифу Флавию:

«Тит поспешно двинулся к городу, выстроил свое войско в боевой порядок и, поручив Траяну команду над левым крылом, сам во главе правого крыла открыл наступление. Когда солдаты со всех сторон приставили лестницы к стене, галилеяне после краткой обороны отступили от нее. Люди Тита вскочили на стены и быстро заняли город. Но внутри последнего им пришлось еще выдержать ожесточенный бой с иудеями: в тесных улицах бросилась им навстречу самая сильная часть населения, в то время как женщины из домов бросали все, что им попадалось в руки, на головы римлян; шесть часов длилось их сопротивление; но когда пали все бойцы, остальная масса народа на открытых местах и в домах была уничтожена, стар и млад без различия, и никто из мужского пола не был пощажен, за исключением бессловесных детей, которые вместе с женщинами были обращены в рабство. Число убитых в городе и в предшествовавшей битве простиралось до 15 000, число пленников было 2130» (ИВ, 3:7:31).

Через два дня Веспасиан предпринял еще одну успешную операцию — на этот раз в соседней с Галилеей Самарии.

Очевидно, Веспасиан опасался, что самаритяне могут присоединиться к евреям, и потому решил подавить любую попытку их сопротивления заранее. Как уже говорилось, римские гарнизоны давно стояли в Самарии, но до поры до времени избегали прямого столкновения с местным населением. Однако узнав, что самаритяне начали собирать армию на своей священной горе Гризим, Веспасиан в июле 67 года направил туда командира Пятого легиона Цереала с 600 всадниками и тремя тысячами пехоты. Самаритян же насчитывалось более десяти тысяч, и потому Цереал решил не вступать в прямую схватку, а попросту окружил гору и взял ее в осаду.

Тут-то и выяснилось, что самаритяне совсем не ожидали такого поворота событий и не сделали даже запасов еды и воды. А так как в июле в этих местах стоит поистине невыносимая жара, то очень скоро они начали умирать от жажды. Когда Цереал узнал о происходящем в лагере самаритян, он стал сжимать кольцо блокады и предложил осажденным добровольно сдать оружие в обмен на жизнь. После отказа Цереал дал команду легионерам двинуться вперед, и в течение пары часов вся самаритянская армия, состоявшая из 11 600 воинов, была уничтожена, после чего какое-либо восстание в Самарии стало невозможным.

* * *

Эти две поразительно легкие победы значительно укрепили дух римлян, и Веспасиан начал готовиться к решающему штурму Иотапаты, защитники которой решили стоять до последнего.

Как и в случае обороны спартанцами Фермопильского прохода, да и во многих других исторических событиях, к окончательному падению города привела измена. Один из жителей Иотапаты, решив спасти свою жизнь, перебежал в стан римлян, был доставлен к самому Веспасиану и рассказал, что иотапатцы находятся на грани отчаяния и истощения, так что достаточно будет одного решительного удара, чтобы взять крепость. Причем начать атаку он посоветовал перед самым рассветом, когда после бессонной ночи в карауле изможденные воины на пару часов смежают глаза, чтобы рано утром снова занять боевую позицию.

Некоторое время Веспасиан колебался, не зная, стоит ли доверять перебежчику, или речь идет о ловушке. Он уже хорошо познакомился с еврейским упрямством и верностью долгу. Он помнил, как его солдаты захватили в плен еврея, пытавшегося выбраться из города, чтобы связаться с соплеменниками в Галилее, упорно молчавшего под страшными пытками и дерзко улыбавшегося, когда его распинали. И все же Веспасиан решил рискнуть, и незадолго до восхода солнца Тит и Домиций-Сабин во главе небольшого отряда бесшумно подошли к стенам Иотапаты, проворно взобрались на них, перерезали часовых, а затем открыли ворота легионерам Цереала и Плацида.

В сущности, это был конец — когда иотапатцы стали просыпаться, они с ужасом обнаружили, что город взят и римляне врываются в их дома, чтобы начать массовую резню. Опьяненные легкой победой, ненавидящие евреев за оказанное ими сопротивление римляне убивали всех подряд — сначала на улицах, а затем и в домах, осматривая каждый их угол, заглядывая в погреба, в пещеры и в любое место, где можно было спрятаться. Многие защитники города, поняв всю бессмысленность сопротивления, собрались на окраине Иотапаты, где кончали жизнь самоубийством, закалывая себя ножами или бросаясь в бездонную пропасть. Римляне же потеряли только одного человека — один из укрывшихся в пещере евреев заявил, что сдается, и попросил римского офицера Антония подать ему руку, чтобы он мог вылезти. Однако, когда римлянин нагнулся над пещерой и протянул руку, вонзил ему в живот меч.

Всего в тот день римляне убили 40 тысяч человек, оставив в живых только 1200 женщин с детьми для продажи в рабство.

Но Иосифа бен Маттитьягу среди убитых не было. А Веспасиану нужен был именно Иосиф. Живой или мертвый. Но лучше все же живой.

Глава 12. Пророк

Нам остается только предположить, что, расспросив оставленных в живых женщин, Веспасиан убедился, что Иосиф не мог тайно покинуть город и был до последнего дня с его защитниками, и отдал приказ продолжать его поиски.

Иосиф тем временем спустился в пустую водосборную яму, соединенную туннелем с тайной пещерой, и решил переждать там до тех пор, пока римляне не отойдут от города. Как выяснилось, он был не одинок в этой своей надежде: в пещере он нашел еще 40 знатных иотапатцев, часть из которых укрылась там со своими семьями и позаботилась о запасах еды и воды, так что их должно было хватить надолго. Той же ночью Иосиф осторожно вышел из пещеры наружу в надежде отыскать путь к бегству, но еще раз убедился, что, пока римляне стоят в городе, это невозможно.

На третий день жена одного из укрывшихся в пещере тоже решила выглянуть наружу, была

схвачена римлянами и, видимо под пытками, рассказала, где скрываются Иосиф и другие оставшиеся в живых горожане.

К пещере был немедленно отправлен отряд во главе с трибунами Павлином и Галликаном, которым Веспасиан получил роль переговорщиков: они должны были предложить Иосифу сдаться в обмен на сохранение жизни ему и его товарищам. Однако Иосиф понимал, что по римским законам он заслуживает жестокой казни. Заверения послов, что Веспасиан дал слово в случае сдачи сохранить ему жизнь, не произвели на него никакого впечатления — он хорошо знал, что римляне часто нарушают собственные обещания, и потому не спешил выйти из пещеры.

Тогда Веспасиан направил к нему третьего посла — трибуна Никанора. Иосиф пишет, что этот сирийский грек был его «давним другом», но ни словом не упоминает о том, где и при каких обстоятельствах они познакомились и подружились.

Никанор стал убеждать Иосифа, что римляне гуманно относятся к побежденным (лучше бы он этого, конечно, не говорил!); рассказал, какое уважение вызвало у римлян то мужество и смекалка, с которыми Иосиф защищал город, и добавил, что у Веспасиана и в мыслях нет его казнить — во-первых, он никогда не нарушит данное им лично слово и уж тем более «не послал бы к нему друга, чтобы покрыть постыдное добродетелью; вероломство дружбой», да и сам Никанор отказался бы участвовать в подобной миссии. А во-вторых, если бы Веспасиан и в самом деле хотел уничтожить Иосифа, он бы это уже сделал.

Увидев, что Иосиф не откликнулся и на слова Никанора, легионеры уже начали зажигать факелы, чтобы сжечь всех находившихся в пещере живьем, но Никанор остановил их, дав знак, что намерен продолжить переговоры. Тем не менее солдаты по-прежнему угрожали забросать пещеру горящими головнями. Все это походило на игру в «доброго» и «злого» следователей.

И тут, пишет Иосиф в «Иудейской войне», в его памяти «выступили ночные сны, в которых Бог открыл ему предстоящие бедствия иудеев и будущую судьбу римских императоров. Иосиф понимал толкование снов и умел отгадывать значение того, что открывается божеством в загадочной форме; вместе же с тем он, как священник и происходивший от священнического рода, был хорошо посвящен в предсказания священных книг. Охваченный как раз в тот час божественным вдохновением и объятый воспоминанием о недавних страшных сновидениях, он обратился с тихой молитвой к Всевышнему и так сказал в своей молитве: „Так как Ты решил смирить род иудеев, который Ты создал, так как все счастье перешло теперь к римлянам, а мою душу Ты избрал для откровения будущего, то я добровольно предлагаю свою руку римлянам и остаюсь жить. Тебя же я призываю в свидетели, что иду к ним не как изменник, а как Твой посланник“» (ИВ, 4:8:3).

Наиболее скептически настроенные историки убеждены, что Иосиф придумал эти ночные видения уже потом, непосредственно во время написания «Иудейской войны», — чтобы подвести «теоретическое обоснование» своей сдачи в плен и увлечь читателя. На самом деле им, дескать, руководило исключительно желание выжить любой ценой. Они обращают внимание на то, что нигде ранее Иосиф не говорил о своих видениях и умении толковать сны, а также о том, что ему было открыто будущее своего народа и Рима.

Но, как уже говорилось в первых главах этой книги, с ранней юности Иосиф чувствовал, что, подобно библейским пророкам, он избран для какой-то высокой миссии, что и ему не чужд дух провидения. Он увидел свое избранничество в назначении комендантом Галилеи, но в пещере, когда он оказался перед лицом смерти, так и не совершив ничего подлинно великого, что могло бы остаться в памяти потомков, он вполне мог решить, что его миссия заключается в

другом — донести до потомков правду о великих событиях своего времени, сохранить в их памяти собственную историю.

Когда он говорит, что как урожденный коэн был хорошо знаком с книгами пророков, он, безусловно, говорит правду. А при желании эти книги было легко истолковать так, что Рим должен установить власть над всем миром, и только после этого придет еврейский Мессия, чтобы воцариться в Иерусалиме и установить новый миропорядок. Тот самый, при котором все народы перекуют мечи на орала, настанет мир и благоденствие во всем мире, а Иерусалим станет его главным религиозным и политическим центром. Что касается искусства разгадывания снов, то еврейские мудрецы к тому времени создали целую науку толкования сновидений, и в том же Иерусалиме жило немало профессиональных их разгадчиков, не испытывавших недостатка в клиентах.

Стоит вспомнить и то, что Иосиф отнюдь не был чужд мистике и многому научился в этом смысле за время жизни у ессея Бануса. В это время он был достаточно изнурен постоянным недосыпанием и голоданием, чтобы, по теории Бануса, впасть в то особое состояние, когда человеку даются откровения свыше, и не исключено, что он был предельно искренен в своей вере, что идет к римлянам не как предатель своего народа, а как посланник Божий.

Не вызывает сомнений и то, что по многим причинам Иосиф нужен был Веспасиану именно живым.

Во-первых, у римлян не было сомнений, что, как только евреи узнают, что командующий обороной Галилеи сдался в плен, многие последуют его примеру, их сопротивление будет сломлено, и войну, по меньшей мере в этой области, можно будет закончить в течение нескольких недель. Во-вторых, в качестве пленника бывшего коменданта Галилеи вполне можно было использовать в будущем триумфальном шествии по Риму, на который Веспасиан, безусловно, рассчитывал. В-третьих, Иосифа можно было послать к императору Нерону в качестве доказательства, что усмирение Иудеи проходит вполне успешно. В-четвертых, Иосиф мог быть полезен римлянам своим великолепным знанием местности и оборонных возможностей крепостей. Наконец, в-пятых, будучи хорошо знакомым со многими представителями иерусалимской верхушки, он наилучшим образом подходил в качестве посредника на возможных переговорах. Согласитесь, казнить такого ценного пленника просто не имело смысла — и именно это, как позже обронит Иосиф, и двигало сыном Веспасиана Титом, который сумел убедить отца в своей правоте. И, само собой, римскому полководцу было просто интересно посмотреть на того, кто в течение стольких недель столь достойно ему противостоял.

Однако как только скрывавшиеся вместе с Иосифом в пещере защитники Иотапаты поняли, что он дал Никанору согласие на сдачу, они обступили его и стали обвинять в измене своему народу и священным законам Торы; в том, что он трусливо — вопреки базовым ценностям религии предков — предпочел рабство свободе и осквернил таким образом память тех, кто по его призыву покончил с собой. А значит, когда он славил их храбрость и призывал последовать его примеру, то попросту лгал им всем.

Страсти накалялись, соратники окружили Иосифа и предложили ему выбор: либо он умрет добровольно, покончив с собой, но оставшись при этом одним из вождей нации, либо они казнят его как изменника.

В этой ситуации Иосиф, если опять-таки верить «Иудейской войне», воззвал к их разуму и произнес длинную речь, которую, по мнению скептиков, он никак не мог произнести в той пещере — слишком уж были накалены страсти, чтобы такую речь кто-то стал бы выслушивать

до конца. Однако, вчитываясь в ее текст, понимаешь, что Иосиф просто представил в виде монолога то, что вполне могло быть диалогом. Хотя возможно, в книге он просто расцветил основные моменты этой речи новыми красками.

Как и полагается хорошему оратору, Иосиф начал с того, что согласился с основными доводами своих оппонентов — о том, что человек должен быть готов умереть в битве с врагом за свою свободу и свободу своего народа, что лучше умереть стоя, чем жить на коленях, и т. д. Но теперь, когда битва проиграна и римляне хотят просто зажарить их в этой пещере, как кур, в такой смерти нет ни героизма, ни какого-либо смысла. Больше того, делает Иосиф следующий ход, это уже не героизм, а трусость — проявление страха перед тем, что римляне могут подвергнуть их поистине мучительной смерти. И дальше он явно переходит к чистой софистике: «Одинаково труслив как тот, который не хочет умереть, когда нужно, так и тот, который хочет умереть, когда не нужно. Что, собственно, удерживает нас от того, чтобы выйти к римлянам? Не правда ли, боязнь перед смертью? Как же мы непременно хотим причинить себе то, чего мы только опасаемся со стороны врагов? — Нет, говорит другой, мы боимся рабства. — Да, теперь-то мы, конечно, вполне свободны! — Герою подобает самому умертвить себя, говорит третий. — Нет, наоборот, это худшая трусость: я, по крайней мере, считаю того кормчего очень трусливым, который, боясь бури, до разгара стихии потопляет свое судно» (ИВ, 4:8:5).

Затем Иосиф начинает подводить под свое решение сдаться теологическую базу: он напоминает, что самоубийство категорически запрещено иудаизмом, и воспроизводит основные доводы еврейской философии против такого шага: «И не сознаете ли вы, что человек навлекает на себя божий гнев, если он преступно отвергает его дары? От него мы получили наше бытие — ему мы и должны предоставить его прекращение. Наше тело смертно и сотворено из бренной материи; но в нем живет душа, которая бессмертна и составляет частицу божества. Если кто растрачивает или плохо охраняет имущество, вверенное ему другим человеком, то он считается недобросовестным и вероломным; но если кто вверенное ему самим Богом добро насильно вырывает из своего собственного тела — может ли он надеяться, что избежит кары того, которого он оскорбил?..

…Разве вы не знаете, что те, которые отходят от земной жизни естественной смертью, отдавая Богу его дар, когда он сам приходит за получением его, что те люди удостаиваются вечной славы, прочности рода, потомства, а их души остаются чистыми и безгрешными и обретут святейшее место на небесах, откуда они по прошествии веков вновь переселятся в непорочные тела; но души тех, которые безумно наложили на себя руки, попадают в самое мрачное подземное царство, а Бог, отец их, карает этих тяжких преступников еще в их потомках. Он ненавидит это преступление, и мудрейший законодатель наложил на него наказание. У нас самоубийцы должны быть оставлены непогребенными до заката солнца, в то время, когда мы считаем своей обязанностью хоронить даже врагов наших» (ИВ, 4:8:5).

Отсюда следовал и другой вывод: лучше уж умереть от руки врагов, сдавшись на их милость, чем покончить с собой, совершив смертный грех.

Однако не стоит забывать, что к тому времени в том же иудаизме уже достаточно прочно утвердилась концепция «кидуш а-Шем» — «смерти во имя освящения имени Всевышнего», то есть готовности умереть, но не нарушить заповеди Творца, и самоубийство ради этой цели считалось подвигом. По мнению ряда исследователей, позже эта концепция была воспринята у евреев исламом, породив почитание мучеников-«шахидов», пошедших на смерть во имя Бога. И с этой точки зрения предложения Иосифа звучали для обступивших его евреев совершенно неприемлемо.

Сам Иосиф объясняет это тем, что «отчаяние сделало их глухими ко всяким вразумлениям, они давно уже приняли решение, и каждый из них был готов заколоть его на месте».

«И в этом положении, — продолжает автор „Иудейской войны“, — Иосифа не покинуло его благоразумие: в надежде на милость божью он решил рискнуть своей жизнью и сказал: „Раз решено умереть, так давайте предоставим жребию решить, кто кого должен убивать. Тот, на кого падет жребий, умрет от рук ближайшего за ним, и таким образом мы все по очереди примем смерть один от другого и избегнем необходимости сами убивать себя; будет, конечно, несправедливо, если после того, как другие уже умрут, один раздумает и останется в живых“. Этим предложением он вновь возвратил себе их доверие; уговорив других, он сам также участвовал с ними в жребии. Каждый, на кого пал жребий, по очереди добровольно дал себя заколоть другому, последовавшему за ним товарищу, так как вскоре за тем должен был умереть также и полководец, а смерть вместе с Иосифом казалась им лучше жизни. По счастливой случайности, а может быть, по божественному предопределению, остался последним именно Иосиф еще с одним. А так как он не хотел ни самому быть убитым по жребию, ни запятнать свои руки кровью соотечественника, то он убедил и последнего сдаться римлянам и сохранить себе жизнь» (ИВ. 4:8:7).

Итак, если следовать этой версии, в пещере, кроме Иосифа остался в живых еще только один человек — и Иосиф убедил его, что им не стоит вступать друг с другом в схватку, а следует выйти из пещеры и сдаться римлянам. Что они и сделали — и сразу после выхода встретились с Никанором и его солдатами, которые отвели Иосифа к Веспасиану.

Но вопрос о том, как все было на самом деле, остается. Повторим, есть историки, которые вообще не верят в этот рассказ Иосифа и считают его выдуманным для оправдания собственной капитуляции, хотя остается совершенно непонятным, зачем такое было выдумывать. Лион Фейхтвангер в романе «Иудейская война» предполагает, что Иосиф, желая выжить любой ценой, пользовался крапленым жребием и заранее все обставил так, чтобы тот на него не пал.

Любопытно, что в датируемом IV веком переводе «Иудейской войны» на латинский язык среди множества вставок, которые позволил себе переводчик, есть и более подробное описание этой сцены в пещере. Согласно этому источнику, жеребьевка была нужна Иосифу исключительно для отвода глаз. В пещере вместе с ним находился 41 воин, и Иосиф предложил, чтобы все они встали в круг, а затем, после бросания жребия, двое убивали каждого третьего. При этом он точно рассчитал, где должен был встать, чтобы остаться в живых, — так что никакой игры случая тут не было.

На основе этой ситуации знаменитый французский математик Клод-Гаспар Баше сформулировал в 1612 году знаменитую «задачу Иосифа Флавия» с вопросом о том, где именно в кругу из 41 человека должны были встать Иосиф и его товарищ, чтобы остаться последними, на кого выпадет жребий. Эта задача спустя три с лишним столетия вдохновила математика Станислава-Мартина Улама на создание понятия «счастливое число», а великого фокусника Вуди Арагона — на один из его изящных фокусов.

Но мы не станем утомлять читателя математическими формулами, а желающие ознакомиться с решением этой задачи могут это сделать при помощи интересной статьи М. Алексеева[40]. Нам же пока остается заметить, что сдача в плен, безусловно, означала начало нового этапа в жизни Иосифа. Говоря словами Г. Г. Генкеля, в тот день Иосиф умер как Иосиф бен Маттитьягу и родился как совсем другой человек — будущий Иосиф Флавий.

* * *

Чем ближе подходил конвоируемый легионерами Иосиф к сидящему на своем троне легата Веспасиану, тем яростнее бушевали страсти, охватившие римский лагерь.

Рядовые легионеры, помня, сколько их товарищей было убито евреями под командованием этого человека, требовали его немедленной казни. Однако офицеры отдавали должное мужеству пленника, который по большому счету был еще молод, но сражался на равных с великим Римом. А вот у Тита Веспасиана, настаивавшего на его пленении и выдаче гарантий на сохранение его жизни, он и в самом деле пробудил сочувствие.

Как предполагает сам Иосиф, «воспоминание о недавних геройских подвигах Иосифа и вид его в руках неприятеля навели его на размышления о силе судьбы, о быстрой переменчивости счастья на войне и непостоянстве всего, что наполняет жизнь человеческую» (ИВ, 4:8:8). Во всяком случае, многие исследователи на основе вышеприведенного отрывка и некоторых других обмолвок Иосифа считают, что Веспасиан по требованию армии уже был готов забрать назад свое слово и казнить вражеского полководца, и лишь настоятельное вмешательство его сына Тита спасло пленнику жизнь.

С этого, вероятно, и началось их сближение, позже переросшее если не в близкую дружбу, то в крепкое товарищество: Титу явно импонировал этот еврейский интеллектуал, поскольку он сам был не чужд интеллектуальных игр и живо интересовался самыми разными областями жизни. К тому же они были почти ровесниками — Иосиф был всего на четыре года старше.

Узнав, что Веспасиан намерен отправить его в Рим, к Нерону, где его судьба снова могла повиснуть на волоске, Иосиф попросил у полководца аудиенции наедине, однако тот согласился встретиться с ним лишь в присутствии Тита и его друзей.

Во время этой аудиенции Иосиф и встал в позу пророка, напустил на себя туман таинственности и объявил Веспасиану, что не покончил с собой исключительно потому, что должен исполнить волю Бога и сообщить ему, что он, Веспасиан, вскоре станет императором, повелителем Рима и мира, а его сын Тит унаследует его трон. Он же, Иосиф, просит лишь содержать его под стражей, чтобы казнить его в случае, если это предсказание не исполнится — за ложную клятву именем Творца.

Вот как об этом говорит сам Иосиф: «Иосиф тогда начал: „Ты думаешь, Веспасиан, что во мне ты приобрел только лишь военнопленника; но я пришел к тебе как провозвестник важнейших событий. Если бы я не был послан Богом, то я бы уже знал, чего требует от меня закон иудеев и какая смерть подобает полководцам. Ты хочешь послать меня к Нерону? Зачем? Разве долго еще его преемники удержатся на престоле до тебя? Нет, ты, Веспасиан, будешь царем и властителем, — ты и вот этот, твой сын! Прикажи теперь еще крепче заковать меня и охранять меня для тебя; потому что ты, Цезарь, будешь не только моим повелителем, но и властелином над землей и морем и всем родом человеческим. Я же прошу только об усилении надзора надо мной, дабы ты мог казнить меня, если окажется, что я попусту говорил именем Бога“» (ИВ, 3:8:9).

Далее Иосиф сообщает, что Веспасиан сначала крайне недоверчиво отнесся к его предсказанию, да и один из друзей Тита, присутствовавший при этом разговоре, язвительно заметил, что если Иосиф и в самом деле умеет провидеть будущее, почему же он не предвидел падение Иотапаты? В ответ Иосиф возразил, что он знал, что Иотапата продержится ровно 47 дней, а он сам в итоге попадет в плен.

Веспасиан отдал указание расспросить пленных, которые подтвердили, что Иосиф и в самом деле что-то такое говорил, после чего Веспасиан уверовал, что Иосиф говорит правду[41]. Он

приказал держать нового пленника в кандалах, но выдал ему новую красивую одежду, осыпал подарками и, говоря словами самого Иосифа в «Жизнеописании», «держал его в почете» — в том числе и благодаря заступничеству Тита.

На самом деле то, что Веспасиан так легко поверил предсказанию Иосифа, объяснялось двумя факторами.

Во-первых, как и многие римляне, он полагал, что евреи владеют некими тайными знаниями и могут прорицать будущее. Во-вторых, как и Иосиф, он также с детства втайне верил в свое великое предназначение.

Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» упоминает предсказание Веспасиану Иосифа, но отнюдь не как единственное — видимо, едва прибыв в Иудею, Веспасиан отправился к жившему на горе Кармель языческому оракулу, и тот сказал ему то же самое. А кроме того, Светоний утверждает, что были и другие знамения, предвещавшие будущее возвышение полководца: «После Нерона, когда за власть боролись Гальба, Отон и Вителлий, у него явилась надежда стать императором. Внушена она была ему еще раньше, и вот какими знаменьями. В загородном имении Флавиев был древний дуб, посвященный Марсу, и все три раза, когда Веспасия рожала, на стволе его неожиданно вырастали новые ветви — явное указание на будущее каждого младенца. Первая была слабая и скоро засохла — и действительно, родившаяся девочка не прожила и года; вторая была крепкая и длинная, что указывало на большое счастье; а третья сама была как дерево. Поэтому, говорят, отец его Сабин, ободренный вдобавок и гаданием, прямо объявил своей матери, что у нее родился внук, который будет цезарем, но та лишь расхохоталась на это и подивилась, что она еще в здравом уме, а сын ее уже спятил. Потом, когда он был эдилом, Гай Цезарь рассердился, что он не заботится об очистке улиц, и велел солдатам навалить ему грязи за пазуху сенаторской тоги; но нашлись толкователи, сказавшие, что так когда-нибудь попадет под его защиту и как бы в его объятия все государство, заброшенное и попранное в междоусобных распрях. Однажды, когда он завтракал, бродячая собака принесла ему с перекрестка человечью руку и бросила под стол. В другой раз за обедом в столовую вломился бык, вырвавшийся из ярма, разогнал слуг, но вдруг, словно обессилев, рухнул перед ложем у самых его ног, склонив перед ним свою шею. Кипарис на его наследственном поле без всякой бури вывернуло с корнем, но на следующий день поваленное дерево вновь стояло, еще зеленее и крепче. В Ахайе ему приснилось, что счастье к нему и его дому придет тогда, когда вырвут зуб у Нерона; и на следующий день в атрий вышел врач и показал ему только что вырванный зуб. В Иудее он обратился к оракулу бога Кармела, и ответы его обнадежили, показав, что все его желания и замыслы сбудутся, даже самые смелые. А один из знатных пленников, Иосиф, когда его заковывали в цепи, с твердой уверенностью объявил, что вскоре его освободит тот же человек, но уже император»[42].

Историки, разумеется, отвергают версию, что в момент предсказания Веспасиану великого будущего Иосифом двигало Божественное наитие, дух пророчества и т. п. В поисках объяснений одни из них предполагают, что никакого пророчества на самом деле и не было — Иосиф его придумал в ходе написания «Иудейской войны» для того, чтобы обосновать «высшую справедливость» того, что трон в итоге достался Веспасиану, а заодно создать вокруг себя ореол таинственности. По другой, вызывающей большее доверие версии, Иосиф просчитал политическую ситуацию в Риме и, зная, что трон под Нероном уже шатается, пришел к выводу, что наиболее вероятным его преемником является именно Веспасиан, так как под его началом на тот момент была наибольшая военная сила в империи. Но если это так, то Иосиф был поистине гениальным политическим аналитиком, что, честно говоря, у автора этой книги вызывает некоторые сомнения. Что несомненно: будучи знатоком Священного

Писания, Иосиф, как и рабби Йоханнан бен Заккай, о котором будет рассказано далее, подвел теологическую базу под это свое предсказание и сам в нее поверил.

Нет, ни он, ни рабби бен Заккай, разумеется, не видели в Веспасиане Мессию, Спасителя мира — тот мог быть только из евреев и вести происхождение от царя Давида. Однако слова пророков о том, что новый властелин мира придет из Иудеи, можно было проинтерпретировать так, что речь не обязательно идет о Мессии, а просто о неком очередном этапе в истории цивилизации. И этот властелин уже не обязательно должен быть евреем — решающее значение тут имеет указание на место прихода, то есть он может быть и римлянином, который волею Бога оказался в Иудее, чтобы оттуда начать осуществление своей миссии. С этой точки зрения Веспасиан вполне подходил, и почти нет сомнений, что Иосиф и сам поверил в созданную им новую теологическую концепцию.

Не вызывает сомнений и то, что, делая такое предсказание, он пошел ва-банк и сильно рисковал. Нерон в то время еще был на троне, и отошли Веспасиан Иосифа в Рим после его предсказания — и его казнь как врага императора была неминуемой. Если бы Нерон удержался у власти, то стало бы ясно, что предсказанию Иосифа не суждено сбыться, и тогда бы его казнил Веспасиан.

Но, как известно, оно сбылось.

* * *

В Иерусалим весть о падении Иотапаты, видимо, дошла только через неделю, а то и больше: так как почти все ее жители погибли, а вокруг стояли римляне, то не нашлось ни одного свидетеля этого события, и в Галилее оно стало известно по слухам, видимо переданным кем-то из людей царя Агриппы, а уже затем слух докатился до столицы Иудеи.

Не имея никаких сведений о том, что там произошло, жители Иерусалима решили, что командовавший обороной города Иосиф пал вместе со всеми геройской смертью, и в память о нем как о великом национальном герое в городе был объявлен тридцатидневный общественный траур.

Но затем стало известно, что Иосиф не только жив и здоров, но и обласкан Веспасианом, и скорбь сменилась гневом и проклятием. Почти ни у кого не было сомнений, что Иосиф купил себе жизнь ценой сотрудничества с врагом и теперь своими советами помогает римлянам завоевать другие города Галилеи, а после двинется с ними на Иудею. С этого момента Иосиф и стал носить клеймо предателя, которое оставалось с ним до конца жизни, а также и после смерти. И уже не важно, было ли оно справедливым или нет.

Но, как верно замечает Т. Раджак, сам Иосиф себя предателем явно не считал. Предательством для него было, если бы он взял в руки оружие и стал бы сражаться бок о бок с римлянами против своего народа, а на это он пойти отказался.

Скорее наоборот: уверовав в созданную им теологическую схему, он верил и в то, что, находясь в лагере римлян, служит своему народу, стараясь спасти и сохранить все, что только можно спасти и сохранить в войне с Римом, и заодно сохранить как для всего мира, так и для грядущих поколений евреев память как об ошибках, так и о мужестве и героизме их отцов и дедов.

Десмонд Сьюард убежден, что звучавшие в Иерусалиме тех дней всеобщие публичные проклятия в адрес Иосифа были притворными: на самом деле многие иерусалимцы, особенно представители интеллектуальной элиты и верхушки общества, в глубине души считали, что

Иосиф совершил мудрый и правильный шаг и они на его месте поступили бы так же. Более того: они сами подумывали о том, как прекратить заранее обреченную на поражение войну и получить покровительство римлян. Однако, видя, что сторонники войны с Римом уже не способны прислушаться к голосу разума и жестоко расправляются с любым, мыслящим иначе, чем они, сочувствующие Иосифу просто боялись высказать свое мнение вслух, опасаясь за свою жизнь. И последующие события подтвердили, что эти опасения были вполне обоснованны.

Глава 13. Галилея в огне

Лето и начало осени 67 года Веспасиан посвятил полному захвату побережья для отсечения Иудеи от любых путей к морю, а также окончательному разгрому Галилеи.

Он отступил для начала в Птолемаиду-Акко, а оттуда, видимо по морю, направился в Кейсарию, расположенную там же, где и сегодня стоит израильский город с таким названием. Греческое население Кейсарии с восторгом приветствовало Веспасиана как победителя, открыто выражало свою ненависть к евреям и требовало казни Иосифа бен Маттитьягу.

От Кейсарии было совсем недалеко до так же стоявшей на берегу Иоппии-Яффо, уже один раз разрушенной римлянами и снова отстроенной евреями.

Жители Иопии промышляли рыболовством и пиратством. Местные пираты грабили суда от Египта на юге до Ливана на севере, а римляне, как известно, уделяли особое внимание борьбе с морскими разбойниками. На суше жителям Иопии противопоставить регулярной армии было нечего, поэтому, узнав о приближении к городу большого отряда римской пехоты и конницы, они просто погрузились на свои суда и решили переждать беду в море. Но на следующее утро на море началась страшная буря, в результате чего часть судов разбилась о скалы, часть столкнулась друг с другом, и большинство находившихся на них людей утонули, а некоторые уже мертвыми были выброшены на берег. Те немногие, которым удалось добраться до него живыми, были убиты поджидавшими их римлянами. Всего на берегу было найдено 4200 трупов. Таким образом, Иопия была завоевана, по сути дела, за один день и без единой потери с римской стороны. По приказу Веспасиана, в Иопии был оставлен большой гарнизон, который начал опустошать округу, уничтожая таким образом и источники снабжения Иерусалима.

Тем временем Веспасиан, устав от изматывающей галилейской жары, принял приглашение Агриппы и переместился на север, в Кейсарию Филиппа (нынешний израильский природный и археологический заповедник Баниас), к подножию горы Хермон.

Здесь его и застали известия о том, что в Тверии начались волнения, а жители расположенной рядом с ней Тарихеи вообще не признают власть римлян и намерены оказать им жесточайшее сопротивление.

Однако, как вскоре выяснилось, воевать с римлянами в Тверии собиралась лишь небольшая часть населения во главе с давним противником Иосифа Иешуа бен Сафата. Богатые же горожане бежали в римский лагерь, пали в ноги Веспасиану, заверяя его в своей лояльности и умоляя пощадить город. К этим просьбам присоединился и царь Агриппа, считавший до начала восстания Тверию своей столицей. В результате жители открыли перед римлянами ворота города, а Иешуа бен Сафата, поняв, что теперь ему несдобровать, бежал в Тарихею, судьба которой была предрешена.

Первым к Тарихее вышел Тит с отрядом из шестисот всадников. Здесь его ждали выстроившиеся на равнине жители. Увидев, что противник явно превосходит его в численности, Тит хотел уже было повернуть назад, но, заметив боевой настрой своих воинов, произнес пламенную речь о том, что готов вступить в бой и сам будет в первых рядах. Вдобавок в это же время к Титу подошли еще 400 всадников во главе с Траяном и две тысячи лучников, присланных Веспасианом.

Развернувшееся затем сражение еще раз показало, что евреи совершенно не могут противостоять коннице. Поначалу они держались с честью, но затем стали отступать в сторону города: «Тит убивал одних, преследуя сзади, собиравшихся же он вновь рассеивал, других он перегонял и прокалывал спереди, а тех, которые, наталкиваясь друг на друга, сбивались с ног и падали, он тут же на месте и умерщвлял», стараясь отрезать отступающих от стен города, так что вернуться под защиту его стен удалось немногим.

Внутри Тарихеи тем временем начался разлад между местными жителями, прежде всего наиболее зажиточными, которым было важно сохранить свое имущество, и людьми Иисуса бен Сафата, настаивавшими на том, чтобы продолжать вооруженное сопротивление.

Между тем Тит, охваченный азартом атаки, повел своих всадников в воду и вошел в город со стороны озера Кинерет. Среди населения поднялась паника, и римляне начали привычную им резню жителей, часть из которых, пожелавших сдаться, Тит все же пощадил. Еще одна часть попыталась уплыть на судах по озеру, но легионеры по приказу Веспасиана быстро построили плоты и пустились за ними в погоню. Вооруженные дрекольем и пращами рыбаки, разумеется, оказались бессильны против хорошо вооруженных и обученных римлян, и вскоре большинство из тех, кто находился в лодках, нашли свою смерть в водах Кинерета, а те, кто сумел добраться до берега, были убиты стоявшими на берегу римлянами.

«Все озеро было окрашено кровью и полно трупов, ибо ни один человек не вышел живым. Через несколько дней по всей окрестности распространился страшный смрад; не менее ужасен был и вид ее: берега были покрыты обломками судов и раздутыми телами, которые, разлагаясь под знойными лучами солнца, заражали воздух, что не только приводило в отчаяние иудеев, но и внушало отвращение римлянам. Так кончилось это морское сражение. Включая и число еще ранее павших в городе, погибло тогда 6500 человек» (ИВ, 3:10:9), — констатирует Иосиф.

Однако самое страшное произошло потом, и Иосиф явно не простил этого вероломства римлянам и описал его во всех деталях: «По окончании битвы Веспасиан сел в Тарихее на судейское кресло, чтобы отделить людей, нахлынувших извне и вовлекших всех в войну, от жителей города и чтобы совместно с начальниками решить вопрос о том, следует ли их оставить в живых. Все считали помилование их делом опасным: как люди без родины, они, наверно, не останутся в покое и будут в состоянии принудить к войне силой даже тех, у которых они найдут приют. Веспасиан также признавал, что они не достойны пощады и что они своим спасением воспользуются во вред своим освободителям. Он поэтому останавливался только над тем, каким способом удобнее будет их извести. Убив их на месте, он должен был опасаться нового восстания коренных жителей, которые, без сомнения, не допустили бы добровольно заклания столь многих просящих; кроме того, он сам не мог позволить себе напасть на людей, которые, доверившись его слову, передали себя в его руки. Но его друзья взяли верх над ним, сказав: против иудеев все позволительно и всегда нужно полезное предпочесть достойному, если нельзя и то, и другое соединить вместе. Таким образом, Веспасиан в двусмысленных словах обещал пришельцам пощаду, но позволил им выступить только по дороге к Тивериаде. Со сладкой верой в свою мечту, ничего дурного не подозревая, открыто неся с собой свои пожитки, они выступили по указанному им пути. Римляне же между тем заняли всю дорогу до Тивериады для того, чтобы никто не завернул в сторону, и заперли

их в городе. Вскоре туда явился Веспасиан, который приказал всем собраться в ристалище. Здесь он приказал стариков и слабых в числе 1200 убить; из молодых он выбрал 6000 сильнейших, чтобы послать их к Нерону на Истм. Остальную массу, около 30 400 человек, он продал, за исключением тех, которых подарил Агриппе. Царю он предоставил поступить с людьми, бежавшими из его области, как ему заблагорассудится; они, впрочем, были царем также проданы. Остальная масса из Трахонеи, Гавлана, Иппа и Гадары состояла преимущественно из бунтовщиков, беглецов и других людей, которые были вовлечены в войну постыдными делами, совершенными ими еще во время мира. Они были взяты в плен восьмого числа месяца гарпея» (ИВ, 3:10:10).

Теперь во всей Галилее осталось только три очага сопротивления — Гуш-Халав-Гисхала, вотчина Иоанна Гисхальского, небольшой еврейский гарнизон, засевший на горе Тавор и в расположенной на отрогах Голанских высот Гамлы — той самой Гамалы, которую в романе «Мастер и Маргарита» М. Булгакова Иешуа га-Ноцри называет своим родным городом.

* * *

Вплоть до 1968 года само местонахождение Гамлы было неизвестно, и «Иудейская война» Иосифа Флавия была и остается, по сути, единственным письменным источником, повествующим о героической гибели защитников этого города.

Иосиф начинает этот свой рассказ с подробного описания Гамалы и не без хвастовства упоминает, что, как и в случае с Иотапатой и Тарихеей, немало сделал для ее укрепления перед возможным штурмом. Да и природные условия вокруг города делали его столь же трудным для завоевания, как и Иотапату: «Гамала же не сдавалась, так как она еще больше, чем Иотапата, могла надеяться на свое защищенное от природы местоположение. Крутой хребет отделяется от высокой горы и по самой середине образует горб. Последний своей возвышенной частью вытягивается немного в длину и спадает спереди так же круто, как и сзади, так что все в целом изображает из себя вид верблюда, от которого местность эта и получила свое название[43], хотя в произношении туземцев не слышится в точности его происхождение. С боков спереди местность окружена недоступными пропастями, только сзади недоступность уменьшается, так как с этой стороны Гамала соединена с горой. Жители, однако, прокопав здесь поперечный ров, постарались и с этой стороны отрезать город и сделать его недоступным. Дома, построенные на отвесном боковом склоне холма, лепились и громоздились друг к другу, так что казалось, что город висит в воздухе и вследствие своей покатости готов каждую минуту обрушиться; его наклон был к югу. Такой же точно холм на юге достигает неимоверной высоты и, служа городу как бы крепостью, оканчивается крутым, не огороженным никакой стеной обрывом, ниспадающим в глубокую пропасть. Внутри стены, на самой окраине города, находится водяной источник.

Таким образом сама природа сделала город почти неприступным. Но Иосиф укрепил его еще больше подземными ходами и окопами. Жители тверже уповали на местоположение города, чем иотапатцы, и, хотя они имели в своей среде гораздо меньше бойцов, все-таки, полагаясь всецело на защищенность местности, никого больше к себе не принимали. Город, впрочем, вследствие его укреплений, был полон беглецов. Благодаря всему этому он и прежде мог держаться семь месяцев против осадного войска Агриппы» (ИВ, 4:1:1–2).

Агриппа все же попытался спасти находившийся в его владениях город и его жителей, но когда он начал было переговоры со стоявшими на стенах Гамалы людьми, в него полетел выпущенный из пращи камень, и последний иудейский царь был ранен в правую руку.

После этого Веспасиан отдал приказ о начале штурма города силами пятого легиона, явно

рассчитывая на быструю и легкую победу. По своему обыкновению, римляне соорудили напротив стен Гамалы земляные насыпи и стали устанавливать на них осадные машины, однако им это долго не удавалось, так как защитники города яростно обстреливали их сверху.

Однако в конце концов им удалось установить в трех местах тараны, после чего они проломили стену и ворвались в расположенный на склоне горы город, где оказались… прямо на плоских крышах городских домов и столкнулись лицом к лицу с евреями, оказывающими яростное сопротивление. Под их натиском передние ряды легионеров начали отступать, но сзади еще не поняли, что произошло, и продолжали толкать их вперед.

Но городские крыши, рассчитанные на то, чтобы сушить на них инжир и яблоки, а также дать обитателям домов насладиться на них ужином в вечерней прохладе, были никак не рассчитаны на вес десятка, а то и больше тяжеловооруженных пехотинцев. Крыши начали проваливаться прямо под ногами у легионеров, те падали внутрь домов, им на головы падали их же товарищи, и глинобитные домики стали рушиться, погребая под собой наступавших. Некоторые из них, желая спастись, прыгали вниз, калечились и погибали под летящими от разваливавшихся домов камнями.

Потери римлян в этом бою оказались поистине огромны и, похоже, произели весьма тяжелое впечатление на Веспасиана. Чтобы хоть как-то подсластить горечь этого поражения, он направил Плацида с 600 всадниками к горе Тавор, чтобы разгромить засевший там в хорошо укрепленном месте еврейский гарнизон.

Обе стороны ненавидели друг друга, и ни одна не собиралась вести войну честно. Евреи сделали вид, что готовы сдаться, но только для того, чтобы, оказавшись лицом к лицу с готовящимися принять капитуляцию римлянами, пустить в ход оружия. Однако Плацид был готов к такому повороту, устроил притворное бегство, выманил евреев на равнину, где и разбил их наголову. После чего жители расположенных на Таворе деревень сдались на милость победителей.

Веспасиан тем временем начал готовиться ко второму штурму Гамалы, задействовав в нем бо`льшую часть своей армии. К этому времени в Гамале уже заканчивались запасы продуктов, люди начинали умирать от голода, и те, кто не хотел умирать, осознав, что город обречен, как сказали бы сегодня, эвакуировались — бежали из него по подземным ходам и тайным тропам. Однако в городе оставалось все еще немало бойцов, готовых держать оборону.

Решающий момент битвы за Гамалу, по словам Иосифа Флавия, произошел, когда трое солдат пятнадцатого легиона перед рассветом подкрались к самой высокой башне, в которой укрывались осажденные, сделали под нее неглубокий подкоп, сдвинули с места лежавшие в основании башни пять больших камней — и отскочили в сторону. После чего башня с грохотом рухнула, погребая под своими камнями всех, кто на ней находился. Это вызвало панику у караулов на других башнях, они бросились в смятении бежать — и оказались перед мечами и копьями римлян.

Многие историки выражали сомнение в правдивости рассказанной Флавием истории о разрушении башни, однако затем стало ясно, что это возможно — если учесть, что Иосиф, готовя Галилею к обороне, многие башни и стены возводил наспех, без фундамента, прямо на земле, а потому они вполне могли обрушиться, если вытащить из них несколько камней[44].

Последний бой защитников Гамалы развернулся, когда они были оттеснены к обрыву на окраине города. Сверху они обрушивали на римлян стрелы и камни, оставаясь практически недосягаемыми для противника. Но тут началась буря — и в этом Флавий усмотрел

Божественное вмешательство, хотя был уже ноябрь, а сильные ветры — обычное дело на Голанах в это время. Эта буря отклоняла пускаемые защитниками стрелы и мешала следить за неутомимо взбирающимися наверх римлянами.

«Таким образом римляне влезли и окружили их прежде, чем они успели оказать сопротивление или просить о пощаде. Воспоминание о павших при первом штурме усилило ярость римлян против всех. Многие в отчаянии, обняв своих жен и детей, бросались с ними в бездонную пропасть, зиявшую под крепостью. Ожесточение римлян далеко еще уступало изуверству пленников против самих себя: римляне уничтожили 4000, между тем как в лощине найдено свыше 5000, которые сами бросились туда. Никто не остался в живых, кроме двух женщин. Это были сестры Филиппа, сына превосходного военачальника царя Агриппы, по имени Иаким. Они спаслись тем, что скрылись от ярости римлян, ибо последние не щадили даже грудных детей: многих таких младенцев они хватали и швыряли с высоты крепости вниз. Так пала Гамала в 23-й день месяца иперберетая; начало ее восстания совпало с 24-м днем месяца гарпея».

Таким образом, Гамала продержалась чуть меньше месяца — с 12 октября по 10 ноября 67 года.

Наряду с Масадой, о которой речь впереди, Гамла-Гамала стала одним из символов еврейского мужества. Теперь, для того чтобы окончательно покорить Галилею, римлянам надо было взять ее последний бастион — Гисхалу.

* * *

Сводя личные счеты и одновременно явно пытаясь исказить истинное положение дел в пользу римлян, Иосиф очень старается представить дело так, будто большинство жителей этого городка были готовы сдаться, но его заклятый враг Иоанн с верными ему бойцами горел жаждой боя и всячески подогревал антиримские настроения. Как обычно, он не жалеет эпитетов по адресу Иоанна Гисхальского: «Один только городок в Галилее остался непокоренным — это была Гисхала. Население ее, хотя было мирно настроено, так как оно большей частью состояло из земледельцев, все помыслы которых сосредоточивались постоянно на урожае, — но, к его несчастью, в среде жителей свила себе гнездо не незначительная шайка разбойников и эта шайка заразила своим образом мыслей также и часть граждан. Человек, который подстрекал их к отпадению и сплачивал в одну силу, был Иоанн, сын некоего Леви — обманщик, человек чрезвычайно коварного нрава, носившийся всегда с обширными планами и умевший ловко их осуществлять; ко всему этому он был склонен к войне, так как он на этом пути, как известно было, надеялся достигнуть власти» (ИВ, 4:2:1).

Веспасиан к тому времени перевел десятый легион в Скифополь, а два других взял с собой в Кейсарию, а к Гисхале направил тысячу всадников во главе с Титом, явно считая, что этого будет вполне достаточно для ее покорения. И тут Иосиф неожиданно рисует Тита необычайным гуманистом, не желающим губить мирное население, хотя все предыдущие его описания действий Тита в других городах Галилеи свидетельствуют о прямо противоположном — о его безудержной жестокости.

«Титу, — сообщает он, — после прибытия его с конным отрядом в Гисхалу было бы легче всего взять ее внезапным нападением. Но зная, что при взятии города с боя солдаты уничтожают всю массу народа; будучи сам насыщен уже резней и жалея население, которое все поголовно, невинные вместе с виновными, было бы истреблено, он предпочел склонить город к добровольной сдаче. Так как стена вся была покрыта людьми, принадлежавшими большей частью к отчаянной толпе мятежников, то он обратился к ним со следующими словами: „Я

удивляюсь, что вам придает духа одним поднять оружие против римлян после того, как пала вся Галилея; вы же видели, что города более сильные были разрушены одним ударом, между тем как все те города, которые отдавали себя на милость римлянам, наслаждаются теперь своим покоем и безопасностью. Это я и вам предлагаю теперь, и да будет прощена и предана забвению ваша самонадеянность. Простительна еще ваша надежда на свободу, но не настойчивое стремление к несбыточному. Если вы не примете моего дружеского совета и милостивого предложения, тогда вы узнаете, как беспощадно римское оружие, и увидите сейчас, что покорение таких стен для римских осадных машин составляет только детскую игру. Если же вы опираетесь на эти стены, то доказываете этим только то, что вы одни из всех галилеян при своей беспомощности наказаны еще самоуверенностью“» (ИВ, 4:2:2).

Тит и в самом деле, видимо, попытался начать переговоры, но только после того, как увидел на непрочных, наспех построенных стенах Гисхалы сотни людей, готовых сражаться до конца, и, помня уроки Гамалы и Иотапаты, стал опасаться, что может застрять здесь надолго, да вдобавок потерять большую часть своей конницы.

Однако Иоанн отклонил предложение о переговорах и попросил отсрочку под тем предлогом, что была суббота, а в течение этого священного дня евреям запрещено вести переговоры так же, как и вести войну. Иосиф снова не жалеет красок, чтобы уличить Иоанна в коварстве и вероломстве: «Так он говорил только с целью обмануть Тита; ему не так была дорога суббота, как его собственное спасение. Он боялся именно, что после взятия города его все покинут, между тем как ночью он мог надеяться спастись бегством. По промыслу Божию, решившему сохранить Иоанна на гибель Иерусалима, Тит не только удовлетворил его коварную просьбу об отсрочке, но и отодвинул свой лагерь далеко от города, более к Кидессе» (ИВ, 4:2:3).

Той же ночью Иоанн убедил своих сторонников бежать с ним вместе со своими семьями в Иерусалим — «туда, откуда они будут в состоянии мстить римлянам». По мнению Иосифа, это был безумный и безответственный шаг, так как очень скоро беглецов охватила паника, что римляне вот-вот пустятся за ними в погоню, и, как следствие, люди в этой толпе стали топтать друг друга. Многие сбились с пути и погибли, оказавшись в опасных, непроходимых местах, каких и сегодня немало в Галилее. Другие умирали, не выдержав всех тягот подобного перехода.

Когда же на следующий день Тит снова появился под стенами Гисхалы, оставшиеся там жители открыли ему ворота, моля его о пощаде. Узнав о том, что случилось ночью, Тит немедленно отрядил всадников в погоню за беглецами; настигнув их, римляне поступили с ними с чисто римским «милосердием»: убили около шести тысяч человек и около трех тысяч женщин и детей взяли в плен.

Но сам Иоанн Гисхальский с частью своего отряда спасся, что вызвало явное неудовольствие Тита. Именно уцелевшие отряды Иоанна Гисхальского и составили впоследствии одну из важнейших военных сил, оборонявших Иерусалим.

Тем не менее, по словам Иосифа, Тит проявил милосердие к оставшимся в городе сторонникам Иоанна, ограничившись приказом разрушить одну из стен города.

И снова Иосиф буквально упражняется в комплиментах Титу как образцу гуманизма: «Нарушителей покоя в городе он старался обезвредить больше угрозами, чем наказаниями, ибо он опасался, что, при выделении виновных из массы населения, многие из личной ненависти и вражды могут выдавать и невинных; а потому он счел за лучшее держать виновных в постоянном страхе, чем вместе с ними погубить хотя бы одного невинного. Первые, надеялся он, из страха перед наказанием и из благодарности за помилование, быть может,

сами постараются загладить свою вину, между тем как казнь невинных ничем нельзя будет поправить. Для того, однако, чтобы обеспечить за собою город, он оставил здесь гарнизон, посредством которого надеялся отрезвить беспокойные головы и ободрить приверженцев мира» (4:2:5).

Разумеется, более поздние еврейские историки оценивают деятельность Иоанна Гисхальского совершенно иначе. К примеру, для С. М. Дубнова он прежде всего «храбрый воин, проникнутый горячей любовью к родине и ненавистью к ее угнетателям»[45]. Но не следует забывать, что без Иосифа Флавия мы бы, вероятно, вообще не узнали, что жил на свете такой человек — Иоанн Гисхальский.

Как бы то ни было, падение Гисхалы означало полное покорение Галилеи римлянами. Но на дворе уже стоял октябрь, приближалась зима, а зимой и римляне, и евреи старались не воевать. Таким образом, с учетом того, что он так и не получил из Иерусалима никакого подкрепления, Иосиф все же выполнил свою задачу в качестве коменданта Галилеи — как минимум, на год задержал продвижение легионов Веспасиана к Иерусалиму.

Часть вторая. Предатель

Глава 1. Народ и партии

К сожалению, мы ничего или почти ничего не знаем о личной жизни Иосифа Флавия ни до его пленения римлянами, ни после. Некоторые его биографы предполагают, что еще до назначения комендантом в Галилее он женился в первый раз и, приняв эту должность, оставил жену в Иерусалиме. Но это — всего лишь гипотеза, выглядящая, впрочем, вполне достоверно: у евреев во все времена было принято жениться рано, а к бракам коэнов Пятикнижие вообще предъявляет особые требования — они были лишены права жениться на разведенной, прозелитке или блуднице. Еврейская невеста опять-таки во все времена обязана была быть девственницей, а уж невеста коэна — тем более. Поэтому крайне трудно представить, чтобы, дожив до двадцати девяти лет, Иосиф ни разу не был женат и не имел детей. Более того — его первая супруга должна была быть из столь же знатного рода, как и он сам.

Но если бы это было так, он обязательно упомянул бы об этом, а между тем о первой жене Иосифа — если таковая была — ничего не известно.

В «Жизнеописании» Иосиф сообщает, что по приказу Веспасиана он «женился на некоей местной девице из пленниц, взятых в Кейсарии, однако она не осталась со мною надолго, но когда я был освобожден и отправился вместе с Веспасианом в Александрию, она удалилась».

Имени этой, как и других своих жен Иосиф, следуя еврейской традиции, не называет, и вся история девочки Мары, обращенной римлянами в рабыни и отчаянно сопротивляющейся уготовленной ей роли наложницы Веспасиана, рассказанная в романе Фейхтвангера «Иудейская война», является не чем иным, как художественным вымыслом. То, что история эта так захватывает читателя и врезается в память, — исключительно следствие таланта великого писателя, а не исторической правды.

Для Фейхтвангера важно было показать, что, давая Иосифу приказ жениться на своей наложнице, Веспасиану важно было унизить своего знатного и, возможно, казавшегося ему высокомерным пленника — с одной стороны, продемонстрировать тому, что он презирает еврейские обычаи, считая их «глупыми предрассудками», а с другой — напомнить Иосифу, что он, по меньшей мере, пока на самом деле всего лишь раб, обязанный беспрекословно исполнять его волю, включая женитьбу на той женщине, на которую ему укажет и с которой

как со своей рабыней он тоже может делать все, что ему заблагорассудится.

Любопытно, что Сьюард считает, что Фейхтвангер был прав в своей догадке: упоминаемая Иосифом жена «из пленниц, взятых в Кейсарии», вероятнее всего, и в самом деле была наложницей Веспасиана, и Иосифу пришлось вынести это страшное унижение.

Нет никаких сомнений и в том, что венчание Иосифа с рабыней по еврейскому обряду состоялось именно в Кейсарии, куда герой этой книги был препровожден вслед за Веспасианом. Жил он во дворце, предназначенном для прокуратора, и это дало ему возможность не только наблюдать за личной жизнью полководца и его ближайшего окружения, но и быть в курсе всех происходящих событий.

Но в «Иудейской войне» Иосиф повествует не только об этом, но и о том, что происходит в Иерусалиме и в Иудее в целом, так, словно был непосредственным очевидцем этих событий, чего, понятно, быть не могло. Вместе с тем нет никаких сомнений, что Иосиф слышал обо всем этом из первых уст — слишком уж много там достоверных подробностей.

По всей видимости, он уже в то время вел подробные записи того, что услышал от действовавших в Иерусалиме римских шпионов, многочисленных перебежчиков, а также на допросах военнопленных, в которых ему приходилось участвовать в качестве переводчика (в чем он нехотя признается).

В задачу этой книги отнюдь не входит пересказ «Иудейской войны» и других произведений Иосифа Флавия, но вместе с тем в его рассказе о жизни Иерусалима 67–70 годов столько важных политических деталей, что этот рассказ приобретает не только историческое, но и весьма поучительное «надисторическое» значение, а потому автор счел необходимым остановиться на основных его моментах.

* * *

Как уже говорилось, в Иерусалиме изначально шла борьба между двумя партиями — «партией мира» и «партией войны». Сторонники первой, возглавляемой бывшими первосвященниками р. Хананом бен Хананом и р. Иехошуа бен Гамла, а также знатными иерусалимцами Иосифом бен Горионом и Симоном бен Гамлиэлем, считали, что шансов на победу над римлянами нет. Вооруженное сопротивление было для них лишь средство для того, чтобы в ходе переговоров добиться наиболее выгодных условий — в надежде на то, что римляне предпочтут таким условиям длительную военную кампанию с ее огромными финансовыми и человеческими потерями.

Но вторая партия «ревнителей» (они же, напомним, «канаим» на иврите и «зелоты» на греческом) была убеждена, что Рим находится на последнем издыхании и что с Божьей помощью и военной помощью, которой пришлют евреи Вавилонии и других стран диаспоры, а также, возможно, и с помощью Парфии вполне можно наголову разбить римлян и восстановить еврейскую государственность. В соответствии с этой концепцией они обвиняли стоящую на тот момент у власти «партию мира» в том, что ее сторонники, по сути, являются «агентами Рима» и вынашивают предательские планы.

Падение Галилеи и сдача в плен Иосифа нанесли сокрушительный удар по позициям «партии мира», поскольку Иосиф был ее непосредственным ставленником. В его неготовности умереть, но не склонить голову перед врагом многие увидели подтверждение тому, что Ханан бен Ханан и его сторонники вынашивают «предательские планы», и это значительно усилило позиции зелотов.

Именно в эти дни бежавший из Галилеи Иоанн Гисхальский вошел с остатками своей армии в Иерусалим, где с ликованием был встречен толпой горожан. Рассказы Иоанна о том, что в Галилее римляне вырезают сотни тысяч человек и нарушают собственные же обещания пощадить пленных в случае добровольной сдачи, еще больше подогрели страсти и убедили значительную часть населения, что сдаваться на милость врагу ни в коем случае нельзя, а нужно стоять до конца.

Вдобавок Иоанн заявил, что римская армия страшно ослаблена боями в Галилее, лишилась многих своих военных машин, ее боевая мощь подорвана и потому они «никогда не будут в состоянии перешагнуть через стены Иерусалима, даже если они вооружатся крыльями» (ИВ, 4:3:1). В сущности, эти слова были большим комплиментом Иосифу, но ни сам Иоанн, ни кто-либо другой этого не заметили.

Анализируя пути, которыми зелоты пришли к власти, Иосиф акцентирует внимание на двух моментах.

Первый заключается в ложной оценке силы римлян и переоценке евреями собственной мощи, благодаря той, по сути дела, пропагандистской кампании, которую начал Иоанн Гисхальский.

Второй — в том терроре, который развязали зелоты в Иерусалиме против всех инакомыслящих, в результате чего те, кто был не согласен с провозглашаемой ими военно-политической линией, просто стали бояться заявить об этом вслух.

Вслед за приходом в город солдат Иоанна (объявившего свое бегство разумным отступлением с целью сосредоточиться на защите столицы и ее окрестностей) город стал наполняться стекающимися со всех сторон вооруженными отрядами сторонников зелотов. Иосиф называет их не иначе как «разбойниками», вновь и вновь дает Иоанну Гисхальскому и проявившемуся чуть позже еще одному лидеру зелотов Симону (Шимону) бар Гиоре самые нелестные эпитеты и настаивает на том, что на их стороне была в основном городская чернь. Однако историки спешат напомнить о том, что Иосиф в «Иудейской войне» изначально пристрастен: во-первых, он являлся сторонником «партии мира», а во-вторых, просто не мог писать иначе, поскольку находился под жесткой цензурой Веспасиана и его окружения.

На самом деле зелоты, вне зависимости от того, насколько они были правы, действительно были героями и искренними патриотами, и среди их приверженцев были представители не только социальных низов, но и городской знати. Достаточно вспомнить, что одним из их лидеров был сын Ханана бен Ханана Элиэзер. Таким образом, народ раскололся надвое, и речь шла о самой настоящей гражданской войне, причем раскол этот произошел отнюдь не на классовой или какой-либо другой социальной почве, а именно на основе разного видения путей спасения и будущего нации.

Но вот в том, что большинство сторонников «партии мира» составляли убеленные сединами старцы и люди среднего возраста, а зелотов поддерживала в первую очередь молодежь, Иосиф, видимо, был прав. Как правдой было и то, что зелоты развернули в городе террор и запугивание всех своих политических противников.

На улицах Иерусалима стали попросту убивать или арестовывать любого, кто был заподозрен в сомнениях в необходимости ведения войны с Римом. В один из дней были арестованы и отосланы в тюрьму сразу три представителя высшей знати — государственный казначей Антипа, и потомки Хасмонеев Леви и Софа. За этим последовали новые аресты, и в результате, как отмечает Иосиф, «страшная паника охватила весь народ… и каждый думал только о собственной безопасности» (ИВ, 4:3:4).

Ужас, охвативший иерусалимцев, усилился после того, как все арестованные были убиты без суда и следствия. Некий ревностный зелот Иоанн бен Цви просто явился в тюрьму с десятью воинами и перерезал горло всем находившимся там сторонникам «партии мира».

«Для оправдания этого ужасного преступления, — пишет Флавий, — они выдумали неудачный повод, будто „заключенные“ вели переговоры с римлянами относительно передачи города, а они, убийцы, устранили только изменников народной свободы. Итак, они еще выхваляли свое злодейство, точно они этим облагодетельствовали и спасли город» (ИВ, 4:3:5).

Вслед за этим зелоты установили контроль над частью территории Иерусалимского Храма, в том числе и над Святая Святых, внесли в него множество оружия и стали превращать Храм в крепость, то есть, по сути, осквернили его. Когда первосвященник Маттафия бен Теофил попытался им указать на это, зелоты решили его сместить и назначить первосвященником своего ставленника. Этот шаг, видимо, не вызвал особого сопротивления, так как коррупция и стяжательство высшего духовенства уже давно вызывала возмущение значительной части народа.

Так путем жеребьевки первосвященником был избран Фания (Пинхас) сын Самуила, которому суждено было стать последним первосвященником Иерусалимского Храма.

Иосиф отмечает, что Фания пытался отказаться от предложенной ему чести, так как «был настолько неразвит, что не имел даже представления о значении первосвященства». Но против его воли Фанию доставили из деревни, где он жил, «нарядили его, точно на сцене, в чужую маску, одели его в священное облачение и наскоро посвящали его в то, что ему надлежит делать».

«Для них, — продолжает Флавий, — это гнусное дело было только шуткой и насмешкой, другие же священники обливались слезами при виде того, как осмеивается закон, и стонали над профанацией священных должностей».

И снова историки спешат не согласиться с Иосифом. Фания-Пинхас, отмечают они, пусть и не был столь знатного рода, как Иосиф, но, будучи урожденным коэном, имел полное право занимать должность первосвященника. К тому же он отнюдь не был неотесанным крестьянином, каким его представляет Флавий, а жил огранкой камней — вполне уважаемым в то время занятием. Его отказ от должности скорее говорит о скромности, чем о невежестве. Потом Фания вполне достойно выполнял свои обязанности первосвященника вплоть до своей мученической смерти в объятом пламенем Храме.

Вместе с тем недовольство зелотами и страх перед тем, что может произойти, если они окончательно возьмут власть в свои руки, возрастало, и настал день, когда лидеры «партии мира» решили собрать своих сторонников перед Храмом, чтобы призвать их встать на путь вооруженного сопротивления зелотам, освободить от них Храм, положить конец их террору и вернуть в город и страну власть закона.

Лидер партии р. Ханан бен Ханан обратился с экспрессивной речью к народу, которую Иосиф приводит в «Иудейской войне». Однако сам Иосиф ее, безусловно, слышать не мог. Вероятнее всего, он узнал о ее основных тезисах от перебежчиков, а затем просто написал весьма пространную речь за бывшего первосвященника, отвечающую всем канонам греко-римской исторической литературы. И речь и в самом деле получилась прекрасной — видимо, близкой к той, что и в самом деле была произнесена, хотя и более длинной, и одновременно отражающей взгляд самого Иосифа на происходившее в Иерусалиме.

Ханан, согласно Иосифу, начал с того, что предпочел бы умереть, чем видеть совершающееся зелотами осквернение Храма. Но вслед за этим он напомнил, что зелоты захватили власть в городе прежде всего потому, что другие граждане, видя творимый ими произвол и насилие, предпочитали не вмешиваться и наблюдать со стороны, как убивают их ни в чем не повинных соплеменников.

«Мы видели своими глазами, как точно из стада неразумных животных, каждый раз похищается лучшая жертва, — провозгласил р. Анан. — Никто не подымал даже голоса, не говорю уже о том, чтобы кто-нибудь шевельнул рукой. Но теперь вы опять будете терпеть? Вы будете терпеть, когда топчут ногами святилище? Если вы сами шаг за шагом протоптали этим злодеям дорогу к преступлению, то неужели вы еще и теперь не тяготитесь их властью над собою? Ведь они теперь пойдут еще дальше, если только найдут для опустошения что-нибудь более великое, чем храм… Вы ждете римлян, чтобы они пришли на помощь вашим святыням? Такое ли положение города и так ли мы уже беспомощны, чтоб враги должны были сжалиться над нами? А сами вы, несчастные, не восстанете? Не отразите направленных против вас ударов? Не сделаете даже того, что животные делают, и не будете мстить тем, которые вас бьют? Не хотите вы воскресить в памяти каждое отдельно совершенное злодеяние, чтобы под свежим впечатлением пережитых мук воодушевиться на месть? Убито таким образом в вас самое благородное и естественнейшее чувство — любовь к свободе. И мы, значит, превратились в рабские натуры и лакейские души, точно мы рабство получили в наследие от наших предков. Но нет, они за свою самостоятельность вели многие и великие войны, они не отступали ни пред мощью Египта, ни пред мидянами, лишь бы только не подчиняться чужой воле!» (ИВ, 4:3:10).

Таким образом, глава «партии мира» объявляет гражданские свободы, включая право на свободу слова, одной из высших ценностей, на котором зиждется благополучие общества. Победа любого вида тирании внутри страны объявляется им в этой речи даже большим злом, чем чужеземное господство: «Подчиненность чужеземцам может быть еще объяснена единичным неблагоприятным случаем; но, если гнут спину пред худшими из своих сограждан, так это трусость и самоотречение. Так как я упомянул здесь о римлянах, то я не хочу скрыть от вас, какая мысль мне пришла при этом в голову: мне кажется, что если бы мы были покорены римлянами, от чего храни нас Бог, нам не пришлось бы терпеть от них больше, чем от тех. Разве можно удержаться от слез при виде того, как в Храме, где можно даже видеть приношения от самих римлян, соотечественники прячут добычу, доставшуюся им от истребленной ими столичной знати и умерщвления таких людей, которые, если бы победили сами, то пощадили бы их! Сами римляне никогда не переступали чрез порог даже неосвященных мест, не нарушали ни одного из наших священных обычаев, со священным страхом они только издали смотрели на ограду храма; а люди, выросшие в нашей стране, воспитанные на наших законах и носящие имя иудеев, рыщут среди Святая-Святых в то время, когда их руки дымятся еще кровью их соотечественников! Должны ли мы бояться войны с внешними врагами, когда они в сравнении с нашими единоплеменниками более человечны? Если называть вещи их настоящими именами, тогда мы найдем, что блюстителями наших законов были именно римляне, между тем как их враги находятся среди нас. Что эти изменники свободы должны быть уничтожены и что никакая кара, какую только возможно придумать, не может служить достаточным возмездием за их гнусные дела — это убеждение, я надеюсь, вы все принесли уже с собой и еще до моей речи вы достаточно были ожесточены против них теми страданиями, которые вы перенесли» (ИВ, 4:3:10).

Эта страстная речь произвела должное впечатление, и народ стал вооружаться всем, что подворачивалось под руку. На улицах закипели бои, и хотя зелоты были лучше вооружены и уже более или менее обучены воевать, численное превосходство было явно на стороне толпы. В

итоге «ревнителей» загнали в Храм, вокруг которого они заняли оборону.

Судьбу этого противостояния решил Иоанн Гисхальский. Он сделал вид, будто решил примкнуть к «партии мира», и добился того, чтобы. р. Ханан, желавший прекратить братоубийственную войну, направил его к зелотам для ведения мирных переговоров. Однако, явившись в Храм, Иоанн неожиданно принес зелотам присягу на верность и стал убеждать их, что Анан обманывает народ; что он уже отправил письмо Веспасиану, в котором выразил готовность сдать ему город. Переговоры же, продолжил Иоанн, старый раввин затеял исключительно для того, чтобы убедить их сложить оружие.

Таким образом, констатировал он, у зелотов остается лишь два выхода: либо сдаться на милость толпы, либо получить помощь извне, чтобы разомкнуть кольцо осады и затем взять город под свой контроль. И добавил, что на милость толпы особенно рассчитывать на приходится, поскольку стоит им остаться без оружия, и родственники убитых ими сограждан сведут с ними счеты.

Судя по всему, именно Иоанн Гисхальский и подсказал запросить помощи у живущих на юге страны идумеев — родственного и долгое время враждебного евреям народа, который во II веке до н. э. царь Иоанн Гиркан I насильно обратил в иудаизм.

Формально идумеи считались такими же евреями, как и все остальные, в значительной степени смешались с ними, но определенные перегородки между двумя народами всё же оставались, восшествие на трон идумея Ирода и его царствование тоже не прошло бесследно. Но больше всего идумеев ранило то, что евреи всё еще не считают их до конца своими.

Призыв их евреями на помощь как раз и означал бы такое признание, и именно на это, а также на свойственный идумеям боевой нрав и был сделан расчет. Зелоты направили к вождям идумеев двух своих сторонников, «одаренных даром слова и силой убеждения», которые передали им следующее краткое послание: «Анан обманывает народ и хочет предать столицу римлянам; они сами, отделившиеся от него во имя спасения свободы, осаждены в храме. Времени для спасения осталось мало. Если идумеяне не поспешат к ним на помощь, тогда они попадут в руки р. Анана и своих врагов, а город в руки римлян».

Разумеется, это была ложь, но она сработала, поскольку идумеи уже давно хотели доказать, что они — куда большие еврейские патриоты, чем некоторые евреи во многих поколениях.

* * *

Дальнейшие события развивались стремительно.

Возбужденные речами послов зелотов, идумеи собрали почти двадцатитысячную армию и двинулись на «освобождение Иерусалима от предателей». Глава Синедриона Ханан бен Ханан узнал о том, что осажденные в Храме ревнители послали за помощью в Идумею слишком поздно, а узнав, велел запереть ворота города и выставить на них стражу.

Когда идумеи подошли к Иерусалиму, на его стены поднялся р. Иехошуа бен Гамла и обратился к ним со страстной речью, пытаясь убедить сложить оружие и войти в город с миром — чтобы затем вместе сражаться против общего врага. Эта длинная речь также приводится в «Иудейской войне», но затем автор книги признается, что передает ее «приблизительно», с чужих слов. Вероятнее всего, она была намного короче, и Иосиф попросту решил, используя рассказ перебежчиков, снова блеснуть своим мастерством ритора и на основе тех тезисов, которые были в его распоряжении, написал речь, которую он сам бы произнес, окажись на месте р. Иехошуа бен Гамлы.

Рабби Иехошуа начал с того, что вполне понимает те чувства, которые привели идумеев под стены столицы, но дело в том, что все, им сказанное, — ложь, никто из законных властей не замышлял предательства, и сейчас город напряженно готовится к обороне от приближающихся римлян, поскольку заключать с ними мир надо было раньше.

«Но теперь, если бы мы и желали, нам было бы трудно помириться с римлянами, так как завоевание Галилеи сделало их гордыми, а преклониться перед ними теперь, когда они уже так близки, было бы для нас позором страшнее смерти. Я, правда, лично предпочел бы мир смерти. Однако раз война объявлена и находится в полном разгаре, я также охотно предпочитаю славную смерть жизни военнопленника. А кто же, говорят, тайно послал к римлянам? Одни ли мы, представители народа, или вместе с нами также и народ по общему решению? Если только мы, — то пусть же нам назовут друзей, которых мы послали, прислужников, способствовавших измене! Был ли кто-нибудь пойман на пути к римлянам или схвачен на возвратном пути? Быть может, напали на следы письма? И каким образом мы могли это скрыть от столь многих граждан, с которыми находимся в постоянном общении?» — продолжил р. Иешуа доказывать беспочвенность обвинений против высшего руководства Иудеи.

Затем он попытался объяснить, что за речами зелотов о том, что они якобы защищают интересы широких народных масс, кроется очередная ложь: народ как раз устал от развернутого ими террора, скорбит по невинным жертвам и понимает, что с их приходом к власти в Иерусалиме начнут править бал произвол, беззаконие и кровавые расправы с любым, кто только посмеет заикнуться о своем несогласии с ними.

«Вы можете, — продолжил р. Иехошуа, — если только хотите вступить в наш город не как враги, убедиться собственными глазами в том, что я сказал: вы увидите вконец разграбленные дома, жен и детей убитых — в черной траурной одежде, вопли и слезы во всем городе. Ибо нет человека, который не испытывал бы на себе насилий этих безбожников; они в своем безумии зашли так далеко, что свою разбойничью отвагу принесли с собой из деревень и городов не только в самое сердце всей нации — Иерусалим, но и отсюда — в самый храм. Последний они превратили теперь в крепость, в место убежища и укрепленный пункт против нас. Место, свято почитаемое на всем земном шаре, даже иноземцами, обитателями окраин мира, знающими о нем только понаслышке, эти чудовища, здесь же родившиеся, топчут ногами. Но верх их наглости — это то, что они в своем теперешнем отчаянном положении вооружают племена против племен, государства против государств и вызывают нацию на борьбу против собственной же крови. Ввиду этого, как я уже сказал, вам больше всего подобало бы в союзе с нами истребить преступников, наказать их именно за этот обман, за то, что они дерзали призвать в качестве союзников вас, которых они, напротив, должны были бояться как мстителей. Если же хотите оказать честь приглашению таких людей, так вам предоставляется, как нашим соплеменникам, сложив оружие, войти в город и занять место, лежащее в середине между союзниками и врагами, — место судей».

Однако у идумеев к этому времени уже окончательно сложилась та точка зрения на происходящее, которая им была внушена послами зелотов, и речь старого раввина они восприняли как ложь и лицемерие с целью настроить их против «истинных патриотов». То, что перед ними заперли ворота, стало для одного из лидеров идумеев, Симона бен Кафда, подтверждением того, что иерусалимская знать все еще не считает их такими же евреями, как они сами, а заодно стремится расправиться с «поборниками свободы».

Пока шли переговоры между р. Иехошуа и идумеями, наступил вечер, а затем над Иерусалимом началась сильная гроза — как и полагается, с молниями и оглушительным громом.

Этот ливень напугал идумеев, так как они увидели в нем проявление Божьего гнева за то, что затеяли поход, по сути дела, против высшего духовенства. Точно так же он был воспринят и последним, а также их сторонниками, однако они явно поторопились с выводами. Идумеи, чтобы хоть как-то укрыться от дождя, сомкнули ряды и подняли над головами щиты, создав некое подобие огромного зонта.

Тем временем запертые в Храме зелоты решали, что делать. Предложение начать прорыв блокады было их лидерами отвергнуто, так как они опасались, что люди Анана бен Анана находятся в состоянии повышенной готовности и, учитывая их огромное численное превосходство, попросту перебьют их. Тогда они решили распилить засовы ворот Храма, пользуясь тем, что из-за шума ливня, звука работающих пил не будет слышно. Эта хитрость удалась, тем более что из-за того же дождя было решено ослабить охрану Храма.

Пропилив ворота, небольшая группа зелотов вышла из Храма и открыла идумеям ближайшие к ним ворота города. Войдя в Иерусалим, идумеи первым делом бросились к Храму, стража которого оказалась сразу между двумя армиями — относительно небольшой, насчитывающей всего пару тысяч группой зелотов и многотысячным войском идумеев.

Битва под ночным дождем оказалась недолгой — храмовая стража бросилась бежать, а горожане, поняв, что произошло, предпочли остаться в домах, а не взяться за оружие. Дальше идумеи начали резню, охваченные яростью за то, что их не впустили в город. Разбираться в том, кто является сторонником правительства, а кто занимал нейтральную позицию, они не стали — убивали как тех и этих. В тот день приняли мученическую смерть главы Синедриона р. Ханан бен Ханан и р. Иехошуа бен Гамла. Их тела были брошены на поругание, и никто не поторопился их похоронить, хотя еврейская традиция предписывает это сделать как можно быстрее.

Гибель двух этих лидеров означала окончательную победу революции зелотов, и Иосиф увидел в этом событии ясное указание на то, что Бог окончательно решил уничтожить Иерусалим и Храм, и дальнейший ход событий стал неотвратимым.

«Если бы Анан остался жив, — пишет он, — то, во всяком случае, состоялось бы мирное соглашение. Ибо он был могущественный оратор, пользовался огромным влиянием на народ, и ему уже удалось подчинить себе тех, которые стояли у него на пути или требовали войны. Под предводительством такого вождя иудеи доставили бы еще много хлопот римлянам. Тесно связан с ним был Иешуа, который хотя и не выдерживал сравнения с ним, но других превосходил. Но Бог, думается мне, решил уничтожить осквернённый город и очистить огнем храм, — поэтому он отстранил тех, которые еще заступались за них и крепко их любили. Таким образом, людей, недавно только перед тем одетых в священное облачение, стоявших во главе распространенного по всему свету богослужения и с благоговением встречаемых всегда прибывавшими со всех краев земли на поклонение святым местам пилигримами, — этих людей можно было видеть теперь брошенными нагими на съедение собакам и диким зверям. Сама добродетель, думаю я, стонала над этими мужами и плакала над тем, что зло так восторжествовало над ней самой. Таков был конец Анана и Иешуи» (ИВ, 4:5:2).

* * *

В последующие дни зелоты и идумеи продолжили развязанный ими в городе террор, арестовывая всех, кто подозревался в сочувствии к «партии мира» и казня их в течение нескольких часов. Всего ими было убито 12 тысяч человек, в основном представителей зажиточных кругов, трупы которых бросали на улице для устрашения и запрещали их хоронить, что, повторим, с точки зрения еврейских законов было величайшим злодеянием и

преступлением против законов Торы.

Как мы уже отмечали, Иосиф ранее называл два основных момента, сопровождавших победу зелотов и приведших в итоге к потере жизнеспособности еврейской квазигосударственности того времени: неспособность к реальной оценке общей военной и политической ситуации и подавление любого инакомыслия. После окончательной победы зелотов он указывает на третий: вопиющее попрание всех принципов правосудия.

В качестве примера он приводит историю суда над одним из самых яростных политических противников зелотов богатым иерусалимцем Захарием бен Барухом. Все же стремясь создать некую видимость правосудия, зелоты назначили судьями 70 мелких храмовых чиновников, не только не пользовавшихся авторитетом в народе, но и, судя по всему, не имевших никакого опыта судопроизводства — в твердой уверенности, что такие судьи будут покорно выполнять их волю.

Зелоты выдвинули против Захарии бен Баруха стандартное обвинение в предательстве — дескать, он направил своих людей к Веспасиану с предложением сдать город. Никаких доказательств этим утверждениям не было, суд изначально выглядел как фарс, и бен Барух, понимая, что его политические враги не потерпят иного приговора, кроме смертного, предельно кратко опроверг выдвинутое против него голословное обвинение, а затем сосредоточился на обвинениях самих зелотов в попрании закона, массовых убийствах и прочих преступлениях.

Вердикт судей прозвучал для них, как гром с ясного неба: не пожелав стать участниками фарса, они единогласно оправдали Захарию бен Баруха, прекрасно понимая, что такое решение может стоить жизни им самим.

Возмущенные решением судей, отказавшихся стать марионетками новых правителей столицы, зелоты прямо в зале суда Храма закололи Захарию бен Баруха, сбросили его тело со стены в пропасть, а затем ножнами мечей жестоко избили судей и выгнали их из Храма — с тем, чтобы они внушили испытанный ими ужас остальным жителям.

К этому времени до идумеев начало доходить, что их втянули в грязную игру; что обвинения законного правительства в измене были совершенно беспочвенными и, по сути дела, они способствовали к приведению к власти преступников и, таким образом, сами стали соучастниками преступления. Окончательно им стало это ясно после разговора с одним из зелотов, который тоже прозрел и отшатнулся от тех, чьи идеи совсем недавно разделял.

Разочарованные идумеи поспешили покинуть город, выпустив перед этим из тюрем две тысячи заключенных, бежавших, чтобы присоединиться к армии другого набиравшего в это время силу военного лидера Симона бар Гиора.

* * *

После ухода идумеев зелоты продолжили убийства всех, кто мог потенциально возглавить оппозицию их власти. Среди тех, кто был убит одним из первых, оказались блестящий оратор и подлинный сторонник демократии и соблюдения законности Горион (некоторые историки считают, что он и был тем самым Иосифом бен Горионом, о котором Флавий упоминал ранее), а также не раз отличившийся до этого в битвах против римлян полководец Нигер Пирейский. Последнего тяжело раненным проволокли по всему городу, а когда выволокли за стены, чтобы добить, Нигер попытался умолить своих мучителей удостоить его достойного погребения, но и в этом ему было отказано. Перед смертью Нигер проклял своих палачей и призвал Бога

послать на их головы месть римлян, взаимную вражду, голод и чуму — и, как известно, эти проклятия сбылись почти в точности.

«Смерть Нигера, — пишет Флавий, — окончательно освободила их от всяких опасений за собственное падение. Среди народа не осталось уже никого, которого нельзя было бы погубить по какому угодно поводу, раз только этого хотели. Та часть народа, которая восстала против зелотов, давно уже была истреблена; а против других, мирных жителей, стоявших в стороне от всех, придумывали, смотря по обстоятельствам, иные обвинения. Тот, кто вовсе не связывался с ними, считался у них высокомерным, кто открыто приближался к ним — презирающим, а кто льстил — предателем. За высшее преступление, как и за самое ничтожное упущение, существовало одно наказание — смерть: ее избегал лишь тот, который уже очень низко стоял по своему происхождению или по крайней бедности» (ИВ, 4:6:1).

Вскоре после этих событий внутри самих зелотов начались внутренние раздоры. Иоанн Гисхальский предъявил свои претензии на власть над городом, а значит и над всей Иудеей. Часть «ревнителей» приняли его претензии, но часть выступили решительно против, и таким образом в городе образовались две новые партии, причем сторонники как той, так и другой понимали, что стоит их противникам достичь победы, и они их не пощадят. Так в Иерусалиме началась война между партиями зелотов, что, впрочем, не мешало членам обеих партий грабить и убивать простых горожан, отбирая их имущество для своих нужд.

Охваченные ужасом перед новой властью, многие жители Иерусалима решили бежать из города, чтобы сдаться на милость римлянам. Однако зелоты установили стражу у всех ворот и объявили, что каждый, кто попытается вырваться из Иерусалима, будет убит как изменник. Хоронить таких «предателей» тоже запрещалось под страхом смерти, и, как следствие, казненные лежали на улицах по несколько дней.

И тут начал проявляться еще один фактор, являющийся неизменным спутником такого рода тоталитарной власти, — коррупция. Те, у кого были деньги, могли подкупить стражу и вырваться за городские стены, а вот бедняки такой возможности были лишены. Те же из них, кому удавалось каким-то образом бежать, оказываясь за стенами Иерусалима, вскоре натыкались на непогребенные трупы на дорогах и, осознав, что римляне и бродящие в округе банды разбойников столь же безжалостны и кровожадны, как и зелоты, нередко возвращались назад — и, попадая в руки зелотов, вынуждены были выбирать между смертью и присягой им на верность и вступлением в одну из вооруженных группировок.

Тем не менее перебежчиков, добиравшихся до стана Веспасиана в Кейсарии, было немало, и многие из них, успевшие приобрести римское гражданство, имели все основания надеяться сохранить жизнь и имущество.

Все эти события происходили весной 68 года, и именно тогда, видимо, среди других перебежчиков к Веспасиану и прибыл один из самых выдающихся религиозных авторитетов того времени — раббан Йоханан бен Заккай.

Согласно талмудическому преданию, поняв в какой-то момент осады Иерусалима, что город и его жители обречены, р. Йоханан решил его покинуть. Но так как командование обороной Иерусалима запрещало жителям покидать город, он распустил слух о своей смерти и поручил двум своим ученикам, р. Элиэзеру бен Уркенос и р. Иешуа бен Ханания, вынести его из Иерусалима в гробу. Затем раббан Йоханан попал в римский лагерь, где и приветствовал Веспасиана на латыни словами «Да здравствует господин император!»

На замечание полководца о том, что он — не император, р. Йоханан не замедлил с ответом:

«Но ты им будешь!», — тем самым повторив предсказание Иосифа.

Веспасиан, повествует Талмуд, поверил, что р. Йоханан обладает даром пророчества, благосклонно отнесся к пленнику и милостиво удовлетворил его просьбу дать возможность основать в городе Явне (Ямниэль) Академию по изучению Торы.

После взятия Иерусалима римлянами в Явне перебрались большинство авторитетов в области Торы того времени. Именно там, по сути, и начал развиваться талмудический иудаизм. Таким образом, самому сохранению иудаизма в его современном виде евреи обязаны р. Йоханану бен Заккаю.

Однако Талмуд относит бегство р. Йоханана ко времени осады Иерусалима, то есть к 70 году, и достоверность этой даты вызывает большие сомнения. Дело в том, что Веспасиан был провозглашен императором летом 69 года и уже 1 июля отбыл в Рим. Таким образом, вероятнее всего, эта история относится именно к весне 68 года, когда Иерусалим еще не был осажден, но выбраться из него было уже почти невозможно.

Великий город все больше погружался во мрак, на всей его территории, включая Святой Храм, свершались страшные преступления, и все это приближало его гибель.

«Существовало именно древнее предсказание мудрецов, что город тогда будет завоеван и Святая Святых сделается добычей пламени, как только вспыхнут волнения и руки граждан осквернят Богом освященные места. Хотя зелоты в общем верили в это пророчество, тем не менее они сами сделались его исполнителями» (ИВ, 4:6:3), — пишет Иосиф Флавий, и история р. Йоханана бен Заккая доказывает, что такого же мнения придерживался не только бывший комендант Галилеи, но и многие мудрецы и знатоки Священного Писания.

И все же тот факт, что Иосиф и р. Йоханан бен Заккай сделали одно и то же предсказание, невольно наводит на размышление. Оба они принадлежали к партии фарисеев и почти наверняка были знакомы еще до начала восстания. Но обсуждать личность Веспасиана между собой в личных беседах они не могли — тот был назначен на пост главнокомандующего Иудейской кампанией в то время, когда Иосиф был в Галилее, а р. Йоханан оставался в Иерусалиме. Могли ли они независимо друг от друга прийти к выводу, что Веспасиан и есть тот «правитель мира», который придет из Иудеи? Теоретически это возможно. Могли ли они состоять в переписке до того, как Иосиф оказался в Иотапате? И это возможно, но тогда почему Иосиф об этом нигде не упоминает? А ведь сам этот факт сделал бы ему немалую честь. Остается предположить, что р. Йоханан бен Заккай знал о предсказании Иосифа (а в том, что Иосиф сделал его первым, сомнения не вызывает), пришел к выводу, что тот прав, и подтвердил его перед Веспасианом. При этом он четко рассчитал тот эффект, который это подтверждение должно было произвести, и попытался извлечь из этого максимальную выгоду для своего народа, которая была на тот момент возможна.

Ряд современных историков (к примеру, израильский религиовед Ева Левит) адресуют бен Заккаю упрек в том, почему он не просил о пощаде для Храма. На основе этого они даже выстраивают целую теорию о том, что фарисеям, в отличие от саддукеев, Храм был не так важен, как создание и сохранение талмудического иудаизма. То есть, по сути, обвиняют фарисеев в заговоре против Храма и сговоре с римлянами.

Однако никаких весомых доказательств столь страшному подозрению нет, а есть факт, что фарисеи сокрушались по гибели Храма никак не меньше, а то и сильнее саддукеев. Но вот то, что борьба между этими двумя партиями тоже внесла свою лепту в трагедию еврейского народа, несомненно.

Глава 2. Время исполнения пророчеств

Благодаря рассказам перебежчиков Веспасиан и его офицеры были отлично осведомлены о происходящем в Иерусалиме. Но при этом они сильно расходились во мнении о том, как дальше вести войну. Большинство командиров, видимо, склонялись к тому, что следует воспользоваться тем хаосом, который царит в иудейской столице, совершить марш-бросок, овладеть городом и поставить таким образом победную точку в кампании.

Но сам Веспасиан придерживался иного мнения. Он считал, что перед лицом общей угрозы враждующие партии могут объединиться, организовать оборону хорошо укрепленного города, и тогда на успех стремительного штурма рассчитывать не придется — так, во всяком случае, объясняет логику своего нового патрона Иосиф Флавий.

Больше того: рисуя образ мыслей Веспасиана, он приписывает ему не только мудрость великого стратега, но и веру в Бога, а не в римских богов.

«Лучший полководец, чем я, это Бог, который без напряжения сил с нашей стороны хочет отдать иудеев в руки римлян и подарить нашему войску победу, не связанную с опасностью. В то время как враги губят себя своими собственными руками и терзаются самым страшным злом — междоусобной войной, — нам лучше всего остаться спокойными зрителями этих ужасов, а не завязывать битвы с людьми, ищущими смерти, беснующимися так неистово друг против друга… В то время, когда враг сам себя ослабляет, мое войско будет отдыхать от военных трудов и еще больше окрепнет.

Но и с точки зрения славы, доставляемой победами, не следует нападать на потрясаемое внутренними болезнями государство, в противном случае будут иметь полное основание сказать, что мы обязаны победой не себе самим, а раздвоенности неприятеля» (ИВ, 4:6:2), — говорит у него Веспасиан, но поверить в то, что он действительно именно так и сказал, невозможно.

Куда более правдоподобной выглядит версия Тацита, который утверждает, что Веспасиан не спешил со штурмом или осадой Иерусалима «до тех пор, пока не были заготовлены все нужные для взятия городов орудия, изобретенные как в древности, так и гением новейших времен»[46].

Кроме того, командующий римской армией явно решил овладеть для начала всей Иудеей, изолировав Иерусалим и, таким образом, лишив его возможности получить какую-либо помощь извне. Поэтому летом 68 года Веспасиан начал проводить локальные операции, захватывая один за другим города и деревни Иудеи. Богатая Гадера предпочла сдаться римлянам без боя: жители разрушили городскую стену еще до их прихода. Сторонники сопротивления римлянам бежали из города, и Веспасиан отправил за ними в погоню уже знакомого читателю Плацида с 500 всадниками и тремя тысячами пехоты. Эти беглецы героически пали в бою с окружившими их римлянами возле деревни Бетенамрин, после чего были вырезаны и жители деревни.

В страхе перед римлянами жители других окрестных деревень бросились в сторону Иерихона в надежде спастись за его стенами, но, поняв, что им вряд ли удастся достичь этого города, решили вступить в бой с римлянами у реки Иордан. Но что могли сделать вооруженные дрекольями и не имеющие никакой военной выучки крестьяне перед военной поступью легионеров? Итог битвы был предрешен: 15 тысяч евреев было убито, 1200 захвачено в плен, а кроме того, римлянам досталось все, что эти несчастные пытались унести с собой из родных деревень — груженные домашним скарбом ослы и верблюды, множество мелкого и крупного

рогатого скота. Вода в Иордане и Мертвом море была красной от крови убитых, и в ней плавало множество трупов.

Затем настал черед городов и деревень, расположенных в районе Мертвого моря и того же Иерихона — бóльшая часть его жителей успела перед наступлением римлян убежать в Иерусалимские горы, а остальные были вырезаны. Дальше последовало наступление на юг, и после взятия Лидды (Лода) и Ямнии (Явне) настал черед Идумеи.

Таким образом, к июлю 68 года Веспасиан частично реализовал свой план по изоляции Иерусалима и уже готовился двинуть к нему свою армию, когда к нему пришло сообщение из Рима о том, что 9 июня император Нерон покончил с собой. Это означало, что в Риме началась борьба за престол. Следующему году было суждено войти в римскую историю как «году четырех императоров».

* * *

«Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору. Четыре принцепса, погибших насильственной смертью, три гражданские войны, ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними, удачи на Востоке и беды на Западе — Иллирия объята волнениями, колеблется Галлия, Британия покорена и тут же утрачена…»[47] — так начинает Тацит повествование о «годе четырех императоров».

Ирония истории заключается в том, что вслед за гражданской войной в Иерусалиме после смерти Нерона вспыхнула и гражданская война в Риме. В сущности, началась она еще при жизни Нерона с восстания наместника Галлии Гая Юлия Виндекса, которого поддержали недовольные огромными налогами галльские вожди, а затем — по той же причине — правители Тарраконской Испании, Лузитании и Африки.

Нерон двинул против Виндекса войска, стоявшие в Северной Германии, в результате чего Виндекс был разбит и покончил жизнь самоубийством. Однако эта победа не спасла Нерона, против которого восстала преторианская гвардия. 8 июня 68 года Нерон был объявлен Сенатом «врагом отечества» и приговорен к смертной казни. Поначалу Нерон думал бежать в Египет, однако ему отрезали все пути к бегству. Последние часы император провел на вилле одного из вольноотпущенников, который и помог ему покончить жизнь самоубийством, подтолкнув его руку с кинжалом. По преданию, перед смертью Нерон произнес речь, завершив ее восклицанием: «Какой великий артист погибает!»

Историки видят в низвержении Нерона закономерное следствие пренебрежения им и его предшественниками римской демократией, непомерных налогов на провинции, принявшей огромные размеры коррупции и военных неудач, пошатнувших веру в непобедимость Рима и его незыблемость как на окраинах империи, так и в самом ее сердце. При Нероне все эти беды достигли своего апогея.

«Провинции, главным образом западные, были недовольны тяжелыми поборами. Огромные суммы шли на строительство дворцов (особенно был известен строившийся с исключительной роскошью дворец Нерона „Золотой дом“), многочисленные празднества, обогащение императорских отпущенников, уже при Клавдии владевших состоянием в 300–400 млн сестерциев. Не слишком удачной была война с Парфией, закончившаяся компромиссом: в Армении, служившей основным яблоком раздора между Римом и Парфией, последняя посадила на престол своего ставленника Тиридата, хотя корону он и получил из рук Нерона. В Иудее началось восстание, которое, несмотря на собранные римлянами значительные силы,

не удалось подавить», — отмечается в академической «Истории Европы»[48].

Последнее замечание неслучайно: война в Иудее стала той самой каплей, которая переполнила терпение римской знати и военной верхушки по отношению к Нерону. Таким образом, Иосиф бен Маттитьягу, благодаря которому покорение Галилеи затянулось на несколько долгих месяцев, также косвенно внес свою лепту в гибель Нерона.

Казус ситуации заключался в том, что Нерон не оставил после себя наследника. Его смерть означала конец династии Юлиев-Клавдиев, а значит, ребром встал вопрос о том, кто станет следующим императором. Все понимали, что решающее слово в данном вопросе будет принадлежать армии, и армия сказала свое слово: в июле испанские и галльские войска провозгласили императором престарелого сенатора и опытного полководца, легата Тарраконской Испании Сервия Сульциния Гальбу, бывшего одним из вдохновителей мятежа против Нерона. Сенат утвердил этот выбор солдат, Гальба двинулся в Рим, по дороге потопив в крови мятеж флотского легиона и ужаснув империю своей жестокостью.

Узнав о смерти Нерона, Веспасиан решил не спешить с штурмом Иерусалима и вести военные действия против евреев на «малом огне», пока не прояснится ситуация в Риме. Политическое чутье подсказывало ему, что это еще не конец и спешить не стоит. Особенно с учетом того, что Гальба был стар и бездетен, так что вскоре неминуемо должен был встать вопрос о его преемнике, и в качестве такового вполне мог выступить как сам пожилой, но еще не столь старый Веспасиан, так и его молодой и перспективный сын Тит.

Некоторое время Веспасиан пребывал в раздумье, а затем решил направить в Рим Тита и царя Агриппу — с тем чтобы они принесли присягу Гальбе: заверили нового императора в полнейшей преданности ему Веспасиана и получили дальнейшие указания о том, как следует продолжать иудейскую кампанию, — якобы Веспасиан воздерживался от каких-либо действий, дожидаясь соответствующей «отмашки» от нового правителя Рима. Однако при этом, по одной из версий, он дал указание Титу завоевать любовь и доверие Гальбы и попытаться стать его приемным сыном и наследником. Агриппе же было дано поручение внимательно следить за всем, что происходит в Риме, и своевременно докладывать об этом Веспасиану.

В этих колебаниях и ожидании новых вестей из Рима Веспасиан провел, судя по всему, всю осень, и потому Тит и Агриппа отправились в путь только ранней зимой — в то самое время, когда в Риме как раз началось новое брожение. Гальба не сумел снискать популярности среди членов Сената, то есть даже среди того сословия, к которому сам принадлежал. Но особенно недовольны им были солдаты, поскольку казна при Нероне была опустошена, и Гальба стремился ограничить государственные расходы, что дало повод для обвинений его в алчности. Окончательно он оттолкнул от себя преторианцев, когда отказался выплатить обещанные им денежные подарки, и более того — уволил несколько командиров преторианской гвардии, заподозрив их в подготовке заговора.

Недовольны Гальбой были и провинциальные войска, а также население восточных и южных областей Галлии. Как следствие, нижнегерманские легионы провозгласили новым императором своего легата Авла Вителлия, а в Риме тем временем против Гальбы стал интриговать вначале горячо поддержавший его и рассчитывавший стать приемным сыном и наследником нового императора губернатор Лузитании Марк Сальвий Отон.

Известие о том, что Гальба назвал в качестве приемного сына Луция Кальпурия Пизона, нанесло удар по этим честолюбивым планам. В ответ 15 января 69 года Отон организовал на Форуме убийство Гальбы и Пизона, и в тот же день преторианцы провозгласили его императором.

Слухи о новом перевороте застали Тита и Агриппу в Греции, где они сделали небольшую передышку. После этого Тит решил дождаться того, чем закончится противостояние между Отоном и Вителлием и повернул назад, в Кейсарию, а Агриппа отправился дальше в Рим. Тацит в своей «Истории» утверждает, что Титом руководили не столько политические, сколько личные соображения: он сгорал от любви к принцессе Веренике, и разлука с любимой оказалась для него слишком тяжела. Как бы то ни было, с политической точки зрения это был, безусловно, правильный ход.

Отона в итоге признали дунайские войска и восточные провинции, но легионы, стоявшие в Галлии, Германии и Британии, были за Вителлия. Армии двух претендентов на трон встретились 14 апреля 69 года близ Бедриака. Отон, потерпев поражение, покончил с собой, его армия перешла на сторону Вителлия, и префект Рима, родной брат Веспасиана Тит Флавий Сабин 19 апреля 69 года привел к присяге новому императору все находившиеся в Риме войска. Светоний в «Жизни двенадцати цезарей» отмечает основные черты Вителлия — жестокость, сопровождаемую вдобавок особым цинизмом, непомерное обжорство и любовь к пирам.

При этом все историки, включая Флавия, сходятся в том, что правление Вителлия стало кошмаром для жителей Рима. Верные ему солдаты, считая, что им полагается награда за приведение к власти нового императора, устроили в «вечном городе» то же, что зелоты в Иерусалиме. Правда, уже без всяких политических обоснований — грабежи и убийства любого, кто пытался защитить свое имущество, стали обычным делом. Вителлий же не только не пытался навести порядок и вернуть власть закона, но и обращал жалобы на произвол его легионеров в шутку.

Когда слухи о творящемся в Риме дошли до армии Веспасиана, бóльшая часть которой томилась от безделья, его солдаты начали откровенно завидовать солдатам Вителлия, так как тоже были отнюдь не прочь поживиться имуществом простых римлян. Их полководец, считали они, не менее, а возможно и более Вителлия был достоин стать императором, так как под его началом было достаточно большое войско, умеющее сражаться не хуже, чем легионы Вителлия. К тому же у Веспасиана было два сына — Тит и Домициан, а значит он вполне мог создать новую династию (впрочем, и у Вителлия был сын Германик, так что этот довод вряд ли можно было назвать убедительным). Но Тит к этому времени уже успел зарекомендовать себя как отважный воин и одаренный командир, и потому в ответ на замечание о том, что Веспасиан уже находится в преклонном возрасте и вряд ли сможет долго просидеть на троне, в качестве альтернативы ему называлось имя Тита.

Кроме того, у легионеров не было сомнений, что, если Веспасиан станет императором, он сумеет щедро отблагодарить их за возведение на вершину власти. И хотя сам Веспасиан привел свою армию к присяге Вителлию, и солдаты, и офицеры не считали последнего достойным императорского трона. Больше того: по рукам солдат стоявшей в Иудее армии ходило письмо, якобы отправленное Отоном перед самоубийством Веспасиану, в котором он называл последнего единственным, кто может спасти Рим, и призывал явиться туда и отомстить за свою смерть. Письмо, вероятнее всего, было поддельным (Фейхтвангер выдвинул версию, что автором этой фальшивки был Тит, что и в самом деле весьма вероятно, поскольку есть немало свидетельств, что Тит развлекался подделкой почерков), но оно, безусловно, сделало свое дело.

Но самое главное заключалось в том, что точно так же думал и Веспасиан. Будучи, благодаря регулярным письмам Агриппы и своего брата Сабина, хорошо осведомленным о происходящем в Риме, он был уверен, что, если судьба возведет его на трон, как это предсказали Иосиф и р. Иоханан бен Заккай, он не только сможет восстановить порядок и власть закона, но и вернет

империи ее былые мощь и процветание.

В связи с этим, вероятно уже в мае 69 года, Веспасиан стал просчитывать свои шансы на успех в государственном перевороте, совершенном отсюда, с территории Ближнего Востока. Однако он был слишком умен и осторожен, чтобы идти напролом. Для начала Веспасиан решил заручиться поддержкой как можно большего числа союзников, способных предоставить в его распоряжение необходимую военную силу. С этой целью он, согласно Тациту, встретился на горе Кармель с наместником Сирии Гаем Луцием Муцианом. Последний, будучи гомосексуалистом, не имел наследников, и потому идея стать основателем династии его не прельщала. Но вот роль второго человека в империи ему нравилась, и он заверил Веспасиана в своей поддержке, если тот решится провозгласить себя императором. Больше того — Тацит уверен, что именно Муциан и внушил Веспасиану эту идею.

Вслед за этим Тит, вероятнее всего вместе с Иосифом, отправился на переговоры с наместником Египта Тиберием Александром. Будучи правителем главной хлебной житницы Рима, Тиберий, по мнению некоторых историков, и сам тайно примерял на себя корону, но при этом прекрасно понимал, что Рим еще не готов к тому, чтобы на его трон взошел еврей — пусть даже и порвавший со своим народом и обратившийся в язычество. И потому, выслушав доводы Тита, Иосифа, а также специально прибывших в Александрию Агриппы и Вереники, Тиберий Александр также дал согласие поддержать претензии Веспасиана на трон.

Таким образом, Веспасиан мог рассчитывать на поддержку сразу девяти легионов: трех своих, четырех Муциана и двух Тиберия Александра. Ни Гальба, ни Отон, ни Вителлий не располагали такой силой. А если учесть, что значительная власть в самом Риме сосредотачивалась в руках брата Веспасиана Сабина, также засвидетельствовавшего письмом свою поддержку, то его шансы на успех были огромны.

Жребий в разработанном Веспасианом (или все же Муцианом?) плане переворота был брошен 1 июля 69 года, когда Тиберий Александр провозгласил Веспасиана императором и привел к присяге ему свои легионы.

Спустя два дня их примеру последовала стоявшая в Кейсарии армия. Флавий, переставляя хронологию этих событий, настаивает на том, что первыми Веспасиана провозгласили императором именно его собственные солдаты, а сам Веспасиан пробовал отказаться от предложенной ему чести, но в итоге был вынужден просто подчиниться навязанной ему едва ли не силой роли.

«…Подобные разговоры (о том, что Веспасиан более других достоин короны. — *П. Л.*) вели солдаты на своих сходках. Вскоре они собрались всей массой и, ободряя другу друга, провозгласили Веспасиана императором и призвали его на спасение обуреваемого отечества. Он сам давно уже был озабочен положением государства, не думая все-таки о собственном восшествии на престол. По своим заслугам он считал себя, конечно, достойным престола, но предпочитал спокойствие частной жизни опасностям такого блестящего положения. Но чем больше он отказывался, тем настойчивее сделались военачальники; солдаты окружили его с обнаженными мечами и угрожали ему смертью, если он не захочет с честью жить. После того, как он представил им все основания, по которым отклоняет от себя власть, но видя, что не может их разубедить, в конце концов уступил своим избирателям» (ИВ, 4:10:4).

Разумеется, эта картина не совсем соответствует действительности. Да, конечно, разговоры о том, что Веспасиан лучше, чем кто-либо другой, может справиться с бременем власти, в армии и в самом деле велись, но, вероятнее всего, они были инспирированы и подогревались по прямому указанию Веспасиана. И его попытки отказаться от предложенной чести, вне

сомнения, были не более чем игрой.

15 июля 69 года Веспасиану присягнули сирийские легионы, а затем Агриппа и все вассальные цари Рима, владения которых располагались от Средиземного до Черного морей.

И все же, как бы ни были велики шансы Веспасиана, он отнюдь не мог считаться на тот момент законным императором. Как ни мала была вероятность его поражения, она все равно оставалась, и в этом случае судьба не только Веспасиана, но и всей его семьи была бы предрешена.

Но колесо уже закрутилось, и во многих городах Востока начались празднества и торжественные жертвоприношения в честь нового императора. В тогдашнюю столицу Сирии Берит (Бейрут) стекались посольства из разных стран, с тем чтобы принести новому императору дары и заверить его в своей верности. Здесь, видимо, и состоялось совещание отца и сына Флавиев с Муцианом о том, как им действовать дальше.

Здесь же, в Берите, произошло чрезвычайно важное событие в жизни Иосифа: Веспасиан, которого уже никто иначе, как цезарем, не величал, решил, что пророчество Иосифа можно считать исполненным и пришло время вернуть ему свободу.

Сам Иосиф Флавий рассказывает об этом событии не без пафоса, отдавая должное и Титу, который вспомнил об обычае, согласно которому в случае, когда пленник объявляется не просто вольноотпущенником, а человеком, который считается никогда не бывшим в унизительном положении раба, кандалы с него не снимаются, а перерубаются топором:

«Так как все шло навстречу желаниям Веспасиана и обстоятельства почти вполне складывались в его пользу, то ему пришло на ум, что не помимо божественного предначертания он взялся за кормило правления и что владычество присуждено ему высшей судьбой. Среди многочисленных других знамений, предвещавших ему господство, он вспомнил тогда и слова Иосифа, который еще при жизни Нерона осмелился величать его титулом императора. Он ужаснулся, когда вспомнил, что этот человек содержится у него еще в оковах, созвал поэтому Муциана с остальными полководцами и друзьями, охарактеризовал перед ними, во-первых, энергичный характер Иосифа и как последний воевал с ним под Иотапатой, рассказал затем о его пророчестве, которое он тогда принимал за выдумку, навеянную страхом, и которое, однако, как показали время и факты, исходило от Бога. „Было бы грешно, — продолжал он, — если бы этот человек, предсказавший мне господство и сделавшийся выразителем воли Бога, продолжал бы оставаться в положении военнопленника и по-прежнему влачил бы кандалы“. После этого он приказал призвать Иосифа и освободить его от оков. Эта признательность, проявленная Веспасианом к чужому, послужила для самих полководцев указанием на лучшее будущее. Тит же, стоявший возле своего отца, в это время сказал: „Было бы справедливо, отец, если бы вместе с оковами снять с Иосифа также и позор: если вместо того, чтобы развязать его от цепей, мы разрубим последние, тогда это будет равносильно тому, как будто он их никогда не носил“. Таков именно обычай по отношению к тем, которые невинно были подвергнуты оковам. Император дал на это свое согласие: подошел слуга и разрубил цепи. Таким образом восстановлена была честь Иосифа в благодарность за его пророчество, и отныне стали относиться с доверием к его словам в вопросах о будущем» (ИВ, 4:10:7).

Любопытно, что в Historia Miscella («Смешанной истории») Ландольфа Сакакса, написанной в X–XI веках в Ломбардии, утверждается, что в день объявления Веспасиана императором произошло событие, способствовавшее еще большему сближению Тита с Иосифом: «Когда Титу сообщили из Рима, что его отец пришел к власти, он так обрадовался, что его правая нога

раздулась, и он не смог надеть ботинок. Его нога стала, как левая, благодаря совету Иосифа, главы евреев, который посоветовал, чтобы рядом с Титом прошел человек, которого он ненавидел». При этом Иосиф исходил из еврейского поверья, согласно которому добрая весть способствует «расширению кости», а отрицательные эмоции ее, наоборот, «сушат».

Из этого описания следует, что Тит страдал подагрой. Любопытно, что современная медицина считает эту болезнь неизлечимой, а среди факторов, которые могут стимулировать приступ подагры, называют и стресс. В этом случае совет Иосифа и в самом деле мог прийтись очень кстати[49].

Известный правовой кодекс «Саксонское зерцало» (1230) связывает с этой историей понятие «королевского мира» — права евреев на покровительство со стороны монарха, якобы дарованное Титом в благодарность за то, что Иосиф избавил его от подагры.

Судя по всему, речь идет лишь о еще одной легенде. Но, как бы то ни было, после провозглашения Веспасиана императором Иосиф значительно укрепил свое положение при дворе, и это означало начало новой главы в его жизни.

* * *

На совещании в Берите было решено, что Муциан с большой армией направится в Италию, чтобы разбить Вителлия. Если же это не удастся, то Египет, Сирия и другие поддержавшие Веспасиана провинции станут плацдармом для следующей войны, которая, помимо прямых военных действий, будет включать в себя экономические санкции — отказ от поставок в Рим пшеницы и другой египетской продукции, на которых во многом зиждилось благополучие Рима.

Однако все сложилось даже лучше, чем ожидалось. В помощь Муциану двинул свой легион наместник Мезии Антоний Прим, а Вителлий выслал против путчистов своего лучшего полководца Цецина, обеспечившего ему совсем недавно победу над Отоном. Две армии сошлись под той же Кремоной, что и не так давно армии Отона с Вителлием. Однако, будучи опытным военачальником, оценив соотношение сил и вдобавок узнав о переходе на сторону Веспасиана флота, стоявшего в Равенне, Цецин убедил свою армию перейти на сторону Веспасиана. Впрочем, той же ночью Цецина был объявлен изменником, закован в кандалы собственными солдатами, решившими отправить его на суд к Вителлию.

Узнав об этом, Антоний Прим протрубил боевой сбор, и между двумя армиями завязалась битва, закончившаяся полным поражением сторонников Вителлия, которые попытались бежать в сторону Кремоны. Однако Прим отрезал им путь в город, перебил всех до единого, а затем вторгся в Кремону и отдал ее своим солдатам на разграбление.

Когда весть о том, что Антоний Прим направляется в сторону Рима, дошла до Сабина, он решил, что час пробил, и вместе со своим племянником Домицианом и верными ему частями занял Капитолий. Однако Вителлий отнюдь не считал, что для него все потеряно: со своими легионерами он отбил Капитолий, перебив почти всех находившихся там людей. Сабин был арестован, приведен к Вителлию и казнен, а Домициан вместе с группой знатных римлян сумел каким-то чудом спастись.

На следующий день после этих событий в Рим вошли солдаты Антония Прима. В городе завязались тяжелые уличные бои, закончившиеся поражением частей, преданных Вителлию, а последний был попросту растерзан разъяренной толпой.

Еще через день в Рим вошла армия Муциана. Победители повели себя точно так же, как до них вели себя солдаты Вителлия, то есть занялись грабежами, изнасилованиями и убийствами тех, кто подозревался в симпатиях к Вителлию, — вне зависимости от того, насколько эти подозрения были обоснованны. Ни Муциан, ни Прим, ни Домициан, которого Муциан объявил правителем до прибытия его отца, не пытались остановить этот беспредел вплоть до приезда Веспасиана в Рим, а появился он там только в декабре 69 года.

Перед тем как отправиться в Рим, Веспасиан прибыл в Александрию, где начались пышные и долгие празднества в честь его вступления на трон. К этому времени он уже успел дважды сменить имя: в июле он назывался император Тит Флавий Веспасиан Цезарь, а спустя два месяца стал называться император Цезарь Веспасиан Август.

Среди тысяч сопровождавших его лиц был и Иосиф, проведший в Александрии несколько месяцев и успевший даже жениться там во второй раз — на знатной александрийской еврейке, о чем он и сообщает в «Жизнеописании». Лион Фейхтвангер в «Иудейской войне» подробно описывает приключения Иосифа в Александрии и делает его вторую жену дочерью известного местного художника-антисемита. Но все это не более чем плод его воображения с целью сделать повествование более увлекательным.

На самом деле нам ничего не известно о том, как проводил Иосиф время в Александрии, равно как и о его второй жене, которая в итоге родила ему трех сыновей, двое из которых умерли во младенчестве, а третий, Гиркан, видимо, прожил достаточно долгую жизнь. Но все исследователи сходятся во мнении, что жена эта была еврейкой. В «Жизнеописании» Иосиф отмечает, что в конце концов развелся с ней из-за ее «недостойного поведения», но в чем оно заключалось, мы опять-таки не знаем.

* * *

Доподлинно известно, что Веспасиан возложил на Тита задачу завершить иудейскую кампанию, и зимой 69/70 года теперь уже наследник престола и командующий армией Тит отправился назад в Кейсарию. В пути среди прочих его сопровождали три еврея — ставший его главным военным советником и фактически заместителем Тиберий Александр, царь Агриппа Второй и Иосиф, призванный играть сразу три роли: летописца, переводчика и переговорщика.

Историки до сих пор спорят, какими были отношения между Тиберием Александром и героем этой книги. Близкими друзьями они быть не могли: слишком велика была разница в положении: Тиберий Александр имел за спиной немало воинских заслуг, был в прошлом прокуратором Иудеи, а затем (и формально оставался им в период похода на Иерусалим) губернатором Египта, то есть принадлежал к самым знатным и привилегированным слоям Римской империи. Иосиф же являлся, по сути, бывшим военнопленным. Пусть и одним из самых высокопоставленных, и пусть символический жест Тита стер память о долгих месяцах его пребывания в плену и рабстве, но до положения высших командиров ему было очень далеко.

В то же время они были не только единоплеменниками, но и дальними родственниками, и оба считались своим народом предателями. Эта общность судеб, а также совместная деятельность должны были в какой-то степени их сблизить, а учитывая близость Иосифа к Веспасиану и Титу, — породить по меньшей мере взаимоуважение.

Но не исключено, что не было и этого. Причем не со стороны Тиберия Александра, а именно со стороны Иосифа, который, вероятнее всего, в душе презирал родича, решившего ради военной и политической карьеры изменить вере предков. Сам Иосиф не отказался ни от своей

национальности, ни от религии и потому не считал себя предателем. Постепенно для примирения с самим собой у него вызревала концепция, которую спустя почти две тысячи лет возьмут на вооружение евреи Германии: можно быть верным гражданином Римской империи и при этом остаться верным религии отцов и следовать ее предписаниям. Больше того, надо пытаться в сложившейся ситуации по возможности отстаивать интересы своего народа.

Путь, избранный Тиберием Александром, был для него совершенно неприемлем.

* * *

Драматические события, разразившиеся в Риме в «год четырех императоров», дали евреям короткую передышку, которой они вполне могли воспользоваться для лучшей подготовки Иудеи к обороне, однако вместо этого они продолжили внутренние разборки и потеряли драгоценное время.

Новый виток гражданской войны в Иудее был связан с одним из видных лидеров восстания против римлян Симоном (Шимоном) бар Гиорой. Родом из Акрабы, расположенной в Самарии, бар Гиора начал с того, что собрал небольшой отряд для партизанской борьбы против римлян. Но отряду надо было чем-то кормиться, и потому вылазки против римлян люди бар Гиоры вполне совмещали с грабежами крестьян, отбирая у них скот и съестные запасы.

На каком-то этапе он явился в построенную в свое время Иродом в Негеве крепость Масаду, ставшую главным оплотом зелотов. Последние поначалу отнеслись к нему с недоверием, разрешив поселиться с женами и своими воинами в нижней части крепости — чтобы можно было легко пресечь его попытки завладеть Масадой, если такое придет ему в голову.

Однако вскоре он завоевал их доверие и стал вместе с другими жителями Масады участвовать в набегах на окрестные деревни. Но бар Гиора отнюдь не собирался оставаться в Масаде навечно. Обладая огромным честолюбием, он видел себя будущим национальным лидером и явно ассоциировал себя с царем Давидом — тот ведь тоже, убежав от царя Саула, некоторое время разбойничал в Иудейской пустыне. Но только для того, чтобы потом воссесть на царство и создать мощное еврейское государство, не просто отбившее удары внешних врагов, но и значительно расширившее свои первоначальные границы.

Поэтому, услышав о начавшейся в Иерусалиме междоусобице и гибели р. Ханана бен Ханана, Симон бар Гиора покинул Масаду и поначалу стал действовать в горах, где к нему (как за десять столетий до этого к царю Давиду) начали стекаться все «униженные и оскорбленные» — разорившиеся крестьяне, беглые рабы, те, кто бежал от зелотов из Иерусалима. Построив в Негеве, близ деревни Наин, собственную крепость, он стал наносить оттуда удары уже не только по деревням, но и по городам, открыто заявляя о своих претензиях на звание лидера нации.

Обосновавшиеся в Иерусалиме зелоты с тревогой наблюдали за усилением бар Гиоры и наконец решили нанести упреждающий удар. Однако тот не только принял бой, но и обратил армию зелотов в бегство и гнал ее до самых стен Иерусалима. Штурмовать город он не решился, так как все еще не очень полагался на силу своей армии, насчитывавшей на тот момент 20 тысяч человек. Вместо этого он решил завоевать Идумею, но идумеи вовремя узнали об этом и встретили бар Гиора на границе своей топархии. Завязался ожесточенный бой, который длился с утра до ночи, но так и не выявил победителя.

Ночью Симон бар Гиора отступил к себе в Наин, но вскоре снова появился с еще более сильным войском возле Иродиона — крепости, построенной Иродом Великим внутри горы и

считавшейся практически неприступной. Стоя у Иродиона, Симон бар Гиора направил в крепость своего приближенного Элиазара, чтобы тот повел переговоры о сдаче. Однако, услышав столь унизительное предложение, защитники крепости кинулись на парламентария с обнаженными мечами, и тот, убегая, бросился со стены и разбился насмерть.

Идумеи тем временем решили выяснить, какова реальная численность войска бар Гиоры, насколько хорошо оно вооружено, выставляются ли в нем на ночь караулы и т. д., и направили в разведку некого Иакова, добровольно вызвавшегося на эту роль. Но, судя по всему, Иаков изначально в душе симпатизировал Симону, а потому прямо явился к нему и пообещал всяческое содействие в покорении Идумеи. Бывший, видимо, неплохим психологом и отличным манипулятором, бар Гиора тепло принял предателя и пообещал сделать его вождем идумеев в случае, если он одержит над ними победу.

Поэтому, вернувшись, Иаков значительно преувеличил силы бар Гиоры, а когда дело дошло до боя, первым бросился бежать и увлек за собой всю армию. Так, практически без кровопролития, бар Гиора покорил идумеев, а затем внезапным маршем взял Хеврон — город, где покоятся праотцы и праматери еврейского народа, первую столицу царя Давида. Теперь он начал опустошать всю Идумею и Иудею из Хеврона. Его армия насчитывала уже 40 тысяч воинов, и их надо было чем-то кормить.

«Подобно тому, как туча саранчи обнажает целые леса от листьев, так войско Симона оставляло позади себя полнейшую пустыню, сжигая одно, ломая другое, уничтожая все растущее на земле или растаптыванием, или вытравливанием и делая своим походом возделанную землю обнаженнее пустыни. Словом, в опустошенных местностях не осталось ни малейшего признака обитаемости» (ИВ, 4:9:7) — так характеризует Иосиф действия Симона бар Гиоры.

Все это самым непосредственным образом затрагивало интересы снабжения Иерусалима. Не решившись на открытую схватку с Симоном, зелоты устроили засаду и захватили в плен его жену (или одну из жен) с многочисленной свитой. При этом зелоты рассчитывали, что в обмен на освобождение жены Симон будет готов сложить оружие. Но не тут-то было. Вместо этого Симон бар Гиора осадил столицу и стал убивать почти каждого, кто выходил за ее стены. Лишь немногих он оставлял в живых, ограничиваясь тем, что отрубал им руки и приказывал по возвращении в город передать следующее: «Симон клянется Богом, что если ему немедленно не выдадут жену, он начнет штурм, а затем накажет всех жителей города, невзирая на возраст и пол и не разбирая между правым и виноватым».

Получив жену, Симон на какое-то время вернулся в Идумею и так прижал местных жителей, что многие из них бежали в Иерусалим. Но настал день — и Симон появился под стенами Иерусалима.

Между тем, в городе продолжали твориться страшные вещи — в основном руками солдат Иоанна Гисхальского. Рассказ Иосифа об этом выглядит следующим образом: «Симон же, спасши свою жену из рук зелотов, возвратился в пощаженную им еще часть Иудеи и так стеснил народ со всех сторон, что многие бежали в Иерусалим. Но он погнался за ними и туда, еще раз атаковал стену и всех приходивших с полей рабочих, которых только мог поймать, убивал. Из внешних врагов Симон был для народа страшнее римлян, а зелоты внутри города были ему страшнее их обоих. Между тем безнравственность и разнузданность уничтожили также дисциплину в рядах галилейского войска. Ибо после того как Иоанн был возведен последним на вершину могущества, он, в свою очередь, в благодарность за полученную от войска власть предоставил ему делать все, что заблагорассудится. Тогда разбойничья жадность солдат сделалась ненасытной: дома богатых обыскивались; убийства мужчин и оскорбления

женщин служили им утехой. Обагренные еще кровью, они пожирали награбленное и из одного пресыщения бесстыдно предавались женским страстям, завивая себе волосы, одевая женское платье, натирая себя пахучим маслом и для красоты расписывали себе глаза. Но не только в наряде и уборе подражали они женщинам, но и в своих страстях, и в избытке сладострастия измышляли противоестественные похоти. Они бесчинствовали в городе, как в непотребном доме, оскверняя его самыми гнусными делами. Женщины на вид — они убивали кулаками; шагая изящной, короткой походкой, они вдруг превращались в нападающих воинов; из-под пестрых верхних платьев они вынимали кинжалы и пронизывали каждого, становившегося им на пути. Если кто бежал от Иоанна, то его ожидал еще более кровожадный Симон; кто спасался от тирана внутри города, тот делался жертвой тирана, стоявшего вне города, так что желавшим перейти к римлянам был отрезан всякий путь» (ИВ, 4:9:10).

Вряд ли воины Иоанна предавались в массовом порядке мужеложству: судя по всему, женская одежда и косметика были нужны им либо для развлечения, либо для маскировки, обеспечивавшей внезапность нападения на очередную жертву. Но единственной силой, которая могла обуздать этот террор, с точки зрения иерусалимцев, был Симон бар Гиора, и потому к нему было решено направить делегацию во главе с бывшим первосвященником Матфием с просьбой войти в город. И Симон милостиво согласился, войдя в открытые перед ним ворота Иерусалима «как спаситель и покровитель». А войдя, сразу же предъявил претензии на верховную власть в городе.

Грабить жителей было к тому времени бессмысленно, и воины бар Гиоры решили руководствоваться принципом «грабь награбленное», то есть отбирать имущество у воинов Иоанна Гисхальского и зелотов. Все это неминуемо привело к вооруженным столкновениям, а затем и к самым настоящим боям, в ходе которых воины бар Гиоры загнали своих противников в Храм. Но тут-то они и оказались в крайне невыгодной позиции: с высоты Храма и построенных Иоанном вокруг него четырех новых башен было легко обстреливать нападавших из луков и катапульт, в то время как достать снизу защитников было крайне нелегко. Понеся большие потери, Симон бар Гиора был вынужден отступить, и с этого времени в городе установилось определенное равновесие: Храм оказался в руках зелотов и Иоанна Гисхальского, а остальной город — под властью Симона бар Гиоры и его армии. При этом время от времени засевшие в Храме продолжали со стен и из башен забрасывать своих противников камнями из катапульт или стрелами из стрелометательных машин, принуждая их нести всё новые потери.

* * *

Между тем, римляне, как уже было сказано, не прекратили войну вовсе, а вели ее на «медленном огне», совершая периодические вылазки и один за другим захватывая города и деревни Иудеи, всё еще сохранявшие независимость. Рассчитывать на помощь из Иерусалима их жителям не приходилось — там были заняты сведением счетов друг с другом.

Кольцо вокруг Иерусалима медленно, но верно сжималось, и к осени 69 года фактически сомкнулось.

Глава 3. Вперед, на Иерусалим!

В начале 70 года, то есть в то самое время, когда Веспасиан вступил в Рим и начал заниматься наведением порядка в городе и империи, его сын Тит приблизился вплотную к Иерусалиму вместе со своей поистине огромной армией.

«В Иудее его ждали пятый, десятый и пятнадцатый легионы, состоявшие из солдат, давно уже служивших под командованием Веспасиана. Тит присоединил к ним находившийся дотоле

в Сирии двенадцатый легион и выведенные из Александрии двадцать второй и третий. Кроме того, за армией Тита следовали двадцать когорт союзников, восемь конных отрядов, армии царей Агриппы и Сохема, вспомогательные войска царя Антиоха, значительные силы арабов, особенно опасных для иудеев, так как эти два народа питали друг к другу ненависть, обычную между соседями, а также множество людей, на свой страх и риск приехавших из Италии в надежде добиться благосклонности принцепса, до сих пор еще не дарившего никого особым расположением. Во главе всех этих войск, шедших походными колоннами, Тит вступил во вражеские пределы. Продвигаясь вперед, он тщательно разведывал окружающую местность, готовый предупредить любое нападение, и, наконец, разбил лагерь неподалеку от Иерусолимы», — сообщает Тацит в своей истории (V:1:2).

Таким образом, если первоначально армия Веспасиана, брошенная против всей Иудеи вместе с Галилеей, насчитывала 60 тысяч человек, то к Иерусалиму после присоединения к ней 12-го, 22-го и 3-го легионов, а также увеличения вспомогательных войск подошло не менее 80 тысяч. Никогда больше в истории римляне не воевали со столь большим войском, составлявшим более половины численности всей армии империи, включая как расквартированные части в Риме, так и подразделения, разбросанные по всем другим провинциям империи.

Сосредоточение на столь маленьком пятачке земли, вокруг одного города столь мощной военной силы еще раз показывает значение Иудейской войны для римлян. Можно, конечно, вслед за римскими историками повторить, что это было обусловлено тем, что Веспасиану была крайне важна блестящая победа сына над евреями, чтобы после возвращения в Рим никто не мог оспаривать его право на наследование престола. Однако пристрастность и несостоятельность такого объяснения очевидна.

Скорее дело обстояло как раз наоборот: Веспасиан понимал, что потерпи Тит поражение под Иерусалимом, и ему самому на троне не удержаться. Кроме того, никогда прежде римской армии не доводилось брать такой большой и хорошо укрепленный город. Даже Карфаген был значительно меньше: по разным оценкам, за стенами Иерусалима на тот момент находилось более 400 тысяч жителей, а некоторые исследователи считают, что и в полтора, а то и в два раза больше. Тацит, к примеру, называет цифру в 600 тысяч человек, Иосиф — около миллиона, но достоверность этих данных вызывает большие сомнения. Думается, что и цифра в 400 тысяч тоже завышена примерно на четверть.

Кроме того, за время кампании в Иудее евреи зарекомендовали себя отличными воинами, способными к проявлению военной смекалки. Именно поэтому, сознавая всю тяжесть и грандиозность стоявшей военной задачи, Веспасиан отдал под начало сына самую большую армию, какую только мог. Ему надо было обеспечить огромный численный перевес над противником, лишающий того даже минимальных шансов на победу. И нужно заметить, что такого перевеса он добился.

Следует помнить, что огромное население Иерусалима состояло в основном из мирных граждан, в массе своей стариков, женщин и детей, бóльшая часть которых была беженцами из разных мест. Мужчин, способных держать оружие, было лишь несколько десятков тысяч, а тех, у кого такое оружие было, — и того меньше. Впрочем, Тацит и тут возражает, утверждая, что в городе во время осады взялись за оружие все, кто только мог.

По данным Иосифа, армия, собранная Симоном бар Гиорой, насчитывала порядка 10 тысяч бойцов, разбитых на отряды по 200 человек в каждом. Еще пять тысяч привели в город его союзники-идумеи во главе с Яковом сыном Сосы и Симоном сыном Кафлы. Эта часть войска была разбита на десять «батальонов», у каждого из которых был свой командир. У Иоанна Гисхальского было не больше шести тысяч воинов. Силы засевших непосредственно в Храме

зелотов во главе с Элазаром бен Симоном составляли порядка 2400 солдат.

Таким образом, у римлян изначально было более чем трехкратное преимущество в численности — даже если согласиться с версией историков, что Симону и Иоанну удалось мобилизовать еще до десяти тысяч человек из жителей Иерусалима, вооружив их мечами и другим оружием работы местных кузнецов.

Причем, повторим, ядро римской армии составляли профессиональные, хорошо обученные бойцы, сработавшиеся друг с другом во многих битвах, оснащенные самой современной на тот момент боевой техникой. Каждый римский воин был защищен каской, панцирем и деревянным щитом, что делало его в одиночном поединке практически неуязвимым. Ну, а знаменитая «черепаха» и другие приемы ведения боя в строю сводили их потери к минимуму даже в бою против очень опытного противника.

Идумеи и евреи, в свою очередь, были вооружены луками, пращами, короткими мечами, плетеными щитами и практически лишены индивидуальной защиты. У них тоже были боевые орудия, но, во-первых, таковых крайне мало, а во-вторых, им еще только предстояло научиться ими пользоваться. Вдобавок — и этот фактор можно назвать одним из решающих — если римская армия действовала как единый организм, то у евреев, как уже не раз говорилось, не было централизованного командования. Все три их армии действовали каждая сама по себе и к тому же постоянно враждовали друг с другом.

Отсюда становится понятным знаменитое высказывание Талмуда о том, что причиной гибели Второго Храма стала «синат хинам» — беспричинная ненависть евреев друг к другу, хотя эти слова, безусловно, носят более глубокий смысл, касаясь не только и не столько военного, сколько духовного состояния еврейского народа в тот исторический момент.

Таким образом, вывод Иосифа о том, что поражение защитников города и его падение были предрешены свыше и никаких шансов на иной исход иудейской кампании не было, выглядит убедительно. Это, по его словам, понимали и сами иерусалимцы, и укрывшиеся за его стенами беженцы из Сирии, Галилеи и городов и сел Иудеи, изначально пребывавшие в самом мрачном расположении духа.

В то же время в городе было поначалу достаточно запасов еды и воды для того, чтобы он мог выдержать многолетнюю блокаду. Римляне как раз к столь длительной осаде готовы не были, да и новоявленного императора Веспасиана, как уже было сказано, поджимало время.

Согласно Талмуду, запасы продовольствия для всех в Иерусалиме были созданы тремя его богачами, известными также своей богобоязненностью: Накдимоном бен Гурионом, бен Кальба Савуа и бен Цицит Аксатом. «Первый сказал: Я буду кормить иерусалимцев пшеницей и ячменем. Второй сказал: А я — вином, солью и оливковым маслом. Третий сказал: А я обеспечу дровами. И они создали запасы на 21 год для всего города», — свидетельствует Талмуд («Гитин», 56-а).

Последняя цифра выглядит, безусловно, преувеличенной, но многие исследователи сходятся во мнении, что изначально Иерусалим был рассчитан на три года блокады без голода и других лишений, а это, согласитесь, тоже очень и очень долго. Но дело в том, что вскоре после начала осады все эти склады с продовольствием были сожжены всё теми же сикариями и зелотами, которых Талмуд называет «бирйоним» и расшифровывает это слово как «люди пустые и сумасбродные», хотя в современном русском языке ему больше соответствует такое слово, как «гопники» или даже «бандиты».

«…Мудрецы сказали им: „Выйдем и заключим с римлянами мир“. „Не пустим!“ — ответили „бирйоним“. И сказали: „Пойдем и будем воевать с ними!“ Ответили мудрецы: „Не достигнете вы этим ничего!“ Тогда поднялись бирйоним и сожгли склады пшеницы и ячменя, одолел всех голод…» («Арахин», 6).

Разумеется, Талмуд — не историческое сочинение, и потому его слова не следует понимать буквально. Но концептуально они, безусловно, верны. На фоне осознания невозможности победы над римлянами в городе снова стали усиливаться позиции выживших в развернутом зелотами и сикариями терроре сторонников «партии мира», но им снова не дали действовать, и их подавили с помощью репрессий. Ну а склады были и в самом деле подожжены, но отнюдь не для того, чтобы досадить «партии мира». Хотя версия о том, что склады были подожжены специально, чтобы заставить население отчаяться и более яростно сопротивляться, существует и даже поддерживается некоторыми исследователями.

Согласно Талмуду, за этим преднамеренным поджогом стоял один из лидеров зелотов Аба Сикра — человек необычайно высокого роста и силы, кулак которого был величиной с голову обычного человека.

Кстати, Аба Сикра был племянником р. Иоханана бен Заккая, и именно он, согласно талмудическому трактату «Гитин» (5:46:1) помог вынести дядю из города под видом покойника, не дав страже проткнуть его тело мечами.

* * *

Внутри Иерусалима, как уже понял читатель, ситуация напоминала слоеный пирог. Большую часть города, его стены и основные городские ворота контролировала армия бар Гиоры, одновременно окружившая Храмовую гору.

Значительную часть Храмового комплекса занимали солдаты Иоанна Гисхальского, образовавшие еще один пояс обороны. Но сам Храмовый двор со Святая Святых, жертвенником и прочими ритуальными и служебными помещениями находился в руках Элазара бен Симона. Бойцы последнего не имели недостатка в провианте, так как беззастенчиво использовали в пищу животных, доставленных для жертвоприношений, и с крайне выгодных позиций обстреливали солдат Иоанна, пресекая любую попытку штурма двора Храма с их стороны. Те отвечали им тем же, одновременно защищая Храмовую гору от армии бар Гиоры, то есть составляя срединный слой «пирога». Одновременно храмовые службы продолжались в обычном порядке, множество людей шло ежедневно туда на молитву или для совершения жертвоприношения, попадая при этом под огонь той или иной стороны и нередко погибая.

Известие о приближающейся осаде не остановило многих евреев диаспоры или уже находившихся под властью римлян городов Иудеи от исполнения заповеди о паломничестве в Иерусалим, и весной 70 года, в канун праздника Песах, тысячи из них устремились в город, еще больше увеличив его население в тот самый момент, когда римская армия вплотную подошла к городу и начала занимать позиции менее чем в километре от его стен.

В один из этих дней, рассказывается в «Иудейской войне», Тит вместе с 600 всадниками решил налегке, без каски и щита, провести рекогносцировку, чтобы осмотреть укрепления Иерусалима поближе. А заодно (поскольку он был наслышан о настроениях жителей) попытаться вступить в переговоры со сторонниками «партии мира» и в случае, если те согласятся сдать город, вообще избежать штурма.

Он благополучно проехал по главной дороге до окружавших город вплотную

сельскохозяйственных террас с разбитыми на них садами и грядками, густо окруженных заборами, отделяющих одно земельное владение от другого, и невольно удивился тому, что никто на этом пути не оказал ему сопротивления, как вдруг нарвался со своими всадниками на засаду. Евреи, видимо, не знали, что конную разведку возглавляет сам Тит, но прекрасно опознали, кто является командиром, и, прорвав линию всадников, стали отрезать Тита от остальной части его отряда, который бросился бежать под силой натиска атакующих. Иосиф, вероятно чтобы избежать обвинений римлян в трусости, пишет, что они не поняли, что именно происходит, и думали, что Тит отступает вместе с ними, хотя в это крайне трудно поверить.

Как бы то ни было, Тит с несколькими своими товарищами оказался в окружении. Двигаться на лошади вперед по каменистым террасам, да еще со множеством заборов, он и его свита не могли, а позади были сотни евреев. Тогда он повернул коня назад и стал прорубаться через эту толпу, и в итоге прорвался на столбовую дорогу и стал по ней уходить в сторону лагеря. Вслед ему были выпущены сотни стрел, но ни одна из них так и не достигла цели, несмотря на то, что, напомним, на нем не было никакого защитного снаряжения.

В самом этом чудесном спасении, невероятном везении Тита Иосиф усматривает еще одно доказательство того, что Всевышний к тому моменту уже вынес приговор еврейскому народу и Иерусалиму и уготовил Титу роль разрушителя города и Храма.

Трудно сказать, как повернулись бы события, будь Тит действительно убит во время своей бездумной вылазки. Возможно, его гибель посеяла бы панику в римской армии и она решила бы отступить от Иерусалима, что стало бы величайшим чудом в истории античности. Но, возможно, кардинального изменения событий и не произошло: римляне уже под командованием Тиберия Александра довели бы штурм до конца, и тогда бы он, несмотря на свое еврейское происхождение, вполне мог бы претендовать на звание императора. Но это как раз тот случай, когда принято говорить, что история не терпит сослагательного наклонения.

Несомненно одно: спасение Тита было одновременно и спасением Иосифа, так как он непрестанно чувствовал, что римские командиры не простили ему потерь во время осады Иотапаты и, не веря в то, что он решил честно служить римлянам, были убеждены, что он вынашивает против них тайные замыслы. Будь их воля — и он был бы немедленно казнен, и лишь покровительство Тита спасало его от этой участи.

Само поведение Тита в момент, когда он, брошенный эскортом, оказался перед лицом смертельной опасности, еще раз напомнило о его незаурядной храбрости и воинском искусстве. Рассказанная Иосифом история подтверждает, насколько правы Светоний и другие историки, рисуя Тита как сложную и выдающуюся личность.

Храбрость воина сочеталась в нем с демократическим отношением к подчиненным, умением держаться с ними на равных, а также с полководческим талантом. А этот талант, в свою очередь, — с любовью к чтению, попытками писать стихи и песни, умением ценить тонкий юмор, а также любовью к переписке документов и искусством подделывать любой почерк. Были у него, как показало будущее, и немалые способности дипломата и государственного деятеля, что прекрасно сочеталось с самодурством, безжалостностью и приступами необоснованной, какой-то поистине звериной жестокости и жажды крови.

Но, будучи интеллектуалом, Тит чувствовал в Иосифе такого же интеллектуала, одного из немногих, с кем он мог общаться на равных, и потому он ему всячески благоволил, а затем, по мере сближения, стал доверять настолько, что Иосиф не только стал выступать в роли переводчика, но и, к неудовольствию многих высших офицеров, участвовать в заседаниях генерального штаба кампании.

* * *

На следующий день после своего чудесного спасения Тит дал команду легионам продвигаться вперед и приступать к строительству лагерей, берущих город в плотное кольцо.

Лишь порядка 600–700 метров отделяли эти лагеря от стен Иерусалима, а местами они приближались к городу на 400 метров. Слаженная работа гигантской римской военной машины на какое-то время отрезвила враждующие внутри города стороны, и они решили объединиться, чтобы вместе противостоять общему врагу. Результатом этого объединения стало решение провести вылазку против 10-го легиона, начавшего разбивать лагерь на Масличной (Елеонской) горе.

Вылазка и в самом деле получилась внезапной, так как римляне, будучи наслышаны о том, что евреи слишком заняты внутренними распрями, решили, что могут спокойно работать, и, видимо, даже не выставили достаточно караулов. При виде возникшего из глубины Кедронской долины, словно ниоткуда, и бесшумно подошедшего врага часть из них бросилась к оставленному на время строительства оружия, но была заколота, даже не успев до него добежать.

Вскоре весь 10-й легион охватила паника, и его солдаты бежали. Несколько раз они старались повернуться и вступить в бой, но евреи снова и снова обращали их в бегство.

Вероятно, все это закончилось бы гибелью всего 10-го легиона, если бы Тит, узнав о случившемся, не поспешил ему с большим отрядом на помощь. Обвинив бежавших в трусости, он заставил их остановиться, сам вступил в бой и сумел оттеснить нападавших к Кедронской долине. Однако те не повернули назад и стали обстреливать римлян через лощину.

Заняв господствующую высоту, Тит оставил на ней те когорты, которые привел с собой, а легиону велел продолжить строительство лагеря на вершине. Однако евреи, расценив отступление этой части римлян как свою победу, вскоре снова бросились в атаку, и теперь уже дрогнули передовые когорты — они начали отступать, призывая Тита последовать их примеру. Но тот сделал вид, что не слышит этих призывов, вновь повел себя геройски и умелыми действиями на флангах заставил евреев отступить за городские стены.

Подводя итоги этого сражения, Иосиф с изрядной долей лести пишет: «Чтобы сказать правду, не вдаваясь в преувеличение из лести и не умаляя из зависти, Цезарь один дважды спас угрожаемый легион и доставил ему возможность спокойно укреплять свой лагерь» (ИВ, 5:2:5).

К 14 апреля 70 года, за несколько дней до начала праздника Песах, Тит взял Иерусалим в плотное кольцо, окружив его тремя легионами на западе и четырьмя на востоке.

* * *

В преддверии праздника, когда огромная толпа устремилась в Храм, Иоанн Гисхальский решил, что пришло время расправиться с засевшими в нем политическими противниками. Несколько сотен его воинов под видом простых паломников вошли в Храм, после чего скинули с себя мирные одежды, обнажили спрятанное под ними оружие и начали резню, не делая разницы между сторонниками Элазара бен Симона и простыми паломниками.

Началась паника, в ходе которой зелоты Элазара укрылись в подвале Храма, но в конце концов поняли, что у них нет иного выхода, чем сдаться в обмен на сохранение жизни. Иоанн дал им такое обещание и, надо заметить, последовал ему: все вышедшие из подвала были отпущены и присоединились либо к Иоанну, ставшему полновластным хозяином в Храме с его огромными

запасами, либо к Симону бар Гиоре. Таким образом, число враждующих в Иерусалиме группировок сократилось до двух.

В это самое время Тит отдал приказ выровнять местность перед городом, срыв террасы, вырубив все деревья и уничтожив заборы. Для обеспечения безопасности работающих он выставил впереди них большой отряд воинов, но тут бойцы Симона бар Гиоры решили заманить римлян в ловушку. Некоторые из них под видом обычных горожан появились на стенах и стали громко выражать готовность сдаться, делая при этом вид, что сзади их забрасывают камнями их же товарищи, придерживающиеся иного мнения.

Несколько сотен евреев вышли за стены, тоже якобы для того, чтобы сдаться римлянам, и несколько раз то направлялись в их сторону, то, словно испугавшись, подавались назад. Заподозрив подвох, Тит велел солдатам оставаться на месте, однако часть из них все же двинулась вперед и тут же была взята в клещи воинами бар Гиоры.

С огромным трудом и потерями легионерам удалось вырваться из этого кольца, но, оказавшись среди своих, они тут же узнали всю силу гнева Тита, обвинившего их в самом страшном из военных преступлений — нарушении приказа.

По римскому закону, за такое преступление должен быть казнен каждый десятый солдат легиона, однако бойцы других легионов окружили Тита, умоляя его простить их товарищей. И Тит, понимая, насколько важны для него хорошие отношения с армией, объявил прощение, но «предупредил их серьезно, чтобы они в будущем были осторожнее, и начал обдумывать, как наказать иудеев за их хитрость».

Спустя четыре дня, то есть за поистине рекордные сроки, местность вокруг Иерусалима была выровнена, и Тит подтянул армию практически к самым стенам города, лишив евреев возможности делать вылазки.

Как сообщает Иосиф, он «расставил самое ядро войска в семи рядах по направлению от севера к западу против стены; впереди стояла пехота, сзади конница, каждая часть в трех рядах, а седьмую линию образовали поставленные между ними стрелки. Так как этим сильным строем у иудеев была отнята последняя возможность дальнейших вылазок, то вьючный скот трех легионов и обоз могли безопасно двинуться вперед. Сам Тит расположился станом на расстоянии около двух стадий от стены у одного из углов последней, против башни, называемой Псефиной, где обводная стена на своем северном протяжении загибается к западу. Остальная часть войска разбила лагерь у так называемой Гиппиковой башни, тоже в двух стадиях от города. Десятый же легион сохранял свою позицию на Елионской горе» (ИВ, 5:3:5).

Приближалась битва за Иерусалим, и римляне, уже убедившиеся в том, что они сражаются с умным и отважным противником, понимали, что она будет нелегкой.

Глава 4. Еще один шанс

В начале I века н. э. Иерусалим был одним из самых укрепленных городов мира. На протяжении даже не столетий, а тысячелетий он рос и укреплялся новыми стенами, так что в итоге оказался со всех сторон окружен тройной стеной — при том, что с востока, севера и юга к нему было крайне трудно подобраться из-за обрывистой местности.

Каждый новый царь Иудеи стремился внести свою лепту в укрепление столицы, и последним, кто проводил подобные крупномасштабные работы, был внук Ирода Великого Агриппа Первый,

начавший достройку западной, наименее укрепленной стены города, явно намереваясь сделать ее неприступной, — стену стали складывать из камней весом в десятки и сотни тонн. Однако, как уже рассказывалось на страницах этой книги, римляне заподозрили Агриппу в подготовке к восстанию и приказали прервать строительство. Но строительные работы в городе, в том числе по расширению и приданию еще большего величия Храму, продолжались вплоть до начала восстания, и Агриппа Второй успел завести в город множество стройматериалов, в том числе и великолепный ливанский лес для возведения новых храмовых галерей. Во время осады эти материалы очень пригодились защитникам Иерусалима, которые пустили их на достройку стен и возведение оборонных башен.

Окружив город, Тит решил провести рекогносцировку, чтобы определить место, с которого было бы удобнее всего осуществить штурм. В этом рейде его сопровождали Иосиф и некий Никанор, бывший, по всей видимости, евреем, добровольно перешедшим на сторону римлян, — во всяком случае, Иосиф называет его другом Тита и затем сообщает, что Никанор был и его «близким знакомым и давним другом»[50].

Видимо, в тот день с согласия Тита эти два его придворных еврея предприняли первую попытку убедить защитников города сдаться на милость победителей и таким образом спасти Храм и хотя бы часть жителей. Однако в тот момент, когда Иосиф с Никанором подъехали к стене и стали выкрикивать предложения мира, их начали обстреливать со стен. Одна из стрел ранила Никанора в левое плечо. Тит увидел в ранении своего еврейского друга еще одно доказательство того, что защитники собираются стоять до конца и понимают только язык силы, и велел поворачивать назад. Тем более что к этому моменту он окончательно утвердился в мысли, что брать город надо будет со стороны западной, наименее укрепленной стены.

После этого он дал указание 5-му легиону разбить лагерь всего в 400 метрах от западных ворот города, а 12-й и 15-й легионы расположились напротив башни Псефина.

Сразу после передислокации легионов Тит повелел завершить работы по расчистке местности и строительству валов и таранов. Чтобы защитить тех, кто был занят на таких работах, Тит выставил в промежутках между их рядами пращников и лучников, а на передний край выдвинул катапульты и громадные баллисты, которые по своему разрушительному действию вполне можно сравнить с современной артиллерией.

Баллисты могли запускать камни весом в 40 килограммов и больше; их ужасающий свист в воздухе был слышен сразу после запуска и по мере приближения невольно наводил ужас на иерусалимцев. Понятно, что, падая с огромной высоты, такие камни с легкостью проламывали крыши домов, а если попадали в толпу, то приводили к тяжелым потерям. Однако евреи, едва заметив летящий камень, тут же валились на землю, и потому потери среди них были минимальными. Чтобы усилить поражающую способность баллист, римляне стали окрашивать камни в темный цвет — так что евреям было трудно (особенно в ночное время) предугадать их траекторию и вовремя найти укрытие.

Как уже говорилось, боевые машины были и у евреев — еще те, которые были взяты в 66 году у армии Цестии Галла, но… защитники Иерусалима не умели толком ими пользоваться. Те же, кто научился, стреляли из них всё равно из рук вон плохо и не причиняли особого ущерба противнику.

Тем не менее евреи то и дело совершали стремительные вылазки за стены, каждая из которых приводила к потерям среди римлян и замедляла темпы их инженерных работ. И все же строительство валов и таранов неумолимо продвигалось — в этом состязании между «безумством храбрых» и хладнокровными действиями по всем правилам военной науки

последняя явно побеждала.

Настал день — и сооружение трех таранов, способных достигать стен города, было завершено. Тит велел еще больше приблизить метательные машины к крепостной стене, чтобы не дать защитникам города помешать работе стенобитных машин.

В тот момент, когда три тарана одновременно с трех разных сторон ударили в стены и звуки этих ударов раскатились по городу, вселяя ужас в сердца всех его жителей, Симон бар Гиора и Иоанн Гисхальский поняли, что пришло время объединяться. Примирение между ними состоялось после того, как Симон пообещал бойцам Иоанна безопасность, если они выйдут вместе с его воинами защищать стены Иерусалима.

Рассказывая об этом, Иосиф на какое-то мгновение сбрасывает маску, и сам тон его повествования не оставляет сомнения, что при всей его личной ненависти к Иоанну в глубине души он страстно желал, чтобы Иерусалим устоял и римляне с позором отошли бы от его стен.

И ведь был момент, когда это показалось возможным: «Забыв всякую вражду и взаимные раздоры, они стояли теперь вместе, как один человек[51], заняли стену, бросали с нее массы пылающих головней на сооружения и поддерживали беспрерывную стрельбу против тех, которые заряжали стенобитные орудия. Люди посмелее бросались толпами вперед, срывали защитные кровли с машин и нападали на скрывавшихся под ними воинов большей частью победоносно, скорее всего по своей бешеной отваге, чем вследствие опытности. Но Тит ни на минуту не покидал рабочих: с обеих сторон машин он расставлял всадников и стрелков и при их помощи отражал поджигателей, прогонял стрелявших со стены и доставлял таранам возможность действовать беспрепятственно.

Стена, однако, не поддавалась ударам: один только таран пятнадцатого легиона отбил угол башни; но стена осталась нетронутой и не подверглась даже опасности, ибо башня далеко выдавалась вперед, а потому от ее повреждения не так легко могла пострадать стена» (ИВ, 5:6:4).

То, что стена выдержала первые удары таранов, вселило надежду в евреев, и они, чтобы усыпить бдительность римлян, устроили временное затишье. Поверив, что противник решил немного отдохнуть, римляне последовали его примеру, оставив у таранов и другой техники только караулы. Однако евреи внимательно наблюдали за этими маневрами римлян, и когда возле каждой из машин осталось лишь несколько десятков воинов, через какой-то тайный выход из Гиппиковой башни неожиданно появились у передовых римских позиций, сняли караулы и попытались поджечь всё, что римляне с таким трудом построили в последние дни.

Возле каждой из машин завязалась отчаянная схватка, и нападавшим в конце концов удалось поджечь многие из них. Еще немного — и они бы направились к римскому лагерю, но тут на их пути встал отряд александрийской пехоты Тиберия Александра, который сумел удержать позиции до подхода Тита с его конницей. Как мы уже не раз отмечали, евреи не умели эффективно воевать против кавалерии, а потому Тит без труда переломил ход сражения, и защитники Иерусалима начали отступать к родным стенам, неся тяжелые потери. В этом бою от стрелы арабского лучника погиб один из командиров идумейской армии Иоанн. Один из еврейских воинов был схвачен живым и по приказу Тита распят прямо напротив стены — с тем, чтобы иерусалимцы поняли, что их ждет, когда римляне войдут в город.

Но на следующую ночь римлян постигло еще одно несчастье: с грохотом рухнула одна из трех осадных башен, с которых римляне подавляли огонь еврейских лучников и обеспечивали прикрытие своих товарищей, работавших у таранов и баллист. Иосиф утверждает, что башня

рухнула «сама собой», однако, скорее всего, это было результатом очередной вылазки евреев, видевших в башнях главную помеху обороне.

Само обрушение башни вызвало панику в римском лагере, так как легионеры не поняли толком, что произошло. Безусловно, воспользуйся восставшие этим моментом, они могли бы добиться многого, но этого не случилось.

Последующие дни происходили под мерные удары таранов и непрестанные попытки евреев им помешать. Однако в мае 70 года настал день, когда один из таранов проломил стену. В пролом немедленно хлынули римские солдаты и, оказавшись внутри города, открыли ворота.

После того как легионеры заняли всё пространство между первой и второй стеной, у последней завязались жестокие рукопашные бои, большинство которых проходило на равных. Обе стороны уже прекрасно оценили силу и мужество друг друга, а потому находились в состоянии постоянно боевой готовности, и схватки между ними происходили почти круглосуточно.

«Ни одни, ни другие не знали усталости; нападения, схватки около стен, вылазки мелкими партиями происходили беспрерывно в течение всего дня, и ни одна форма борьбы не осталась неиспробованной. Рано утром они начинали, и едва ли ночь приносила покой — она проходила бессонной для обоих лагерей и еще ужаснее, чем день: для иудеев потому, что они каждую минуту ожидали приступа к стене, для римлян потому, что они всегда боялись наступления на их лагерь. Обе стороны проводили ночи под оружием, а с проблеском первого утреннего луча стояли уже друг против друга готовыми к бою. Иудеи всегда оспаривали друг у друга право первым броситься в опасность, чтобы отличиться перед своими военачальниками. Больше, чем ко всем другим, они питали страх и уважение к Симону. Его подчиненные были ему так преданы, что по его приказу каждый с величайшей готовностью сам наложил бы на себя руки. В римлянах храбрость поддерживали привычка постоянно побеждать и непривычка быть побежденными, постоянные походы, беспрестанные военные упражнения и могущество государя, но больше всего личность самого Тита, всегда и всем являвшегося на помощь. Ослабевать на глазах Цезаря, который сам везде сражался бок о бок со всеми, считалось позором; храбро сражавшиеся находили в нем и свидетеля своих подвигов, и наградителя, а прославиться на глазах Цезаря храбрым бойцом считалось уже выигрышем» (ИВ, 5:7:3), — свидетельствует Флавий.

Помимо храбрости, евреи прибегали и к военной хитрости. Так Иосиф рассказывает, что уже когда таран был подведен к одной из башен второй стены, входивший в число ее защитников некий Кастор обратился напрямую к Титу и заявил, что желает сдаться. Тит ответил, что приветствует его решение, и начал переговоры об условиях сдачи, а Кастор тем временем начал спорить с окружавшими его десятью товарищами, одни из которых выражали готовность присоединиться к нему, а другие утверждали, что предпочитают смерть сдаче врагу.

На самом деле весь этот спектакль был устроен для того, чтобы затянуть время и дать Симону бар Гиоре возможность спокойно провести совещание со своими командирами и распределить их отряды по второй линии обороны.

Причем Кастор довел спектакль до конца: часть его спутников устроила инсценировку самоубийства, чем немало поразила римлян. Затем один из римлян ранил Кастора стрелой в щеку, после чего тот стал жаловаться на несправедливое обращение.

Тит сделал выговор стрелявшему, а затем велел Иосифу подойти к стене и протянуть Кастору руку, чтобы он мог спуститься вниз. Однако, заподозрив подвох, Иосиф отказался, и тогда к Кастору направился другой перебежчик, по имени Эней, вместе с еще одним воином — и тут

Кастор швырнул вниз камень, которым ранил спутника Энея.

Расценивший все случившееся как вероломство, Тит отдал приказ немедленно возобновить работу тарана, и перед тем, как башня рухнула, Кастор и его товарищи подожгли ее, а сами бросились то ли в огонь, то ли в находившийся под ней тайный ход.

Для нас в этом рассказе важно то, что Иосиф был не пересказчиком, а непосредственным очевидцем этого случая, то есть он и в самом деле всюду сопровождал Тита, отчего ценность его свидетельств резко возрастает.

* * *

Пять дней спустя после описанных выше событий Тит, по словам Иосифа, «овладел второй стеной» — на этот раз со стороны Нового города, расположенного в северной части Иерусалима и представлявшего собой торговый и деловой центр. Здесь находились бесчисленные мастерские ремесленников, вещевой рынок, и большинство жителей этого района, понятное дело, составляли простолюдины.

Иосиф утверждает, что на тот момент Тит не собирался разрушать город, все еще рассчитывал на его мирную сдачу и намеревался пощадить Храм и его жителей, а потому дал приказ воздержаться от грабежей и убийств.

Однако из дальнейшего текста «Иудейской войны» выясняется, что говорить о том, что римляне действительно взяли вторую стену и то, что за ней, можно было весьма условно. В стене был сделан небольшой пролом, через который вошли примерно тысяча легионеров и Тит со своей свитой. Очень скоро этот отряд, оказавшийся между двумя стенами с узкими извилистыми улицами, был со всех сторон атакован защитниками города.

Римляне, оказавшиеся в самом невыгодном положении, будучи вдобавок, в отличие от атаковавших, совершенно незнакомы с местностью, начали нести тяжелые потери и ударились в панику. Легионеры стали отступать в сторону пролома, но так как через него могло пройти одновременно только несколько человек, паника лишь усилилась.

Иосиф снова спешит с комплиментами своему патрону: по его мнению, все вошедшие в пролом солдаты были бы перебиты, если бы Тит не установил на концах улиц лучников, которые стали прикрывать отступающих и несколько поубавили пыл нападавших. Таким образом, грамотно организовав отступление, Тит сумел спасти часть своего отряда, но снова оказался за первой, внешней стеной города.

Вне сомнения, это была победа, значительно укрепившая дух иерусалимцев и вселившая в них надежду на то, что римляне в конце концов отступят. Защитники города торжествовали, но Иосиф снова спешит с комментарием, поясняя, что это ликование было связано с тем, что Симон бар Гиора и другие руководители обороны оказались не в состоянии трезво оценить сложившуюся ситуацию. А кроме того, они совершенно не жалели ни своих бойцов, ни мирных жителей и с легкостью готовы были пожертвовать их жизнями, так как понимали, что терять им уже нечего, — даже если Тит даст обещание пощадить население в случае сдачи города, они будут в любом случае казнены как мятежники. И, разумеется, во всем происходящем Иосиф снова видит руку Всевышнего, Который по Своему желанию то просветляет, то ослепляет разум лидеров нации: «Бог за их грехи помрачил их ум, и они не видели, что изгнанные отряды составляли только маленькую часть римской армии, и не замечали прокрадывавшегося к ним голода. Они сами продолжали еще насыщаться воплями граждан и питаться кровью обывателей! Лучшие же люди давно уже испытывали недостаток во всем,

даже в самых необходимейших жизненных продуктах. Но в гибели людей мятежники усматривали только облегчение для самих себя; только тех они считали достойными жизни, которые знать не хотели о мире и жили для того, чтобы бороться с римлянами; а если иначе рассуждавшая масса погибала, то они только радовались этому, как освобождению от тяжелой ноши. Так они относились к жителям города. Римлян же, если только те пытались вновь вторгнуться в город, они вооруженной рукой отбивали и своими телами затыкали отверстия в стене. Три дня они так держались, храбро сопротивлялись. Но на четвертый день геройский удар Тита был для них слишком силен: они были отброшены и потянулись на свою прежнюю позицию, Тит тогда опять овладел стеной и на этот раз приказал снести всю северную ее часть. В башнях южной стены он поместил гарнизон и стал подумывать о взятии приступом третьей стены» (ИВ, 5:8:2).

Обратим внимание: Иосиф уже не в первый раз изображает руководителей восстания как совершенно аморальных, беспринципных людей, готовых воевать, забрасывая врага трупами своих соотечественников и даже якобы радуясь большим потерям среди своих.

Но следует помнить, что сами эти лидеры не оставили нам никаких записей, ничего не сказали и уже ничего не могут сказать в свою защиту. Позиция же Иосифа — это позиция коллаборациониста, и он, безусловно, пристрастен и с личной, и с политической, и с военной точки зрения. Да и вдобавок ко всему подцензурен.

Вне сомнения, у лидеров восстания были и принципы, и высокие идеалы, главным из которых был идеал свободы и независимости своего народа. И, вне сомнения, им было что сказать — и они еще это скажут устами руководителя обороны Масады Элазара. Но сказано это будет опять-таки словами Иосифа, в душе которого, как мы уже не раз отмечали, шла тяжелая борьба рационально мыслящего сторонника «партии мира» и беззаветного патриота, временами мечтавшего оказаться по другую сторону фронта и встать на стену Иерусалима вместе с другими его защитниками.

Но когда он говорит, что над столицей его Иудеи в те дни уже замаячил призрак голода, с каждым часом все больше обраставший плотью, он, безусловно, говорит правду. Хотя эта правда все еще не означала, что судьба Иерусалима была предрешена.

* * *

Это, кстати, понимал и Тит. Он решил на какое-то время приостановить боевые действия и начать раздавать жалованье своей армии, превратив этот процесс в грандиозный военный парад, призванный продемонстрировать иерусалимцам всю мощь стоящей под их стенами армии.

Для раздачи жалованья легионы были выстроены в боевой порядок, расчехлив обычно зачехленные щиты и до блеска надраив амуницию. Всадники, также в полном вооружении, стояли, взяв под уздцы коней, накрытых попонами и выглядевших очень эффектно. Все это происходило всего на расстоянии полета стрелы от стен города, и евреи высыпали на них и на северную стену Храма, чтобы затаив дыхание следить за разворачивающимся на их глазах зрелищем.

Было ли им страшно? Вне сомнения — причем как за себя, так и за свои семьи.

Готовы ли они были после такого устрашения сдаться на милость победителей? Как выясняется, нет, и можно долго спорить о том, было ли это связано с безумным упрямством их предводителей, безжалостно подавлявших любые пораженческие настроения, или же они

были солидарны со своими лидерами, убежденные, как и последние, в правоте своего дела и в том, что Бог выступает на их стороне и в конце концов обязательно пошлет им спасение.

Как бы то ни было, парад с раздачей жалованья продолжался в течение четырех дней, и все эти дни Тит ждал, когда же возле его лагеря появятся парламентарии от иудеев. На пятый день, так этого и не дождавшись, он отдал приказ строить осадные валы, но одновременно поручил Иосифу попытаться еще раз вступить в переговоры с осажденными и убедить их сдаться в обмен на сохранение жизней.

Иосиф, обойдя стену в поисках места, с которого он, с одной стороны, был бы в безопасности от выстрела из лука, а с другой — его было бы хорошо слышно находившимся на стене людям, приступил к длинной речи, которую подробно излагает в «Иудейской войне».

Автору этой книги остается лишь повторить, что крайне маловероятно, чтобы эта речь и в самом деле была произнесена в действительности в том виде, в каком она изложена в «Иудейской войне», — Иосиф стоял не в зале перед кафедрой, а в чистом поле напротив тех, кто не скрывал по отношению к нему своей ненависти, так что на столь долгие упражнения в ораторском искусстве у него просто не было времени — многие словесные фигуры появились в речи явно потом, в процессе написания книги. Но основные тезисы этой речи почти наверняка совпадают с тем, что было произнесено Иосифом в тот день перед соплеменниками.

Ее начало в целом совпадает с той речью, которую Агриппа Второй произнес перед иерусалимской толпой накануне восстания: Иосиф говорил о бесперспективности восстания, что доказывают предшествующие осаде события; о том, что речь отнюдь не идет о войне за независимость, которую евреи проиграли еще сто лет назад; что власть Рима явно от Бога, иначе они бы вряд ли покорили столько народов, куда более могущественных и многочисленных, чем евреи и т. д. Он взывал к разуму иерусалимцев, напоминая, что часть города уже завоевана, и римляне не остановятся на полпути; что в городе уже начался голод, и потому римляне могут его даже не штурмовать — голод сделает свое дело за них, так как с ним невозможно бороться силой оружия.

Далее Иосиф прибегнул к тому доводу, что римляне очень рациональны, и им нет никакого смысла уничтожать город и его жителей, если тот может принести им выгоду в виде налогов, — значит, нужно всего лишь сдаться и выплатить эти налоги. Но затем он пускает в ход антитезис с открытой угрозой: «Потому Тит и теперь предлагает вам помилование. Если же он после того, как вы даже в самой крайней вашей нужде не последуете его милостивым предложениям, должен будет взять город силой, тогда он не пощадит никого. А что вскоре падет также третья стена, за это ручается взятие обеих первых; да если бы даже эта твердыня была бы несокрушима, то ведь голод борется против вас за римлян!» (ИВ, 5:9:3).

В ответ на эти слова со стены раздались насмешки и оскорбления, но, не обращая на них внимание, Иосиф продолжил, перейдя от чисто практических доводов к историческим и теологическим, и вот эта часть его речи чрезвычайно важна со многих точек зрения.

Иосиф напоминает, что согласно базовой концепции иудаизма победа и поражение евреев определяются не столько их силой и мужеством, да и вообще не их силой и мужеством, а исключительно волеизъявлением Бога в зависимости от нравственного и духовного состояния народа, и в этом и заключается суть союза, заключенного праотцом Авраамом, а затем подтвержденного его потомками у горы Синай: «О, вы несчастные, забывающие своих истинных союзников, вашими руками и вашим оружием вы хотите побороть римлян? Случалось ли когда-нибудь, чтобы мы таким путем побеждали? Не всегда ли мстителем нашего народа, когда с ним несправедливо поступали, являлся Бог, Творец? Бросьте взгляд назад, вы

увидите, что собственно толкнуло вас в эту борьбу и какого великого союзника вы оскорбили. Вспомните чудеса времен ваших отцов и сколько раз на этом священном месте некогда находили гибель наши враги. Я, хотя не без содрогания, начинаю рассказывать о делах Бога недостойным ушам вашим, но вы все-таки слушайте для того, чтобы убедиться, что вы боретесь не только против римлян, но также против Бога» (ИВ, 5:9:4).

Вслед за этим Иосиф делает удивительно емкий экскурс в историю еврейского народа, начиная с того же праотца Авраама и вплоть до его дней, демонстрируя при этом поразительное знание не только Священного Писания, но и мидрашей — устных преданий, а также исторических источников. Он напоминает о пленении фараоном жены Авраама Сары и ее чудесном избавлении, о рабстве и исходе из Египта, поражениях и победах в борьбе с филистимлянами, ассирийцами и другими врагами: о вавилонском изгнании и возвращении из него, о войне Хасмонеев с Антиохом Эпифаном и о междоусобице между ними, которая в итоге и привела к римской оккупации.

«Словом, — продолжил Иосиф, — нельзя привести ни одного случая, где наши предки только силой оружия завоевали себе счастие, или чтоб они терпели несчастье, когда они без борьбы отдавались в руки Провидения: не трогаясь с места, они побеждали, как только этого хотел Небесный Судья; если же они сражались, то всегда были поражаемы. Это случилось также, когда царь вавилонян осаждал этот город, а наш царь Седекия, вопреки пророчеству Иеремии, сразился с ним: тогда он сам был пленен и сделался свидетелем разрушения города и Храма. И, однако, насколько тот царь и его народ были праведнее вас и ваших вожаков! Ни царь, ни народ не убивали же Иеремии, когда он открыто вещал, что они своими грехами навлекли на себя немилость Божию и что они будут побеждены, если добровольно не сдадут города. Вы же, напротив, — не говорю уже о преступлениях, которые вы совершаете в городе, для них я не имею слов, — поносите меня, который учит вас, как спасти себя, стреляете в меня из озлобления за то, что я вам напоминаю о ваших злодеяниях, за то, что вам вовсе не хотелось бы слушать о тех поступках, которые каждый день совершаете» (ИВ, 5:9:4).

Так Иосиф подводит своих слушателей к мысли, что все происходящее с ними, а также те ужасы, которые еще могут произойти, являются следствием гнева Бога на евреев за их взаимные раздоры и нарушение Его заповедей, дошедших до осквернения своими поступками Его Храма. А значит лучшее, что евреи могут сделать в сложившейся ситуации, — это положиться на волю Всевышнего, от Которого и наказание, спасение, и победа над всеми врагами, которую Он дарует в нужный срок, когда евреи будут этого достойны.

Завершил он эту речь эллиптическим возвращением к призыву к здравомыслию, умело внеся в нее личный элемент напоминанием о том, что в Иерусалиме у него остаются родители, жена и другие близкие: «Бесчувственные! Бросьте ваше вооружение, сжальтесь над полуразрушенным уже отечеством! Оглянитесь вокруг себя и смотрите: какое великолепие, какой город, какой Храм, скольких народов приношения вы хотите принести в жертву! Кто хочет предать все это огню? Кто желает, чтоб все это исчезло? Что еще больше заслуживает сохранения, чем это? Но если вы, непреклонные и более бесчувственные, чем камни, перед всем этим закрываете глаза, так подумайте о ваших семействах! Пусть каждый представит себе мысленно своих детей, жену и родителей, которых вскоре похитит голод или меч! Я знаю, что опасность витает и над моей матерью, моей женой[52], моей не беззнатной фамилией и издревле известным родом; вы думаете, быть может, что из-за них я вам так советую. Нет! убейте их, берите мою собственную кровь за ваше спасение! И я сам готов умереть, если только после смерти моей вы образумитесь» (ИВ, 5:9:4).

Увы, страстная речь Иосифа, похоже, не произвела особого впечатления на лидеров восстания, а если и были те слушатели, которые ею прониклись, то они ровным счетом ничего не решали.

Фейхтвангер на основе слов Флавия выдвигает версию, по которой Симон бар Гиора и Иоанн Гисхальский (в первую очередь, разумеется, последний) заявили Титу, что готовы начать мирные переговоры после того, как римляне выдадут им предателя Иосифа бен Маттитьягу, и Иосиф якобы ради спасения города и Храма был готов на добровольную сдачу, которая неминуемо закончилась бы его казнью. Но затем и он, и Тит поняли, что речь идет не более чем об уловке, чтобы заполучить Иосифа, а никаких переговоров вожди восставших вести не собираются, так как продолжают фанатично верить в то, что рано или поздно римляне отступят.

Таким образом, еще один шанс избежать надвигавшейся национальной катастрофы был упущен.

Глава 5. Лицом к лицу

В последующих главах «Иудейской войны» Иосиф вновь проявляет удивительную осведомленность в том, что творилось в осажденном Иерусалиме.

Голод день ото дня набирал силу, продукты стали в буквальном смысле на вес золота, и горожане отдавали в обмен на них свои драгоценности: самые богатые покупали за них пшеницу, просто зажиточные — ячмень, который затем ели за закрытыми дверьми и ставнями. Такая мера предосторожности отнюдь не была излишней: по улицам бродили ослабевшие, находившиеся на грани последнего истощения люди, и процветали грабежи — нападали обычно на тех, кто не выглядел голодным, а значит имел в доме ценности или продукты питания. Многие умирали прямо на улицах, и их некому было хоронить.

По мере усиления голода люди уже не могли думать ни о чем, кроме еды; у них притуплялись все обычные чувства, а многие просто теряли человеческий облик. Иосиф рисует необычайно яркую картину происходящего — так, словно был ее очевидцем: «Жалкое было питание, и сердце сжималось при виде того, как более сильные забирали лучшую часть, тогда как слабые изнемогали в отчаянии. Голод господствовал над всеми чувствами, но ничто не подавлялось им так сильно, как чувство стыда; все, что при обыкновенных условиях считается достойным уважения, оставлялось без внимания под влиянием голода. Жены вырывали пищу у своих мужей, дети у своих родителей и, что было немилосерднее всего, матери у своих бессловесных детей; любимые детища у них на руках умирали от голода, а они, не робея, отнимали у них последнюю каплю молока, которая могла бы еще продлить им жизнь. Но и с такими средствами питания они не могли укрыться — мятежники подстерегали их повсюду, чтобы и это похитить у них. Запертый дом служил им признаком того, что обитатели его кое-что поедают; внезапно они выламывали двери, вторгались вовнутрь и вырывали у них кусок почти из глотки. Стариков, цепко державшихся за свою пищу, они били беспощадно, женщин, скрывавших то, что имели в руках, волочили за волосы; не было сожаления ни к почтенной седине, ни к нежному возрасту; они вырывали последние куски и у детей, которых швыряли на землю, если те не выпускали их из рук. С теми, которые, для предупреждения разбойников, наскоро проглатывали то, что в противном случае было бы у них похищено, они поступали еще суровее, точно у них отнималось неотъемлемо им принадлежащее. Пытки ужасного рода они изобретали для того, чтобы выведать места хранения припасов: они затыкали несчастным срамные отверстия горошинами и кололи им заостренными палками в седалище. Иные подвергались неимоверным мучениям только из-за того, чтоб они выдали кусок хлеба или указали на спрятанную горсточку муки…» (ИВ, 5:10:3).

При этом Иосиф бросает в адрес лидеров восстания и их солдат еще одно тяжкое обвинение: «Пытавших можно было бы назвать менее жестокими, если бы их поступки были вызваны нуждой; но они не терпели голода, а стремились на ком-либо вымещать свою свирепую злобу и

хотели при этом заготовить себе припасы на будущее. Бывали смельчаки, которые ночью прокрадывались чуть ли не до римского лагеря и там собирали дикие овощи и травы; но возвратившись с добычей, довольные тем, что спаслись от рук неприятеля, они подвергались нападению своих же людей, которые всё у них отнимали и не оставляли им ничего, если даже те молили и именем Бога заклинали уделить им хоть часть того, что было добыто ими с опасностью жизни: ограбленный должен был довольствоваться тем, что ему по крайней мере жизнь пощадили» (ИВ, 5:10:3).

Одновременно в городе усилились репрессии. Командование повстанцами было охвачено шпиономанией, и любого, в ком подозревали римского агента или просто считающего, что следует сдать город римлянам, немедленно арестовывали и почти всегда тут же казнили без всякого следствия и суда. Так был схвачен и казнен вместе с тремя сыновьями бывший первосвященник Матфей — его не спасло даже то, что именно он в свое время призвал горожан открыть ворота Симону бар Гиоре. Не исключено, что причиной его ареста стало то, что четвертый сын Матфея бежал к римлянам.

Симон отказался даже выслушать оправдания Матфея, а когда тот стал молить пощадить его сыновей, дал приказ сначала убить юношей на глазах у отца, а затем уже умертвить и последнего. Палач Ханан убивал их с усмешкой, сопровождая ее словами: «А ну посмотрим, помогут ли тебе те, к кому ты хотел бежать!» После казни Симон запретил хоронить тела Матфея и его сыновей, а затем таким же образом казнил еще 17 видных служителей Храма.

Казнь ждала и любого, кто пытался покинуть город, а также членов его семьи — таким образом Иоанн и Симон боролись с дезертирами.

Со временем среди пленников римлян стало много простолюдинов, которые отнюдь не собирались перебегать в стан врага, а просто выбирались в окрестности города в поисках чего-либо съестного, не желая примириться с тем фактом, что римляне уже вырубили и выжгли всю растительность, а также уничтожили всю живность. При пленении они, как правило, оказывали сопротивление, и это вызывало подозрение: не являются ли они разведчиками или диверсантами, и потому Тит приказал подвергать их сначала пыткам с целью вызнать ценные сведения о положении дел в Иерусалиме, а затем распинать напротив стен города — для устрашения населения.

Солдаты исполняли этот приказ с радостью, так как к этому времени ненавидели евреев за оказанное ими сопротивление смертельной ненавистью. Вскоре все пространство перед городом оказалось усеянным крестами с распятыми, и римлянам уже не хватало крестов для новых казней. При этом, извращаясь в своей жестокости, солдаты забавлялись тем, что распинали пленников в самых разных позах. Когда и эта мера никак не повлияла на осажденных, Тит велел отрубать пленникам руки и в таком виде отсылать их обратно в город.

В связи с этим Сьюард и другие исследователи считают, что главным в рассказе Иосифа является не то, что он написал, а то, чего он не написал.

Чем дальше, тем больше становится понятно, что Иосиф был ключевой фигурой во взаимоотношениях римлян с евреями. А в связи с этим возникает вопрос: ограничивался ли он только ролью переводчика, или лично проводил допросы перебежчиков, решая, кто из них пришел с миром, а кто является лазутчиком, и обрекая его на казнь? Кроме того, многое наводит на мысль, что именно Иосиф руководил римской разведсетью в Иерусалиме, и подозрения в шпионаже по адресу некоторых жителей были не такими уже необоснованными.

Сьюард акцентирует особое внимание на том факте, что Симон и Иоанн не казнили родителей

Иосифа, как всех других подозреваемых в симпатиях к римлянам, а лишь заключили их в тюрьму, — по его мнению, это свидетельствует о том, что у Иосифа были тайные контакты и какие-то договоренности с вождями восстания, о которых он в «Иудейской войне» и других своих книгах благоразумно умалчивает.

* * *

Тем временем Тит продолжал ускоренными темпами сооружать осадные валы, время от времени объезжая вокруг стен города и призывая мятежников капитулировать.

«Но те, — отмечает Иосиф, — стоя на стене, в ответ на эти слова, поносили Цезаря и его отца: „Смерть мы презираем, — восклицали они, — смерть гораздо приятнее нам, чем рабство! Но пока мы еще дышим, мы будем причинять римлянам столько вреда, сколько у нас хватит сил и возможности. Нашим городом мы нисколько не дорожим, так как мы, как ты сам заявляешь, всё равно должны погибнуть; что же касается Храма, то Бог имеет лучший храм — вселенную. Однако мы еще надеемся, что и этот Храм будет оберегаем Тем, Который в нем обитает. С Ним в союзе мы осмеиваем всякие угрозы, от которых действительность еще далека, ибо исход дела в руках Божьих!“» (ИВ, 5:10:2)

При этом евреи продолжали непрерывно обстреливать строителей валов как из луков, так и из боевых машин, которыми они, наконец, научились прекрасно пользоваться, и римляне ежедневно несли немалые потери.

Наконец, в мае 70 года возведение валов вроде бы было завершено. Всего было построено четыре вала, расположенных друг от друга на расстоянии в несколько десятков метров. Но в тот самый момент, когда на них начали ставить осадные машины, евреи совершили отчаянную вылазку в самую гущу противника, вновь продемонстрировав неплохое тактическое мышление.

Так, внимание Иоанна Гисхальского сосредоточилось на машинах, установленных на валу против башни Антония, — это была контролируемая им территория, и он прекрасно понимал, что из этого замка Тит намеревается совершить прорыв к находящемуся рядом с ним Храму. Поэтому он приказал прорыть туннель под установленными римлянами укреплениями и машинами, подперев их деревянными столбами. Затем в туннель заложили дрова, пропитанные смолой и мазутом, — и подожгли. Пламя мгновенно объяло столбы, они рухнули, и все чудеса римской инженерной мысли, на сооружение которых было потрачено столько сил, со страшным грохотом провалились в образовавшуюся огромную яму, из которой вырывались языки пламени. Вряд ли нужно говорить о том, какое сильное впечатление произвело на римлян это уничтожение в одночасье вала напротив Антонии.

Два дня спустя Симон бар Гиора предпринял атаку на другие валы с целью уничтожить стоящую на них осадную технику. Участники вылазки взобрались на валы и подожгли орудия. Находившиеся возле них солдаты отчаянно сражались с евреями, но те всё же смогли поджечь тараны, осадные башни и баллисты, а затем не дали присланному Титом отряду и пожарной команде подойти и потушить огонь. Пытаясь помешать римлянам подступиться к машинам, евреи хватались за раскалившуюся от огня металлическую обшивку таранов и продолжали сражаться.

Это был тяжелый ночной бой, который шел на равных, несмотря на то что римлян в итоге оказалось намного больше, чем их противников. Подводя его итоги, Иосиф пишет, что если римлян вело в бой желание отстоять честь своего оружия, то евреи воевали с мужеством обреченных, и это во многом определило их успех. Римляне, по его словам, «были сильно удручены разрушением валов, так как в один час они потеряли плоды многих дней усилий и

труда; многие отчаивались уже в возможности покорения города обыкновенными машинами» (ИВ, 5:11:6).

Последняя фраза Иосифа не случайна: многие римские историки также отмечают, что в какой-то момент осады Иерусалима армия Тита была деморализована и даже некоторые высшие офицеры стали высказывать сомнения в том, что удастся взять Иерусалим, и поговаривать пусть и о временном, но отступлении от города.

В этой ситуации Тит созвал большой военный совет, в котором приняли участие командиры всех легионов, его военный советник и де-факто начальник генштаба Тиберий Александр и ряд вассальных царей. Был среди участников того заседания и Иосиф Флавий.

* * *

Мнения членов совета разделились. Одни предлагали немедленно начать массированный штурм города всеми имеющимися силами, так как осажденные, по их мнению, просто не выдержат такого удара.

Однако Тит прекрасно понимал, что, во-первых, такой штурм будет сопровождаться колоссальными потерями, чего ему не хотелось, а во-вторых, евреи уже доказали, что являются прекрасными воинами, а потому нельзя не принимать в расчет и той вероятности, что штурм может окончиться неудачей. Неудача эта будет означать поражение во всей войне — и тогда он не только покроет свое имя несмываемым позором, но и поставит под угрозу власть своего отца над Римом и все надежды создать новую императорскую династию.

Те же командиры, которые уже успели понять, с каким сильным и опасным противником они имеют дело, предлагали больше не предпринимать никаких действий и даже не строить новых валов, а просто окружить город со всех сторон, встать поодаль, пока голод и внутренние распри между евреями не сделают за римлян бо`льшую часть работы.

Выслушав все эти советы, Тит выбрал срединный путь: он решил окружить город со всех сторон обводной стеной, заперев таким образом его жителей и окончательно лишив их надежды на подвоз продовольствия и вообще какую-либо помощь, и одновременно сделать эту стену тем плацдармом, с которого будет осуществлен штурм города.

В самом этом решении не было ничего нового: именно такие стены возводил Юлий Цезарь вокруг вражеских населенных пунктов во время Галльской войны, так что технология их строительства и дальнейшего использования для штурма была отработана. Но в то же время еще никогда прежде римлянам не приходилось строить подобную стену вокруг такого большого города, как Иерусалим. Тем не менее решение главнокомандующего было воспринято армией с ликованием, и солдаты и вспомогательные войска с энтузиазмом принялись за строительство стены, веря, что она приблизит окончание войны, которая уже измотала их до предела.

Тит лично контролировал и направлял ход строительных работ, которые шли поистине рекордными темпами.

«От ассирийского стана, где находился его собственный лагерь, он вел стену в нижнюю часть Нового города, отсюда, через Кидрон, на Елеонскую гору, огибал гору по южному склону ее до утеса Перистереона и ближайшего к нему холма, подымающегося через долину у Силоамского источника, оттуда он направил ее опять к западу в долину того же источника; затем стена подымалась по направлению к усыпальнице первосвященника Анана и, обняв гору, на которой некогда расположился лагерем Помпей, обратилась к северу, мимо деревни Эребинтона,

охватила затем памятник Ирода и примыкала опять к востоку, к лагерю Тита, где она началась. Стена имела тридцать девять стадиев в окружности. Снаружи к ней пристроены были тринадцать сторожевых башен, объем которых, в общей сложности, достигал десяти стадиев. В три дня воздвигнуто было это сооружение. Дело, для которого целые месяцы не могли бы считаться чересчур продолжительным сроком, окончено было с такой быстротой, которая превосходит всякое вероятие», — сообщает Иосиф (ИВ, 5:12:2).

Теперь, констатирует он далее, «всякий путь спасения был отрезан иудеям», а число умирающих от голода, трупы которых просто сбрасывались со стены в пропасть, день ото дня росло. Вскоре все пропасти оказались переполнены разлагающимися трупами, из которых вытекали реки гноя и исходил невыносимый смрад. По словам Иосифа, оказавшись перед одной из таких пропастей, Тит якобы вознес руки и призвал Бога в свидетели, что не он виновен во всем этом.

Но даже если это и в самом деле было так, иначе как лицемерным этот жест не назовешь: в конце концов не евреи пришли на римскую землю, а движимые своими имперскими амбициями римляне на еврейскую. У Тита, безусловно, была возможность открыть то, что в наши дни называется «гуманитарным коридором», но он этого не сделал.

Иосиф же снова обращает свой упрек к жестоковыйным защитникам города, которых иначе как «разбойниками» он не называет. Он обвиняет их в том, что в своем упорстве и жестокости по отношению к своим согражданам они не знали «ни сожаления, ни раскаяния». И это тоже справедливое замечание: даже если бы Тит согласился на открытие такого коридора, если верить тому, что ранее было сказано Иосифом, Симон и Иоанн вряд ли разрешили бы им воспользоваться. В этом и заключается вся трагичность и безысходность положения, в котором оказались жители Иерусалима.

Эта ситуация не могла не породить ропот внутри армии Симона бар Гиоры и рано или поздно не привести по меньшей мере к попытке заговора. Иосиф рассказывает о такой попытке, предпринятой одним из офицеров бар Гиоры Иегудой бен Иегудой, который решил открыть римлянам ворота и тем самым спасти и себя, и город.

Иегуда посвятил в свои планы десятерых самых верных своих солдат, разослал остальных на дальние позиции, чтобы они ему не мешали, и ночью стал вести с одной из башен переговоры с римлянами. Однако на этот раз Тит, помня о предыдущих случаях, не спешил поверить заговорщикам, затянул переговоры, а тем временем заговор был раскрыт, и внезапно появившийся на башне сам Симон бар Гиора перебил заговорщиков.

* * *

Иосиф между тем продолжал обходить городские стены и призывать к капитуляции. Во время одного из таких обходов ему в голову попал выпущенный со стены камень. Удар оказался таким сильным, что Иосиф упал и, видимо, на какое-то время потерял сознание. Это вызвало ликование у осажденных, и они высыпали за стену, чтобы подобрать Иосифа. Если бы им это удалось, мы бы, безусловно, никогда бы не прочли ни «Иудейской войны», ни «Иудейских древностей», ни трактата «Против Апиона», — казнь того, кого считали главным предателем нации, была бы немедленной и публичной.

Но, на счастье Иосифа, Тит заметил случившееся, выслал ему на помощь отряд, и у ворот закипела битва, в ходе которой римлянам удалось отбить «придворного еврея». Иосиф к тому времени был еще без сознания, и римляне вынесли его на руках. Наблюдавшие за этой сценой со стены решили, что бывший комендант Галилеи мертв, и огласили окрестности ликующими

криками.

Слухи о гибели Иосифа бен Маттитьягу мгновенно распространились по городу, и чаще всего также сопровождались ликованием, однако многие горожане испытывали, услышав эту весть, противоположные чувства. На публике они радовались, но в глубине души сочувствовали «погибшему», так как давно уже разделяли его взгляды.

Показательна в этом смысле реакция матери Иосифа: когда охранники тюрьмы сообщили ей о гибели сына, она ответила, что верит этому слуху, но даже если бы тот и остался жив, это не доставило бы ей никакой радости. Однако наедине со служанками она не скрывала своей горечи по поводу того, что не только не будет похоронена сыном, но и не может его достойно похоронить.

Однако полученное Иосифом ранение оказалось достаточно легким, так что вскоре он снова появился перед стеной, снова стал призывать к капитуляции, а заодно крикнул тем, кто предположительно бросил в него камень: «Пройдет немного времени — и вы должны будете ответить передо мной за мою рану!»

Глава 6. Внимая ужасам войны

Одним из немаловажных достоинств «Иудейской войны» является та точность, с которой ее автор описывает как героизм, так и жестокость обеих сторон: любая война — это «совсем не фейерверк», и ужасов и бесчеловечности, от которых стынет кровь, в ней всегда куда больше, чем подвигов и красивых жестов.

С холодной отстраненностью хроникера и вместе с тем с немалым писательским мастерством он фиксирует стадию за стадией того обесчеловечивания, которое проходят мучимые голодом люди в осажденном городе.

Невозможно не содрогнуться, когда он рассказывает о том, как распухшие от голода иерусалимцы, сумев добраться до римского стана, с жадностью набрасывались на поданную им пищу, в результате чего их ссохшиеся желудки мгновенно переполнялись, лопались, и они умирали мучительной смертью. Выживать удавалось лишь тем, кто, зная об опасности, поначалу ели не спеша и помалу.

Вслед за этим следует рассказ о том, что те, кому удавалось выбраться за стены, перед этим, чтобы избежать обыска зелотов, проглатывали имевшиеся у них ценности, чтобы потом исторгнуть их наружу. Однако когда сирийские солдаты заметили, что перебежчики тщательно осматривают свои испражнения, и поняли, в чем дело, то на пару с арабами они стали просто вспарывать им животы, чтобы достать золото из их внутренностей, да и некоторые из легионеров, видимо, также упражнялись в подобном зверстве. Иосиф сообщает, что в один из дней были вспороты животы почти двум тысячам человек. Сама эта цифра показывает, какие масштабы приняло бегство из города, и означает вдобавок, что какой-никакой «гуманитарный коридор» все же существовал.

В память об этих зверствах римлян и их союзников мудрецы Талмуда издали постановление, запрещающее проглатывать золотые монеты во время войны в связи с опасностью для жизни[53].

По словам Иосифа, узнав о происходящем, Тит пришел в ярость и собрался было казнить всех, кто вспарывал животы беженцев, однако их оказалось так много, что он отказался от этого намерения и ограничился тем, что созвал к себе начальников легионов и командиров арабских

и сирийских отрядов и устроил им выволочку. При этом римлянам он пенял на то, что они подобными действиями позорят честь римского оружия, а арабов упрекнул как в присущей им якобы от природы кровожадности, так и в издревле питаемой ими ненависти к евреям, а также в том, что они пытаются переложить ответственность за свои военные преступления на римлян (что в итоге и произошло).

Тит запретил продолжать подобные зверства под страхом смертной казни; этот его приказ был оглашен по войску, но на самом деле арабы и сирийцы, да и римляне продолжали вспарывать животы несчастным беженцам с той лишь разницей, что теперь они делали это тайно.

С болью пишет Иосиф и о том, что, организуя осаду и готовясь к штурму, римляне оголили всю местность вокруг города в радиусе нескольких километров, и если раньше те, кто подъезжал к Иерусалиму, не могли не залюбоваться окружающим город зеленым ландшафтом, немало добавлявшим к его собственной красоте, то теперь вокруг него была пустыня.

В самом Иерусалиме жизнь день ото дня становилась страшнее. Некий бежавший к Титу Манаим (Менахем), приставленный к одним из ворот города, чтобы подсчитывать выносимых через них умерших, утверждал, что за три месяца (примерно с апреля по июнь) мимо него пронесли 115 880 трупов. И это, замечает Иосиф, только через одни ворота, а ведь хоронили и через другие! Кроме того, многих не хоронили вообще, их трупы лежали на улицах, и солдаты, привыкнув, спокойно через них перешагивали.

Порой множество трупов собирали в опустевшие дома и наглухо запирали в них двери и окна, чтобы запах гниющих тел не выходил на улицу. Неудивительно, что некоторые перебежчики определяли число умерших в городе в 600 тысяч человек.

Голод достиг такой силы, что за кувшин зерна требовали такой же кувшин с золотом. Затем дело дошло до того, что люди рылись в канализации и навозе, пытаясь отыскать и отмыть там что-то похожее на пищу.

Солдаты Иоанна Гисхальского тем временем занимались тем, что расхищали храмовую утварь, а также его продовольственные склады с оливковым маслом, зерном и вином, предназначенным для совершения храмовой службы. Сам Иоанн оправдывал это тем, что, защищая Храм, его бойцы также служат Богу, но для Иосифа как для потомственного священнослужителя это было вопиющим святотатством, последней степенью человеческого падения и вызовом Творцу.

«Я не могу умолчать о том, что мне внушается скорбью. Мне кажется, если бы римляне медлили уничтожением этих безбожников, тогда сама земля разверзлась бы и поглотила бы город, или его посетил бы потоп, или, наконец, молнии стерли бы его, как Содом; ибо он скрывал в себе несравненно худшее из всех поколений, которые постигли эти кары. Безумие их ввергло в гибель весь народ» (ИВ, 5:13:8), — пишет он, полный внутреннего убеждения, что после подобного осквернения Храма само существование Иерусалима лишено смысла.

* * *

Однако и в римском лагере дела шли день ото дня всё хуже. Иосиф говорит об этом почти намеком, но Тацит и другие римские историки писали об этом прямым текстом. Строительство осадных валов продолжалось, но стройматериалы становилось находить всё труднее, их доставка занимала всё больше времени, а в середине лета к этому прибавились и определенные трудности с доставкой продовольствия и — главное — питьевой воды. Она быстро протухала в бочках, и легионеры пили ее, не скрывая отвращения.

Деморализация армии Тита продолжалась — римляне видели, что их усилия ослабить дух защитников Иерусалима словно бы дают обратный результат — те сражаются с яростью обреченных и абсолютным презрением к смерти. Они всё больше и больше осознавали, что впервые столкнулись с воинами, возможно уступающими им во владении военной наукой, но успешно компенсирующими это личным мужеством и интеллектом, а также умеющими, несмотря на внутренние раздоры, удивительно согласованно действовать в сражении.

Римские солдаты, пишет Иосиф, «уже изнурились от постоянных напряженных трудов и приупали духом от последовавших одна за другой неудач. Даже бедствия осажденных привели к большему упадку духа среди римлян, чем среди жителей города. Ибо последние, невзирая на самые ужасные невзгоды свои, нисколько не смягчились и каждый раз разбивали надежды врагов, с успехом противопоставляя валам хитрость, машинам — крепкие стены, а в рукопашных сражениях — бешеную отвагу. Видя эту силу духа, которой обладают иудеи и которая возвышает их над внутренним раздором, голодом, войной и другими несчастьями, римляне начали считать их жажду брани непреодолимой, а их мужество в перенесении несчастья — неисчерпаемым, и сами предлагали себе вопрос: чего бы только такие люди не могли предпринимать при счастливых условиях, когда несчастье все более и более их закаляет? Ввиду этих соображений римляне еще более усилили караульные посты на валах» (ИВ, 6:1:2).

Между тем, солдаты Иоанна, с тревогой следившие за тем, как растут осадные сооружения вокруг крепости Антония, в начале июля 70 года решились на вылазку с целью их поджога, но потерпели поражение — легионеры прекрасно понимали, что если евреи подберутся к валу и подожгут его, то построить новый им вряд ли удастся и тогда кампанию можно считать проигранной. Поэтому они оказали яростное сопротивление, задействовали метательные машины и заставили нападавших отступить. В ту же ночь римляне начали штурм крепостной стены Антонии, проломили ее, и тут перед ними предстала… еще одна стена, которую успели соорудить осажденные.

Эта стена была явно построена наспех и не могла сравниться с основной, но всем было ясно, что ее штурм неминуемо повлечет за собой огромные жертвы и те, кто пойдет на него в первых рядах, может считать себя покойником. И потому штурмовать стену легионеры явно не хотели.

Пытаясь поднять упавший почти до предела боевой дух своей армии, Тит решил выступить перед ней с речью, прибегнув к извечным аргументам полководцев всех времен и народов: что нет ничего почетнее, чем умереть смертью героя за ленточку в петлице, что Бог (Тит наверняка говорил «боги», но Иосиф вложил в его уста именно это слово) явно на их стороне, а не на стороне евреев; напоминал он и о том, что поражение станет для них несмываемым позором, в то время как евреям уже нечего терять. Наконец, он совершенно верно заметил, что после падения Антонии падение города станет неминуемым, то есть главное — взять этот замок, а все остальное будет уже легко.

Будучи умелым оратором, он заключил свою речь тем, что на самом деле взятие Антонии с военной точки зрения — не такая уж трудная задача, и если вначале он и говорил о том, какая слава ждет павших героев, то лишь гипотетически — не исключено, что потерь не будет вообще, а вот тех, кто взберется на стену первым, ждут слава и высшие награды.

Вот как звучит эта часть речи Тита в изложении Иосифа Флавия: «Взобраться на развалины ведь совсем легко, а тогда уже нетрудно разрушить новое строение. Если только вы смело и бодро и в большом числе пойдете в дело, тогда вы взаимно будете воодушевлять и поддерживать друг друга, а ваша твердая решимость быстро сломит спесь врага. Возможно, что успех не будет стоить вам ни одной капли крови, все лишь сведется к тому, чтобы только

взяться за дело. Когда вы станете быстро подниматься на стену, неприятель, без сомнения, будет стараться отражать вас, но если вы будете действовать незаметно для них, и в то же время силой пробьете себе дорогу туда, они не в состоянии будут сопротивляться, хотя бы даже вас было немного. Да будет мне стыдно, если я того, который первый взберется на стену, не сделаю предметом зависти для всех. Останется он жив, он будет начальствовать над ныне равными ему, но, если даже падет, ему будут оказаны завидные почести» (ИВ, 6:1:5).

Однако и эта страстная, хорошо продуманная речь произвела впечатление лишь на немногих. Среди них оказался и некий Сабин, сириец по происхождению, вышедший из строя со словами: «За тебя, цезарь, я готов пожертвовать собою и берусь первым взобраться на стену!»

За Сабином к стене бросились еще одиннадцать воинов, и, если верить Иосифу, евреи, вначале осыпавшие их стрелами и градом камней, увидев их непоколебимую решительность и опасаясь, что вместе с этими двенадцатью вскоре к штурму присоединится и остальная армия, бросились было бежать, но в тот момент, когда, казалось, он уже достиг своей цели, Сабин поскользнулся и упал лицом вниз. Евреи, услышав звук падения, тут же повернули назад, закололи Сабина и снова заняли оборону. Иосиф указывает точную дату случившегося: 3-го Панема, то есть 3-го числа месяца таммуза по еврейскому календарю, или 2 июля 70 года.

Спустя два дня около трех часов ночи двадцать солдат, среди которых был трубач, снова проникли в пролом, перебили спящую еврейскую стражу, после чего трубач дал сигнал и сотни легионеров устремились по тому самому полуразрушенному туннелю, который был прорыт евреями для вылазки против римлян.

Евреи к этому времени тоже пришли в себя, и завязался бой, который длился до первого часа пополудни, причем, пока не рассвело, обе стороны сражались вслепую. Наконец, «свирепая отвага иудеев», как характеризует ее Флавий, заставила римлян, также проявлявших стойкость и мужество, отступить. Но эта тактическая победа уже не могла ничего изменить: в ходе новой атаки 6 июля крепость Антония пала. Теперь Иерусалимский Храм был от римлян, что называется, на расстоянии вытянутой руки и уж точно был досягаем и для стрел, и для метательных орудий. И тут Тит решил дать своим бойцам необходимую передышку, а заодно подготовиться к штурму этой святыни. Среди прочего он велел разрушить бóльшую часть Антонии, чтобы обеспечить проход максимально большому количеству солдат к Храму.

Близился час решающей битвы.

Глава 7. «Ой, что случилось с нами…»

17 таммуза по еврейскому календарю, то есть 19 июля 70 года, произошло еще одно историческое событие, которое до сих пор в знак горькой памяти о нем отмечается в иудаизме дневным постом.

В этот день впервые за пятьсот с лишним лет существования Второго Храма были прекращены ежедневные обязательные жертвоприношения. Причем дело было не в том, что в Храме кончились животные для их совершения: несмотря на охвативший город голод, животных для этих целей сохраняли. Но сам ритуал жертвоприношения требовал задействования немалого количества священнослужителей, а коэны, сохраняя животных для исполнения заповеди, сами голодали и умирали от голода. В результате в Храме образовалась резкая нехватка священников, а так как кроме прямых потомков Аарона приносить жертвы не имел права никто, то их и были вынуждены прекратить.

Будучи коэном, Иосиф воспринял эту весть как величайшую трагедию. Хотя он сам об этом не

пишет, мы можем предположить, что он бросился к Титу, стал объяснять ему важность жертвоприношений, умолять что-нибудь предпринять для их возобновления. И Тит разрешил Иосифу предложить Иоанну задействовать коэнов из числа пленных (а их хватало, и среди них были и бывшие первосвященники, и их сыновья), а заодно предпринять еще одну попытку спасти Храм.

Иосиф направился к храмовой стене, выбрал безопасное место и вступил в одну из своих последних перепалок с Иоанном Гисхальским.

Суть переданного Иосифом предложения Тита заключалась не только в готовности прислать пленных коэнов для продолжения храмовой службы, но и в том, чтобы Иоанн, если уж он так хочет сражаться до конца, оставил со всей своей армией территорию Храма, вышел за его границы и сразился бы с римлянами лицом к лицу. Понятно, что исход такой битвы был предрешен хотя бы из-за огромного численного перевеса римлян, и вряд ли стоит удивляться тому, что Иоанн в ответ осыпал своего давнего личного врага оскорблениями и проклятиями, а затем заявил, что так как Иерусалим принадлежит Богу, то он не опасается его разрушения, поскольку Бог сможет защитить Свой город.

И тут Иосиф стал говорить о том, что после того, как Иоанн со своими людьми осквернил Храм своими деяниями, преступил через все законы и запреты, через которые только можно было преступить, Храм уже перестал быть «домом Всевышнего», а Иерусалим — Его городом, и теперь гибель последнего как проявление гнева Творца на избранный им народ становится почти неизбежной. Сейчас он, Иосиф, предпринимает последнюю попытку, чтобы это предотвратить.

Иосиф произносил эту свою речь не на арамейском, а на иврите — языке Священного Писания, видимо стараясь подчеркнуть, что на этот раз он говорит с Иоанном как священнослужитель, а не как политик и перебежчик к римлянам. На этом языке его речь, с обычным для него привлечением примеров из истории и Священного Писания, звучала куда более мощно и значительно, и это был, вне сомнения, очень удачный прием.

«Да! Ты сохранил город во всей чистоте нашему Богу, святилище также осталось незапятнанным; ты ничем не согрешил пред тем, на чью помощь ты уповаешь, и Он до сих пор получает от тебя стародавние жертвы! — с сарказмом начал Иосиф, обращаясь не только к Иоанну, но и к тем, кто стоял рядом с ним на стене Храма (а их было немало). — О, ты, гнусный человек! Если бы кто-нибудь лишил тебя повседневного питания, ты считал бы того своим врагом, а Бога, Которого ты лишил веками установленной службы, ты считаешь союзником твоей борьбы! Ты хочешь взвалить твои грехи на римлян, а между тем они до сих пор еще уважают наши законы и настоятельно требуют, чтоб упраздненные тобою жертвоприношения опять возобновились. Как не вопиять, как не оплакивать города при виде столь неестественной перемены? Чужие и враги хотят восстановить то, что ты безбожно нарушил; ты же, иудей, рожденный и воспитанный в законе, кощунствуешь хуже всякого врага. Но, Иоанн, и в самую последнюю минуту еще не стыдно отстать от зла. Если хочешь, то прекрасный пример спасения государства представляет тебе Иехония, царь иудейский, который однажды, когда вавилонянин выступил против него войной, сам покинул город и вместе со своим семейством сдался в добровольный плен для того, чтобы не быть вынужденным отдать это святилище врагу, чтобы спасти Божий храм от сожжения. За то же он прославляется устами всего народа в священной песне, за то память о нем, переходя из рода в род, остается бессмертной до позднейших поколений. Прекрасный пример для тебя, Иоанн, будь даже подражание ему связано с опасностью! Но я ручаюсь тебе за прощение со стороны римлян. Вспомни, что я советую тебе, как соотечественник, и обещаю, как иудей; и ты должен принять во внимание, от кого и в каком смысле исходит совет. Никогда не случится, чтобы я

продолжал жить в плену, отрекаясь от своего народа и забывая свою отчизну. Опять ты негодуешь и кричишь, осыпая меня твоей руганью! Да, я заслуживаю еще худшего обращения, ибо я наперекор судьбе подаю еще советы и насильно хочу спасти людей, отверженных Богом. Кто не знает писания древних пророков и их предсказаний об этом несчастном городе, предсказания, которые теперь именно близятся к осуществлению? Они предвещали, что тогда город падет, когда кто-нибудь начнет проливать кровь своих соплеменников. А разве город и весь храм не полны трупов вами убитых? Оттого-то сам Бог вместе с римлянами приближает очистительный огонь к храму и огнем же очищает обремененный столь ужасными злодеяниями город» (ИВ, 6:2:1).

Он был, безусловно, предельно искренен при произнесении этой речи, как искренними были и его рыдания по Храму, которыми он разразился ближе к ее окончанию. Увидев, что она не произвела на Иоанна и его ближайших сторонников должного впечатления (хотя и тронула всех остальных), Иосиф предпринял еще один, чисто психологический и пропагандистский ход: разделил пленных коэнов на небольшие группы, велел им выстроиться вдоль стены и с плачем умолять мятежников сдать город римлянам ради его спасения или, по меньшей мере, оставить Храм, поставив его тем самым вне военных действий. Когда в ответ воины Иоанна стали водружать на стены Храма катапульты, стало ясно, что и этот ход не сработал.

Тогда, по словам Иосифа, к защитникам Храма обратился сам Тит, но из дальнейшего текста «Иудейской войны» выясняется, что на самом деле это снова был Иосиф, передававший им слова Тита, и не исключено, что добавивший к ним и кое-что от себя:

«Не вы ли, безбожники, устроили эту ограду вокруг святилища? Не вы ли у нее воздвигли те столбы, на которых на эллинском и нашем языках вырезан запрет, что никто не должен переступить через нее? Не предоставляли ли мы вам права карать смертью нарушителя этого запрещения, если бы даже он был римлянином? И что же, теперь вы, нечестивцы, в тех же местах топчете ногами тела умерших, пятнаете храм кровью иноплеменников и своих! Я призываю в свидетели богов моего отечества и Того, Который некогда — но не теперь — милостиво взирал на это место, ссылаюсь также на мое войско, на иудеев в моем лагере и на вас самих, что я вас не принуждал осквернять эти места; и если вы изберете себе другое место сражения, то никто из римлян не ступит ногой в святилище и не прикоснется к нему. Храм я сохраню для вас даже против вашей воли» (ИВ, 6, 2:4).

Таким образом, Тит выступает у Иосифа яростным сторонником сохранения Храма, причем, что интересно, не в первый и не в последний раз. Но и эти слова были восприняты евреями как проявление страха и трусости римлян и, вопреки реальной картине дел, лишь укрепили их в мысли, что еще немного — и враг отступит.

Тит же после этого отдал приказ готовиться к первому штурму. Так как площадь перед Храмом не давала возможности развернуть армию в полной мере, то он решил задействовать в сражении чуть меньше ее трети, отобрав из каждой сотни по 30 самых храбрых и опытных воинов. Поначалу, видимо, Тит сам собирался повести их в атаку, но затем дал себя уговорить остаться вместе с остальной частью армии на руинах Антонии и оттуда следил за ходом сражения — тем более что с Антонии место будущей битвы просматривалось как на ладони. В результате возникало впечатление, что площадка, на которой предстояло развернуться сражению, была своего рода ареной цирка, а находившиеся на возвышенности Тит и его легионеры словно наблюдали с трибун за сражением гладиаторов.

В два часа ночи римляне двинулись вперед, но вопреки их надеждам на этот раз еврейская стража бодрствовала, защитники Храма оказались готовы к атаке, и на площади закипело сражение. Так как римляне перекликались паролями, а евреи в темноте нередко плохо

опознавали друг друга, то вначале они сражались хаотично, вступая в схватку с каждым, кто оказывался впереди. Как следствие, в первые часы схватки немало из них погибли от мечей своих же товарищей. Как только рассвело, евреи стали сражаться более упорядоченно, но в любом случае все сводилось к поединкам друг против друга, причем ни одной из сторон бежать было некуда. Обе стороны напряженно наблюдали за этим жестоким боем, и каждая криками — точно всё и в самом деле происходило на арене цирка — поддерживала своих.

В результате римляне снова были вынуждены отступить, и последующие дни потратили на то, чтобы соорудить четыре осадных вала, а также значительно расширить проход от руин Антонии до Храма, и эти работы были завершены к 26-му или 27 июля.

Евреи в ответ предприняли дальнюю вылазку в римский лагерь на Елеонской (Масличной) горе, но все ее участники в итоге были окружены и перебиты.

Увидев, что враг вплотную приблизился к Храму, его защитники подожгли северо-западную галерею, соединявшую храмовый комплекс с Антонией и позволявшую с ходу ворваться на его территорию. Это было, безусловно, верное с военной точки решения, и Иосиф метко сравнивает его с отсечением пораженной болезнью части тела ради спасения всего организма. Но при этом он же отмечает, что, по сути дела, евреи первыми же и начали поджоги — пусть и не самого Храма, а прилегающих к нему строений, и, таким образом, как бы готовит почву для оправдания последующих действий римлян.

Другую такую же галерею подожгли уже сами римляне, но Иосиф добавляет, что евреи лишь наблюдали за этим со стороны и не предприняли никаких попыток потушить огонь. При этом Иосиф называет особо отличившихся римских солдат и довольно подробно рассказывает о совершенных ими воинских подвигах, так что невольно возникает ощущение, что при написании «Иудейской войны» Тит и Веспасиан потребовали особо отметить каждого из таких «героев Рима».

Из подвигов же, совершенных евреями, он подробно останавливается лишь на одном эпизоде, но зато каком! Некий еврей Йонатан, рассказывает Иосиф, человек низкого роста и простого происхождения, стал вызывать самого храброго из римских воинов на поединок «один на один». Видя ту «бешеную отвагу», которая горела в его глазах, легионеры смутились, и ни один из них не решался выйти из строя и принять вызов.

Тогда Йонатан стал осыпать легионеров насмешками и оскорблениями, делая упор на то, что они могут воевать только имея численный перевес. Наконец, не выдержав, навстречу маленькому еврею вышел некий Пудений, и тот факт, что он был кавалеристом, не оставляет сомнений, что он был намного выше ростом и сильнее своего противника, — до этого Иосиф рассказал, как во время боя один из всадников сумел на полном скаку, пригнувшись, схватить еврейского юношу за ногу, затем, выпрямившись, доставить его, держа за ногу, к Титу. Для такого трюка требовались не только немалое искусство вольтижировки, но и огромная сила, так что сомневаться в уровне физической и боевой подготовки римских всадников не приходится.

Пудений был одним из них, но бой закончился тем, что Йонатан повалил его на землю, добил мечом, а затем вспрыгнул на тело поверженного врага и стал, издеваясь, танцевать на нем до тех пор, пока центурион Приск не схватил лук и не поразил его стрелой.

Сам этот бой неожиданно приобретает символическое, почти трансцендентное значение, невольно вызывая в памяти сражение между Давидом и Голиафом и заставляя вспомнить, что по большому счету победа римлян над иудеями во время восстания 70 года в исторической

перспективе обернулась их поражением.

* * *

29 июля упорно не желавшие смириться с неотвратимостью поражения евреи провели еще одну удачную операцию. Заполнив одну из оставшихся галерей сухими дровами, смолой и битумом, они отступили, а когда несколько сотен легионеров устремились внутрь, подожгли ее. В результате римляне оказались в огненной ловушке, и многие из них сгорели заживо на глазах у Тита и своих товарищей.

Ситуация внутри Иерусалима тем временем стала отчаянной. Люди теперь, по словам Иосифа, «хватали зубами даже предметы, негодные для самой нечистоплотной и неразумной твари». Рассказывает Иосиф и об одном случае каннибализма — как одна некогда богатая женщина из знатного рода (возможно, из семьи священников) съела своего младенца: «Женщина из-за Иордана, по имени Мария, дочь Элеазара из деревни Бет-Эзоб (что означает дом иссопа), славившаяся своим происхождением и богатством, бежала оттуда в числе прочих в Иерусалим, где она вместе с другими переносила осаду. Богатство, которое она, бежав из Переи, привезла с собою в Иерусалим, давно уже было разграблено тиранами; сохранившиеся еще у нее драгоценности, а также съестные припасы, какие только можно было отыскать, расхищали солдаты, вторгавшиеся каждый день в ее дом. Крайнее ожесточение овладело женщиной. Часто она старалась раздразнить против себя разбойников ругательствами и проклятиями. Но когда никто ни со злости, ни из жалости не хотел убить ее, а она сама устала уже приискивать пищу только для других, тем более теперь, когда и все поиски были напрасны, ее начал томить беспощадный голод, проникавший до мозга костей; но еще сильнее голода возгорелся в ней гнев. Тогда она, отдавшись всецело поедавшему ее чувству злобы и голода, решилась на противоестественное, — схватила своего грудного младенца и сказала: „Несчастный малютка! Среди войны, голода и мятежа для кого вскормлю тебя? У римлян, если даже они нам подарят жизнь, нас ожидает рабство, еще до рабства наступил уже голод, а мятежники страшнее их обоих. Так будь же пищей для меня, мстительным духом для мятежников и мифом, которого одного недостает еще несчастью иудеев — для живущих!“ С этими словами она умертвила своего сына, изжарила его и съела одну половину; другую половину она прикрыла и оставила. Не пришлось долго ожидать, как пред нею стояли уже мятежники, которые, как только почуяли запах гнусного жаркого, сейчас же стали грозить ей смертью, если она не выдаст приготовленного ею. — „Я сберегла для вас еще приличную порцию“, сказала она и открыла остаток ребенка. Дрожь и ужас прошел по их телу, и они стали пред этим зрелищем, как пораженные. Она продолжала: „Это мое родное дитя, и это дело моих рук. Ешьте, ибо и я ела. Не будьте мягче женщины и сердобольнее матери. Что вы совеститесь? Вам страшно за мою жертву? Хорошо же, я сама доем остальное, как съела и первую половину!“ В страхе и трепете разбойники удалились. Этого было для них уже чересчур много; этот обед они, хотя и неохотно, предоставили матери. Весть об этом вопиющем деле тотчас распространилась по всему городу. Каждый содрогался, когда представлял его себе пред глазами, точно он сам совершал его. Голодавшие отныне жаждали только смерти и завидовали счастливой доле ушедших уже в вечность, которые не видывали и не слыхивали такого несчастья» (ИВ, 6:3:4).

Талмуд (Гитин 56-а, Йома 18-а) отчасти подтверждает этот рассказ, приводя историю о богачке Марте, дочери Байтоса и вдове бывшего первосвященника Иехошуа бен Гамла. Пришел день, когда она послала слугу на рынок, но тот не сумел купить не только муки и хорошего хлеба, но и даже ломтя плохого хлеба или ячменной лепешки. Тогда Марта, босая, сама вышла на поиски пищи. Ее ноги увязли в кучах испражнений и грязи, она упала и, умирая, бросила золото и деньги со словами «Что мне в них?!».

Еврейские мудрецы увидели в творившемся в городе в те дни и в самой истории Марты

исполнение предостережения Пятикнижия: «…Жившая у тебя в неге и роскоши, которая никогда ноги своей не ставила на землю… будет безжалостным оком смотреть… на сына своего и на дочь свою… потому что она, при недостатке во всем, тайно будет есть их, в осаде и стеснении…» (Второз., 28:56–57).

По всей видимости, поступок обезумевшей от голода Марии дочери Элеазара был единственным или одним из единичных случаев каннибализма, но то, что такое имело место, подтверждается и Талмудом. Известие о каннибализме потрясло как евреев, так и римлян, и Иосиф утверждает, что именно услышав об этой истории, Тит принял окончательное решение о разрушении Иерусалима, придя к выводу, что город, в котором происходит подобное, утратил право на существование. Некоторые историки считают, что случай этот был выдуман Иосифом для пущего эффекта и оправдания действий римлян.

Одно снова несомненно: приводя слова Тита по этому поводу, Иосиф в очередной раз пытается снять с него ответственность за разрушение города и Храма: «Мир, религиозную свободу и прощение за все их поступки я предлагал иудеям, — якобы сказал Тит. — Но они избрали себе вместо единения раздоры, вместо мира войну, вместо довольствия и благоденствия голод; они собственными руками начали поджигать святилище, которое мы хотели сохранить, и они же являются виновниками употребления такой пищи. Но я прикрою теперь позор пожирания своих детей развалинами их столицы. Да не светит впредь солнце над городом, в котором матери питаются таким образом. Такой пищи более уже достойны отцы, которые и после подобного несчастья все еще стоят под оружием» (ИВ, 6:3:5).

1 августа 70 года начался обратный отсчет существования Второго Иерусалимского Храма.

Глава 8. Не всё пожирает огонь

В течение недели установленные легионами тараны пытались пробить стену Храма, однако камни, из которых она была сложена, оказались такими мощными, что стена не поддавалась. Величина и мощь этих камней поражают и сегодня туристов, приходящих к иерусалимской Стене Плача — единственной сохранившейся от Западной стены Храма.

Отчаявшись пробить стены, 9 августа, или 8-го Ава по еврейскому календарю, римляне попытались взобраться на нее по лестницам, но евреи закалывали первых, кому удавалось это сделать, еще не успевших прикрыться щитом, а затем сбрасывали лестницы вниз, и многие из тех, кто карабкался за ними следом, разбивались насмерть.

Больше того: евреи сумели захватить несколько знамен, а потеря знамени всегда считалась у римлян величайшим позором. В тот момент, когда защитники Храма, как казалось, успешно отбили первый штурм, два офицера Симона бар Гиоры решили сдаться в плен, напомнив при этом Титу о его обещании в случае такой сдачи сохранить им жизнь. Тит в ответ заметил, что с большой охотой казнил бы их, так как они решили сдаться уже после того, как поняли неотвратимость поражения и своей гибели, а до того продолжали сопротивляться, но решил сохранить верность слову.

Увидев, что подняться на лестницах не получается, легионеры подожгли обитые серебром ворота. Металл вскоре расплавился, потек горячей лавой, а огонь от ворот перекинулся на галереи и другие деревянные строения, и его жар заставил отступить как штурмующих, так и осажденных, не решившихся или не сумевших его потушить, вследствие чего пламя вокруг Храма бушевало всю ночь.

Утром 10 августа (9-го Ава) Тит собрал военный совет, чтобы решить, что делать с Храмом. Он

понимал, что речь идет об историческом решении, и явно хотел, чтобы другие разделили с ним эту ответственность. В совете приняли участие начальник штаба армии Тиберий Александр и главы легионов, трибуны и вассальные царьки.

Иосиф допущен на него не был и явно пересказывает происходивший там разговор со слов Тита.

Мнения участников этого судьбоносного совещания разделились: одни считали, что Храм в любом случае должен быть уничтожен, так как является главным центром жизни евреев всего мира, и пока он будет стоять, то будет постоянным источником мятежей. Другие предлагали пощадить Храм в случае, если евреи сложат оружие и дадут слово никогда больше не поднимать его против Рима. Если же они снова его поднимут, то Храм из места религиозного культа превратится в военную крепость, и вот тогда его действительно можно будет разрушить по всем законам.

И снова Иосиф выставляет Тита яростным сторонником сохранения Храма в качестве одной из самых больших жемчужин в короне Римской империи: «Но Тит сказал: „Если даже они будут сопротивляться с высоты храма, то и тогда не следует вымещать злобу против людей на безжизненных предметах и ни в каком случае не следует сжечь такое величественное здание; ибо разрушение его будет потерей для римлян, равно как и наоборот, если храм уцелеет, он будет служить украшением империи“. Фронтон, Александр и Цереал с видимым удовольствием присоединились к его мнению» (ИВ, 6:4:3).

В завершение совещания Тит приказал главам легионов дать своим солдатам небольшой отдых, затем погасить еще пылавший огонь, расчистить через развалины галерей дорогу к Храму и приготовиться к решающему штурму. Сам же он удалился в развалины Антонии и решил следить за ходом штурма с этого наблюдательного пункта. Его приказ сохранить Храм был передан по армии, но дальше, как принято говорить в наши дни, что-то пошло не так, и приказ был нарушен. Причем в массовом порядке.

Ряд исследователей считают, что на самом деле либо такого приказа не было, либо, дав обещание своим придворным евреям — Веренике, Агриппе Второму и Иосифу — пощадить Храм, Тит и не думал его выполнять. Удалившись в Антонию, он дал понять офицерам, что они могут действовать по своему усмотрению и он не будет сильно возражать, если приказ будет нарушен.

О том, насколько нарисованная Иосифом картина соответствует действительности, историки будут спорить еще долго. Был такой приказ или не был? Не мог ли и сам Иосиф быть введен в заблуждение по данному поводу? И почему он так упорно старается обелить Тита и снять с него ответственность за гибель Храма?

Вне сомнения, это событие стало для Иосифа, как и для всех евреев того времени, величайшей трагедией и травмой, и потому он должен был ненавидеть Тита, обвинять его как главнокомандующего вновь и вновь, а не искать ему оправданий. Но он этого не делает.

Такой авторитет во всем, что касается еврейской истории вообще и жизни Иосифа Флавия в частности, как Тесса Раджак, приходит к выводу, что Иосиф в данном случае говорил правду или по меньшей мере искренне верил, что говорит правду. Однако у нас есть свидетельства римских историков, опровергающих это мнение. И в первую очередь это свидетельство автора знаменитой «Священной хроники» Сульпиция Севера (363–410 или 429), утверждающего буквально следующее: «Говорят, что Тит созвал военный совет и спрашивал, должно ли разрушать такое здание, как храм. Некоторые полагали, что не следует уничтожать

посвященного Богу здания, превосходящего великолепием все другие человеческие сооружения, что сохранение храма будет свидетельством кротости римлян, а его разрушение опозорит их неизгладимым пятном жестокости. Но другие, и в том числе сам Тит, говорили, что необходимее всего разрушить именно храм, чтобы совершенно искоренить веру иудеев и христиан; потому что эти два вида веры, хотя враждебны один другому, имеют одно и то же основание: христиане произошли из иудеев, и если истребить корень, то легко погибнет и ствол дерева. По божественному внушению, этим воспламенились все умы, и, таким образом, храм был разрушен» (2:30).

Разумеется, тут же находятся исследователи, утверждающие, что Север, будучи христианином, однозначно предвзят и доверять ему не стоит. Однако не меньшее число исследователей сходятся во мнении, что Север явно опирался на недошедшее до нас сочинение Тацита, да и из известной нам части «Анналов», в сущности, следует, что никаких сантиментов к евреям и их Храму Тит не испытывал. Скорее наоборот, все его последующие деяния косвенно подтверждают, что он вполне мог прямо или намеком дать добро на разрушение Храма и уничтожение всех, кто находился на его территории.

Вместе с тем Тит был явно заинтересован в том, чтобы снять с себя породившие к нему ненависть среди евреев обвинения в разрушении Храма и переложить их со своих плеч на чьи угодно — евреи жили по всей территории империи, они играли огромную роль в экономической жизни многих провинций и самого Рима; они пользовались огромным влиянием, причем не только материальным, но и духовным, на римскую аристократию, и потому окончательно ссориться с ними не стоило.

Не исключено, что снятие с Тита этих обвинений и было одной из главных целей написания «Иудейской войны», основным условием покровительства Иосифу и субсидирования его писательской деятельности, а потому он так старательно, порой перебарывая самого себя, выполнял эту задачу и вновь и вновь убеждал читателей, что пожар в Храме стал проявлением Божьей воли, римляне выступали лишь в роли ее «инструментов», а Тит так вообще тут ни при чем.

Из западных историков одним из первых на это обратил внимание Э. Ренан.

«В этом рассказе Иосифа много невероятного, — писал он. — Трудно поверить, чтобы римские легионы обнаружили такое неповиновение победоносному полководцу. Напротив, Дион Кассий утверждает, что Титу пришлось силой заставлять солдат войти в это святилище, внушавшее страх, так как рассказывали, будто все осквернители его всегда падали мертвыми на месте. Верно только то, что спустя несколько лет Тит был очень доволен тем, что в еврейском мире рассказывали это дело так же, как его передает Иосиф, и что пожар храма приписывали недисциплинированности его воинов или, скорее, сверхъестественному побуждению какого-нибудь бессознательного исполнителя высшей воли. „История Иудейской войны“ была написана в конце царствования Веспасиана, самое раннее в 76 году, когда Тит уже имел притязания на титул „утешения человеческого рода“ и хотел слыть образцом кротости и доброты. В предшествующие годы и в другом мире, нежели мир евреев, он, несомненно, принял бы похвалы в ином роде. Среди картин, которые несли на триумфе 71 года, была одна, изображавшая „пожар храма“, причем, очевидно, этот факт представлялся не иначе, как славным для его виновника. Около того же времени придворный поэт Валерий Флакк предлагает Домициану как лучшее употребление, какое он может сделать из своего поэтического таланта, воспеть войну в Иудее и изобразить его брата разбрасывающим всюду факелы пожара…»[54]

Итак, Ренан также приходит к выводу, что «Иудейская война» была написана в первую очередь

для евреев империи с целью их примирения с Титом, а также для улучшения имиджа Тита среди симпатизирующих евреям и среди христиан, а и тех, и других в самом Риме, да и во всей империи во второй половине 70-х годов было немало — в том числе, как мы увидим, и благодаря уничтожению Титом Храма и Иерусалима.

* * *

Прорвавшись на территорию Храма, римляне мгновенно столкнулись с ожесточенным сопротивлением его защитников, и несколько часов бой шел с переменным успехом. Евреи, силы которых теперь были многократно меньше, чем у их врагов, бросались в новые атаки, заставляли противника отступать, но затем римляне отбрасывали их назад и всё больше и больше теснили к самому зданию Храма.

По словам Иосифа (а никаких других свидетельств того, что происходило в тот момент во дворе, а затем и в помещениях Храма, у нас не имеется), в какой-то момент один из солдат схватил горящую головню и (о, конечно же, по наущению свыше, ведь он был всего лишь «инструментом»!) бросил ее в золоченое окно Храма, и через минуту в его здании начался сильный пожар.

Евреи, издав страшный вопль и словно забыв о римлянах, бросились внутрь Храма тушить пожар, но тот лишь разгорался все больше и больше. Фейхтвангер выдвигает предположение, что брошенная солдатом головня попала на склад, где хранились дрова для жертвенника. И это и в самом деле было худшее, что могло случиться, — они запылали мгновенно, а затем огонь вырвался и в другие помещения.

Тит в это время отдыхал в одном из уцелевших покоев Антонии, но, услышав от гонца о вспыхнувшем пожаре, немедленно направился в Храм, где, собрав вокруг себя командиров, попытался отдать приказ потушить огонь. Но… вокруг него шел бой, звуки которого заглушали крики приказов, и солдаты, охваченные азартом схватки и ненавистью к евреям, не слышали или делали вид, что не слышат приказов своих командиров, и не обращали внимания на знаки, которые те делали руками.

Но тут в самую пору напомнить, что приказы в римской армии отдавались не голосом, а трубами, и странно, что в этот раз к ним «забыли» прибегнуть.

Тит, продолжает Иосиф, поспешил вслед за прорвавшимися солдатами внутрь Храма. Он вошел в Святая Святых и «нашел все гораздо более возвышенным, чем та слава, которой оно пользовалось у чужестранцев».

Иосиф продолжает настаивать, что Тит пытался заставить солдат начать тушить огонь, а центурион Либералий даже прибегнул для этого к палке, но… «Но гнев и ненависть к иудеям и пыл сражения превозмогли даже уважение к Цезарю и страх пред его карательной властью. Большинство кроме того прельщалось надеждой на добычу, так как они полагали, что если снаружи все сделано из золота, то внутренность храма наполнена сокровищами. И вот в то время, когда Цезарь выскочил, чтобы усмирить солдат, уже один из них проник вовнутрь и в темноте подложил огонь под дверными крюками, а когда огонь вдруг показался внутри, военачальники вместе с Титом удалились и никто уже не препятствовал стоявшим снаружи солдатам поджигать. Таким образом храм, против воли Цезаря, был предан огню» (ИВ, 6:4:7). «Против воли» — еще раз подчеркивает Иосиф, явно не замечая, что уже несколько перебарщивает с подобострастием Титу.

Таким образом, пожар, уничтоживший Второй Иерусалимский Храм, вспыхнул 10 августа

70 года, или 9 Ава, — в тот же день по еврейскому календарю, когда армией Навуходоносора был сожжен и Первый Храм (в 586 году до н. э.).

Евреи, и Иосиф в этом смысле был лишь одним из многих, увидели в этом куда большее, чем случайное совпадение.

«Как ни печальна и прискорбна гибель творения, удивительнейшего из всех ведомых миру и по объему, и по великолепию, и по роскошной отделке отдельных частей, славившегося к тому еще своей святостью, — однако утешением должна служить мысль о неизбежности судьбы для всего живущего, для всех творений рук человеческих и для всех мест земли. Замечательна в этом случае точность времени, с которой действовала судьба. Она предопределила для разрушения, как уже было сказано, даже тот же месяц и день, в который некогда храм был сожжен вавилонянами. От первоначального его сооружения царем Соломоном до пережитого нами разрушения, состоявшегося во второй год царствования Веспасиана, прошло тысяча сто тридцать лет семь месяцев и пятнадцать дней, а от вторичного его воссоздания Аггеем во второй год царствования Кира до разрушения при Веспасиане протекло шестьсот тридцать девять лет сорок пять дней», — пишет Иосиф (ИВ, 6:4:8).

День 9 Ава считается в иудаизме сакральным, и сегодня миллионы иудеев во всем мире в память о разрушении Храма проводят его в трауре, суточном посте и молитве. В современном Израиле в этот день не проводятся никакие праздничные мероприятия, закрыты многие кафе и рестораны и, само собой, не звучит веселая музыка. В синагогах всего мира в этот день читается «Плач Иеремии», который написан в память о разрушении Первого Храма в 586 году до н. э., но с той же точностью подходит и к трагедии 70 года н. э.:

«Как одиноко сидит столица некогда многолюдная, ныне как вдова! Великая среди народов — стала данницей. Плачет в ночи, и слеза — на щеке ее, нет ей утешителя. Ушла в изгнание Иудея, среди народов не нашла покоя. Дороги Сиона в трауре: нет идущих на праздник. Неприятели ее благоденствуют, Всевышний обрек ее на скорбь. Простер враг руку свою на все его сокровища. Посмотрите и увидите, разве есть горе, подобное тому, которое послал мне Всевышний в день Его гнева! С небес послал огонь на кости мои, готово в Его руке ярмо из грехов моих, сплелись они на шее моей. По героям моим я плачу, глаз мой, глаз мой роняет влагу. Прав Всевышний, ибо я перечила устам Его. Погрузились в землю врата Сиона, уничтожены и разбиты их засовы. Как море, велико разрушение твое. Кто исцелит тебя? Всплескивают руками из-за тебя все путники на дороге…»

Согласно еврейской традиции, и впоследствии, на протяжении всей мировой истории, все погромы, изгнания и другие страшные события в жизни евреев происходили именно 9 Ава. Так, 9 Ава в 1939 году началась Вторая мировая война, а в Треблинке в 1942 году в этот день заработал «конвейер смерти».

Талмуд, в отличие от Иосифа, не только не снимает с Тита ответственности за разрушение Храма, но и объявляет его величайшим злодеем и делает главным ответчиком за это преступление, а также расцвечивает его самыми мрачными красками. Так, согласно Талмуду, Тит, войдя в Святая Святых, вопреки рассказу Иосифа, привел туда блудницу и совершил с ней соитие на расстеленном на полу свитке Торы. Затем он проткнул завесу на Ковчеге Завета, и тут произошло чудо — из него закапала кровь. Тогда Тит сорвал завесу, висевшую над входом в Святая Святых, сложил в нее всю храмовую утварь, завернул завесу в виде тюка и велел отнести к себе в качестве трофея.

Безусловно, и эту картину вряд ли можно считать достоверной. Но, думается, по самому своему духу этот рассказ куда ближе к действительности, чем свидетельство Иосифа.

* * *

Еще одна неувязка возникает у историков с точной датой начала пожара в Храме. Сам Иосиф здесь несколько путается, и однажды называет в качестве такой даты 10 Ава. На самом деле это не принципиально — Храм и вся гора, на которой он был расположен, пылала в течение нескольких дней, и в течение нескольких дней римляне продолжали грабить храмовые сокровища и расправляться как с его защитниками, так и с женщинами, детьми и стариками, укрывшимися в Храме в надежде, что в последний момент Всевышний явит Свою милость и спасет Свой Дом и тех, кто нашел в нем убежище.

Римские солдаты поистине неистовствовали, убивая всех, кто попадался им под руку, и бросали в огонь младенцев. Тит, который предстает у Иосифа образцом благородства, лично приказал убить всех священнослужителей — коэнов и левитов, моливших о милосердии. При этом он цинично заметил, что для них большая честь погибнуть вместе с их Храмом.

Лион Фейхтвангер, основываясь на преданиях Талмуда, рисует в своей «Иудейской войне» страшную и одновременно величественную картину последних часов существования Второго Храма:

«Доктор Ниттай, подобно другим священнослужителям, проводил верующих в храм и серьезно и спокойно приступил к служению. Когда прорвалось пламя, на его старом ворчливом лице показалась улыбка. Он знал: сегодня явится знамение. Когда здание храма загорелось, он не бежал, подобно другим, через дворы, — наоборот, он и восемь окружавших его священников поднялись по храмовой лестнице. Идти вверх было хорошо; они находились пока еще в здании, подвластном рукам человеческим, но сейчас они будут наверху, под небом, близко к Ягве.

И вот они очутились на кровле, на высочайшей точке храма, а под ними были пламя и римляне. К ним доносились крики умирающих, грубое пение легионов, а из Верхнего города — неистовый вой. Тогда дух сошел на них, и голод вызвал перед ними видения. Раскачиваясь в такт, стали они монотонно, нараспев, как предписано, декламировать воинственные и победные песни из Священного Писания. Вырывали золотые острия, приделанные на кровле храма для защиты от птиц, швыряли их в римлян. Они смеялись, они стояли над пламенем, а над ними был Ягве, они чувствовали его дыхание. Когда настал час давать народу благословение, они подняли руки, раздвинули пальцы, как полагалось, и прокричали сквозь треск огня слова благословения, а за ними — исповедание веры, и на сердце у них было легко и свято.

Когда они кончили, Ниттай взял тяжелые ключи от больших храмовых врат, поднял их, чтобы все стоявшие вокруг него их видели, и воскликнул:

— О Ягве, ты не нашел нас достойными управлять домом твоим! О Ягве, возьми же обратно ключи! — И он подбросил ключи вверх. И он воскликнул: — Видите, видите вы руку?

И все видели, как с неба протянулась рука и подхватила ключи.

Затем балки затрещали, крыша обрушилась, и они нашли, что умирают милостивой смертью»[55].

* * *

Последним преступлением римлян в погибающем Храме стало сожжение заживо укрывшихся в его внутренних покоях шести тысяч женщин, детей и других немощных жителей города. Но Иосиф снова винит в их гибели не римлян, а некого лжепророка, который якобы возвестил

народу: «Бог велит вам взойти к храму, где вы узрите знамение вашего спасения» (ИВ, 6:5:2).

«В несчастье человек становится легковерным», отмечает Иосиф Флавий, добавляя, что таких лжепророков в Иерусалиме в последние годы его существования было немало.

Однако вслед за этим он говорит, что незадолго до начала восстания против римлян, да и потом, было немало знамений свыше, которые явно указывали на приближение гибели Иерусалима и Храма, однако люди не могли их правильно истолковать.

«Вот какие были знамения, — пишет Иосиф. — Над городом появилась звезда, имевшая вид меча и в течение целого года стояла комета. Пред самым отпадением от римлян и объявлением войны, когда народ собрался к празднику опресноков, в восьмой день месяца Ксантика, в девятом часу ночи, жертвенник и храм вдруг озарились таким сильным светом, как среди белого дня, и это яркое сияние продолжалось около получаса. Несведущим это казалось хорошим признаком; но книговеды сейчас же отгадали последствия, на которые оно указывало и которые действительно сбылись. В тот же праздник корова, подведенная первосвященником к жертвеннику, родила теленка на священном месте. Далее, восточные ворота внутреннего притвора, сделанные из меди, весившие так много, что двадцать человек и то с трудом могли запирать их по вечерам, скрепленные железными перекладинами и снабженные крюками, глубоко запущенными в порог, сделанный из цельного камня, — эти ворота однажды в шесть часов ночи внезапно сами собою раскрылись. Храмовые стражники немедленно доложили об этом своему начальнику, который прибыл на место, и по его приказу ворота с трудом были вновь закрыты. Опять профаны усматривали в этом прекрасный знак, говоря, что Бог откроет пред ними ворота спасения; но сведущие люди видели в этом другое, а именно, что храм лишился своей безопасности, что ворота его предупредительно откроются врагу и про себя считали этот знак предвестником разрушения. Спустя несколько дней после праздника, 21-го месяца Артемизия показалось какое-то призрачное, едва вероятное явление. То, что я хочу рассказать, могут принять за нелепость, если бы не было тому очевидцев и если бы сбывшееся несчастье не соответствовало этому знамению. Перед закатом солнца над всей страной видели мчавшиеся в облаках колесницы и вооруженные отряды, окружающие города. Затем, в праздник пятидесятницы, священники, как они уверяли, войдя ночью, по обычаю служения, во внутренний притвор, услышали сначала как бы суету и шум, после чего раздалось множество голосов: „давайте, уйдем отсюда!“ Еще знаменательнее следующий факт. Некто Иошуа, сын Анана, простой человек из деревни, за четыре года до войны, когда в городе царили глубокий мир и полное благоденствие, прибыл туда к тому празднику, когда по обычаю все иудеи строят для чествования Бога кущи, и близ храма вдруг начал провозглашать: „Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос, вопиющий над Иерусалимом и храмом, голос, вопиющий над женихами и невестами, голос, вопиющий над всем народом!“

Денно и нощно он восклицал то же самое, бегая по всем улицам города. Некоторые знатные граждане, в досаде на этот зловещий клич, схватили его и наказали ударами очень жестоко. Но не говоря ничего ни в свое оправдание, ни в особенности против своих истязателей, он все продолжал повторять свои прежние слова. Представители народа думали — как это было и в действительности, — что этим человеком руководит какая-то высшая сила, и привели его к римскому прокуратору; но и там, будучи истерзан плетьми до костей, он не проронил ни просьбы о пощаде, ни слезы, а самым жалобным голосом твердил только после каждого удара: „о, горе тебе Иерусалим!“ Когда Альбин — так назывался прокуратор — допрашивал его, „кто он такой, откуда и почему он так вопиет“, он и на это не давал никакого ответа и продолжал по-прежнему накликивать горе на город. Альбин, полагая, что этот человек одержим особой манией, отпустил его. В течение всего времени до наступления войны он не имел сношений ни с кем из жителей города: никто не видал, чтоб он с кем-либо обменялся словом; день-деньской он все оплакивал и твердил, как молитву, „горе, горе тебе, Иерусалим!“ Никогда он не

проклинал того, который его бил (что случалось каждый день), равно как и не благодарил, если кто его накормил. Ни для кого он не имел иного ответа, кроме упомянутого зловещего предсказания. Особенно мощно раздавался его голос в праздники, и, хотя он это повторял семь лет и пять месяцев, его голос все-таки не охрип и не ослабевал. Наконец, во время осады, когда он мог видеть глазами, что его пророчество сбывается, обходя по обыкновению стену с пронзительным криком „горе городу, народу и храму“, он прибавил в конце: „горе также и мне!“ В эту минуту его ударил камень, брошенный метательной машиной, и замертво повалил его на землю. Среди этого горестного восклицания он испустил дух» (ИВ, 6:5:3).

Далее Иосиф делает вывод о том, как это непросто — правильно истолковывать знамения, в духе саддукеев говорит о неотвратимости судьбы, а заодно и напоминает о том, что он сам уже один раз выступал в роли истинного пророка и нашел правильное толкование предвидения Священного Писания:

«Если вникнуть во все это, то нужно прийти к заключению, что Бог заботится о людях и разными путями дает им знать, что именно служит к их благу; только собственное безумие и личная злость ввергают людей в гибель. Так точно иудеи после падения Антонии сделали свой храм четырехугольным, не взирая на то, что в их пророчествах написано, что город и храм тогда будут завоеваны, когда храм примет четырехугольную форму. Главное, что поощряло их к войне, было — двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их священном писании и гласящее, что к тому времени один человек из их родного края достигнет всемирного господства. Эти слова, думали они, указывают на человека их племени, и даже многие из их мудрецов впадали в ту же ошибку, между тем в действительности пророчество касалось воцарения Веспасиана, избранного императором в иудейской земле. Но людям не дано избегать своей судьбы даже тогда, когда они предвидят ее. Иудеи толковали одни предзнаменования по своему желанию, а относились к другим совсем легкомысленно, пока, наконец, падение родного города и собственная гибель не изобличила их в неразумии» (ИВ, 6:5:4).

О знамениях, предвещающих разрушение Храма, говорит и Талмуд: «За сорок лет до разрушения Второго Храма светильник, прежде неугасимый, стал потухать, и врата Святилища начали открываться сами собою» (Йома, 39).

А трактат «Эйха-Раба» от имени рабби Леви рассказывает легенду, согласно которой в течение шести лет перед разрушением Храма архангел Гавриил держал в руке горящий уголь, но не спешил бросить его в царство Израильское в надежде, что народ раскается.

Любопытно, что о знамениях, предвещавших гибель Иерусалима, говорит в своей истории и Тацит: «Над городом стали являться знамения, которые народ этот, погрязший в суевериях, но не знающий религии, не умеет отводить ни с помощью жертвоприношений, ни очистительными обетами. На небе бились враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, низвергавшийся из туч огонь кольцом охватывал храм. Внезапно двери святилища распахнулись, громовый, нечеловеческой силы голос возгласил: „Боги уходят“, — и послышались шаги, удалявшиеся из храма. Но лишь немногим эти знамения внушали ужас; большинство полагалось на пророчество, записанное, как они верили, еще в древности их жрецами в священных книгах: как раз около этого времени Востоку предстояло якобы добиться могущества, а из Иудеи должны были выйти люди, предназначенные господствовать над миром. Это туманное предсказание относилось к Веспасиану и Титу, но жители, как вообще свойственно людям, толковали пророчество в свою пользу, говорили, что это иудеям предстоит быть вознесенными на вершину славы и могущества, и никакие несчастья не могли заставить их увидеть правду» (5:13:1–3).

* * *

Как уже было сказано, разрушение Храма воспринималось Иосифом не только как общенациональная, но и как глубоко личная трагедия. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что он пытался ввести новое национальное летосчисление, в котором все события делились бы на до и после разрушения Второго Храма.

То, что он одним из первых подвел под это событие теологическую базу, и она, повторим, совпадает в целом с той, которая была провозглашена духовными лидерами еврейского народа и используется до наших дней, нисколько эту боль не снимало. То, что он прекрасно сознавал, какую ответственность несут за это разрушение те, кто узурпировал за собой право называться военными и политическими вождями нации и всячески пытался оправдать Тита, а вместе с ним и всю римскую армию, отнюдь не означало, что он простил им этот варварский акт — что бы он ни писал в «Иудейской войне». У него, вне сомнения, был свой личный счет к римлянам, который он так до конца и не предъявил им, но о котором не раз намекал или обмолвливался в своих сочинениях.

Храм, по его собственному признанию, продолжал гореть еще долго. Как уже было сказано, еще несколько дней римляне добивали тех уже безоружных и не способных оказать сопротивление, кто оставался в Храме, и продолжали разграбление его бесчисленных сокровищ. По признанию Иосифа, «добычей все солдаты были так нагружены, что в Сирии золото упало в цене наполовину против прежнего». Апофеозом всего происходящего стали языческие жертвоприношения, которые римляне совершили на территории еще только полуразрушенного Храма.

В той безумной ситуации, в которой он оказался, Иосиф решил спасти жизни своих близких и хотя бы некоторых своих соплеменников и вымолить для них у Тита сохранение жизни и свободы. А что еще он мог сделать?!

Глава 9. Агония

И все же это был еще не конец. Нижний и Верхний, хорошо защищенные районы города продолжали оставаться в руках евреев. Кроме того, многие защитники Храма, поняв, что сражение проиграно, успели перебежать в находившийся неподалеку царский дворец, бывший хорошо укрепленной крепостью, построенной Иродом как раз на тот случай, если в столице вспыхнет мятеж и ему нужно будет место, где он сможет отсидеться до подхода помощи. Так что полностью оккупировать город было совсем непросто. Это было сопряжено для римлян с новыми огромными потерями, и в надежде на то, что Тит не захочет их нести, Симон бар Гиора и Иоанн Гисхальский впервые по собственной инициативе предложили Титу начать переговоры.

И вновь Иосиф выступает в роли адвоката Тита и, пытаясь оправдать его пред историей, называет «человеколюбивым» и утверждает, что, разрушив Храм, он все еще надеялся спасти сам город, а потому, став у Западной стены Храма, произносит страстную речь, в которой с позиции победителя диктует свои условия. По законам жанра Иосиф приводит целиком эту речь, хотя опять-таки, вероятнее всего, выступает в роли спичрайтера-мажора и многое добавляет от себя.

В зачине речи Тит констатировал, что мятежники начали такие переговоры слишком поздно, и упрекает их в том, что они пошли на них только после того, как «насытились страданиями вашего отечества», и, «не рассчитав вашего могущества и чашей собственной слабости, в безумной ярости погубили и народ, и город, и храм».

Он говорил о том, что самим фактом мятежа против Рима они заслуживают смерти; что изначально они исходили из ложной оценки мощи своих крепостей, своего мужества и хитрости вождей, и напомнил, что Рим побеждал в прошлом и более могущественных врагов — таких как карфагеняне, но самим этим сравнением он, безусловно, делает честь евреям.

Тит, безусловно, прибег и к некоторому перехлесту, утверждая, что против евреев воевала лишь «ничтожная часть римской армии», хотя, как уже говорилось, к Иудее было стянуто более трети всей имевшейся тогда у Рима военной мощи, и это была самая крупная и ожесточенная военная кампания за всю историю империи.

Основная идея речи Тита сводилась к тому, что евреи должны просто признать свое поражение и сдаться на милость победителя, если хотят сохранить в неприкосновенности хотя бы часть Иерусалима. А дальше он казнит тех, кого сочтет виновными в мятеже, но помилует остальных.

«Что хотите вы еще спасти? — воскликнул Тит. — Что может вызвать хотя бы отдаленное сравнение с тем, что уже погибло? Да и какую цену может иметь ваша жизнь после падения Храма? Однако вы и теперь еще стоите здесь под оружием? Даже в самом крайнем положении вы все-таки не хотите и вида подать, что нуждаетесь в милости! Несчастные! На что вы еще уповаете? Народ ваш мертв, храм погиб, город — мой, в моих руках и ваша жизнь, и вы еще лелеете славу героической смерти? Но я не желаю состязаться с вами в безумии; если вы бросите оружие и сдадитесь, так я дарую вам жизнь. Как кроткий домохозяин, я накажу только неисправимых, а остаток спасу для себя» (ИВ, 6:6:2) — такими словами Тит завершил свою речь.

В ответ ему было заявлено, что условие о капитуляции принято быть не может, так как защитники города поклялись не сдаваться римлянам ни на каких условиях и не могут нарушить клятву. Поэтому они просят лишь дать им беспрепятственно выйти со своими семьями из города, и тогда римляне без всяких потерь станут его полновластными хозяевами.

Этот ответ, сама попытка побежденных поставить ему условия привели Тита в такую ярость, что он объявил: отныне больше никому, включая перебежчиков, не будет пощады. Одновременно он разрешил своим солдатам начать грабеж и сожжение Нижнего города, и вскоре там запылало здание архива и городского совета, а затем и другие дома. Впрочем, жертв во время этого грандиозного пожара было немного: в большинстве домов давно уже лежали только трупы их владельцев. Некоторые, правда, пытались укрыться с семьями в подвалах или подземных ходах, но огонь заставлял их покидать эти убежища, а выйдя на улицу, они тут же безжалостно были убиты римлянами.

* * *

Судя по всему, 19 августа 70 года Нижний город был уничтожен, и Тит отдал указания начать строить осадные валы для взятия Верхнего города, в котором всё еще оставались сотни тысяч людей. По-видимому, жители города раскололись во мнениях о том, что делать дальше.

Одни считали, что жить больше незачем и надо умереть, но умереть достойно, с оружием в руках, унеся с собой в могилу как можно больше римлян. Но другие просто хотели жить; их, видимо, было больше, и потому, несмотря на заявление Тита о том, что больше никакой пощады сдавшимся в плен не будет, они начали перебегать к римлянам.

Как оказалось, это был правильный ход: римляне к тому времени уже пресытились убийствами, а потому Тит решил нарушить свое обещание и утвердил суд, который решал судьбу

перебежчиков: тех, кто был уличен в участии в войне, казнили, а остальных либо обращали в рабство, либо отпускали на свободу. Иосиф утверждает, что только последних было 40 тысяч человек, а тех, кто стал рабами, просто не считали.

В эти же дни, сообщает Иосиф, Тит согласился на предложение явившегося к нему для переговоров коэна Иешуа пощадить нескольких оставшихся в живых священнослужителей в обмен на передачу ему заблаговременно вынесенных из Храма некоторых священных артефактов. Так в распоряжении Тита оказались золотые светильники, столы, чаши и другая храмовая утварь, а также храмовые завесы, облачения первосвященника и рядовых коэнов.

В начале сентября осадные валы были завершены, и на них стали устанавливать боевые машины. Засевшие в Верхнем городе евреи еще попытались сделать несколько вылазок и помешать врагу установить боевую технику, но моральный их дух уже был подорван, и потому Симон бар Гиора и Иоанн Гисхальский решили без боя сдать способный выдержать многомесячную осаду царский дворец и укрылись вместе с остатком своих сторонников в каком-то подземелье — в иллюзорной надежде прорыть из него туннель и выбраться за стены города. На башнях дворца были водружены римские знамена, после чего 8 сентября солдаты беспрепятственно вошли в Верхний город. Снова начались грабежи и убийства. Хотя Тит и отдал приказ убивать только вооруженных и сопротивляющихся, а остальных брать в плен, стариков, младенцев и просто слабых убивали на месте — рабов уже было так много, что их просто некуда было девать, и потому в живых оставляли лишь самых сильных и способных к тяжелой работе.

Тут, наверное, самое время снова предоставить слово самому Иосифу: «Конец войны оказался для них (римлян. — *П. Л.*) гораздо легче, чем можно было ожидать по ее началу. Им самим казалось невероятным, что последней стеной они овладели без кровопролития. И они сами недоумевали, что не нашли здесь ожидаемого противника. Тогда они устремились с обнаженными мечами по улицам, убивая беспощадно все попадавшееся им на пути и сжигая дома вместе с бежавшими туда. Они грабили много, но часто, вторгаясь в дома за добычей, они находили там целые семейства мертвецов и крыши, полные умерших от голода, и так были устрашены этим видом, что выходили оттуда с пустыми руками. Однако искреннее сожаление, которое они питали к погибшим, не простиралось на живых: всех, попадавшихся им в руки, они умерщвляли, запруживая трупами узкие улицы и так наводняя город кровью, что иные загоревшиеся дома были потушены этой кровью…

…Когда Тит вступил в город, он дивился его могучим укреплениям, в особенности же тем трем башням, которые тираны в своем безумии покинули. Рассматривая вышину массивного сооружения, чудовищную величину каждого камня и тщательность сочленения их, он воскликнул: „Мы боролись, покровительствуемые Богом; только он мог оттолкнуть иудеев от таких крепостей, ибо что значили бы человеческие руки или машины против таких башен?“ В этом роде он еще долго беседовал со своими друзьями. Пленников, брошенных тиранами в крепости, он выпустил на свободу; остальную часть города он разрушил, стены срыл, но те башни он оставил нетронутыми, в память покровительствовавшего ему счастья, которое предало в его руки и непобедимое» (ИВ: 6:8:5–9:1).

Оставленных в живых пленников, как скот, согнали на женский двор Храма. Самых молодых и здоровых Тит отправил на египетские рудники, еще часть отправил в дар провинциям для гибели на цирковых аренах, часть была отобрана для продажи, а несколько десятков самых статных и красивых Тит отобрал для участия в будущем триумфальном шествии по Риму.

По свидетельству Иосифа, за время осады Иерусалима погибло и умерло 1 100 000 человек, при этом общее число жителей города перед ее началом он оценивает в 2 565 000 человек,

отмечая, что осада началась одновременно с началом праздника Песах, когда в Иерусалим пришло множество паломников со всех концов страны, и в результате все эти люди оказались, по сути дела, в ловушке. Однако историкам называемые им цифры кажутся не просто завышенными, а многократно завышенными. А вот его оценка, что всего было взято 97 тысяч пленных, наоборот, возможно, была несколько заниженной. Еще 11 тысяч, по словам Иосифа, умерли от голода — часть потому, что стражники отказывали им в еде и питье, а часть сами отказывались есть некошерную, то есть запрещенную евреям законами Торы, пищу[56].

Как мы уже упоминали, Иосиф в эти дни видел свою миссию в том, чтобы воззвать к милосердию Тита и попытаться спасти как можно больше жизней соплеменников. В «Жизнеописании» он рассказывает, что после падения города Тит милостиво разрешил ему взять все, что он пожелает, и Иосиф в первую очередь бросился спасать свитки Торы и другие священные книги и упросил Тита освободить своего брата и 50 друзей. Затем, оказавшись на территории Храма, превращенной в гигантский лагерь военнопленных, он упросил своего патрона освободить без всякого выкупа и восстановить в гражданских правах около 190 женщин и девушек из знатных семей.

Потом Тит отправил его с отрядом всадников в деревню Текоа присмотреть место для военного лагеря, и там среди сотен распятых он узнал трех своих друзей и умолил Тита снять их с креста. Больше того — Тит дал указание попробовать исцелить этих троих от ран, но для двоих это оказалось слишком поздно, и короткое время спустя они скончались. Таким образом, всего Иосиф лично спас от смерти или рабства более 240 человек.

Наконец, в заключении Шестой книги «Иудейской войны» Иосиф приводит хронологию истории Иерусалима, по поводу которой опять-таки высказано много разных мнений, но которая все равно берется за основу многими серьезными исследователями: «Таким образом, на втором году царствования Веспасиана, в 8-й день месяца гарпея, Иерусалим был завоеван. Пять раз он был прежде покорен, причем один раз также разрушен. Раз он был взят царем египетским Асохеем, затем Антиохом, после Помпеем, а за ним Сосием сообща с Иродом. Во всех этих случаях город был каждый раз пощажен; но еще до них он был завоеван вавилонским царем и им же разрушен спустя 1468 лет и шесть месяцев после его основания. Первый основатель города был ханаанский владетель, имя которого на туземном языке означает „Праведный царь“, каким он был и на самом деле. Поэтому он был первым жрецом Бога, которому основал святилище, причем город, называвшийся прежде Солима, был им же переименован в Иерусалим. Позже иудейский царь Давид изгнал ханаанеев из города и населил его своими соплеменниками. 477 лет и 6 месяцев после него город был разрушен вавилонянами. От царя Давида, первого иудейского царя в Иерусалиме, до разрушения, произведенного Титом, прошло 1179 лет, а от первоначального основания до последнего завоевания 2177 лет. Ни древность города, ни неимоверное богатство его, ни распространенная по всей земле известность народа, ни великая слава совершавшегося в нем богослужения не могли спасти его от падения. Таков был конец иерусалимской осады» (ИВ, 6:10).

С точки зрения римлян война была окончена. Почти.

Глава 10. Горе побежденным!

Когда улицы Иерусалима были окончательно опустошены как от их жителей, так и от имущества, Тит отдал приказ сравнять великий город и руины Храма с землей, оставив только часть Западной стены Храма, чтобы расположить под ее прикрытием лагерь с гарнизоном, а также три построенных некогда Иродом Великим башни — Фазаэль, Гиппик и Мариаму, одна из которых под именем «Башни Давида» высится над Старым городом Иерусалима до сих пор,

как до сих пор стоит часть Западной стены Храма, называемая евреями «Стеной Плача»[57].

В эти же сентябрьские дни 70 года Тит устроил большой парад в честь победы, на котором со специально построенной трибуны поблагодарил свою армию за победу в войне, а также наградил наиболее отличившихся в ней легионеров повышением в звании и заменявшими в те времена ордена и медали золотыми венками, шейными цепями и копьями или серебряными знаменами и, само собой, дополнительной долей добычи.

В своей речи он в первую очередь отдал должное своим солдатам за то, что они сражались, чтобы, «насколько это зависело от вас, расширить господство вашего отечества и тем ясно показать миру, что ни численное превосходство, ни могучие крепости, ни величина города, ни слепая безумная отвага и зверская свирепость врага не могут устоять против могущества римлян, хотя бы даже одни или другие из наших врагов во многом покровительствуемы были счастьем» (ИВ, 7:1:2).

После этого Тит оставил в Иерусалиме в качестве охраняющего город и провинцию гарнизона 10-й легион. 12-й, потерпевший под командованием Цестия в 67 году поражение, приведшее к восстанию, он отослал в Малую Азию, а два оставшихся легиона должны были сопровождать его в Египет, откуда он и намеревался отправиться в Италию.

Ликующая армия провозгласила его «цезарем». Подобное высшее звание было принято время от времени вручать одержавшему победу в войне полководцу, и оно еще не означало, что этот полководец претендует на императорский трон в Риме. Однако когда слухи об этом дошли до Веспасиана, они ему не понравились — он заподозрил сына в вынашивании планов отстранения его от власти.

Видимо, чтобы хоть как-то продемонстрировать свою лояльность, Тит, поначалу разместившийся со своей армией в приморской Кейсарии, направился в Кейсарию Филиппову, к Иордану, чтобы там пышно отметить день рождения своего брата Домициана.

В честь этого события, «человеколюбивый» Тит велел казнить несколько тысяч еврейских пленников, а также устроил на стадионе города большие игры, в ходе которых были растерзаны дикими животными или погибли в гладиаторских боях еще две с половиной тысячи пленных.

Видимо, именно в дни нахождения Тита в Кейсарии Иоанн Гисхальский, не выдержав мук голода, вышел с остатком своих людей из подземелья, где прятался, и сдался римлянам. Тит приговорил его к пожизненному заключению и велел подготовить к отправке в Рим для участия в триумфе.

Спустя несколько дней, отчаявшись прокопать подземный ход за стену города, также решил сдаться римлянам и Симон бар Гиора. Однако он обставил свою капитуляцию как можно более театрально. В белом хитоне и пурпурном плаще он внезапно появился перед римскими солдатами на руинах Храма, пытаясь, по мнению Ренана, таким образом симулировать свое воскресение из мертвых и выдать себя за мессию.

Солдаты поначалу и в самом деле немного опешили, а Симон заявил, что будет разговаривать только с начальником гарнизона Терентием Руфом.

Однако Руф нисколько не впечатлился этим трюком, а велел заковать пленника в оковы и отправить вслед за Иоанном в Кейсарию к Титу. Тот приговорил Симона бар Гиору к смертной казни, но сама казнь опять-таки должна была состояться во время триумфа в Риме.

Триумф этот должен был ознаменовать приобщение Тита к пантеону величайших воинов и полководцев империи. Но по сути триумфальное шествие Тита началось еще в Кейсарии, откуда он двинулся с армией в Бейрут. Затем Тит побывал в различных городах Сирии, где его с ликованием встречали толпы народа, искренне радовавшиеся его победе над евреями и не скрывавшими своих надежд, что он поможет им избавиться и от еврейского населения в их городах. В том же Бейруте 17 ноября под ликование толпы было убито еще несколько тысяч еврейских пленников, а в Антиохии незадолго перед его приездом произошел грандиозный еврейский погром, поводом к которому послужило обвинение местных евреев в поджоге центра города, в результате чего погибли рынок и административные здания. Как выяснилось впоследствии, обвинение было ложным: поджог был осуществлен несколькими греками, запутавшимися в долгах и решившими с помощью огня уничтожить свои долговые записки. Но это никого не интересовало.

Однако, что любопытно, Тит, не щадивший пленных иудеев, отказал жителям Антиохии в их просьбе об изгнании евреев из города, объяснив, что после разрушения Иудеи тем просто некуда податься. Отклонил он и просьбу о поражении их в гражданских правах. Так же повел он себя и в других городах Сирии, хотя в некоторых из них согласился на разрушение синагог и постройку на их месте театров или стадионов. Строительство осуществлялось на деньги, полученные за счет продажи еврейских рабов, или на средства, полученные из распродажи взятой в Иудее добыче.

По пути в Египет Тит еще раз посетил руины Иерусалима, вновь поразился деянию своей армии, приведшей некогда цветущий край в полное запустение, и уже оттуда направился в Египет, еще раз отпраздновав свою грандиозную победу в Александрии. Так что в Рим он вернулся только в конце мая или начале июня 71 года и почти сразу же после возвращения занялся организацией триумфа.

* * *

В «Жизнеописании» Иосиф сообщает, что Тит, собираясь отправиться в Рим, взял его с собой «в плаванье, оказывая всяческие почести». Однако и Ренан, и другие историки сходятся во мнении, что, вероятнее всего, Иосиф вместе с Агриппой, Вереникой и Тиберием Александром входил в его свиту во время всего путешествия в Кейсарию, Ливан и Сирию, а значит они были свидетелями тех зверств (другое слово тут подобрать трудно), которые позволяли себе римляне и местные жители по отношению к пленным евреям, и именно они убедили Тита воздержаться от лишения прав живущих в городах этих провинций своих соплеменников.

Мы можем только представить, что испытывал Иосиф, наблюдая за тем, как евреи убивают друг друга или гибнут, разрываемые на куски львами, пантерами и прочими хищниками на цирковых аренах. Хотя не исключено, что он просто избегал этих зрелищ, и именно поэтому сообщает об этом предельно сухо.

Зато он подробно описывает прибытие Тита в Рим. Встречать его в сопровождении огромной толпы народа выехал сам Веспасиан с младшим сыном Домицианом. При этом Веспасиан не скрывал своей радости от приезда сына: это снимало с того всякие подозрения в посягательстве на власть императора. Согласно Светонию, Тит обнял отца со словами: «Приехал я, батюшка, приехал!» — и толпа возликовала, видя всю императорскую семью вместе: ее члены явно были исполнены родственной любви, что случалось на вершине власти не часто.

* * *

За то время, пока Тит вел иудейскую кампанию, Веспасиан сумел вернуть Рим к нормальной жизни, укротить мятежи в других провинциях, и на всей территории империи, наконец, установилось спокойствие.

Тит, вопреки своему бережливому отцу, считавшему подобные празднества напрасной тратой денег, был убежден, что триумф необходим. Надо было донести до граждан тот факт, что новая императорская династия вернула Риму его былое величие и процветание, и тем самым значительно укрепить ее престиж в народе.

Подготовка к триумфу заняла всего несколько дней. Нет никакого сомнения, что для этого грандиозного празднования были задействованы лучшие римские декораторы и специалисты по организации массовых зрелищ, и оно стоило огромных средств.

Сам триумф, по идее Тита и «авторов сценария», должен был символизировать прежде всего победу римской религии, римского оружия и римских ценностей над иудейскими, и потому немалое место в нем было уделено религиозным церемониям с участием Веспасиана и Тита. Для усиления зрелищности были сооружены своего рода деревянные вышки на колесах в несколько этажей, причем каждый этаж представлял собой просматривающуюся с четырех сторон сцену, и на каждой сцене разыгрывался мини-спектакль, воспроизводящий те или иные эпизоды Иудейской войны, и каждая серия картин заканчивалась появлением и арестом Симона бар Гиоры. Пронесли перед римлянами и трофеи, в том числе храмовую утварь и самые священные для евреев реликвии — храмовый семисвечник, Ковчег Завета, золотые столы для приношения хлебов, завесу Святая Святых и т. п.[58].

Перед римлянами должна была пройти также процессия из семисот пленных еврейских воинов, которых перед триумфом облачили в роскошные одежды. В этой толпе шествовал и Симон бар Гиора, казнь которого должна была стать частью грандиозного спектакля. Ну и, само собой, принимали участие в шествии сами триумфаторы — Тит и Веспасиан, ехавшие на колесницах в сопровождении армии.

Уже накануне триумфа вдоль дороги выстроились сотни тысяч людей. В этой толпе буквально яблоку негде было упасть, и страже пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать зрителей в обозначенных границах.

Иосиф описывает это шествие мастерским языком репортажа, в мельчайших подробностях, и потому нам не остается ничего другого, как предоставить ему слово и привести еще одну пространную цитату из «Иудейской войны»:

«Еще ночью все войско выстроилось в боевом порядке под начальством своих командиров у ворот не верхнего дворца, а вблизи храма Исиды, где в ту ночь отдыхали императоры; с наступлением же утра Веспасиан и Тит появились в лавровых венках и обычном пурпуровом одеянии и направились к портику Октавии. Здесь ожидали их прибытия сенат, высшие чиновники и знатнейшие всадники. Перед портиком была воздвигнута трибуна, на которой были приготовлены для триумфаторов кресла из слоновой кости. Как только они прибыли туда и опустились на эти кресла, войско подняло громовой клич и громко восхваляло их доблести. Солдаты были тоже без оружия, в шелковой одежде и в лавровых венках. Приняв их приветствия, Веспасиан подал им знак замолчать. Наступила глубокая тишина, среди которой он поднялся и, покрыв почти всю голову тогой, прочел издревле установленную молитву; точно таким же образом молился Тит. После молитвы Веспасиан произнес перед собранием краткую, обращенную ко всем речь и отпустил солдат на пиршество, обыкновенно даваемое им в таких случаях самим императором. Сам же он проследовал к воротам, названным триумфальными вследствие того, что через них всегда проходили триумфальные процессии. Здесь они

подкрепились пищей, оделись в триумфальные облачения, принесли жертву богам, имевшим у этих ворот свои алтари, и открыли триумфальное шествие, которое подвигалось мимо театров, для того чтобы народ легче мог все видеть.

Невозможно описать достойным образом массу показывавшихся достопримечательностей и роскошь украшений, в которых изощрялось воображение, или великолепие всего того, что только может представить себе фантазия: произведений искусства, предметов роскоши и находимых в природе редкостей. Ибо почти все драгоценное и достойное удивления, что приобретали когда-нибудь зажиточные люди и что считалось таким отдельными лицами, — все в тот день было выставлено напоказ, чтобы дать понятие о величии римского государства. Разнообразнейшие изделия из серебра, золота и слоновой кости видны были не как при обыкновенном торжестве, но точно рекой текли перед глазами зрителей. Ткани, окрашенные в редчайшие пурпуровые цвета и испещренные тончайшими узорами вавилонского искусства; блестящие драгоценные камни в золотых коронах или в других оправах проносились в таком большом количестве, что ошибочным казалось то мнение, будто предметы эти составляют редкость. Носили также изображения богов больших размеров, весьма художественно отделанные и изготовленные исключительно из драгоценного материала. Далее вели животных разных пород, каждое — украшенное соответствующим убранством. Даже многочисленные носильщики всех драгоценностей были одеты в пурпуровые и золототканые материи. Особенным богатством и великолепием отличалась одежда тех, которые были избраны для участия в процессии. Даже толпа пленников одета была не просто; пестрота и пышность цветов их костюмов скрашивали печальный вид этих изможденных людей. Но величайшее удивление возбуждали пышные носилки, которые были так громадны, что зрители только боялись за безопасность тех, которые их носили. Многие из них имели по три, даже по четыре этажа. Великолепное убранство их одновременно восхищало и поражало; многие были обвешаны золототкаными коврами, и на всех их были установлены художественные изделия из золота и слоновой кости. Множество отдельных изображений чрезвычайно живо воспроизводило войну в главных ее моментах. Здесь изображалось, как опустошается счастливейшая страна, как истребляются целые толпы неприятельские, как одни из них бегут, а другие попадают в плен; как падают исполинские стены под ударами машин; как покоряются сильные крепости, или как взбираются на самый верх укреплений многолюднейших городов, как войско проникает через стены и наполняет все кровью; умоляющие жесты безоружных, пылающие головни, швыряемые в храм, обваливающиеся над головами своих обитателей, наконец, после многих печальных сцен разрушения, водяные потоки, — не те, которые орошают поля на пользу людям или животным, а потоки, разливающиеся по охваченной повсюду пожаром местности. Так изображены были все бедствия, которые война навлекла на иудеев. Художественное исполнение и величие этих изображений представляли события как бы воочию и для тех, которые не были очевидцами их. На каждом из этих сооружений был представлен и начальник завоеванного города в тот момент, когда он был взят в плен. Затем следовали также многие корабли. Предметы добычи носили массами, но особенное внимание обращали на себя те, которые взяты были из храма, а именно: золотой стол, весивший много талантов, и золотой светильник, имевший форму, отличную от тех, которые обыкновенно употребляются у нас. По самой середине подымался из подножия столбообразный стержень, из которого выступали тонкие ветви, расположенные наподобие трезубца; на верхушке каждого выступа находилась лампадка; всех лампадок было семь, символически изображавших седьмицу иудеев. Последним в ряду предметов добычи находился Закон иудеев. Вслед за этим множество людей несло статуи богини Победы, сделанные из слоновой кости и золота. После ехал Веспасиан, за ним Тит, а Домициан в пышном наряде ехал сбоку на достойном удивления коне.

Конечной целью триумфального шествия был храм Юпитера Капитолийского. Здесь, по

старинному обычаю, все должны были ожидать, пока гонец не возвестит о смерти вражеского вождя. Это был Симон, сын Гиоры, участвовавший в шествии среди других пленников. Теперь на него накинули веревку и, подгоняя его ударами плетей, стража втащила его на возвышающееся над форумом место, где по римским законам совершается казнь над осужденными преступниками. Когда было объявлено о его смерти, поднялось всеобщее ликование, и тогда начались жертвоприношения. Благополучно окончив это с установленными молитвами, императоры возвратились во дворец. Некоторых они пригласили к своему столу; остальная же масса пировала по домам. Ибо в этот день римляне праздновали как победу над врагами, так и конец внутренних распрей и зарю надежды на лучшее будущее» (ИВ, 7:5:4–6).

* * *

Иосиф, вне сомнения, был одним из зрителей триумфа, причем, скорее всего, занимал одно из мест, отведенных для почетных гостей, с которого было хорошо видно все происходящее, — иначе такую точность деталей в его описании не объяснить.

Но в то самое время, когда большая часть населения Рима ликовала, в еврейском квартале на правом берегу Тибра царило траурное молчание. Гибель Иерусалима и Храма стала для римских евреев тяжелым ударом, и, сохраняя внешнюю лояльность империи, они испытывали огромную боль. И хотя большинство сознавало, что случившееся во многом произошло из-за экстремизма Симона бар Гиоры и Иоанна Гисхальского, фактически совершивших путч и отстранивших от власти законное правительство города и страны, они не могли простить этого Титу — что бы там ни говорили о том, что он был лишь оружием в руках Божественного провидения.

И, само собой, к Иосифу они относились как к предателю, коллаборационисту, от которого надо было держаться подальше, как от прокаженного.

Тем не менее именно Иосифу и только ему суждено было стать летописцем трагических событий в Иудее последующих лет. После ее вроде бы окончательного разгрома она перестает интересовать римских историков. И это понятно: у империи появляются новые дела и проблемы, кажущиеся им куда важнее. Иосиф же, получивший от Тита взамен некогда принадлежащих ему земель в Иерусалиме новые земельные владения, в первые годы после разгрома восстания часто бывал на родине, приводя в порядок свои дела, и потому отлично знал о том, что там происходило.

Глава 11. Свобода или смерть

В 71 году оставленного Титом в качестве наместника Иудеи Цериалия Вителиана сменил Луцилий Басс. К этому времени в стране оставалось несколько последних очагов сопротивления римлянам, главными из которых были три считавшиеся неприступными крепости, расположенные в районе Мертвого моря: Махер, Иродион и Масада.

Первая из них была построена Александром Янаем на обрывистой скале, обладала прекрасной системой водосбора и большими запасами воды, продовольствия и оружия. Такие же, рассчитанные на несколько лет осады запасы были и в построенных Иродом Великим Иродионе и Махере.

Иродион располагался не на вершине, а внутри самой горы и представлял собой как оборонительное сооружение, так и роскошный дворец, во внутренние покои которого никогда не проникала стоящая в этих местах жара. Эта крепость была любимой резиденцией Ирода, рядом с ней он и был похоронен. Хорошо сохранившиеся останки крепости и сегодня

привлекают массу туристов, а на ее верхней площадке по-прежнему лежат каменные ядра, которыми римляне обстреливали Иродион с вала, построенного вровень с горой, внутри которой он находился.

Судя по всему, в дни, когда эта крепость была осаждена, а ее защитники-зелоты сдались, Иосиф находился в Риме, и потому он почти ничего не рассказывает о ее падении. Зато все, что произошло с Махером и Масадой (в переводе это слово означает просто «Крепость»), описано в «Иудейской войне» достаточно подробно, явно глазами очевидца или со слов непосредственных участников тех событий, и без Иосифа мы бы о них ничего не знали.

Оценив всю оборонительную мощь Махера, Басс решил засыпать наименее глубокую из окружавших ее лощин и таким образом проложить дорогу к крепости. По завершении этой непростой даже для современной техники работы он начал обычную подготовку к штурму с сооружением осадных валов и применением артиллерии. Осажденные отвечали дерзкими вылазками, которые, как отмечает Флавий, долгое время не давали преимущества ни одной из сторон: если евреям удавалось напасть на римлян внезапно, то те несли немалые потери как в живой силе, так и в технике, а если легионеры оказывались готовы к атаке, то она быстро захлебывалась, и защитники Махера спешно откатывались назад, под родные стены.

Так продолжалось до тех пор, пока один из самых отважных участников вылазок, юноша по имени Элеазар, по окончании вполне успешного боя не вернулся вместе с товарищами в крепость, а решил некоторое время остаться за ее стенами, чтобы от души посмеяться над римлянами, осыпая их насмешками и оскорблениями. Ему пришлось жестоко поплатиться за любовь к подобным шуткам, и римляне взяли его в плен.

Когда ему доставили Элеазара, Басс велел подвергнуть юношу жесточайшим пыткам на глазах стоявших на стенах его товарищей, а затем распять. Муки Элеазара и его мольба сделать что-нибудь, чтобы избавить его от такой страшной смерти, настолько тронули сердца защитников Махера, что они решили начать переговоры о сдаче крепости.

В итоге стороны пришли к соглашению о том, что все находящиеся в крепости сложат оружие и получат из нее свободный выход. Однако находившаяся в нижней части Махера относительно небольшая группа зелотов, присоединившаяся к его жителям после разрушения Иерусалима, была полна решимости продолжать борьбу.

Когда началась передача Махера в руки римлян, они отказались сложить оружие и вместе с семьями попытались прорваться через строй римских солдат. Басс был предупрежден переговорщиками о возможности подобного поворота событий, и все же нескольким сотням еврейских воинов удалось уйти в сторону леса. Остальные 1700 их товарищей были перебиты, а их жены и дети обращены в рабство.

Сразу после этого Басс быстрым маршем двинулся к лесу на берегу Иордана, где засел большой отряд беглецов. Оцепив лес, он приказал начать его вырубку. Поняв, что они окружены, зелоты ринулись в последнюю, смертельную атаку. Бой продолжался долго, но римляне потеряли в нем лишь 12 человек убитыми и несколько десятков ранеными, а среди евреев погибло не менее трех тысяч воинов. Среди них и Иегуда бен Яир, не раз демонстрировавший отчаянную храбрость во время обороны Иерусалима и сумевший вместе со своим отрядом через подземный ход выбраться за город.

Теперь непокоренной оставалась лишь затерянная в Иудейской пустыне Масада, но она не слишком мешала римлянам, и Луцилий Басс решил ее пока не трогать.

* * *

Судный день Масады настал весной 73 года, когда после смерти Басса в Иудее появился новый наместник — Флавий Сильва.

Узнав, что засевшие в Масаде еще с 66 года сикарии во главе с Элеазаром в поисках продовольствия время от времени совершают набеги на мирных жителей — как на язычников, так и на своих же евреев, в которых видят предателей, покорившихся римлянам, Сильва не пожелал с этим мириться.

Несмотря на огромные трудности, связанные с самим месторасположением крепости, он решил взять ее в блокаду и, готовясь к штурму, соорудил насыпь высотой в 70 метров. Когда же и этого оказалось недостаточно, построил на ней каменную насыпь высотой около 20 метров, за которой были установлены орудия, а также тридцатиметровую башню, которую, чтобы защитить от огня, обшили железом и с которой солдаты могли непрестанно обстреливать защитников Масады камнями и стрелами.

Однако когда римлянам все же удалось протаранить стену крепости, выяснилось, что ее защитники успели соорудить вторую, причем навесили на нее сделанную из досок конструкцию, напоминавшую остов огромного, состоявшего из множества секций дома, каждую из которых наполнили землей. Попадая в такую «земляную подушку», таран терял силу удара, и новая стена оставалась невредимой.

Тогда Басс приказал забросать конструкцию горящими головнями. Деревянный каркас мгновенно загорелся, и пламя стало стремительно распространяться, но… ветер дул в сторону римлян, и огонь вот-вот мог охватить их катапульты, и солдаты уже начали подумывать об отступлении. Но тут ветер вдруг переменился, огонь перекинулся на стену, и вскоре часть ее рухнула, освобождая проход в крепость.

Но даже поняв, что падение крепости неизбежно, а прорыв через осадивших ее тысячи римлян невозможен, Элеазар ни на минуту не допустил мысли о возможности сдачи в плен. Такой исход был для него просто немыслим, и потому он пришел к выводу, что единственный выход, который остается у него и его товарищей, — это убить своих жен и детей, а затем покончить с собой. Теперь оставалось лишь убедить в правильности этого выбора остальных. Согласно «Иудейской войне», Элеазар произнес перед своими соратниками в первый день наступившего праздника Песах две страстные речи.

В первой из них он напоминает базовую истину иудаизма о том, что свобода является высшей ценностью и что для евреев позорно становиться чьими бы то ни было рабами, кроме рабов Бога, являющегося единственным их Царем и Господином. А потому, уйдя из жизни добровольно, свободными людьми, они выполнят Его волю, поскольку и все случившееся с ними является проявлением Его воли.

«Да не посрамим себя мы, которые не хотели переносить рабство еще прежде, когда оно не угрожало никакими опасностями, — говорил Элеазар. — Не предадим же себя теперь добровольно и рабству, и самым страшным мучениям, которые нас ожидают, если мы живыми попадем во власть римлян! Ибо мы первые восстали против них и воюем последними. Я смотрю на это, как на милость Божию, что он даровал нам возможность умереть прекрасной смертью и свободными людьми, чего не суждено другим, неожиданно попавшимся в плен. Мы же знаем наверно — завтра мы в руках врагов; но мы свободны выбрать славную смерть вместе со всеми, которые нам дороги. Этому не могут препятствовать враги, хотя бы они очень хотели живыми нас изловить… Лучше поэтому принять наказание не от наших смертельных врагов — римлян,

а от Самого Бога, ибо Божья десница милостивее рук врагов. Пусть наши жены умрут неопозоренными, а наши дети — не изведавшими рабства; вслед затем мы и друг другу сослужим благородную службу: тогда нашим почетным саваном будет наша сохраненная свобода. Но прежде мы истребим огнем наши сокровища и всю крепость… Только съестные припасы мы оставим в целости, ибо это будет свидетельствовать после нашей смерти, что не голод нас принудил, а что мы, как и решились от самого начала, предпочли смерть рабству».

Увидев, что этой речью ему удалось убедить лишь малую часть товарищей, Элеазар решил от идеологической мотивировки перейти к психологической: начал с упреков в трусости и малодушии, а затем, напомнив о бессмертии души, неизбежности смерти, снова вернулся к мысли о том, что когда перед человеком стоит выбор между смертью и рабством, именно смерть является самым достойным и одновременно самым легким выходом.

В результате в изложении Иосифа он произнес целую философскую лекцию о том же бессмертии души и бессмысленности страха перед физическим уходом из этого мира.

Дальше он, видимо, обратился к тем, кто связал свою судьбу с сикариями и в глубине души считал, что если бы евреи склонили голову пред Римом, то могли бы избежать столь страшной судьбы.

На примере кейсарийских, александрийских и сирийских евреев Элеазар доказывает, что любые попытки договориться с антисемитами и задобрить их или даже стать коллаборационистами и выступить на стороне врагов собственного народа заканчиваются лишь новыми погромами и резней. Затем он снова напоминает о гибели Иерусалима и говорит, что все они здесь, в Масаде, жили надеждой, что им удастся отомстить врагу, но теперь, когда этой надежды не осталось, сама жизнь лишается всякого смысла.

«Умилосердимся над самими собою, над женами и детьми, пока мы еще в состоянии проявить такое милосердие. Для смерти мы рождены и для смерти мы воспитали наших детей. Смерти не могут избежать и самые счастливые. Но терпеть насилия, рабство, видеть, как уводят жен и детей на поругание, — не из тех это зол, которые предопределены человеку законами природы; это люди навлекают на себя своей собственной трусостью, когда они, имея возможность умереть, не хотят умереть, прежде чем доживут до всего этого. Мы же в гордой надежде на нашу мужественную силу отпали от римлян и только недавно отвергли их предложение сдаться им на милость. Каждому должно быть ясно, как жестоко они нам будут мстить, когда возьмут нас живыми. Горе юношам, которых молодость и свежесть сил обрекают на продолжительные мучения; горе старикам, которые в своем возрасте не способны перенести страдания. Тут один будет видеть своими глазами, как уводят его жену на позор; там другой услышит голос своего ребенка, зовущего к себе отца, а он, отец, связан по рукам! Но нет! Пока эти руки еще свободны и умеют еще держать меч, пусть они сослужат нам прекрасную службу. Умрем, не испытав рабства врагов, как люди свободные, вместе с женами и детьми расстанемся с жизнью. Это повелевает нам закон, об этом нас умоляют наши жены и дети, а необходимость этого шага ниспослана нам от Бога». Такими словами завершил он свою речь, и на этот раз она достигла поставленной цели — теперь все его слушатели были убеждены, что убить жен и детей, а затем и себя — это и в самом деле лучшее, что они могут сделать. Почти все перед тем, как нанести смертельный удар, давясь от слез, осыпали жен поцелуями и привлекали к себе детей, чтобы последний раз приласкать их.

«Несчастные! — не выдерживая спокойного тона историка, восклицает в этом месте Иосиф. — Несчастные! Как ужасно должно было быть их положение, когда меньшим из зол казалось им убивать собственной рукой своих жен и детей! Не будучи в состоянии перенести ужас совершенного ими дела и сознавая, что они как бы провинятся пред убитыми, если переживут

их хотя одно мгновение, они поспешно стащили всё ценное в одно место, свалили в кучу, сожгли всё это, а затем избрали по жребию из своей среды десять человек, которые должны были заколоть всех остальных. Расположившись возле своих жен и детей, охвативши руками их тела, каждый подставлял свое горло десятерым, исполнявшим ужасную обязанность. Когда последние без содрогания пронзили мечами всех, одного за другим, они с тем же условием метали жребий между собою: тот, кому выпал жребий, должен был убить всех девятерых, а в конце самого себя. Все таким образом верили друг другу, что каждый с одинаковым мужеством исполнит общее решение как над другими, так и над собой. И действительно, девять из оставшихся подставили свое горло десятому. Наконец оставшийся самым последним осмотрел еще кучи павших, чтобы убедиться, не остался ли при этом великом избиении кто-либо такой, которому нужна его рука, и найдя всех уже мертвыми, поджег дворец, твердой рукой вонзил в себя весь меч до рукояти и пал бок о бок возле своего семейства».

Когда наутро римляне с боевыми криками ворвались в крепость, готовые к жестокому бою, их встретили бушующие то тут, то там пожары и мертвая тишина — в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова. И тут, словно из-под земли, а точнее, именно из-под земли, перед ними предстали две женщины — одна пожилая, а другая помоложе — в окружении пятерых детей.

Как выяснилось, эти две женщины, одна из которых была знатного рода и блестяще образованна, не прониклись идеей Элеазара о том, что смерть в сложившейся ситуации является лучшим исходом из всех существующих, и, чтобы не стать жертвами массового самоубийства, спрятались в водоводе. Женщины рассказали солдатам о том, что произошло ночью в крепости, но те отказались в это поверить, решив, что речь идет о какой-то ловушке. И лишь когда они, потушив пожар, не без опаски вошли во внутренние покои крепостного дворца и увидели валящиеся повсюду трупы, поняли, что те сказали правду, и эта правда, судя по всему, их потрясла.

«Увидев же здесь в самом деле массу убитых, они не возрадовались гибели неприятелей, а удивлялись только величию их решимости и несокрушимому презрению к смерти такого множества людей», — констатирует Иосиф, прежде чем поставить финальную точку в рассказе о гибели 960 защитников Масады.

Так пал последний очаг еврейского сопротивления в Иудее. И вот теперь Иудейскую войну и в самом деле можно было считать законченной.

* * *

История Масады и гибели ее защитников стала в современном еврейском этосе символом любви к свободе и родной земле, верности заветам предков и бесстрашия перед лицом смерти. Не случайно сегодня на руинах Масады принимают присягу солдаты самых элитных подразделений Армии Обороны Израиля, и там почти всегда можно встретить множество туристов.

Между тем, на протяжении длительного времени среди раввинов, теологов и историков шел спор о том, насколько у защитников крепости было право поступить таким образом. И споры эти вспыхнули с новой силой после создания Государства Израиль, отцы-основатели которого, по сути, и возвели Масаду в национальный символ и пример для подражания.

Противники такой героизации напоминали, что преднамеренное убийство и самоубийство категорически запрещены иудаизмом, и самоубийц даже запрещено хоронить на территории кладбища. Таким образом, то, что сотворил Элеазар, и то, на что он подвил своих соратников,

было величайшим грехом, заслуживающим осуждения, а никак не героизмом. Не говоря уже о том, что у него не было права распоряжаться чужими жизнями.

Однако их оппоненты напоминают, что прямого запрета на самоубийство в Пятикнижии нет, а в Библии есть примеры, когда такой шаг считается оправданным, — например, история смерти царя Саула. И существуют ситуации, настаивают они, когда еврей просто обязан покончить с собой, но не нарушить заповеди Творца, или может сделать это, если ему грозит более страшная и мучительная смерть от рук врагов. К примеру, говорят они, можем ли мы осуждать еврейских девушек, которые кончали с собой, чтобы не попасть в руки казаков Богдана Хмельницкого? Или тех евреек, которые предпочитали смерть отправке в публичные лагеря нацистов?

Нужно заметить, что в течение многих веков шли споры и о том, а не придумал ли Иосиф Флавий всю эту историю для красного словца, да и вообще существовала ли Масада на самом деле?

В конце концов, очевидцем этих событий автор «Иудейской войны» явно не был. Возможно, ему удалось переговорить с двумя выжившими женщинами, но он об этом ничего не пишет. Наконец, так как он не слышал двух последних речей Элеазара, то, скорее всего, он просто сочинил их. И, следует признать, сделал это мастерски.

Не исключено, что отправной точкой для написания этой речи для Иосифа стала знаменитая надгробная речь Перикла из «Истории Пелопонесской войны» Фукидида (2:34–46), в которой великий грек славит смерть в борьбе за свободу: «Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости, и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха и началом посмертной славы»[59].

Но следует признать, что у Иосифа речь Элеазара получилась более впечатляющей, чем у Перикла, — за счет того, что она ведется от лица самого героя и обладает куда большей эмоциональностью и религиозно-философской глубиной.

Споры о том, не выдумал ли Иосиф историю Масады, прекратились в 1832 году, когда Э. Робинсон однозначно идентифицировал руины в районе Мертвого моря как останки Масады.

В 1930-х здесь начались систематические раскопки, которые в итоге подтвердили потрясающую точность описания Иосифом Флавием этой крепости. Найденные на территории крепости каменные таблички с именами, которые использовались для жеребьевки с целью выбора десяти исполнителей последней воли защитников, вроде бы окончательно сняли все вопросы.

Это стало еще одним доказательством того, что Флавию можно верить. По меньшей мере там, где он не выглядит слишком уж пристрастным.

Глава 12. Что это было? Чья победа? Кто побежден?

Победа над Иудеей, вне сомнения, имела огромное военное, политическое и моральное значение для Рима, продемонстрировав как покоренным народам, так и противостоящей Риму Парфии и ее союзникам всю мощь империи и бессмысленность любых попыток ее оспаривать. Важность этой победы для империи видна хотя бы по тому, что в честь нее были отчеканены монеты с надписями «Iudaea devicta» и «Iudaea capta» («Иудея побеждена» и «Иудея пала»). Иудея изображена на этих монетах в виде скорбящей женщины, сидящей под пальмовым деревом, по другую сторону которого стоит римский воин в доспехах (вероятно,

олицетворяющий Тита), а на оборотной стороне изображен профиль императора Веспасиана[60].

Вне сомнения, поражение восстания нанесло огромный удар как по евреям Иудеи, так и по многочисленным еврейским общинам, которые к тому времени существовали по всей территории империи, и многие правители Рима всячески поощряли их возникновение, считая евреев важнейшим рычагом развития торговли и ремесел.

Прокатившаяся по разным странам волна еврейских погромов привела к тому, что в ряде мест, где еврейские общины были особенно сильны и многочисленны, евреи взялись за оружие и под влиянием бежавших из Иудеи зелотов попытались отомстить за разрушение Храма и Иерусалима и создать квазиавтономные анклавы. Иосиф пишет о том, что такие восстания прокатились прежде всего по Египту и сопредельным с ним странам, но все они были жестоко и довольно быстро подавлены римлянами. Больше того — они лишь усилили антиеврейские настроения в этих странах и гонения не только на евреев, но и на иудаизм, следствием чего стало разрушение в 73 году стоявшего неподалеку от Мемфиса «храма Ония» — почти точной копии Иерусалимского храма, построенной примерно в 160 году до н. э.

В самой Иудее, согласно Иосифу, вся земля после поражения Великого восстания была объявлена собственностью императора, а те, кто на ней жил и работал, превращались в ее арендаторов. Однако историки подвергают эту версию сомнению и более склонны доверять тем еврейским и римским источникам, из которых следует, что под такую санкцию попали лишь земли, чьи хозяева либо погибли во время восстания, либо были уличены в активном участии в боевых действиях против римлян. Да и эти «отчужденные» в пользу императора земли продавались как представителям эллинизированного населения, так и евреям, либо раздавались в награду желающим здесь поселиться римским солдатам, в результате чего на территории Иудеи появились новые крупные землевладельцы, жившие за счет сдачи своих угодий в аренду. Часть территории страны все равно оставалась пустынной и была занята кочевыми арабскими племенами, стада которых окончательно уничтожили недавно располагавшиеся на ней сельскохозяйственные угодья.

Если до начала Иудейской войны еврейское население составляло порядка 75 процентов населения страны, то после ее окончания оно сократилось примерно до двух третей, а доля языческого населения соответственно возросла — как и уровень его благосостояния по сравнению с еврейским.

Кроме того, на всех евреев империи был введен специальный налог в две драхмы, которые они должны были отчислять на храм Юпитеру Капитолийскому (что было особенно унизительно!), как ранее отчисляли в Иерусалимский Храм, и это — первый из известных нам в истории чисто еврейский, изначально дискриминационный налог. Впоследствии практика взимания таких налогов станет практически повсеместной.

Еще одним результатом поражения Великого восстания стало почти полное исчезновение ессеев, саддукеев и зелотов, и таким образом все вопросы налаживания заново экономической и религиозной жизни народа оказались в руках прушим — фарисеев, центром которых, как уже говорилось, стала академия в Явне, выпрошенная р. Йохананом бен Заккаем у Веспасиана. Именно здесь начали разрабатываться принципы сохранения еврейского народа в условиях отсутствия государства и Храма, бывшего тем духовным центром, который объединял евреев, где бы они ни жили.

То мрачное состояние духа, которое владело евреями в первые годы после восстания, хорошо отразилось в рассказе Талмуда о том, что многие в те дни в знак скорби по Храму и из-за того,

что невозможно совершать жертвоприношение, решили совершенно отказаться от употребления вина и мяса. На что один из ближайших учеников р. Йоханнана бен Закая, р. Иехошуа, заметил, что в таком случае надо отказаться и от хлеба, так как невозможно выполнить заповедь о мучном приношении, и от плодов, так как потеряла смысл заповедь о принесении плодов первого урожая. Да и воду не нужно пить, ибо невозможно возлияние воды на жертвенник. И после того, как р. Иехошуа сказал, что «не скорбеть нельзя, ибо постигла нас кара (Всевышнего), но и предаваться чрезмерной (абсурдной) скорби не следует», вопрос о полном запрете на употребление вина и мяса был снят с повестки дня.

Однако такие мыслители, как Э. Ренан, справедливо видели в гибели Иерусалима и Храма победу прежде всего экзистенциальную — победу римской, западной цивилизации с ее упорядоченным гражданским обществом над цивилизацией еврейской, в которой Бог и одновременно свобода индивидуума ставились выше порядка и подчинения какой-либо власти; победу рациональности над мистицизмом и религиозным фанатизмом.

«Победа была и в самом деле полная, — пишет Ренан. — Полководец нашей крови, нашей расы, человек такой же, как и мы, во главе легионов, в которых мы нашли бы, если бы имели возможность проследить это, многих из наших предков, сокрушил твердыню семитизма, нанес теократии, этому грозному врагу цивилизации, самое великое поражение, какому она когда-либо подвергалась. Это был триумф римского права, или скорее рационального права, чисто философского творения, которое не предполагает никакого откровения, над еврейской Торой, плодом исключительного откровения… Каждая победа Рима была прогрессом разума; Рим внес в мир принцип, во многих отношениях стоявший выше еврейского принципа, — я говорю о светском государстве, которое основывается на чисто гражданском познавании общества. Всякий патриотический порыв заслуживает уважения; но зелоты были не просто патриотами; они были фанатиками, сикариями невыносимой тирании. Они хотели сохранить во всей его силе кровавый закон, который разрешал побивать камнями неблагомыслящего человека. Они отвергали общее право, светское, либеральное право, которому нет никакого дела до верования индивидуумов. Рано или поздно из римского права должна была выйти свобода совести, тогда как из иудаизма она никогда бы не вышла. Иудаизм мог породить только синагогу или Церковь, цензуру нравов, обязательную мораль, монастырь, мир вроде общества V века, в котором человечество утратило бы всю свою крепость, если бы варвары его не смели. В самом деле, лучше пусть царствует воин, нежели священник, ибо воин не стесняет духа; при нем можно свободно мыслить, тогда как священник требует от своих подданных невозможного, т. е. веры в известные идеи и обязательства всегда признавать их истиной».

Однако вслед за этим Ренан тут же констатирует:

«Но открывшийся при этом громадный пробел обрекал эту победу Тита на бесплодие. Наши западные расы, при всем их превосходстве, всегда обнаруживали свое плачевное ничтожество в религиозном отношении. Извлечь из римской или галльской религии нечто подобное Церкви было бы бесплодной попыткой. Всякая победа над религией бесплодна, если не заменить эту религию другою, по меньшей мере, одинаково удовлетворяющей потребностям души, как и прежняя. И Иерусалим отмстит за свое поражение; он победит Рим через посредство христианства, Персию через посредство Ислама, разрушит античное отечество, сделается для лучших людей градом душевным. Наиболее опасная из тенденций Торы — создать закон в одно и то же время нравственный и гражданский, дающий социальным вопросам перевес над вопросами военными и политическими, — получит преобладание в Церкви…»

При всей предвзятости, если не сказать больше, это очень верное и глубокое наблюдение. Иерусалим действительно в исторической перспективе экзистенциально победил Рим, и не случайно многие историки христианства убеждены, что оно бы не распространилось так

быстро по всей территории империи, не случись гибели Иерусалимского Храма. Впрочем, спорить по данному вопросу можно долго, и любая точка зрения в данном случае будет носить исключительно гипотетический и недоказуемый характер.

Мы же продолжим наше повествование о жизни и творчестве Иосифа, который вместе с римским гражданством в знак особого покровительства императорского дома получил и его родовое имя, став Иосифом Флавием. И именно под этим именем ему и суждено было войти в историю.

Часть третья. Заложник вечности

Глава 1. Свой среди чужих, чужой среди своих

Итак, в 71 году Иосиф оказался в Риме.

Ему было 34 года, он был еще полон сил, но вся его прежняя жизнь была разрушена. Как, впрочем, и жизнь всего его народа. Разрушение Иерусалима и Храма, полная утрата Иудеей даже той призрачной автономии, которой она обладала, означали потрясение не столько даже экономических и социальных, сколько мировоззренческих основ, на которых на протяжении многих столетий зиждилась жизнь нации. Одновременно рухнули и все планы на будущее, которые выстраивал Иосиф всего несколько лет назад, когда всё казалось таким ясным и устойчивым, — членство в Синедрионе, участие в управлении Храмом и народом, надежда стать когда-нибудь первосвященником… От этих перспектив не осталось ничего, кроме горьких сожалений о несбывшемся, и надо было начинать жизнь заново, что в его возрасте в любые времена непросто.

У нас нет никаких сведений о том, что Тит или Веспасиан лично пригласили Иосифа переехать на постоянное жительство в Рим. И всё же очень многие факты свидетельствуют, что такое приглашение имело место.

Сразу же после приезда в Рим Иосиф поселяется в личном поместье самого императора, получает римское гражданство (это считалось высочайшим счастьем и для многих людей той эпохи составляло цель жизни), становится из Иосифа бен Маттитьягу Иосифом Флавием, то есть начинает носить родовое имя цезаря, означавшее, что он находится под его личной защитой и патронажем. Кроме того, вдобавок к доходам с подаренного ему Титом взамен утерянных плодородного участка земли в долине а-Шарон (Сарон) он получает еще и постоянное денежное пособие.

Все это вроде бы совсем неплохой «задел», чтобы начать жизнь заново, и все это без личного приглашения императора было бы невозможным. Даже верноподданный царь Агриппа и его сестра, принцесса Вереника, не рискнули без такого приглашения обосноваться в Риме, а оно было им послано только в 75 году.

В то же время тот статус, которым обладал Иосиф на протяжении всей своей последующей жизни в Риме, по мнению большинства историков, вряд ли можно было назвать высоким. Мы не знаем, в каких условиях он жил в доме Веспасиана (мы даже не знаем, где именно находился этот дом!). Не исключено, что ему предоставили всего одну или две комнаты, и тогда условия его жизни мало чем отличались от условий преуспевшего на службе у хозяина раба. Вне сомнения, Иосиф не считался бывшим рабом и даже военнопленным, а значит по своему общественному положению был выше любого вольноотпущенника. Но он все же не получил статус «друга цезаря» и всех полагающихся с этим привилегий, включая вход во дворец и право на аудиенцию с императором.

Титул «друга императора» был тогда только у одного еврея — Тиберия Александра, но тот, как уже говорилось, евреем соплеменниками не считался.

Тем не менее текст «Жизнеописания» не оставляет сомнений, что во дворец он все-таки был вхож и периодически встречался с Веспасианом, а также (куда чаще) с Титом, но, по мнению тех же историков, был при дворе на тех же правах, что и множество обретающихся там шутов, фокусников, актеров и прочей публики, служащей для развлечения знати.

Во всяком случае, в глазах ближайшего окружения императора Веспасиана, то есть тех людей, которые вершили вместе с ним судьбу империи, он был не более чем одним из множества мелких «полезных человечков», которые за какие-то заслуги были однажды обласканы и продолжали получать императорские милости на случай, если их услуги вдруг снова понадобятся. Так что Иосиф никак не мог себя чувствовать своим среди римлян.

Но и для римских евреев он своим тоже не был.

Уже одно то, что ему было предоставлено место среди почетных зрителей триумфа в честь победы над Иудеей, было воспринято ими как еще одно доказательство того, что он является предателем и трусом, переметнувшимся на сторону Рима и способствовавшим разрушению Иерусалима и Храма. Тот факт, что вначале он руководил обороной Галилеи, но малодушно предпочел плен смерти и стал сотрудничать с врагом, делал Иосифа в глазах многих соплеменников фигурой куда более презренной, чем Агриппа и Вереника, — те хотя бы с самого начала не скрывали, что выступают за вассальное подчинение Риму, а Иосиф довольно долго «играл» в одного из руководителей восстания, и на нем лежала прямая вина как за падение Галилеи, так и за все последующие события.

Поэтому по меньшей мере первые годы своей жизни в Риме Иосиф считался среди евреев «нерукопожатым», почти изгоем. Сам для себя он объяснял такое отношение к себе прежде всего завистью, которую испытывали к нему евреи не только Рима, но и провинций. Прямым следствием этого, по его версии, было то, что на протяжении всей последующей жизни соплеменники часто пытались уничтожить его с помощью оговора.

Одну из таких попыток предпринял в начале 70-х годов некий Йонатан — ткач по профессии и убежденный сторонник сикариев, бежавший после разгрома восстания в находившуюся на территории современной Ливии Кирену и попытавшийся там поднять восстание против римлян. Он успел собрать в лагере в пустыне около двух тысяч своих сторонников, когда богатые евреи Кирены, почувствовав угрозу своему благополучию, донесли о готовящемся восстании римскому губернатору так называемого «ливийского пятиградия» Катуллу.

Последний поспешил послать армию к лагерю Йонатана, которая без труда перебила всех находившихся там практически безоружных и не имеющих никакого боевого опыта людей. Сам Йонатан и несколько его приближенных были взяты в плен и предстали перед губернатором. Однако на допросе Йонатан указал в качестве зачинщиков восстания на богатейших евреев Кирены, то есть на своих же доносчиков. Абсурдность и нехитрые цели этого обвинения были очевидны, но Катулл, будучи давним ненавистником евреев, мгновенно понял, какие возможности открывает перед ним такой навет, ухватился за него и казнил по ложному обвинению в попытке мятежа три тысячи самых богатых евреев Кирены, передав в казну их имущество.

Однако на этом он не остановился. Опасаясь, что евреи близлежащих городов и стран пошлют делегацию в Рим с обвинением его в убийстве невинных людей, Катулл сам отправился в Рим и привез с собой Йонатана, который то ли добровольно, то ли под пытками согласился дать

показания о том, что ряд видных евреев Александрии и Рима готовят заговор против императора на всей территории империи. Среди заговорщиков Йонатан назвал и Иосифа, причем, согласно «Жизнеописанию», заявил, что именно Иосиф добывал необходимые для восстания оружие и деньги.

Это было поистине страшное обвинение. Но Веспасиан быстро разобрался, что его пытаются водить за нос, и велел провести тщательное расследование. В итоге все названные Йонатаном лица, включая Иосифа, были признаны невиновными, а вот Йонатан и Катулл обвинены в злонамеренной лжи. Но если первый был подвергнут бичеванию, а затем сожжен заживо, то второй просто отправился обратно в Кирену, избегнув какого-либо наказания.

Случившуюся с Катуллом после этого тяжелую болезнь Иосиф явно воспринимает как заслуженное им наказание свыше за ложные обвинения и ненависть к евреям. Обстоятельства его смерти он описывает едва ли не со сладострастием: «Но недолго прошло, как его схватила сложная и неизлечимая болезнь. Он умер, наконец, в больших мучениях, терзаемый не только телом, но еще больше болезнью духа. Ужасные призраки преследовали его беспрестанно, он все не переставал кричать, что видит возле себя тени им умерщвленных; бывало также, что, теряя самообладание, он соскакивал со своего ложа, как будто к нему применяют пытки и огонь. Недуг его все более ухудшался. Наконец внутренности его начали гнить, пока не выпали совсем — тогда он испустил дух. Случай этот, не менее других, служит явным доказательством того, что божественное провидение наказывает злодеев» (ИВ, 7:10:4).

«И после этого, хотя завидовавшие моему счастью часто возводили на меня обвинения, промыслом Божиим я отвратил их все», — добавляет он в «Жизнеописании», а затем сообщает, что подобные попытки опорочить его предпринимались и позже, во времена правления Тита и Домициана, однако все они были отвергнуты как ложные, и благосклонность цезарей к нему только усиливалась.

В это же время Иосиф разводится со взятой им в Александрии третьей женой «за ее нравы» (нам остается только предполагать, какая семейная драма стояла за этими словами) и женится на дочери богатого еврея с Кипра.

Брак этот, вне сомнения, призван был поправить его материальное положение и помочь, наконец, обрести собственный дом. Показательно, что новая жена была по происхождению именно киприоткой, а не римлянкой, — римские евреи, видимо, отдавать одну из своих дочерей замуж за «предателя» отказались.

Но было ли такое отношение к нему оправданным? Как мы увидим дальше, во всех своих сочинениях Иосиф остается верным сыном своего народа, делает все для его прославления, горячо отстаивает его права и страстно отбивает любые попытки опорочить евреев, всячески пытаясь таким образом улучшить их положение в Римской империи.

Из целого ряда его обмолвок и в «Жизнеописании», и в «Иудейской войне», и в трактате «Против Апиона» следует, что он видел себя защитником интересов евреев и, как и в начале своей деятельности, во время первого посещения Рима использовал свое, пусть и небольшое влияние во дворе для того, чтобы замолвить словечко перед императором за тех из соплеменников, которые оказались жертвами ложных обвинений или необоснованных преследований.

Видимо, в эти же 72–73 годы Иосиф пишет свою первую книгу об Иудейской войне, о которой сообщает в «Предисловии автора» к известному нам варианту на греческом языке: «А потому я, Иосиф, сын Маттафии, еврей из Иерусалима и из священнического рода, сам воевавший

сначала против римлян и служивший невольным свидетелем всех позднейших событий, принял решение дать народам Римского государства на греческом языке такое же описание войны, какое я раньше составил для варваров внутренней Азии на нашем родном языке» (ИВ: Пред.: 1).

Ни один экземпляр той книги до нас не дошел, так что мы даже не знаем точно, на каком именно языке она была написана, — ведь Иосиф Флавий считал для себя равно родными как иврит, так и арамейский. Однако дальше он пишет: «Я считаю недостойным умолчать о таких важных событиях и в то время, когда парфяне, вавилоняне, отдаленные арады, наши соплеменники по ту сторону Евфрата и адиавины, благодаря моим трудам, подробно ознакомились с причинами, многочисленными превратностями и конечным исходом той войны, — чтоб рядом с ними оставить в неведении тех греков и римлян, которые в войне не участвовали, и предоставить им довольствоваться чтением лицемерных и лживых описаний» (ИВ, Пред.: 2).

Из этих слов вроде бы следует, во-первых, что книга все же была написана на арамейском, так как именно этот язык был «лингва франка» для жителей Междуречья того времени, а во-вторых, она приобрела в том регионе достаточную известность. Правда, Тесса Раджак справедливо указывает, что Иосиф, вероятнее всего, владел иудейским диалектом арамейского, который был далеко не всегда понятен жителям Вавилонии, Персии, Адиабены и других областей Парфянской империи. Так что в первую очередь она, видимо, все же предназначалась для проживающих там евреев, хотя и это мнение тоже неоднозначно.

Среди неевреев, безусловно, также должны были найтись читатели такой книги, и, обращаясь к ним, Иосиф прежде всего хотел показать мощь Рима и его армии, сумевшей сломить сопротивление народа, по меньшей мере не уступавшего римлянам ни в мужестве, ни в силе интеллекта и обладавшего крепостями, которые по понятиям того времени считались неприступными.

Таким образом, книга несла в себе своеобразное предостережение Парфии и ее народам от прямого столкновения с Римом, которое может закончиться для них крайне плачевно. Но если это так, то предостережение было почти излишним: правивший в то время Парфией Вологез (58–78) понял это десятилетием раньше, и еще в 63 году заключил мирный договор с римлянами, и с тех пор до конца своей жизни предпочитал пользоваться исключительно дипломатическими методами, да и его преемник Пакор II (78–105) придерживался той же политики.

Именно этим, видимо, и объяснялось то, что Вологез проигнорировал попытки политического руководства Иерусалима призвать его на помощь. А такие попытки наверняка предпринимались: в 66–69 годах, когда судьба восстания была еще не решена, евреи явно делали ставку на подмогу Парфии и живущих там своих соплеменников. Больше того — в какой-то момент еврейского восстания Вологез выразил готовность послать в помощь римлянам сорокатысячную армию.

Словом, повторим, арамейский вариант «Иудейской войны» был адресован в первую очередь евреям, жившим в Азии, но, как и евреи Рима, чувствовавшим свою неразрывную связь с Иерусалимским Храмом. Именно им важно было получить ответ на вопрос о том, как стала возможной общенациональная трагедия и кто несет за нее ответственность. И Иосиф Флавий дал ответы на эти вопросы — в соответствии, понятное дело, с собственным видением.

Центральной мыслью книги стала идея, которая лежит в основе всей последующей еврейской эсхатологии — о том, что Храм был разрушен за грехи еврейского народа, главным из которых

стали непрестанные распри между самими евреями, их ненависть друг к другу. Римляне, таким образом, выступили лишь орудием в руках Всевышнего, и теперь евреям остается лишь принять Его волю и постараться искупить этот грех, и тогда, возможно, Бог вернет им былое величие и свободу. Пока же этого не произошло, им следует оставаться лояльными гражданами Рима.

Арамейский вариант, вероятнее всего, был по объему значительно меньше известной нам «Иудейской войны» и содержал лишь описание событий 67–70 годов, а может, и вообще только последнего года восстания.

В то же время, по мнению известного израильского историка, автора академического комментария к «Жизнеописанию» Даниэля Шварца, не исключено, что в арамейском варианте куда более подробно, чем в известном нам тексте «Иудейской войны», излагалась деятельность Иосифа в качестве коменданта Галилеи, и именно эту часть книги он использовал потом в качестве основы «Жизнеописания», переложив ее на греческий язык[61].

Десмонд Сьюард предполагает, что Иосиф перевел несколько глав своего сочинения на латынь или греческий для Веспасиана; тому услышанное понравилось, и именно он подтолкнул Иосифа к написанию книги об Иудейской кампании на греческом языке.

Такая книга в тот момент была императору и его сыну даже не просто нужна, а крайне необходима.

* * *

Как уже говорилось, Веспасиан принял на себя правление Римом в тот момент, когда и город, и империя в целом находились в состоянии хаоса, возникшего еще в последние годы правления Нерона и усилившегося в «год четырех императоров». Бунтовала не только Иудея — неспокойно было и в других провинциях; экономика пребывала в упадке, казна была пуста, и, как это обычно бывает в период кризисов, на улицах Рима царил беспредел. На фоне трудностей с поставками продовольствия в Риме правили бал разные банды, грабившие и убивавшие прохожих, а временами вступавшие и в кровавые разборки между собой.

Римляне жаждали в первую очередь восстановления порядка, законности и возвращения сытой и размеренной жизни. Эта жажда и позволила армии, или, если угодно, силовым структурам в целом, возвести на трон своего ставленника. И уже в первый год своего правления Веспасиан немало преуспел, что обеспечило ему определенную популярность в народе.

Правда, для пополнения опустевшей казны он щедро распродавал хлебные посты (чтобы затем уличить своего же ставленника в коррупции и призвать его к ответу), а также выдавал за деньги амнистии преступникам. Кроме того, он пошел на ряд непопулярных мер, самой знаменитой из которых стало введение платы за общественные туалеты. А когда Тит упрекнул его за это, Веспасиан якобы и произнес свою самую знаменитую фразу: «Деньги не пахнут!»

И все же даже на четвертый год своего правления «первый солдатский император» еще не чувствовал, что прочно сидит на троне и еще меньше был уверен в том, что ему удастся создать новую императорскую династию. Если армия один раз сумела возвести на трон нового императора, то кто может помешать ей сделать это еще раз?! В то же время и в Сенате явно зрел заговор, так как сенаторы не желали смириться с тем, что у них отнято право на утверждение нового императора. Один из таких заговоров был раскрыт, и Веспасиан велел казнить его инициатора, а еще нескольких сенаторов отправил в ссылку.

Еще более призрачными, чем его собственные претензии на власть, выглядели планы императора передать ее по наследству Титу — ведь никаким знатным происхождением он не отличался. В этой ситуации Веспасиану было крайне важно повысить свою популярность в народе, а заодно подвести некую юридическую, религиозную и прочие базы под обоснование права на власть и создание новой династии; утвердить в самом сознании народа мысль, что он и его наследники сидят на троне как по воле богов, так и в силу своих собственных выдающихся заслуг перед Римом.

Именно поэтому известный своей почти патологической скупостью Веспасиан и стал первым императором, который начал платить ораторам за особо удачные выступления, а поэтов щедро вознаграждать за стихи — им оставалось только догадаться, кого именно должна прославлять новая поэма, чтобы удостоиться награды императора. В наши дни такое, разумеется, назвали бы откровенным подкупом журналистов и творческой интеллигенции, да и тогда это воспринималось именно так. Но Веспасиана это, похоже, ничуть не смущало.

И все же речей ораторов, вещающих о том, что император думает прежде всего о благе народа, а затем уже о своем собственном, поэтических строк, воспевающих Тита, бросающего горящие головни в еврейский Храм и разрушающего до основания «непобедимый Иерусалим», было явно недостаточно, чтобы героический образ Веспасиана и Тита утвердился в сознании образованной части общества, видевшей в новом императоре обычного солдафона.

Для этого нужен был подлинный военный эпос, нечто равное или даже более великое, чем «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря. Вероятнее всего, именно в Иосифе (особенно после прочтения отрывков из его книги) Веспасиан и увидел потенциального создателя такого эпоса. Для успеха предприятия Веспасиан готов был не только сделать все, чтобы Иосиф мог сосредоточиться на своем труде, не отягощая себя какими-либо материальными заботами, но и передать в его распоряжение все необходимые материалы, включая военные дневники кампании, которые вел он, Тит и другие офицеры.

Если все и в самом деле было так, то следует признать, что Веспасиан не ошибся в выборе: книге Иосифа Флавия было суждено пережить века и стать одним из важнейших источников по истории Римской империи той эпохи и образцом для подражания для авторов исторических сочинений даже не на столетия, а на тысячелетия.

Помимо огромного литературного дара, которым, вне сомнения, обладал Иосиф Флавий, он являлся идеальным автором для написания такой книги еще по целому ряду причин.

Во-первых, он был непосредственным участником и очевидцем всех событий Иудейской кампании от начала до конца, что придавало его свидетельствам особую убедительность и ценность.

Во-вторых, он был тем самым человеком, который ясно предсказал, что Веспасиану суждено стать императором задолго до того, как такой сценарий развития событий стал реальностью, то есть был, что называется, «лицензированным пророком», вдобавок подводящим под свое пророчество теологическую базу собственной религии — и кто после этого посмел бы высказать сомнение, что Веспасиан занял трон не по воле Провидения?!

В-третьих, то, что он не был римлянином, говорило только в пользу Веспасиана — если его доблесть и доблесть его сына начинает прославлять недавний враг, то как же должны их прославлять свои?! Ну а то, что этот «недавний враг» находится под покровительством и по большому счету на иждивении у главных героев книги, так это детали, о которых читателю знать было не обязательно.

Наконец, как уже говорилось, была у этой книги еще одна немаловажная задача: она должна была примирить Веспасиана с разбросанными по всем провинциям евреями, влияние которых не только на экономику этих областей, но и на их образованную элиту было очень и очень велико. А для этого, в свою очередь, надо было снять с рода Флавиев страшное обвинение в разрушении Храма.

Да и сам Иосиф понимал: все его благополучие зиждется на благополучии рода Флавиев, а потому и сам был заинтересован в том, чтобы его сочинение достигло поставленной патроном цели.

Но Иосиф Флавий был еще и священником первой череды — Иосифом бен Маттитьягу, в сердце которого оставалась зияющая рана от того, что случилось с его страной, его городом и главной национальной святыней его народа. Рана эта была настолько глубока, что он даже попытался ввести новое летосчисление, делившее все события мировой истории на произошедшие до и после разрушения Храма. И потому он решил, что это будет все-таки несколько другая книга, чем та, которую ждет от него дом императора.

Эта книга должна была одновременно поведать миру о величии его народа, который при всех раздирающих его внутренних конфликтах оказался единственным из покоренных Римом способным сражаться с ним на равных — так, что исход противостояния оставался неизвестным вплоть до последних дней. Эта книга должна была объяснить нееврейскому читателю, что представляют собой евреи и как складывалась их история на протяжении последних столетий, а евреям Рима, Греции, Александрии, Ливии и всех остальных провинций вернуть самоуважение, объяснить причины случившегося и подарить надежду на лучшее будущее.

К тому времени Иосиф уже успел ознакомиться со многими классическими сочинениями греческих и римских историков в оригинале, усвоил каноны их написания, и понял… что они его далеко не во всем устраивают.

Прежде всего его отталкивал в этих сочинениях их «черно-белый» подход, в рамках которого историк откровенно симпатизировал той стороне, которую считал «своей», всячески стремился представить ее позицию как правую и справедливую; обелить и возвеличить свой народ и его лидеров и при этом принизить, а порой и демонизировать тех, кого считал врагами. Тот же подход преобладал и в тех сочинениях об Иудейской кампании, которые уже появились к началу 70-х годов. Именно в изменении этого подхода Иосиф видел главную концептуальную новизну своей будущей книги, о чем прямо заявил уже в начальных подглавках «Предисловия» к «Иудейской войне», охарактеризовав такие сочинения, как «лицемерные и лживые», не только не возвеличивающие, но скорее оскорбляющие римлян и принижающие грандиозность их победы:

«Писатели берут на себя смелость называть эти описания историей, хотя последние, кроме того, что не дают ничего здравого для ума, но, на мой взгляд, не достигают даже своей цели. Желая рельефнее выставить величие римлян, они стараются на каждом шагу унизить и умалить иудеев; и они даже не спрашивают себя — каким образом победители ничтожных противников могут казаться великими. С другой стороны, они не принимают во внимание ни долгой продолжительности войны, ни многочисленных потерь римского войска, ни, наконец, величия полководцев, которые, по моему мнению, теряют свою славу, если завоевание Иерусалима, доставшееся им в поте лица, не было вовсе таким особенным геройским подвигом» (ИВ: Пред.: 3).

Он прекрасно сознавал, что такой новый, революционный подход в итоге может не устроить

как евреев, так и римлян и навлечь на него острую критику с обеих сторон.

Первые вряд ли смогут простить ему обвинения в адрес лидеров восстания, правдивое описание их внутренних дрязг и того террора, который они развязали против собственного народа.

Вторые поспешат заявить, что решающую роль в занятой автором позиции сыграла его собственная национальная принадлежность, мешающая ему объективно смотреть на вещи и оценивать ситуацию. И потому Иосиф пытается сразу же оговорить, что в книге действительно будет чувствоваться субъективный момент, так как автор не скрывает того, что он — еврей, и описываемые им события пропущены через боль его сердца, но подчеркивает, что вдумчивому читателю будет несложно отделить в его сочинении факты от эмоций: «Вспоминая о происшедшем и давая скорбное выражение чувствам, возбуждаемым во мне бедствиями, постигшими мою отчизну, я этим удовлетворяю только внутреннюю потребность моей наболевшей души… Если кто-либо захочет упрекнуть меня в том, что я выступаю в тоне обвинителя против тиранов и их разбойничьей шайки или что я изливаю свое горе над несчастьем моей отчизны, то да простит он мне это отступление от законов историографии, являющееся следствием моего душевного настроения; ибо из всех городов, покоренных римлянами, ни один не достиг такой высокой степени благосостояния, как наш город; но ни один также не упал так глубоко в бездну несчастья; да никакое несчастье от начала мира, кажется мне, не может быть сравнимо с тем, которое постигло иудеев; и виновником его не был кто-либо из чужеземцев. Как же после этого можно подавить мои вопли и сетования! Если же найдется такой суровый критик, в сердце которого не зашевелится ни малейшее чувство сожаления, то пусть он факты отнесет к истории, а жалобные вздохи — на счет автора» (ИВ, Пред.:4).

Еще одна сложность стоявшей перед Иосифом задачи заключалась в том, что книга должна быть написана по-гречески в соответствии с теми высокими требованиями к стилю изложения и чистоте языка, которые предъявлялись к авторам подобных сочинений. Но на таком уровне Иосиф Флавий греческим языком не владел.

Как мы уже говорили в первой части этой книги, он получил классическое еврейское, а не эллинистическое образование, которое давалось на иврите и арамейском, а греческий для него изначально был и оставался иностранным языком. Он начал изучать его, уже будучи подростком, а то и юношей, как «лингва франка» своей эпохи, то есть свободно говорил на «койне» — принятом в странах эллинистического мира разговорной форме греческого языка, весьма существенно отличавшейся от литературного.

За время жизни в Риме он, безусловно, усовершенствовал свои познания в греческом, но всё же не до такой степени, чтобы свободно на нем писать. По меткому замечанию израильского историка Давида Флуссера, он владел им на том же уровне, на каком способный к языкам эмигрант овладевает спустя три-четыре года пребывания в стране ее языком. То есть может внешне свободно, даже без особых грамматических ошибок на нем говорить, читать и даже вести деловую переписку, но это отнюдь не означает, что он может свободно писать сложные научные или художественные тексты — в них неминуемо будут возникать те или иные стилистические погрешности, выдающие то, что данный язык не является для автора родным[62].

Такая ситуация сохранялась и много лет спустя, когда он взялся за написание «Иудейских древностей», в чем он прямо признается в финале книги: «В заключение своего сочинения позволю себе смелость сказать, что передать все это настолько подробно по-гречески не смог бы, при всем своем желании, никто другой, будь то иудей или иноземец. Мои

соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это уменье считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются уменьем толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многие и трудились над приобретением таких познаний, однако едва двое или трое вполне преуспели в том. Впрочем, за то они и вкусили от плодов трудов своих» (ИД, 20:11:1).

По собственному признанию Иосифа Флавия, он решил эту проблему, обратившись при написании «Иудейской войны» за помощью к знатоку греческого языка, услугами которого продолжал пользоваться и позже, при написании «Иудейских древностей». Это признание породило в научной флавиане «теорию о помощниках», хотя следует признать, что мы ровным счетом ничего об этом «помощниках» не знаем.

Нам неизвестно, кем был этот помощник по происхождению, хотя большинство исследователей склоняются к версии, что, вероятнее всего, он был полуассимилированным молодым римским евреем, получившим классическое, то есть эллинистическое образование и виртуозно владевшим греческим языком. Учитывая специфическую тематику книги, урожденный римлянин мог не понимать многих еврейских реалий и потому вряд ли мог устроить Иосифа. Существует также версия, по которой таких помощников было двое или даже больше.

Мы не знаем и того, кто оплачивал услуги помощника — Веспасиан или сам Иосиф, а также того, к чему именно они сводились. Одни исследователи полагают, что Иосиф, особенно в самом начале своей литературной деятельности, писал крайне корявым греческим языком и помощник, по сути дела, переписывал все написанное им заново. Другие считают, что его роль сводилась исключительно к редакторской правке, в которой нуждается любой, даже в совершенстве владеющий языком литератор. Третьи полагают, что речь вообще не идет о платном помощнике — под ним Иосиф подразумевал какого-то своего оставшегося нам неизвестного друга — возможно, еврея, а возможно и грека или римлянина, который должен был оценить написанную им очередную главу и указать на те смысловые, стилистические и прочие оплошности, которые бросились ему в глаза.

Это была обычная для того времени практика, которая, кстати, нередко используется и в наши дни и к которой часто после написания очередной книги прибегает и автор этих строк.

Наконец, существует мнение, что оставшийся анонимным помощник был самым обыкновенным литературным секретарем, к услугам которого прибегали и прибегают многие писатели. Вместе с тем известно, что на каком-то этапе написания своей второй книги — «Иудейских древностей» — Иосиф поссорился со своим помощником и прогнал его, и главы, написанные без участия последнего, стилистически отличаются от всех остальных — в них явно больше языковых шероховатостей. А это, в свою очередь, доказывает, что на помощника в первую очередь возлагались задачи стилистического редактора.

Но одно практически не вызывает сомнений: речь ни в коем случае не идет о «литературном негре», который проделал за Иосифа бо`льшую часть работы. Безусловно, книгу Иосиф писал сам, вкладывая в нее свой личный взгляд на давние и недавние исторические события, свои «вопли и сетования», и именно он является ее подлинным и единственным автором.

Кстати, мы даже не знаем, как Иосиф сам назвал этот свой труд и имел ли он изначально

вообще какое-то название. Закрепившееся название «Иудейская война» было дано книге позже, по первым словам первой подглавки «Предисловия автора», содержащим в себе очень емкую характеристику задачи и исторического значения его сочинения: «Иудейская война с римлянами, превосходящая не только нами пережитые, но почти все известные в истории войны между государствами и государствами и между народами и народами, до сих пор описана была в духе софистов и такими людьми, из которых одни, не будучи сами свидетелями событий, пользовались неточными, противоречивыми слухами, другие же, хотя и были очевидцами, искажали факты либо из лести к римлянам, либо из ненависти к евреям, вследствие чего их сочинения заключают в себе то порицание, то похвалу, но отнюдь не действительную и точную историю…» (ИВ, Пред.: 1).

В переводе на иврит «Иудейская война» получила название «Сефер милхамот» — «Книга войн», и это более точно отражает ее содержание, так как, по сути дела, она представляет собой изложение еврейской истории и всех войн, которые евреи вели с эллинистическим миром и Римом как его наследником начиная со 168 года до н. э. до 73 года н. э. Перед читателем во всех подробностях предстают годы правления всех членов династии Хасмонеев, начиная с Маттафии и Иегуды Маккавеев, призыва в Иудею римлян во главе с Помпеем, заката Хасмонейской династии и воцарения Ирода Великого — и далее до описания взаимоотношений потомков Ирода с Римом, и лишь после этого Иосиф приступает непосредственно к описанию восстания 66–70 годов.

Таким образом, ему удается создать необычайно широкое историческое полотно, являющееся наряду с «Книгами Маккавеев» одним из ценнейших источников по еврейской истории, равно важной как для самих евреев, так и для христианского мира, поскольку там подробно рассказывается о ряде весьма значимых фигур, упоминаемых в Евангелиях.

В результате возникает ощущение непрерывности еврейской истории с начала II века до н. э. по 73 год н. э., и трудно сказать, были бы мы так хорошо осведомлены об этом периоде без Иосифа Флавия. Само падение Иерусалима и разрушение Храма предстают как закономерное следствие ошибок нескольких поколений еврейских лидеров, а не только поколения восстания.

При этом, будучи сам потомком Хасмонеев, Иосиф явно имел доступ к неким малодоступным документам и пользовался семейными преданиями, так как его рассказ о тех же Маккавеях изобилует достоверными подробностями, которые отсутствуют даже в «Книгах Маккавеев», с которыми он, вне сомнения, был знаком.

* * *

Точная дата «выхода в свет» «Иудейской войны» неизвестна. Однако большинство историков считают, что Иосиф закончил свое сочинение к 78 году, когда Веспасиан еще был жив, но представил публике в 79 году, вскоре после восхождения на престол Тита, который и поставил на нее свою печать в знак полного одобрения ее текста и даже написал короткую хвалебную рекомендацию.

Так как столь впечатляющий труд завершается рассказом о событиях 73 года, то отсюда часто делается вывод, что именно в том году Иосиф и приступил к работе. Однако на самом деле доведение рассказа до 73 года ничего не доказывает. Иосиф вполне мог сесть за написание «Иудейской войны» и раньше, а материал о событиях 73 года получить во время одного из своих наездов в Иудею, где он время от времени бывал — рискуя нарваться на месть за предательство со стороны евреев, оставшихся тайными приверженцами зелотов и сикариев.

Нет никаких сомнений, что, помимо собственных дневников, военных дневников Веспасиана,

Тита и их офицеров, а также императорского архива, Иосиф также получил копии целого ряда документов — например, текста речи Агриппы Второго перед народом в Иерусалиме в 66 году.

Одним из часто дебатируемых является вопрос о том, находился ли в это время Иосиф на содержании у императоров именно в качестве сочинителя, или ему оказывались милости за заслуги перед Римом в период Иудейской кампании, а как автор он все же был относительно независим и получил вознаграждение за книгу уже потом, после ее написания. Но на самом деле этот вопрос не столь принципиален.

В том факте, что Тит скрепил первую рукопись «Иудейской войны» своей печатью, присовокупил к ней письменную рекомендацию и распорядился опубликовать ее (то есть переписать, как минимум, в нескольких десятках экземпляров, что в ту эпоху было совсем не дешевой задачей), Иосиф усматривает свидетельство того, сколь сильно Тит желал, чтобы эта книга была единственным источником сведений о кампании в Иудее.

Судьба книги оказалась удивительно счастливой уже при жизни Иосифа. Он сам свидетельствует, что продал не одну сотню экземпляров, а с учетом дороговизны тогдашних книг, да еще такого объема, это должно было принести ему неплохой доход.

Успех «Иудейской войны» у современников и ее долгая, если не сказать вечная жизнь были обусловлены целым рядом факторов. Одним из них, вне сомнения, было то, что в ней говорилось о недавних событиях, которые бурно обсуждались как в Риме, так и в провинциях. При этом книга не замыкалась на рассказе о том, что происходило только в Иудее, бывшей всего лишь крохотной частью империи, но и рассказывала о происходившем при дворах императора и в других провинциях, что, безусловно, должно было привлечь к книге нееврейского читателя, и с этой целью, видимо, и писалось.

Одновременно «Иудейская война» не вписывалась ни в один из канонических жанров римской исторической литературы и литературы вообще — скорее наоборот, она сознательно ломала все сложившиеся каноны, пролагая новые пути для писателей и историков будущего. Она не была ни хроникой, ни мемуарами, ни исторической биографией, но представляла собой как бы синтез всех этих жанров.

Рассказы о давних исторических событиях перемежались в ней с подробными географическими экскурсами, личная судьба автора книги и его переживания — с описанием военных действий, которые сделали бы честь любому военному историку, а также с изложением биографий ключевых исторических фигур, сделавших бы честь любому биографу.

Ни у кого не вызывало сомнений, что при написании своего труда Иосиф пользовался огромным количеством источников. Но при этом не называл ни одного из них и даже если прямо их цитировал, искусно вставлял эти цитаты в текст, делая их органичной частью повествования. И, что немаловажно, можно было сколько угодно сомневаться временами в искренности и честности Иосифа, но никто бы не посмел назвать его книгу скучной.

Наоборот, она была поистине захватывающей, благодаря легкости пера автора читалась на одном дыхании и, что самое интересное, точно так же читается и в наши дни.

Одним из главных достоинств «Иудейской войны», как уже было сказано, является уход Иосифа от черно-белого видения исторических образов и событий.

Тит, являющийся центральной фигурой книги, предстает у него не ходульным героем, а человеком из плоти и крови, способным равно быть как неоправданно жестоким, так и благородным и милосердным. Рассказывая о евреях, он пишет то, о чем еврейский историк,

возможно, предпочел бы благоразумно умолчать, чтобы не очернять своих соплеменников, — о бесконечных раздорах между лидерами восстания, их жестокости, вероломстве, преступлении собственных законов и т. д. Но одновременно он не скрывает своего восхищения их отчаянным мужеством, верностью идеалам свободы и заповедям Всевышнего.

В свою очередь, на римлян и нееврейское население Иудеи Иосиф часто смотрит именно глазами еврея, не прощая им варварской (если это слово применимо к римлянам) жестокости по отношению к своему народу; много говорит о коррумпированности, жестокости и вероломстве правивших Иудеей прокураторов, обнажая все язвы римской системы управления провинциями.

Таким образом, если правы те исследователи, которые утверждают, что Иосиф был не более чем придворным историком Флавиев, которого они держали «на поводке», то «поводок» этот был отнюдь не таким коротким, как принято иногда думать, и временами автор «Иудейской войны» явно пытался с него сорваться.

Вряд ли «Иудейская война» писалась под полным контролем Веспасиана и Тита, то есть вряд ли он согласовывал с ними окончательный текст каждой из составляющих ее семи книг. Но цензура, вероятнее всего, и в самом деле имела место, и по представлении рукописи отец и сын требовали внести те или иные правки. Но даже если это и так, Иосиф явно отстаивал свою позицию и сумел убедить Веспасиана и Тита в правильности своего подхода и оставить многие куски (особенно те, где воздается должное евреям как достойным противникам) так, как они были написаны изначально.

Но главную задачу книги — убедить евреев и сочувствующих им читателей в том, что Тит не несет вины за гибель Иерусалимского Храма, а вина за это лежит на самих евреях, — Иосиф выполнил, и в этом смысле Тит был, безусловно, доволен.

Одновременно, вне сомнения, эта книга была призвана повысить реноме самого Иосифа, представив его читающей публике и как героя, демонстрирующего чудеса выживания перед лицом любой смертельной опасности, и как талантливого полководца, и как великого прорицателя, первым предсказавшего Веспасиану, что ему суждено стать императором, — ведь до этого о его пророчестве знал лишь очень узкий круг людей. Тема знамений и предсказаний была в те времена очень модна в Риме (да и были ли времена, когда она не была в моде?), и потому эти страницы читались современниками Флавия с особым интересом.

В то же время утверждения о том, что Иосиф якобы увидел в Веспасиане ожидаемого многими Мессию, лишены всяких оснований. Этого просто не могло быть, поскольку Иосиф был блестяще знаком с книгами пророков и знал, что Мессия должен быть одним из потомков царя Давида, к каковым Веспасиан никаким боком не относился. В этом смысле Раджак совершенно права, когда пишет, что пророчество Иосифа «было о великом правителе, ни о чем более, — о человеке, который может рассматриваться как предтеча эсхатологического конца света, но не знаменует этот конец. Если мы будем искать в библейском тексте аналогию этому двусмысленному пророчеству, то должны будем обратиться не к пророку Даниилу (7:14), который предсказывает вечное царство Сына человеческого, а скорее, к пророчеству о могущественной, но преходящей власти, например, к предсказанию Валаама о „звезде от Иакова“, которая разит „князей Моава“. Кроме того, параллелью служит Йоханан бен Заккаи, ибо его пророчество о великом будущем Веспасиана непосредственно перекликается с пророчеством Исайи о завоевателе, который „посечет чащу леса железом, и Ливан падет от Всемогущего“».

Многие исследователи высказывают предположение, что в следующие издания «Иудейской

войны» Иосиф Флавий вносил многочисленные поправки и дополнения. Так, вероятнее всего, подобострастное замечание о том, что сторонники Веспасиана в Риме делали главную ставку на его сына Домициана, как и рассказ о победоносной кампании последнего в Галлии («Один только слух о его приближении уже сломил дух германцев…»), были вставлены уже после воцарения Домициана (81–96), чтобы польстить ему, — при том, что большинство римских историков считали его Галльскую кампанию излишней и провальной, да и вообще относились к нему хуже, чем к его отцу и старшему брату.

По одной из версий, в первом издании не было и рассказа о героической истории Масады, представляющей собой явный контр-тезис истории самого Иосифа в Иотапате. Не исключено, что Тит возражал против ее включения в книгу, но Домициану уже не было никакого дела до подробностей тех, казавшихся уже давними событий, и это позволило Иосифу завершить рассказ об Иудейской войне воспеванием силы веры евреев, их мужества и умения спокойно, с достоинством предпочесть смерть унижению и потере свободы.

Глава 2. Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой…

Пытаясь реконструировать жизнь Иосифа в Риме в романах «Сыновья» и «Настанет день», Лион Фейхтвангер был вынужден то и дело прибегать к художественному вымыслу, так как фактических сведений об этом у нас крайне мало.

Можно с большой уверенностью утверждать, что после 75 года, в связи с появлением в Риме Вереники и Агриппы, Иосиф часто с ними общался, даже консультировался с Агриппой при написании как «Иудейской войны», так и «Иудейских древностей». Но отношения между ними были неровными, а ставший секретарем последнего потомка Ирода Юст Тивериадский ненавидел Иосифа еще со времени его комендантства в Галилее.

Сам этот период, безусловно, был интереснейшим.

Вереника жила с Титом в императорском дворце, и тот по-прежнему продолжал пылать к ней страстью, несмотря на то, что иудейская принцесса была на десять лет его старше. По Риму ходили слухи, что наследник престола собирается на ней жениться, а свадебным подарком станет разрешение отстроить Иерусалим и Храм, а также дарование всем евреям Иудеи прав римских граждан, что будет означать примирение и вечный союз между двумя народами.

Слухи эти тешили надеждами евреев, но вызывали озлобление у римлян и эллинизированых жителей провинций, многие из которых откровенно недолюбливали, а то и ненавидели евреев.

Конец этим слухам был положен в 79 году, когда после смерти Веспасиана Тит взошел на престол и в качестве одного из своих первых шагов в качестве императора отослал Веренику из Рима. Против собственного желания, замечает Светоний, но с пониманием того, что большинство населения не примет еврейку в качестве жены Цезаря.

Еще при жизни отца Тит, вопреки принятой традиции, стал начальником преторианской гвардии, постоянно жил в опасении готовящегося заговора против него и отца, создал сеть осведомителей и подозревал в подготовке переворота всех и вся. И надо сказать, небезосновательно: в 78 или 79 году ему удалось заранее узнать о заговоре, готовящемся консулом Авлом Цециной, с которым он расправился весьма элегантно: сначала пригласил на обед, а затем велел заколоть, когда тот выходил из трапезной залы.

Думается, та история не ускользнула от внимания Иосифа, напомнив ему еще раз о том, насколько тесно его благополучие связано с домом Флавиев.

Восхождение Тита на престол состоялось 24 июня 79 года, а ровно через месяц произошло печально известное извержение Везувия, уничтожившее три процветающих города — Помпеи, Геркуланум и Стабию. В еврейских общинах эту катастрофу объяснили как возмездие Всевышнего римлянам и лично Титу за гибель Иерусалима и предвестие других бед, грозящих империи. Грянувший в 80 году гигантский пожар в Риме был воспринят как еще одно подтверждение этой версии.

Тем не менее Иосиф при Тите явно благоденствовал. Но правление последнего продолжалось недолго — в сентябре 81 года император внезапно заболел и вскоре скончался.

«Среди всех этих забот застигла его смерть, поразив своим ударом не столько его, сколько все человечество. По окончании представлений, на которых под конец он плакал горько и не таясь, он отправился в свое сабинское имение. Был он мрачен, так как при жертвоприношении животное у него вырвалось, а с ясного неба грянул гром. На первой же стоянке он почувствовал горячку. Дальше его понесли в носилках; раздвинув занавески, он взглянул на небо и горько стал жаловаться, что лишается жизни невинно: ему не в чем упрекнуть себя, кроме разве одного поступка. Что это был за поступок, он не сказал, и догадаться об этом нелегко. Некоторые думают, что он вспомнил любовную связь с женой своего брата; но Доминия клялась торжественной клятвой, что этого не было, а она бы не стала отрицать, если бы что-нибудь было: она хвалилась бы этим, как готова была хвастаться любым своим распутством»[63] — так описывает его смерть Светоний.

Давид Флуссер убежден, что, говоря об «одном поступке», за который он себя упрекал, Тит имел в виду разрушение Иерусалимского Храма, и этого-то и не могли, дескать, понять римские историки.

Согласно утверждению Талмуда, в течение семи последних лет жизни Тита проникший по воле Всевышнего в его мозг комар изводил его адскими головными болями, и это стало ему возмездием за главное преступление его жизни. Судя по описываемым в Талмуде симптомам, Тит страдал либо от приступов мигрени, либо от опухоли мозга. Не исключено, что его плач по окончании представления гладиаторов был связан с тем, что боль, которую причиняла ему опухоль, стала нестерпимой. И хотя никаких доказательств правдивости этой легенды нет, автор все же решил привести ее в изложении Х. Н. Бялика и И. Х. Равницкого:

«Едва Тит вышел на берег, как в ноздри его влетел комар, и, засев в голове, в продолжение семи лет точил мозг его. Однажды, проходя мимо кузницы, Тит почувствовал, что при ударах молота комар перестал мучить его. „Средство найдено“, — решил он и поместил в комнате своей кузнеца, который должен был беспрерывно колотить молотом о наковальню. Кузнецу из римлян выдавалась плата по четыре зуза за день, кузнецу же из иудеев Тит говорил:

— Достаточно, что ты видишь несчастье врага твоего.

Прошло тридцать дней — и комар, привыкнув к стуку молота, снова принялся точить мозг Тита.

Умирая, Тит завещал:

— Тело мое сожгите и пепел развейте по семи морям, дабы Бог иудеев не мог отыскать меня и призвать на суд Свой»[64].

Но то, что во всем еврейском мире было воспринято как справедливое возмездие Небес, для Иосифа стало тяжелейшим личным ударом, так как он понял, что остался без главного

защитника и покровителя, и теперь давние происки его многочисленных врагов могут достигнуть цели.

Он, видимо, почувствовал явное облегчение, когда Домициан, еще при жизни брата оспаривавший его право на власть и велевший всем слугам оставить агонизирующего Тита в одиночестве, отнесся к нему более чем благосклонно — в отличие от его отношения к многим другим приближенным Тита.

«А преемник его Домициан еще и прибавил мне почестей. Ибо он наказал обвинявших меня иудеев и приказал покарать раба евнуха, воспитателя моих детей, когда тот стал обвинять меня. А мне он предоставил свободу от налогов для моих имений в Иудее, что есть величайшая честь для снискавшего ее. И жена Цезаря Домиция постоянно благодетельствовала мне», — с гордостью сообщает Иосиф в финале своего «Жизнеописания».

Он, безусловно, не бедствовал — имения в Иудее приносили доход, да еще и не облагаемый налогом, плюс приданое жены — все это должно было давать средства к существованию.

В «Жизнеописании» он сообщает, что у него был специальный образованный раб-евнух для воспитания двух младших сыновей — Юста и Симонида-Агриппы. Потом этот раб составил на него донос, дело дошло до суда, и раб был признан виновным в клевете. Но для нас важен в данном случае сам факт — в Риме I века подобные рабы-менторы стоили очень дорого, и ими обычно владели лишь состоятельные граждане.

В то же время Домициан, как уже было сказано, не очень увлекался чтением и относился к людям творческих профессий несколько иначе, чем его отец и брат: он жестоко карал за любую критику в свой адрес, но при этом практически никого не спонсировал. Таким образом, для того чтобы относительно беззаботно жить и продолжать заниматься литературной деятельностью, Иосифу был нужен новый патрон.

И таким патроном стал Эпафродит (по-гречески «Миловидный»), которому Иосиф и посвятил две свои последующие книги — «Иудейские древности» и «Против Апиона».

Иосиф впервые упоминает своего нового патрона в предисловии к «Иудейским древностям»: «С течением времени и меня, как это обыкновенно бывает с людьми, решающими взяться за какое-либо грандиозное предприятие, обуяли лень и сомнение в возможности довести на чужом языке и в чуждой нам форме до благополучного конца такую обширную задачу. Но нашлись люди, которые из любви к истории побуждали меня к этой работе; между ними на первом плане [стоит] Эпафродит, человек, серьезно любящий всякую науку и находящий особенное удовольствие в исторических исследованиях, тем более что он сам был участником великих событий и свидетелем многоразличных переворотов, причем он во всех этих случаях проявил удивительную силу характера и неизменную добропорядочность. Под влиянием его, который проявляет всегда столь великую симпатию ко всем предпринимающим какое-нибудь полезное или славное дело, и, стыдясь навлечь на себя его подозрение, будто бы мне приятнее безделье, чем столь славный труд, я усерднее стал продолжать свою работу, тем более что, кроме всего вышесказанного, принял во внимание и то обстоятельство, что предки наши охотно сообщали [другим] подобные сведения и что некоторые из греков с усердием изучали наши обычаи и историю» (ИД, Пред.: 2).

Существует несколько версий по поводу того, кем был этот самый Эпафродит и откуда взялось его огромное состояние. Согласно первой, он был тем самым вольноотпущенником Нерона, который присутствовал и даже вроде бы непосредственно участвовал в самоубийстве последнего. Иосиф мог познакомиться с ним еще во время своего первого приезда в Рим, когда

добивался аудиенции у императора, а после того как он обосновался в Риме, это давнее знакомство могло перейти в дружбу, включающую в себя финансовую поддержку его литературных занятий.

Однако этого, связанного с Нероном Эпафродита император Домициан в 95 году приговорил к смерти, а трактат «Против Апиона», в котором Иосиф снова произносит теплые слова в адрес патрона, был явно написан после этой даты.

На этом основании Тесса Раджак приходит к выводу, что речь идет о другом Эпафродите, который тоже, вероятно, был вольноотпущенником, но родом из Александрии, занимал высокие посты в Египте, затем входил в ближайшее окружение Домициана; то есть речь просто идет о тезке бывшего раба Нерона, известном грамматике I века, который благополучно пережил Домициана и жил еще при его преемнике Нерве.

Однако сторонники первой версии отказываются верить в то, что речь идет о случайном совпадении имен двух вольноотпущенников, особенно с учетом того, что имя Эпафродит было не таким уж распространенным. А значит, следуя «бритве Оккама», не стоит создавать еще какую-то гипотезу, да еще построенную на столь шатких основаниях. Но следует признать, что у обеих версий есть немало доводов как «за», так и «против».

Ясно одно: Эпафродит, будучи вольноотпущенником, по самому своему статусу был презираем римской знатью, но одновременно был очень образованным по понятиям своего времени человеком, страстным библиофилом (а собрать большую библиотеку в ту эпоху могли позволить себе только очень богатые люди).

Современники описывали покровителя Иосифа как «большого, черного и подобного слону», из чего делается вывод, что, скорее всего, он был чернокожим и страдал от излишнего веса или был болен водянкой.

Интересовавшийся буквально всем на свете, в том числе евреями, их религией и историей, Эпафродит и подтолкнул Иосифа к написанию книги, которая рассказала бы Риму и всему эллинистическому миру историю этого странного народа в предельно ясной и занимательной форме.

Впрочем, и это — не более чем одна из версий.

По другой, вполне равноценной и столь же бездоказательной версии, идея написания такого труда принадлежала самому Иосифу. Не следует забывать, что в 80-е годы события Иудейской войны были еще у многих свежи в памяти, всё больше впечатываясь в римский этос. Победа в той войне по-прежнему считалась наиважнейшей, и монеты с надписью: «Побежденная Иудея» чеканились еще долго.

Смерть Тита вновь напомнила о ней Риму, и в 81 году в память об императоре Сенат построил трехпролетную арку Тита возле ипподрома Циркус Максимус, а в 82-м Домициан воздвиг ту самую знаменитую однопролетную арку его имени высотой свыше 15 метров с барельефами, изображающими пленных иудеев и взятые в Иерусалиме трофеи[65].

Отношение к евреям в Риме и на всей территории империи было крайне противоречивым — от восхищения до ненависти. Но интерес к ним был всеобщим, особенно с учетом усиливающегося распространения христианства и того, что римское общество почти ничего не знало об истории и культуре этого народа и питалось по этому поводу различными домыслами.

Таким образом, задача написания «книги о евреях для римлян и греков», охватывающей

период «с глубокой древности до наших дней» (то есть до начала Иудейского восстания) была и в самом деле чрезвычайно актуальной. И трудно было найти для ее реализации более подходящую фигуру, чем Иосиф, блестяще владеющий пером, обладающий хорошим еврейским образованием и одновременно прекрасно знакомый с обоими мирами — римским и еврейским, и умеющий говорить с теми и другими на языках их культурных кодов.

Иосиф с энтузиазмом взялся за дело, но вскоре понял, что взвалил на себя поистине колоссальную задачу, отнимавшую все его время. Вдобавок ему по-прежнему требовался помощник-редактор, а его услуги стоили недешево, и сам Иосиф их оплачивать был либо не в состоянии, либо попросту не готов. Он отчаялся и уже готов был бросить работу, но тут-то и появился Эпафродит в качестве спонсора его второго, даже более грандиозного, чем первый, литературного проекта.

Не исключено, что между Иосифом и Эпафродитом был заключен обычный договор между писателем и издателем — с оговоренными сроками сдачи каждой книги и каждого тома. И взятые обязательства помогли Иосифу быстрее продвигаться с работой — отсюда и его замечание, что Эпафродит помог ему преодолеть его «лень».

* * *

Написав «Иудейскую войну», а затем и «Иудейские древности» и трактат «Против Апиона», Иосиф Флавий стал, по сути дела, первым еврейским историком в максимально близком к современному значению этого слова.

Вне сомнения, многие книги Священного Писания, такие как «Книга судей», «Книги царств», «Параполименон» или «Книги Маккавеев», носят исторический характер, поскольку рассказывают, причем предельно объективно, о реальных исторических событиях. Да и Пятикнижие при всем своем упоре на ритуальные и повседневные законы несет в себе массу достоверной исторической информации. Но их авторы все же ставили перед собой несколько иные задачи, чем изложение истории, а для Иосифа эта задача была первоочередной.

Нет сомнений и в том, что попытки познакомить эллинистический мир с евреями предпринимались и ранее, и Иосиф в «Предисловии» к «Древностям» справедливо относит к таким попыткам «Септуагинту» — перевод Пятикнижия на греческий язык, осуществленный 70 еврейскими мудрецами по указанию царя Египта Птолемея Филадельфа еще в III веке до н. э. Кроме того, было и множество других сочинений еврейских авторов на греческом языке, посвященных библейским сюжетам или тем или иным событиям их национальной истории, причем самых различных жанров. Но почти все они так и остались неизвестными широкой публики и носили фрагментарный характер.

Столь масштабный, систематический и охватывающий первые два тысячелетия еврейской истории труд, да еще и адресованный не только и даже не столько евреям, сколько всему миру, и в самом деле создавался впервые.

Понятно, что «Древности» рождались не на пустом месте: при их написании Иосиф отталкивался от опыта Полибия и других римских историков, но в первую очередь, разумеется, от «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского — и именно этим объясняется перекличка названий этих двух трудов.

Дионисий Галикарнасский, живший в I веке до н. э., видел свою задачу в том, чтобы пересказать грекоязычному читателю римскую историю с незапамятных времен, осветив при этом непонятные им явления римской жизни.

«Отсюда, — говорится в аннотации к переводу „Римских древностей“ на русский язык, — его внимание к мелочам, к деталям, на чем обычно не останавливались собственно римские авторы, писавшие на латинском языке для римлян, которые не нуждались в объяснении того, что было неизвестно грекам».

Так как перед Иосифом Флавием стояла сходная задача, то он использовал многие методологические наработки Дионисия, хотя в итоге книга у него, безусловно, получилась новаторской.

Цели ее написания он предельно ясно излагает в «Предисловии автора»: «Именно, с одной стороны, я, как личный участник, чувствовал необходимость описать происшедшую у нас, иудеев, с римлянами войну, все ее перипетии и конец, ввиду того что существуют лица, исказившие в своих на этот счет описаниях истину.

С другой же стороны, я взялся за настоящее сочинение, полагая, что содержание его будет достойно возбудить к себе интерес со стороны греков, так как здесь имеется в виду представить картину всех наших древностей и нашего государственного устройства, критически выведенную из еврейских сочинений. Ведь уже раньше, когда я описывал [Иудейскую] войну, я подумывал, не показать ли, кто такие по своему происхождению иудеи, каким превратностям судьбы они подвергались, какой законодатель воспитал в них стремление к благочестию и побуждал их развивать в себе добродетель, какие войны вели они в продолжительный период времени своего существования и как они, против своего собственного желания, впутались в свою последнюю войну с римлянами» (ИД, Пред.: 2).

При этом, готовясь вести речь об истории своего народа, Иосиф декларирует намерение не отступать от главного принципа Священного Писания, согласно которому вся история евреев — это, прежде всего, история их взаимоотношений с Богом: «Во всяком же случае каждый, желающий подробно ознакомиться с этой историей, выведет из нее на первом плане заключение, что, с одной стороны, людям, повинующимся велению Господа Бога и не дерзающим преступать законы, все удается сверх чаяния, и наградою их от Бога является будущее [загробное] блаженство; с другой же стороны, людям, отступающим от точного исполнения этих повелений, в одинаковой мере легкое становится непреодолимым и даже обращается в неизбежную гибель все то, за что они взялись бы как за нечто несомненно хорошее».

Одновременно ему как урожденному коэну было крайне важно убедить себя, что предпринятый им труд, намерение рассказать другим народам то, что никто из евреев иноверцам прежде не рассказывал, действительно богоугоден, и он не раскроет ничего такого, что в интересах его народа и по повелению свыше необходимо было сохранить в тайне.

Многие сообщаемые им дополнительные подробности известных библейских сюжетов перекликаются с историями, рассказанными в Талмуде, основанном на устной традиции. Но напомним, что Талмуд тогда еще не был записан, и потому эти страницы «Иудейских древностей» подтверждают, что традиция устной передачи тех или иных сведений и в самом деле существовала у евреев на протяжении многих веков. Само сравнение текста «Иудейских древностей» с Талмудом при всем различии задач этих книг позволяет проникнуть во многие тайны библейского периода истории. Но это, безусловно, тема отдельного исследования, находящегося уже за пределами этой книги.

По своей структуре «Иудейские древности» разделяются на два тома, суммарно вмещающих в себе 20 довольно объемных книг.

Первый том, состоящий из двенадцати книг, представляет собой пересказ всего Священного Писания (Танаха, или Ветхого Завета, начиная с Сотворения мира и до «Книги Эсфирь», то есть до возвращения евреев из Вавилонского плена. В этом томе Иосиф, по сути, закладывает фундамент будущей традиции пересказа Библии и библейских сюжетов, которой предстояло расцвести как в художественной, так и в популяризаторской литературе, и в этом смысле выступает как подлинный новатор.

Как мы уже писали, он еще в отрочестве демонстрировал блестящее знание не только текста Писания, но и сопровождающих его комментариев и устных преданий, и потому знакомые каждому библейские истории обрастают у него множеством неизвестных и сегодня широкому читателю подробностей. При этом, понимая, что многие места Торы неминуемо вызовут недоверие у рационально мыслящего читателя, он нередко пытается дать им вполне рациональное объяснение, вновь значительно опережая свое время — настолько, что многие из этих объяснений вполне бы устроили и современного читателя.

Вот, к примеру, как он объясняет секрет долгожительства библейского Ноя: «Ной же прожил после потопа еще триста пятьдесят лет, и прожил все это время счастливо; затем он умер, достигнув девятисотпятидесятилетнего возраста. Пусть, однако, никто не считает, при сопоставлении данных древних писателей о продолжительности их жизни с краткостью теперешней нашей, эти сообщения лживыми, объясняя это тем, что никто из наших современников не достигает такого возраста и что поэтому никто из древних не мог прожить такое количество лет. Весьма естественным является такое количество лет жизни у людей, которые пользовались особенным расположением Господа Бога, были сотворены Им самим и употребляли в продолжение долгого времени более подходящую пищу. Кроме того, Господь Бог даровал им более продолжительную жизнь за их благочестие и для того, чтобы они могли вполне проверить и применить свои изобретения в области астрономии и геометрии; ведь если бы эти люди не прожили [по крайней мере] шестисот лет, то они не были бы в состоянии делать предсказания, потому что именно столько лет обнимает так называемый „великий год“. Мои слова подтверждаются также всеми греческими и негреческими историками, и с мнением моим согласны: Манефон, написавший историю египетскую, Берос, сообщающий данные о Халдее, Мохос, Гекатей и, кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев. Гесиод, Гекатей, Гелланик и Акузилай, вдобавок Эфор и Николай сообщают, будто древние люди жили по тысяче лет. Впрочем, пусть всякий смотрит на эти данные как кому заблагорассудится» (ИД, 1:39).

Итак, долголетие Ноя объясняется, среди прочего, тем, что люди в прошлом ели более подходящую, более здоровую пищу — и разве не подобные же объяснения выдвигаем и мы, объясняя, почему наши предки были порой куда здоровее и сильнее нас?!

Такого же подхода он придерживается и в рассказе о многих других чудесах Библии, например, в главах, посвященных исходу евреев из Египта: настаивая на том, что все эти события, безусловно, происходили, он ищет им рациональное объяснение, и именно по такому, проложенному им пути в будущем пойдут многие исследователи Библии, а также ее популяризаторы вроде Зенона Косидовского.

При этом он явно избегает пересказа нескольких моментов Торы, которые звучат некомплиментарно для ее героев и могут быть использованы против евреев их недоброжелателями — например, в «Древностях» нет рассказа о том, как праотец Авраам не сумел отстоять свою жену Сару перед фараоном, выдал ее за свою сестру, в результате чего та была взята в его дом и не обесчещена лишь благодаря прямому вмешательству Бога.

Точно так же он смягчает и рассказ о жестокосердии Сары по отношению к Агарь:

«Первоначально Сарра любила Измаила, сына рабыни своей Агари, и относилась к нему с таким же точно расположением, как если бы то был ее собственный ребенок; он воспитывался так, как будто ему предстояло наследовать первенствующее значение в доме. Когда же Сарра родила Исаака, то она не считала возможным, чтобы Измаил воспитывался вместе (т. е. наравне) с ним, ввиду того что он был старше и мог, в случае смерти их общего отца, обидеть Исаака. Поэтому она начала уговаривать Аврама отправить его вместе с матерью в другое место» (ИД, 1:12:2–3).

Из тех же соображений — не дать повода для нападок — Иосиф практически обходит молчанием историю с золотым тельцом, и рассказ о восхождении Моисея на гору Синай и возвращения со скрижалями предстает в «Иудейских древностях» в удивительно благообразном свете.

Избегает он и подробного пересказа о завоевании евреями Ханаана — явно опасаясь упреков в адрес своего народа в неоправданной жестокости. Хотя, разумеется, такие упреки всё равно в будущем последовали — без учета особенностей нравов той эпохи и реальных исторических фактов.

До этого в главах, посвященных патриарху Иакову, Иосиф предельно подробно рассказывает историю своего библейского тезки, явно себя с ним ассоциируя: разве он сам не был отвергнут своими братьями-евреями, подобно тому, как родоначальники десяти колен отвергли Иосифа? Разве он сам в итоге, как библейский Иосиф, не оказался в чужой стране и не преуспел там благодаря помощи Бога и своему выдающемуся уму?! Разве ему, как и Иосифу, не являлись вещие сны?!.

Другим героем, перед которым преклонялся Иосиф, был, несомненно, пророк Моисей, в котором для него сливался образ великого народного вождя, политического и духовного лидера нации и полководца. При этом Иосиф не только ограничился изложением событийной канвы Торы, но и подробно познакомил читателя с ее законами. Он проделал поистине титаническую работу, сведя в восьмой главе четвертой книги «Иудейских древностей» практически все заповеди Торы и попутно снабдив многие из них своими комментариями.

«Все это я напишу так, как нам оставил Моисей, причем не прибавлю для прикрасы ничего, чего бы он сам не оставил после себя. Нововведением с моей стороны является тут лишь известная группировка материала, потому что у Моисея все эти предписания рассеяны во всевозможных местах его сочинения и в беспорядке, сообразно с тем, как он получал эти предписания от Господа Бога. Я счел необходимым предпослать эти предварительные замечания для того, чтобы не навлечь на себя со стороны случайного читателя из моих единоверцев упрека в неподходящем уклонении от подлинника. Впрочем, здесь будут указаны только те распоряжения, которые имеют отношение к государственному устройству. Остановиться же на подробном разборе тех законов Моисеевых, которые общие у нас с другими народами, я оставляю за собою право впоследствии, в сочинении о наших обычаях и вызвавших их причинах. Книгу эту я, с помощью Господа Бога, собираюсь составить тотчас же по окончании предлежащего сочинения» (ИД, 4:8:4), — настаивает он.

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что Иосиф все же осмелился кое-что прибавить к законам Торы явно с целью снискать симпатию у римского или греческого читателя. Например, к заповедям Торы он добавляет следующую, которая, разумеется, в ней отсутствует: «Пусть никто не осмеливается хулить богов, почитаемых в других государствах. Также недозволено грабить чужие храмы или присваивать себе приношение, назначенное какому бы то ни было божеству» (ИД, 4:8:10). Насчет недозволенности даже прикасаться к приношениям, «назначенным какому бы то ни было божеству», он, безусловно, говорил правду

— ведь для евреев это было «языческой мерзостью», но вот насчет того, что евреям нельзя хулить языческих богов, — это уже явная отсебятина, призванная снискать симпатии читателей-язычников.

Известную заповедь Торы «око за око» Иосиф трактует довольно близко к трактовке еврейских мудрецов, видевших в ней указание на выплату денежной компенсации за нанесенное увечье. Но сознавая, что такая мягкая трактовка этих вроде бы предельно понятных слов может вызвать недоумение у представителя суровой римской культуры, он дает следующее объяснение этой заповеди: «Причинивший кому-нибудь увечье подвергается лишению того же члена, которого он лишил ближнего своего, разве что изувеченный предпочтет получить от него денежное вознаграждение, причем сам закон предоставляет потерпевшему право назначить сумму вознаграждения, если он не желает отнестись к изувечившему его строже» (ИД, 4:8:35).

Однако в изложении подавляющего большинства законов Торы он и в самом деле старается быть предельно точным. При этом ритуальные заповеди иудаизма, например законы храмовых жертвоприношений, Иосиф излагает весьма поверхностно, видимо, считая, что они малоинтересны читателю и снизят занимательность повествования.

В последующих книгах перед нами проносятся история завоевания евреями Земли обетованной, эпоха судей, образы царя Саула, царя Давида, его сына Соломона, раскол единого еврейского царства, фигуры царей и великих пророков — и все это изложено удивительно живо, в полном соответствии с тем или иным сюжетом Библии, но с добавлением новых деталей, помогающих понять недосказанное в тексте и расцвечивающих его новыми красками. Немалую роль играют в тексте и попытки проведения Иосифом тех или иных исторических параллелей — как с историей других народов, так и внутренних.

Вполне ожидаемым было и то, что он уделит особое внимание истории разрушения Первого Храма в дни царя Седекии (Цадкиягу) в 586 году до н. э. При этом Иосиф явно ассоциирует себя с пророком Иеремией, пытавшимся убедить царя и народ склонить голову перед Вавилоном и предсказывавшим, что в противном случае дело закончится разрушением Иерусалима и Храма, в ответ на что старейшины обвинили пророка в безумии и предательстве — как в свое время Иоанн Гисхальский обвинял Иосифа, когда тот умолял его сдать город: «Несмотря на то, что пророк Иеремия сидел в темнице, он все-таки не мог успокоиться и громко взывал и советовал народу впустить вавилонянина в город, открыв перед ним ворота; при этом он утверждал, что, если они это сделают, все спасутся, если же нет, то погибнут. Он указывал при этом, что если кто-нибудь и останется в городе, то, наверное, погибнет либо от голода, либо от меча неприятелей; если же убежит к врагам, то избегнет смерти. Однако, даже находясь в таком бедственном положении, старейшины, слыша эти предсказания, не верили им, но в гневе отправились к царю, стали обвинять пророка и требовали его казни за его сумасшествие, выражающееся в том, что он своими заявлениями о предстоящих бедствиях смущает народ и старается подорвать его энергию. В то время как последний вполне готов подвергаться всяким опасностям ради самого себя и ради отечества, Иеремия убеждает его перейти на сторону неприятелей, уверяя, что город будет взят и все при этом погибнут» (ИД, 10:7:4).

Споры о том, насколько справедливо проведение аналогии между Иосифом и Иеремией, идут между еврейскими историками до сих пор. В конце концов, Иеремия ведь не пошел на сотрудничество с врагом и даже после национальной катастрофы не покинул родную землю, а в Египет был уведен насильственно и уже гораздо позже.

Рассматривая историю как реализацию воли Всевышнего в ответ на соблюдение или

нарушение народом Его заповедей, Иосиф немало времени уделяет размышлениям о природе пророчества и его понимании, приходя к выводу, что полностью смысл любого предсказания становится ясен лишь после того, как оно исполнится.

Чрезвычайно важным было и то, что Иосиф привел «географию Библии» в соответствие с географическим представлением о мире греков и римлян — рассказывая об упоминаемых в еврейских источниках странах и народах, он почти всегда указывает, как они называются в трудах Страбона и других греческих, римских и египетских географов и историков, оказав тем самым немалую помощь в понимании текста Библии как своим современникам, так и будущим поколениям.

Завершается первый том рассказом о восстании Маккавеев, а второй том уже посвящен «новой эпохе» — теперь Иосиф ведет удивительно подробное повествование о царях Хасмонейской династии, их внутренних раздорах, приходе римлян, воцарении Ирода Великого, его деятельности, судьбе его потомков, политике римских прокураторов — и доводит все это до эпохи Нерона.

«Последняя часть „Иудейских древностей“ показывает, что Иосиф продолжал верить в важность для евреев римской протекции и, более широко, в необходимость сохранения добрых отношений со всеми народами, среди которых они живут, желая „примирить народы и установить причины вражды“», — пишет Тесса Раджак, и в этом с ней трудно не согласиться.

Разумеется, христианского читателя больше всего интересовали страницы «Древностей», перекликающиеся со страницами Нового Завета и посвященные той же эпохе. Именно в «Иудейских древностях» мы находим наиболее подробные сведения о происходившем в те дни в Иудее внутри еврейского общества и о Понтии Пилате, предстающем в качестве правителя, постоянно бросающего вызов глубоко чуждой ему еврейской вере и обычаям, посягающего на сокровищницу Храма и то и дело вызывающего своей политикой волнения в народе. «Когда претор Иудеи Пилат повел свое войско из Кесарии в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим, и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Кесарию и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам взошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак, и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима [императорские] изображения и доставить их в Кесарию» (ИД, 18:3:1–2), — сообщает Иосиф.

Вслед за этим и идут знаменитые слова, воспринимаемые многими христианами как бесспорное историческое подтверждение существования Иисуса Христа и правдивости рассказанной в Евангелиях истории: «Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им

живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени» (ИД, 18:3:3).

Вопрос о том, действительно ли эта фраза от начала до конца принадлежит Иосифу, или же речь идет о поздней вставке, мы подробно рассмотрим в главе «Жизнь после смерти». Пока же повторим, что историческая достоверность подавляющего большинства страниц «Иудейских древностей» подтверждается как множеством других источников, так и последующими археологическими находками.

Завершаются «Иудейские древности» словами: «Я имею в виду также изложить в четырех книгах наше иудейское вероучение о Господе Боге и Его существе, равно как поговорить о законах и причинах, почему одно нам разрешено, а другое запрещено» (ИД, 2:20:11:1).

На основании этих слов Иосифу приписывается трактат «В честь Маккавеев, или О самовластителе разума», более известный под названием «О господстве разума». Однако уже давно доказано, что это пронизанное христианскими мотивами сочинение не могло принадлежать Иосифу. В то же время сама идея написания сочинения о «нашем иудейском вероучении» была понятна — после того как он завершил рассказ об истории еврейского народа, книга, посвященная его теологии и философии, стала бы логическим завершением созданной им своеобразной «Еврейской энциклопедии». И, безусловно, безумно жаль, что эта книга так и не была написана (возможно, из-за смерти спонсора Иосифа Эпафродита) — она явно бы пригодилась и его современникам, и потомкам в уяснении мировоззрения евреев I века н. э.

Вне сомнения, при написании «Иудейских древностей» Иосиф Флавий пользовался огромным корпусом литературы — переводами книг Священного Писания на греческий язык, сочинениями Филона Александрийского и других эллинизированных евреев, трудами египетских, вавилонских, греческих и других историков, римскими архивами, мемуарами секретаря и советника Ирода Николая Дамасского и т. д. Временами он просто с небольшими коррективами вставлял в книгу отрывки из этих текстов без ссылки на автора — отсюда ощущение разнобоя в стилях и версии о том, что разные главы были написаны разными «помощниками»-соавторами.

Но следует признать, что часть из задействованных им при написании второго тома источников нам неизвестна. А они были, не могли не быть, и источники эти поистине уникальны. Не исключено, что некоторые события Иосиф восстанавливал по памяти, припоминая книги и документы, прочитанные в архиве Храма или услышанные от старших в те дни, когда он был совсем юным.

В итоге книга получилась поистине грандиозная, и Иосиф это сознавал. На ее написание у него, видимо, ушло десять лет. Первый вариант «Иудейских древностей» был окончен на 13-м году правления Домициана, то есть примерно в 94 году. Значение этой книги так же поистине трудно переоценить — без Иосифа мы много бы не знали, а многие имена оказались бы забыты.

Но не успел Иосиф отпраздновать завершение «Древностей», как на его голову посыпались новые неприятности.

Глава 3. Один против всех

Вопреки ожиданиям Иосифа, «Иудейские древности» были приняты римским обществом, мягко говоря, без особого энтузиазма. Да, были и благосклонные, и даже восторженные

отзывы. Но куда больше, судя по всему, оказалось других — резко отрицательных, едких, подчас полных откровенной злобы.

Критики пытались объявить Иосифа «великим лжецом», частично придумавшим, а частично намеренно исказившим историю собственного народа, чтобы убедить мир в древности его происхождения (которая якобы не подтверждалась никакими достоверными историческими источниками и базировалась только на еврейских), в мнимом величии его культуры, в благородстве его нравов и обычаев. И уж тем более неприемлемой оказалась для критиков исподволь озвучиваемая в «Иудейских древностях» мысль о том, что иудейская религия несет миру истинное представление о природе Бога, и в смысле идеалов и моральных ценностей другим народам есть чему поучиться у евреев.

Во многом это объяснялось тем, что в течение всего времени после Иудейской войны антисемитизм на просторах Римской империи не только не ослабевал, но и продолжал непрестанно усиливаться — в значительной степени потому, что к евреям стали относиться прежде всего как к побежденным, заслуживающим только презрения.

Мнение Тацита, бывшего всего лет на двадцать младше Иосифа, о том, что евреи являются «презреннейшими из рабов», вне сомнения, отражало общее настроение населения Рима и провинций. Еще одной причиной усиления подобных настроений стала враждебность ревнителей традиционного пантеона богов к начавшему распространяться по всей территории империи христианству, которое многими воспринималось как ответвление иудаизма, не больше и не меньше, как «еврейская секта».

Гонения на стоиков, христиан и евреев значительно усилились после прихода в 81 году к власти Домициана.

Так, Светоний рассказывает, что при нем «с особой суровостью по сравнению с другими взыскивался иудейский налог: им облагались и те, кто открыто вел иудейский образ жизни, и те, кто скрывал свое происхождение, уклоняясь от наложенной на это племя дани. Я помню, как в ранней юности при мне в многолюдном судилище прокуратор осматривал девяностолетнего старика, не обрезан ли он»[66]. Ну а если так поступал император, то антисемиты всех мастей на всей территории империи почувствовали, что у них развязаны руки.

В это же самое время сильнейший удар по Иосифу нанес, как ни странно, отнюдь не римлянин, а его соплеменник — бывший секретарь царя Агриппы Юст Тивериадский, выпустивший свою книгу об «Иудейской войне», которая не дошла до наших дней, но о которой мы имеем довольно ясное представление благодаря Иосифу. В этой книге Юст обвинил Иосифа во взяточничестве и воровстве в период, когда он был управляющим Галилеей. Но это было еще полбеды — в конце концов, такими пороками страдали все римские чиновники, и они были далеко не чужды всем императорам, включая Домициана.

Куда хуже было то, что Юст представил его как страстного ненавистника Рима и всего, что с ним связано. Из его слов выходило, что Иосиф был одним из главных сторонников беспощадной войны с Римом до победного конца, и именно к такой войне готовил Галилею в бытность свою ее комендантом, активно якшаясь в это время с зелотами. То, что он после сдачи в плен стал коллаборационистом, сотрудничал с Римом и даже вошел в доверие к членам императорской фамилии, было и остается не более чем маской, из-под которой все равно время от времени выглядывают его истинные убеждения.

Словом, книга Юста очень напоминала политический донос. И донос тем более опасный, что

император Домициан жестоко расправлялся со всеми заподозренными в инакомыслии или не слишком угодливом отношении к его власти. Так, Домициан приказал казнить Гермогена Тарсийского только за то, что последний позволил себе, как ему показалось, некоторые намеки в его адрес, а писцов, которые переписывали его книгу, велел распять.

Подобных расправ в 80–90-е годы было немало. А тут еще по Риму пошли слухи, что Домициан недоволен «Иудейскими древностями» — как общим содержанием книги, так и особенно главами о царе Ироде, в которых он усмотрел определенные намеки на самого себя. В книге Юста об Ироде ничего не говорилось, но его обвинения вполне могли быть использованы как повод для того, чтобы обрушить на Иосифа всю тяжесть императорского гнева.

Почувствовав, что над его головой нависла серьезная угроза, что вместе с расположением императора он может потерять все, включая жизнь, Иосиф немедленно засел за свое «Жизнеописание», которое и присоединил к следующему изданию «Иудейских древностей», так что обычно оно и публикуется в качестве завершающей части этого труда, а не как самостоятельная книга.

Сам Иосиф назвал свое сочинение «Автобиографией», и в ней действительно есть элементы этого жанра, и все же таковым оно, безусловно, не является. «Жизнеописание» — это прежде всего ответ на обвинения Юста и выдвижение против него встречных обвинений. При этом, как уже говорилось, по версии Даниэля Шварца, он в качестве основы использовал главы своего первого, арамейского варианта «Иудейской войны», не вошедшие в окончательный ее вариант на греческом.

На страницах этой книги уже было достаточно цитат из «Жизнеописания», в том числе и касающихся Юста Тивериадского, и потому мы ограничимся лишь напоминанием основных моментов заочной полемики двух еврейских историков.

Уже в начале книги Иосиф позиционирует себя как автора самой объективной книги об Иудейской кампании, правдивость которой была засвидетельствована в письмах императором Титом и царем Агриппой. Юст, по его мнению, никогда не посмел бы опубликовать свой клеветнический труд, если бы эти двое, а также большинство других непосредственных участников той войны были бы живы. Более того, он подозревает, что Юст написал свою книгу давно, но в течение двадцати лет не решался ее опубликовать, дожидаясь смерти всех свидетелей, чтобы не быть уличенным во лжи.

Целью Юста, продолжает Иосиф, было не только опорочить автора «Иудейской войны», но и снять с себя возможные обвинения. Потому что на самом деле это не Иосиф, а он, Юст, был заклятым врагом Рима; это он был близок с зелотами, и особенно с их лидером Иоанном Гисхальским; это именно он сделал все, что было в его силах, чтобы вовлечь жителей Тверии и Галилеи в антиримское восстание, а он, Иосиф, напротив, всячески старался этому помешать.

В заключительных главах он также напоминает, что в бытность Юста Тивериадского в Берите (Бейруте) он был обвинен в измене Риму и непременно был бы казнен, если бы не благорасположение Веспасиана к Агриппе Второму.

Пишет Иосиф и о том, что Юстом при написании просто не могла не двигать личная ненависть, так как в 67 году, стремясь утвердить свою власть над всей Галилеей и сломить местную оппозицию, Иосиф Флавий подверг заключению многих представителей тивериадской знати, включая Юста и его отца Писта.

Словом, неудивительно, что историки расходятся во мнении, кому по данным спорным вопросам можно верить — Иосифу или Юсту, тем более что у нас нет возможности прочитать сочинения последнего. Но вероятнее всего, Юст отнюдь не был тем законченным лжецом, каким его рисует Иосиф. К тому же, будучи на протяжении многих лет правой рукой царя Агриппы Второго, он, вне сомнения, был посвящен во многие тайны и во многом смотрел на Иосифа глазами своего патрона.

Быть тем страстным врагом Рима, каким рисует его Иосиф, он тоже не мог, так как им не был Агриппа. Вероятнее всего, оба автора не говорили всей правды и, всячески стремясь избавить себя от обвинений во враждебности Риму, лили грязь друг на друга, и вот в этой самой грязи, возможно, была доля истины.

В том, что они были заклятыми врагами, не вызывает сомнений, и Лион Фейхтвангер в своей трилогии об Иудее периода восстания и после него высказывает версию, что эта вражда возникла еще в первый приезд Иосифа в Рим в 63 году. Впоследствии она значительно усилилась не только из-за политических расхождений, но и по той причине, что они были конкурентами в борьбе за внимание читателей к еврейской теме.

Юст не остался бы в памяти историков, не будь он талантливым писателем, в отличие от Иосифа блестяще владевшим греческим языком. Среди прочего ему приписывается авторство книги «Юста Тивериадского летопись царей Иудеи в виде генеалогии», представлявшей собой историю еврейского народа от Моисея до царя Агриппы, то есть во многом дублировавшую «Иудейские древности». Или, наоборот, это «Иудейские древности» в чем-то дублировали «Юста Тивериадского летопись», что вызвало раздражение автора последней и побудило его в отместку написать свою версию «Иудейской войны».

Кстати, вопрос о том, когда именно происходила перепалка между Юстом и Иосифом, является принципиальным, так как может поменять многие принятые представления о датировке выхода в свет сочинений Иосифа Флавия.

Большинство исследователей относят публикацию первого законченного варианта «Иудейских древностей» к 93 году. «Жизнеописание» же, соответственно, появилось незадолго до трактата «Против Апиона» или же сразу после него, то есть примерно в 95 году. Но в «Жизнеописании» Иосиф говорит об Агриппе Втором как о покойном, а по общепринятой версии этот последний потомок Ирода Великого скончался в 100 году.

Но если последняя дата верна, то автобиографию Иосиф написал уже в самом начале II века н. э. И как это совместить с тем, что он на страницах «Жизнеописания» ни словом не упоминает сменивших Домициана на троне Нерву и Траяна, а наоборот, рассыпается в подобострастных комплиментах тому же Домициану и его супруге, явно относясь к ним как к ныне здравствующим?!

Для разрешения этих вопросов обычно предлагается считать, что на самом деле Агриппа скончался еще в 93 году, так как после этого неизвестно ни одного документа, в котором он упоминался бы, а 100 год в качестве даты его смерти мог быть выбран условно.

Безусловно, если бы до нас дошли сочинения Юста, мы бы обладали двумя разными взглядами на события 66–73 годов и, возможно, многие наши представления о них изменились. Но мы обречены смотреть на Иудейскую войну глазами Иосифа Флавия и даже о взгляде Юста знаем исключительно с его слов.

Любопытно также и то, что хотя его «Жизнеописание» не является автобиографией в строгом

смысле этого слова, это по большому счету единственное дошедшее до нас произведение этого жанра той эпохи, хотя, понятное дело, их было более чем достаточно и у евреев, и у римлян.

Но, несмотря на достаточную живость письма и весь полемический задор, «Жизнеописание» не нашло широкого читателя ни среди современников Иосифа, ни тем более среди потомков, хотя, вероятно, и предотвратило гнев против него Домициана.

Сегодня даже историки воспринимают эту книгу скорее как своеобразное дополнение к «Иудейской войне». Чего, безусловно, не скажешь о другом, подлинно захватывающем и сохраняющем свою актуальность и в наши дни творении Иосифа — трактате «Против Апиона».

* * *

Лион Фейхтвангер, пытаясь реконструировать жизнь Иосифа и заполнить множество лакун в его биографии, в романе «Настанет день» выстраивает свою версию того, что подтолкнуло его героя к написанию этого трактата.

По его весьма правдоподобному предположению, «Иудейские древности», возможно, вызвали раздражение у римской и греческой знати, но зато с восторгом были встречены той нееврейской публикой, которая склонялась к переходу в иудаизм или в христианство, а еще больше — евреями.

Теперь он снова стал для них героем, тем великим писателем, который вернул униженному народу чувство собственного достоинства, и за это многие готовы были простить ему то, что считали предательством. По Фейхтвангеру, сын Иосифа, названный в честь деда Маттафием (на самом деле о таком сыне нам ничего не известно и сам Иосиф его не упоминает), влюбляется в знатную юную римлянку Цецилию, а та со слов своего учителя пересказывает ему слова известного лидера александрийских белобашмачников-антисемитов[67] Апиона и начинает издеваться «над его принадлежностью к дикому, грязному, чудовищно суеверному племени».

Когда Маттафий пересказывает этот разговор отцу, тот вспоминает о своем давнем столкновении с Апионом, бывшим ректором Александрийского университета, невольно мысленно возобновляет с ним давний спор и, в конце концов, усаживается писать свой трактат. По версии Фейхтвангера, Иосиф писал трактат на одном дыхании, в полемическом запале и, закончив его за две недели, тут же понес к издателю. Когда же он стал читать трактат вслух, тот в какой-то момент не выдержал и вырвал у него папируск из рук, заявив, что Иосиф слишком медленно читает…

Суть трактата Фейхтвангер передает следующими словами: «Он видел их перед собою — белобашмачников, антисемитов, этих огречившихся египтян, Манефонов и Апионов. Важные и надутые, стояли они перед ним, а он крушил их и громил, — их самих и их доводы, — расточал их в прах, и они исчезли без следа! Слова захлестывали его, он едва мог сладить с их потоком, и, записывая, одну за другой, эти блестящие главы, он думал о египетской гречанке Дорион и ее сыне Павле — их обоих похитили у него Апион и Манефон. Он ядовито высмеивал этих гречишек, пигмеев, которые не имеют власти ни над чем иным, кроме милых, легких, зыбких, элегантных, изысканных слов. И он противопоставлял им истинных греков, великих греков, таких, как Платон и Пифагор, которые знали евреев и ценили их, а в противном случае разве включили бы они в свою философию элементы еврейского вероучения?

Сокрушив, таким образом, своих противников, Иосиф поверх всех этих „нет“ водрузил огромное, страстное, сияющее „да“. Ни малейших следов не осталось от его всемирного

гражданства. Всему, что он с таким трудом подавлял во время работы над „Всеобщей историей“, всей безмерно гордой любови своей к своему народу, он дал теперь излиться в этой книге. В пылких словах превозносил он благородство своего народа. Задолго до того, как греки еще только появились на свет, у пего уже была своя мудрость, своя литература, свои законы, своя история. За тысячу лет до Гомера и Троянской войны у него уже был свой великий законодатель. Ни один народ не чтит божество чище, чем еврейский народ, ни один народ не питает столь глубокой любви к нравственности, ни один не владеет столь богатою литературой. Из десятков тысяч наших книг мы составили канон, только двадцать две отобрали мы из этих тысяч, тысяч и тысяч, и эти двадцать две книги мы соединили в одну. Но зато в какую книгу! В Книгу книг! И мы — народ этой Книги. О, как мы любим ее, как читаем, как толкуем! Эта Книга — все содержание нашей жизни, это наша душа и наше государство. Наш бог являет себя в незримом обличии — он открывается в духе, в этой Книге»[68].

Все это прекрасно написано, но следует сказать сразу: мы не знаем, что стало триггером, подтолкнувшим Иосифа к написанию «О древности еврейского народа. Против Апионов». Так называется этот трактат полностью, а его краткое название «Против Апиона» впервые встречается только у блаженного Иеронима, то есть в IV веке.

Само употребление Иосифом в названии множественного числа — «Против Апионов» — было призвано показать, что сам Апион является для него не более чем символом, а свое перо он направляет против всех недоброжелателей своего народа. А их, надо заметить, во времена правления династии Веспасианов хватало.

«В литературе царствования Веспасиана антисемитские выпады в этот период мы находим у Квинтилиана и Антония Юлиана. Квинтилиан представляет для нас особый интерес, так как труд его, Institutio oratoria посвящен грамматическим и риторическим вопросам, ничего общего с еврейством и вообще политикой не имеющим. Образцы словосочетания, заимствуемые им из обыденной жизни, конечно, представляли собою в его время нечто общеизвестное и бесспорное. Мы читаем у него (III, 7, 21): „Мы ненавидим также и источник зла. Для основателей государств зазорно, если они организовали народ, опасный для других народов. Это относится, напр., к основателю еврейского суеверия“. Такой же характер носила и книга римского прокуратора в Иудее, М. Антония Юлиана, видевшего в еврейском учении, по которому претерпеваемые евреями муки есть наказание за совершенные ими грехи, доказательство порочности и греховности еврейского народа»[69], — писал С. Я. Лурье.

Поскольку Иосиф сам говорит, что к моменту написания трактата он уже был автором «Иудейских древностей» и со времени их публикаций прошло какое-то время, обычно написание этой книги относят к 95 году. Подтолкнуло его к этому труду, видимо, появившееся к тому времени множество антисемитских трактатов, а также язвительная критика в адрес «Иудейских древностей» и обвинения его во лжи и сочинении исторических небылиц. Эта критика неминуемо порождала у интеллектуальной публики, даже сочувствующей евреям, вопрос о том, кто же прав в этом споре, и Иосиф решает расставить все точки над «i», сведя воедино все известные ему древние источники, показав их перекличку с еврейскими и таким образом как бы воссоздав единую картину древней истории и показав на место в ней евреев, а заодно ответив на все выпады в адрес его народа и разоблачив получившие распространение мифы и домыслы о евреях, о чем он прямо говорит в начале книги, посвящая ее, как и «Иудейские древности», своему спонсору и покровителю Эпафродиту: «Я полагаю, достойнейший из людей Эпафродит, что уже в сочинении „О древностях“, которое обнимает события пятитысячелетней истории и по нашим священным книгам составлено мною на греческом языке, я достаточно ясно — для тех, кто обратится к нему, изложил вопрос о нашем еврейском народе — о том, что он весьма древний и что изначально самобытен, а также о том,

как населил он страну, в которой мы живем и поныне. Однако, поскольку я замечаю, что многие, не доверяя тому, что сказано мною о древностях, прислушиваются к злобной клевете, не без умысла распространяемой некоторыми, и доказательство молодости нашего народа видят в том, что у наиболее авторитетных эллинских историков он не удостоен ни единого упоминания, я подумал, что следует вкратце об этом написать — изобличить тем самым нападки одних в злонамеренности и лжи, других образумить в их неведении, и всем, кто желает знать истину, разъяснить вопрос о нашей древности. Засвидетельствовать истинность моих слов я призову только тех писателей, которые безупречны в отношении всякой древности и которым, по мнению эллинов, более всего можно доверять, а тех, кто в своих сочинениях лгал и клеветал на нас, я представлю самих же себя изобличающими. Также я попытаюсь установить причины, вследствие которых немногие из эллинов в своих исторических сочинениях упомянули о нашем народе, а кроме того, и свидетельства писателей, не оставивших без внимания нашу историю, я предоставлю тем, кто с ними не знаком или делает вид, что о них не знает» (ПА, 1:1).

Таким образом, «Против Апиона» — это прежде всего апология. Апология евреев и ответ антисемитам древности, которые, надо заметить, мало чем отличались от современных антисемитов[70].

Безусловно, это была не первая попытка такой апологии — до этого были сочинения Филона Александрийского, «Послание Аристея», «Нравоучительная поэма» Фокиллида и др. Но никогда прежде апология не включала в себя такое множество исторического материала, невольно заставляя восхититься той огромной эрудицией автора, которую он приобрел в области античной истории за годы жизни в Риме; никогда прежде она не была столь системной и логически убедительной — и именно это и обеспечило ей в итоге столь длительную жизнь в истории.

Обращение к личности Апиона как к главному оппоненту в дискуссии, безусловно, тоже не случайно. Апион был одним из главных идеологов и подстрекателей чудовищного еврейского погрома 38 года в Александрии, а затем и главой посольства александрийцев к Калигуле. Посольство прибыло в Рим, чтобы склонить императора на свою сторону, и столкнулось здесь с еврейской миссией во главе с Филоном Александрийским. Так встретились два философа, два страстных поклонника греческой культуры — только один, Апион, был родом египтянин, а второй, Филон, — евреем.

Иосиф был тогда ребенком, но в детстве он, безусловно, слышал немало рассказов взрослых о тех ужасах, которые пережили александрийские евреи, и об интеллектуальном поединке между его дальним родственником Филоном и Апионом в Риме, а затем действительно и сам мог сталкиваться с последним во время своего пребывания в Александрии. Таким образом, он, по сути, продолжал тот давний спор, который (давайте это признаем) не закончен и до сегодняшнего дня.

Иосиф начинает с объяснения полной несостоятельности утверждений, что евреи придумали себе древнюю историю «задним числом», поскольку в трудах греческих историков, на которых и строилось представление большинства жителей эллинистического мира о прошлом, якобы нет упоминания о них.

Иосиф отбивает этот довод тем, что греки по сравнению с евреями — очень молодой, можно даже сказать юный народ, который, вдобавок, совсем недавно начал создавать историографию, а потому и удивляться тому, что у них нет сведений о далеком прошлом, не стоит: «Прежде всего меня крайне удивляют все те, кто считает, будто относительно древнейших событий следует обращаться к одним только эллинам, только их вопрошать об истине, а нам и другим

народам не верить. Ибо я вижу, что в действительности все оборачивается прямо противоположным, если предварительно согласиться с тем, что не следует доверяться пустым предположениям, но из самих событий уяснять истинное положение дел. Здесь-то и обнаруживается, что у эллинов все ново и, как говорится, случилось на днях — я имею в виду основание городов, изобретение ремесел и написание законов. При этом едва ли не самое молодое у них — само дело летописания. А между тем за египтянами, халдеями и финикиянами (нас я пока к ним не причисляю) сами они с несомненностью признают весьма древнее и непрерывное летописное предание… Вообще же у эллинов нет ни единого достоверного письменного памятника, который был бы старше произведений Гомера. Однако он родился, по всей видимости, уже после троянских событий и, как говорят, сам не записывал своих поэм, но они передавались по памяти и затем были восстановлены из песен, вследствие чего в них и появились многочисленные разночтения. К тому же самые ранние попытки написания истории — я имею в виду Кадма Милетского, Акусилая Аргосского и некоторых других, которые, как говорят, жили после него, — не на много опередили по времени вторжение персов в Элладу. Впрочем, и что касается первых эллинских философов, рассуждавших о небесном и божественном, как то: Ферекид Сиросец, Пифагор и Фалес, — все единодушно признают, что они были учениками египтян и халдеев и что написали мало» (ПА, 1:2).

Таким образом, пишет Иосиф, спрашивать о том, что было на заре человеческой цивилизации, следует не у греков, а у более древних народов — египтян, ассирийцев, вавилонян, персов, с историческими сочинениями которых он сам, вероятнее всего, познакомился еще дома в отрочестве и юности.

Наконец, Иосиф напоминает о том, что и его народ на протяжении всего времени своего существования тщательно вел историческую хронику и оберегал архивы, причем последние по чисто практическим соображениям — для сохранения родословной каждой семьи и во избежание вступления в запретные браки. Причем эта традиция сохранялась как в Иудее, так и во всех странах, по которым рассеялись евреи. Священные книги евреев и эти записи и обеспечивают уверенность в непрерывности и задокументированности еврейской истории, по меньшей мере от исхода из Египта до Вавилонского изгнания и в жизни в Персидской империи:

«О наших же предках, что столь же ревностную (уж и не говорю о том, что большую, чем вышеназванные народы) заботу проявили они о записях, поручая вести их первосвященникам и пророкам, и что эти записи и поныне хранятся со всей тщательностью и — возьму на себя смелость сказать: будут сохранены, — я попытаюсь вкратце изложить.

Они не только с самого начала приставили к этому делу лучших и всецело преданных служению Богу людей, но и позаботились о чистоте и несмешанности священнического рода. Ведь всякому причастному к священству должно производить потомство от женщины из своего рода и не взирать ни на ее богатство, ни на какие другие преимущества, но со всей тщательностью исследовать ее родословную, с тем чтобы установить преемственность по архивным записям и на основании многочисленных доказательств убедиться в ее непрерывности. И так поступаем мы не только в самой Иудее, но повсюду, где только существуют у нашего народа колонии, везде в точности исполняются для священников правила о браках, — я имею в виду живущих в Египте, Вавилоне или в каких-то других местах, где проживают представители священнического рода, рассеянные по различным частям ойкумены. А самым главным доказательством нашей тщательности в этом вопросе является то, что на протяжении двух тысяч лет все первосвященники у нас поименно заносились в списки от отца к сыну. Если же кто-то из них позволяет себе отступить от указанных предписаний, ему не разрешается ни приступать к жертвоприношениям, ни участвовать в других

священнодействиях. А потому само собой разумеется, и более того — с необходимостью из этого следует, — раз никто не имеет права вносить в списки что-либо от себя и в написанном не бывает никаких разногласий, но только у пророков с достоверностью переданы самые отдаленные события глубокой древности, как они были, частью записанные по божественному вдохновению, частью — ими самими, — то у нас не великое множество книг, которые не согласовывались бы между собой и противоречили друг другу, а только двадцать две, содержащие летопись всех событий нашей истории, и они по справедливости почитаются боговдохновенными.

Пять из них — книги Моисея, которые содержат законы и историческое предание от сотворения человека до смерти Моисея. Этот период времени составляет почти три тысячи лет. От смерти Моисея до царствования персидского царя Артаксеркса, преемника Ксеркса, жившие после Моисея пророки составили еще тринадцать книг с изложением событий… Нетрудно догадаться, насколько мы доверяем своим книгам, если в них на протяжении стольких лет никто не посмел ни прибавить, ни изъять, ни изменить что-либо. Каждому еврею от самого рождения полагается почитать единые для всех божественные предписания, быть верными им, и, если понадобится, с готовностью за них умереть. Так, уже не раз можно было видеть, как множество пленников в театрах претерпевали пытки и другие всевозможные виды смерти только ради того, чтобы ни единого слова не произнести вопреки законам или другим нашим священным книгам. Кто из эллинов ради этого смог бы такое пережить? И даже ради того, чтобы все имеющиеся у них сочинения не погибли, кто из них стал бы переносить такие мучения? Ибо свои книги они почитают всего лишь словами, написанными по произволению их авторов. Не без оснований они придерживаются такого мнения и относительно более древних писателей, поскольку видят, что некоторые из современных берутся писать о том, чего не только своими глазами не видели, но даже не потрудились расспросить об этом очевидцев…» (ПА, 1:6–8).

Уже отсюда Иосиф переходит к защите собственных книг, доказывая достоверность материала, на основе которого они были написаны: «Какие-то негодные люди принялись клеветать на мою историю, словно полагая, что им, как в школе юнцам, задано поупражняться в произнесении обвинительных речей. Им следует учесть, что тот, кто собирается передать другим правду об изображаемых событиях, прежде всего сам должен в точности знать о случившемся — либо будучи сам непосредственно свидетелем событий, либо расспрашивая о них людей знающих. Я считаю, что в обоих моих трудах я так и поступил. Моя работа над сочинением „О древностях“ заключалась в переводе из книг Священного Писания. Ведь и сам я принадлежу к священническому роду и причастен той мудрости, которая содержится в них. Историю же иудейской войны я написал, будучи многих событий участником, и еще более многочисленных — очевидцем. Вообще из сказанного мною о тех событиях нет ничего, о чем я не знал бы доподлинно. Можно ли в таком случае не почесть за дерзость старания тех, кто взялся обвинять меня в искажении истины?» (ПА, 1:10).

И затем он бросает в лицо своим клевретам еще один замечательный довод: «Давайте тогда и мы применительно к эллинам воспользуемся тем же доводом и скажем, что их народ совсем не древнего происхождения, поскольку в наших письменных источниках о нем ни слова не говорится. Разве не станут они смеяться и приводить, как мне кажется, те же самые доказательства, какие и я только что изложил, и брать в свидетели своей древности соседние народы? Именно так я и поступаю» (ПА, 1:13).

Свой обзор египетских источников Иосиф начинает с «Истории Египта», написанной на греческом языке древнеегипетским жрецом и историком второй половины III века до н. э. Манефоном, который связывал приход евреев с нашествием гиксосов и указывал, что они были пастухами (что полностью согласуется с рассказом Торы об Иосифе и приходе в Египет с

семьей патриарха Иакова), но при этом для него в данной трактовке важно не то, насколько она правдива, а то, что Манефон приводит хронологию, согласно которой все эти события происходили за тысячу лет до Троянской войны, то есть когда греческой цивилизации как таковой еще не существовало.

Финикийские источники, продолжает Иосиф, также подтверждают рассказ еврейского Священного Писания о том, что Иерусалимский Храм был построен царем Соломоном, который находился в дружеских отношениях с тирийским царем Хирамом (Хиромом), отнюдь не бескорыстно помогавшим ему в этом строительстве. И снова для Иосифа имеет огромное значение хронология: он обращает внимание на то, что, по финикийским летописям, Храм был построен за 143 года до основания тирянами Карфагена.

От себя автор этой книги позволит добавить: это означает, что Иерусалимский Храм был возведен в 956 году до н. э., что практически совпадает с мнением исторической науки, относящей окончание строительства Храма к 957 году до н. э. Понятно, что это расхождение никак нельзя назвать существенным.

За финикийскими следуют халдейские, то есть вавилонские источники. Ссылаясь прежде всего на дошедшую до нас только в отрывках «Историю Вавилонии», написанную жрецом Храма Бедлу Бероссом (ок. 330–250 до н. э.), Иосиф находит у него как историю Всемирного потопа, так и рассказ о правлении Навуходоносора, включающий в себя историю разрушения Первого Иерусалимского Храма, изгнания евреев в Вавилонию и далее вплоть до завоевания Вавилона персидским царем Киром.

«Это достоверное свидетельство согласуется и с нашими священными книгами. Ибо в них сказано, что Навуходоносор на восемнадцатом году своего царствования разрушил наш храм, который в продолжение пятидесяти лет оставался в развалинах. На втором году царствования Кира снова было заложено основание, а на втором году царствования Дария новый храм был завершен. Я дополню это и свидетельством финикиян, поскольку для полноты следует воспользоваться всеми имеющимися сведениями. Подсчет времени производится так» (ПА, 1:21), — пишет Иосиф, и далее приводит в согласие между собой еврейскую и вавилонскую хронологию.

И уже после этого говорит о том, что и взгляд, согласно которому о евреях ничего не сказано в греческих источниках, тоже не верен. В частности, напоминает он, Гермипп из Смирны в своем жизнеописании великого Пифагора пишет следующее: «Так он говорил и поступал, подражая верованиям евреев и фракийцев и усваивая их себе» (ПА, 1:22). И, поспешим добавить, его утверждение опять совпадает с мнением историков, убежденных, что великий философ, мистик и математик немалую часть своих воззрений почерпнул у египтян и евреев.

Феофраст, Геродот и Хирил напрямую евреев в своих трудах не называют, но Иосиф обращает внимание на то, что эти авторы рассказывают о народе, живущем в районе Асфальтового озера (Мертвого моря), практикующем обрезание и «бреющем головы до темени», хотя под такое описание подпадают только евреи. Находит он и упоминание о «некоем муже еврейском» в книге Клеарха «О сне» и о том, как об этом оставшемся безымянном еврее с восторгом рассказывал Аристотель.

Ну а как только начинается эпоха Александра Македонского, все становится на свои места — с этой эпохи, как известно, сведений о евреях у греческих, египетских, а затем и римских историков хоть отбавляй.

Иосиф признается, что перечислить их всех он просто не в состоянии, а потому переходит к

рассмотрению мифов о евреях и доказательству их лживости на основе элементарной логики.

* * *

«Начало клевете против нас, — сообщает Иосиф Флавий, — положили египтяне. Некоторые историки им в угоду стали искажать истину, не признавая того, как оказались в Египте наши предки, и не говоря правды об их исходе оттуда. У них было множество причин ненавидеть нас и завидовать нам. Прежде всего, то обстоятельство, что наши предки правили в их стране, а переселившись от них в свою землю, и там жили счастливо; затем совершенно иное представление о божественном вселило в них величайшую ненависть, потому что наше благочестие настолько отлично от так называемого у них, насколько сущность Бога отлична от природы бессловесных тварей. Объединяет их древний обычай почитать богами животных, а в воздавании им почестей между собою разнятся эти легкомысленные и неразумные люди, изначально имеющие о богах неверное представление. Они не захотели перенять наше благочестивое понятие о божестве, а видя, что многие подражают нам, прониклись к нам злобой. Некоторые из них впали в такое неразумие и бессовестность, что не только не постеснялись говорить прямо противоположное имеющимся у них древним письменным свидетельствам, но в своем ослеплении даже не заметили, что стали противоречить самим себе» (ПА, 1:25).

Иосиф обращает внимание на то, что Манефон сообщает в своей истории Египта две противоречащие друг другу версии.

Согласно первой из них, которая, по Флавию, в целом отражает египетскую реальность, евреи были пастухами, которые вместе с гиксосами вторглись в Египет, покорили его, затем покинули и захватили Иудею, где построили свою столицу Иерусалим (хотя Иерусалим на деле существовал гораздо раньше и был захвачен царем Давидом у иевусеев спустя несколько столетий).

По другой версии, некий царь Аменофис сказал своему тезке жрецу и прорицателю Аменофису, что желает увидеть богов. Тот ответил, что для этого царь должен изгнать из страны всех прокаженных и тех, кто имел какую-то скверну на теле, из страны, и Аменофис-царь выполнил это требование, собрав по всей стране 80 тысяч таких людей, среди которых было даже несколько жрецов, и направил их на работы в каменоломни.

Тут Аменофис-жрец понял, что если царь увидит богов, то последние могут рассердиться, и, испугавшись их гнева, сказал царю, что некие люди возьмут этих изгнанников в союзники, овладеют Египтом и будут править страной в течение тринадцати лет. Затем он, видимо испугавшись гнева царя, покончил жизнь самоубийством.

Тем временем царь разрешил поселиться работавшим в каменоломнях прокаженным в оставленном пастухами-гиксосами городе Аварисе. Здесь их лидером стал некий жрец из Гелиополя, названный в честь бога Осириса Осарсиф, взявший себе имя Моисея.

Осарсиф связал всех жителей Авариса клятвой верности, запретил поклоняться почитаемым в Египте богам, а вместо этого приносить в жертву священных животных, с которыми эти боги отождествлялись. Также он запретил им общаться с египтянами, издал множество других постановлений, а затем стал готовиться к войне с Аменофисом, для чего послал к пастухам-гиксосам в Иерусалим, чтобы привлечь их в качестве союзников.

Царь Аменофис, узнав об этом, вспомнил предсказание тезки-жреца, решил, что так угодно богам, и хотя обладал армией в 300 тысяч воинов, бежал в Эфиопию, а гиксосы вместе с

евреями стали править страной, подвергая местное население поборам и тяжелым репрессиям. Затем спустя 13 лет Аменофис с войском вернулся в Египет, без труда разбил гиксосов, а прокаженных частично убил, а частично изгнал из страны и преследовал до границы с Сирией.

От Манефона Иосиф переходит к версии египетской истории в изложении Херемона — александрийского библиотекаря, жившего в I веке н. э. (то есть почти своего современника), бывшего вдобавок какое-то время воспитателем Нерона.

Тот также упоминает царя Аменофиса, которому во сне явилась богиня Изида и стала пенять ему за разрушенный во время войны ее храм. Перепуганный Аменофис запросил жреца Фритифанта, как ему искупить грех, и тот посоветовал ему очистить Египет от прокаженных. Аменофис последовал этому совету и изгнал из страны 250 тысяч прокаженных, которых возглавили Моисей и Иосиф. Те, придя в Пелузий, нашли там 380 тысяч человек, которых царь не хотел пускать в Египет, заключили с ними союз и пошли войной на Египет. Аменофис бежал в Эфиопию, бросив беременную жену, которая родила в пещере сына Рамсеса, который, когда подрос, прогнал 200 тысяч прокаженных, от которых произошли евреи, в Сирию и вернулся на трон отца.

Наконец, Иосиф приводит еще одну версию происхождения евреев, принадлежащую некоему александрийскому историку Лисимаху, жившему предположительно во II веке до н. э., о котором нам практически ничего не известно.

Лисимах говорит о некоем египетском царе Бокхорисе, при котором евреи, в массе своей пораженные чесоткой, проказой и другими кожными заболеваниями, жили тем, что просили подаяния у храмов, заражая тем самым множество людей. После того как в стране грянул неурожай, Бокхорис запросил оракула, и тот заявил, что бог Солнца Аммон повелевает утопить всех больных чахоткой и проказой, а остальных больных изгнать в пустыню. Царь удаляет евреев в пустыню в расчете, что они там погибнут, но они выживают, по совету своего вождя Моисея идут наугад, приходят в Ханаан, завоевывают его и основывают свою столицу, которую поначалу назвали Иеросила (на древнеегипетском — «город грабителей храмов»), а затем, когда приобрели могущество, чтобы избежать связанных с этим упреков, переименовали в Иерусалим.

Иосиф разбивает три эти версии как по отдельности, так и сведя их вместе, взывая при этом к логике и рациональному мышлению читателей, то есть следуя в русле мышления римлян, бывших в массе убежденными рационалистами.

При этом он не жалеет сарказма в адрес своих оппонентов.

«Первоначальная причина этих выдумок, — пишет он, — как он (Манефон. — *П. Л.*) ее преподносит, поистине смехотворна: „Царь Аменофис, — говорит он, — пожелал созерцать богов“. Каких богов? ежели тех, что принято почитать у них, то и бык, и козел, и крокодилы, и обезьяны с собачьими мордами были у него перед глазами. Небесных же богов как мог он лицезреть? И откуда возникло у него само желание? Оттого, клянусь Зевсом (здесь Иосиф доходит до пика своего сарказма. — *П. Л.*), что до него их созерцал какой-то из его предшественников. От него-то он и узнал, как и куда смотреть, чтобы их увидать, так что ни в каком новом способе он и не нуждался. Умен же был прорицатель, по совету которого царь взялся за совершение этого дела. Почему же он не предвидел неисполнимость его желания, раз от этого не отступился? И с чего он взял, будто богов нельзя увидать из-за калек и прокаженных? Ведь боги гневаются на людей за нечестивые поступки, а не за телесные увечья. И возможно ли всего за один день собрать восемьдесят тысяч калек и прокаженных? И почему же царь ослушался прорицателя? Ведь тот посоветовал ему изгнать прокаженных за

пределы Египта, а он упрятал их в каменоломни, как будто нуждался в работниках, а не желал очистить страну. Манефон утверждает, что прорицатель покончил с собой, поскольку предвидел гнев богов и все грядущие беды в Египте, и что он оставил царю письмо с предсказанием. Тогда почему же с самого начала прорицатель не знал о своей смерти? Почему он тотчас не воспрепятствовал царю в его желании созерцать богов? И к чему бояться тех бед, которые должны были случиться не с ним? Или что же еще могло быть для него более ужасным, из-за чего он поспешил покончить с собой?..» (ПА, 1:28).

Дальше больше. Иосиф обращает внимание, что Манефон нагромождает одну нелепицу за другой, начиная с того, что сама фигура царя Аменофиса выдумана, поскольку ни в одной достоверной египетской хронике он не упоминается; что поведение прокаженных, если те и в самом деле были частью египетского народа, нелогично: зачем им идти войной на царя, который дал им город, за что они должны были быть ему благодарны. Да и зачем им было звать чужеродных гиксосов, чтобы воевать с египтянами, среди которых были их близкие родственники? Да и гиксосы в этой версии тоже хороши: за 13 лет правления совершенно не подготовили страну к вторжению из Эфиопии и сдали Египет вернувшемуся Аменофису почти мгновенно.

То, что Манефон, вопреки всему, что известно о жизни Моисея, пытается сделать из последнего египетского жреца, Иосифа как раз не удивляет: он говорит, что египтяне почитали Моисея как «человека божественного» и, естественно, хотели бы видеть его одним из своих соплеменников.

Но, говорит он, если следовать версии Манефона о том, что евреи произошли от прокаженных, то их законы должны терпимо относиться к страдающим этой болезнью. Однако, пишет он, то, что Моисей не страдал этим недугом, следует из самих введенных ими законов: «Ибо прокаженным он запрещает оставаться в городе или жить в деревне; им надлежит поодиночке бродить в разодранных одеждах, а всякого, кто прикоснется к ним или окажется с ним под одной крышей, он считает нечистым. И даже если болезнь будет излечена и человеку возвратится его прежний вид, он предписывал различного рода очищения, омовения ключевой водой и острижение всех волос, и лишь после того, как тот совершит множество всяческих жертвоприношений, он позволял ему войти в священный город. А между тем, казалось бы, человек с таким недугом должен был отнестись к больным той же болезнью с большей заботой и вниманием. Его постановления касались не только прокаженных, но всем, кто имел хоть малейший телесный изъян, он запретил участвовать в священнодействиях. И даже если во время священнодействий с кем-либо случалось подобное несчастие, он лишал его этой чести. Потому возможно ли, чтобы он принимал эти постановления против самого себя и издавал законы себе же на позор и во вред?» (ПА, 1:32).

Далее он обращает внимание на множество нестыковок в версиях Манефона и Херемона, хотя они вроде бы говорят об одном и тот же царе: у Манефона он пожелал видеть богов, у Херемона ему во сне является Изида и что-то там требует. У Манефона советчика царя также зовут Аменофис, у Херемона — Фритифант; у Манефона прокаженных сначала отправляют в каменоломни, у Херемона — топят и отсылают в Пелузию и т. д.

Еще больше нелепицы, по его мнению, нагромождает Лисимах: «Этот уже не позаботился даже о том, чтобы назвать того же царя, что они, но придумал имя поновее. Ему не понадобились ни сновидение, ни египетский прорицатель, — за оракулом о чесоточных и прокаженных он отправляется прямо к Аммону. В храмы, говорит он, стало стекаться множество евреев, однако тех ли самых прокаженных называет он этим именем, или только больных из числа евреев? Он ведь говорит „еврейский народ“. Что за народ? По происхождению пришлый или местный? Почему же тогда ты называешь их евреями, если они

египтяне? И после того как царь многих из них утопил в море, а остальных изгнал в пустыню, каким образом возможно, чтобы уцелело такое множество? И как это им удалось сперва преодолеть пустыню, а затем овладеть страной, которую мы теперь населяем, к тому же основать там город и построить прославленный храм? Также ему следовало бы не только назвать имя законодателя, но и рассказать, кто он по происхождению и откуда, и ради чего он стал вводить подобные меры в отношении почитаемых богов и по отношению к людям призывать к беззакониям во время пути? Ведь будь они египтянами по происхождению, они не изменили бы отеческим обычаям с такой легкостью; а будь они пришельцами из другой страны, все равно у них должны были существовать какие-то законы, закрепленные многовековой привычкой. Потому если они дали клятву никогда не прощать обиды тем, кто их изгнал, это было бы вполне правдоподобно, но что эти люди со всеми начали беспощадную войну в то самое время, когда, по его словам, сами бедствовали и нуждались в помощи всех и каждого, — все это обнаруживает скорее не их собственное неразумие, а весьма большую глупость того, кто написал эту ложь» (ПА, 35).

Этот же миф за Манефоном повторил потом с некоторыми новшествами и Апион, на которого Иосиф обрушивается в начале второй книги трактата.

По версии Апиона, предками евреев также были больные проказой и увечные египтяне, а их вождь Моисей был жрецом бога Солнца. Прокаженные и калеки, по Апиону, выйдя из Египта, блуждали шесть дней по пустыне, дошли до Иудеи, где все до единого заболели бубонной чумой и вынуждены были остановиться на отдых. А так как бубоны на египетском называются саббатосисом, то они назвали этот день «шабатом» — субботой.

«Посмеяться ли над этим вздором или наоборот вознегодовать за заключенную в этих словах бессовестную ложь?» — вопрошает Иосиф, разбивший до этого в пух и прах хронологию Апиона, относящего исход евреев ко времени создания Карфагена, в то время как сами создавшие этот город финикийцы сообщают, что Карфаген был создан через 143 года после строительства Иерусалимского Храма, когда у евреев уже было процветающие государство.

И затем продолжает про версию о бубонной чуме: «Понятно, что этой болезнью заболели все 110 000 человек. Однако, если они были слепыми, хромыми и больными всякой болезнью, как говорит о них Апион, они не смогли бы пройти и однодневного пути. Если же они были в состоянии преодолевать пустыню и к тому же победоносно сражаться с теми, кто оказывал им сопротивление, они вообще не должны были на седьмой день заболеть. Ибо не бывает так, чтобы это случалось с теми, кто совершает по необходимости подобные переходы, — тысячи солдат постоянно преодолевают такие же расстояния, — как невероятно и то, что это произошло само по себе, — то была бы самая большая несообразность. Апион, которому можно только удивляться, сперва сообщил о том, что они пришли в Иудею через шесть дней, а затем говорит, что „Моисей взошел на гору, называемую Синай, которая находится между Египтом и Аравией, в продолжение сорока дней оставался сокрытым от всех, а затем, спустившись оттуда, дал евреям законы“. Хотя каким образом и возможно ли вообще, чтобы одни и те же люди провели в безводной пустыне сорок дней и к тому же прошли ее всю в шестидневный срок? Также и в отношении названия субботы подмена слов выдает либо его величайшую бессовестность, либо вопиющее невежество. Ведь слова „саббо“ и „саббатон“ весьма заметно разнятся между собой: „саббатон“ на еврейском языке значит прекращение всякого дела, а „саббо“, как он и говорит, означает у египтян бубонную болезнь» (ПА, 2:2).

Несмотря на всю убедительность аргументов Иосифа, взгляд Манефона и его последователей на евреев как на неполноценный народ, берущий свое начало от изначально ущербных предков, страдающих различными физическими и нравственными пороками, оказался необычайно живучим и в различных вариациях повторялся во все последующие эпохи, приведя

в итоге к нацистской расовой теории.

Столь же живучей оказалась и идея о том, что Моисей был по происхождению не евреем, а египтянином, — не мог же у столь ущербного народа появиться лидер такого масштаба! Версия эта благополучно дожила до наших дней. Ее придерживались такие известные египтологи, как Джеймс Брестед и Эдуард Мейер. Под ее влияние попал даже Зигмунд Фрейд, построив на ней свою печально известную последнюю книгу «Моисей и монотеизм. Этот человек Моисей и монотеистическая религия». Французский писатель и философ Эдуард Шюре попытался в своих «Великих посвященных» совместить ее с версией Пятикнижия.

Но ирония истории заключается в том, что сама версия Манефона сохранилась и благополучно шествовала сквозь столетия во многом благодаря Иосифу Флавию, который столь яростно с ней боролся. Значительная часть того, что мы знаем о воззрениях Манефона, почерпнута историками именно из его сочинения «Против Апионов» — и пенять евреям за это следует прежде всего именно на него. Хотя нет сомнений, что Иосифом двигали исключительно благие намерения.

* * *

Одно из главных обвинений Апиона и его последователей против евреев состояло в том, что они, с одной стороны, всюду, где поселяются, претендуют на равные гражданские права с основным населением (а гражданство того или иного полиса обеспечивало в Римской империи защиту закона, право участия в управлении и распределении бюджета полиса, а также целый ряд других льгот, и потому имело огромное значение), всячески маскируются под лояльных граждан и даже нередко называют себя так же, как коренные жители, но на самом деле, отказываясь служить местным богам, оскорбляют чувства этих жителей и преследуют в первую очередь свои национально-религиозные интересы, а не интересы своего полиса.

(В Новое время подобные обвинения звучали неоднократно, и среди прочих они были озвучены Ренаном, считавшим, что евреи станут полноценными гражданами Франции, только если откажутся от своей религии и перестанут вести общинный образ жизни.)

В ответ Иосиф заявляет, что то, что евреи начинают себя называть тем же именем, что и местные жители, вполне естественно и скорее свидетельствует о том, что они являются верными подданными страны и города, в котором живут, и в этом смысле ничем не отличаются от других народов, расселившихся по всей территории империи вдали от родины.

Более того — речь идет о праве, которое даровали им правители этих мест: «…Его удивление тому, что, будучи евреями, они называются александрийцами, говорит о подобном невежестве. Ведь все те, кто был призван в какую-либо колонию, даже если они сильно разнятся между собой происхождением, получают название по имени основателя. И нужно ли говорить о каких-то других народах, если те из нас, кто живет в Антиохии, называются антиохийцами, и право гражданства предоставил им основатель Селевк. Подобно тому и в Эфесе, и в остальной Ионии они имеют то же название, что и коренное население, и это право даровали им диадохи. Впрочем, римское великодушие позволило всем обходиться и без своего собственного названия — и не только отдельным людям, но и целым народам. Так, в прошлом иберы, тирренцы и сабиняне именуются теперь римлянами» (ПА, 2:4). И затем остроумно добавляет: «Если же Апион не признает такого гражданства, пусть больше не называет себя александрийцем. Ведь, как я прежде и говорил, он родился в самой отдаленной части Египта, и с чего бы ему быть александрийцем, если дарованное гражданство не имеет силы, как, по его словам, в нашем случае?» (Там же).

Таким образом, Иосиф усматривает причины ненависти Апиона к евреям в его собственной психологии; в глубоко упрятанном комплексе неполноценности; в том, что он втайне стыдится своего египетского происхождения и хочет доказать александрийцам, что он больше эллин и александриец, чем они сами, и микширует это нападками на ту часть александрийского общества, которая, по его мнению, является чужеродной.

Далее Иосиф напоминает, что евреи поселились в Александрии с благословения основателя этого города Александра Македонского. Затем на протяжении многих столетий они демонстрировали самые верноподданнические чувства всем правителям Египта, бывшим после него, играя огромную роль в его армии в качестве воинов, офицеров и главнокомандующих, а также управляющих таможенной службой и сбором налогов, что, разумеется, приносило им немалые преференции.

Не упускает он возможности вспомнить и о чуде, показавшем всем жителям Александрии, что евреи находятся под прямым покровительством Бога. Во время гражданской войны в Египте обе противостоящие друг другу армии — Птолемея Фискона и его жены Клеопатры — возглавлялись евреями Онием и Досифеем, которые в итоге и привели страну к миру. Но до этого, «когда Птолемей Фискон принял решение сразиться с войском Онии, он схватил всех находившихся в городе евреев вместе с женами и детьми и, связав их и раздев донага, бросил под ноги слонам, чтобы те растоптали их; для этого он даже напоил животных вином, но случилось противное тому, что он ожидал. Слоны, не тронув евреев, устремились на его приближенных и истребили многих из них. Вслед за тем ему было ужасное видение, которое повелело не причинять этим людям никакого вреда. Также его любимая наложница (одни говорят, что ее звали Итака, другие — Ирина) умоляла его не совершать такого ужасного святотатства, и он уступил ей и раскаялся в том, что уже сделал или только собирался. По этой причине все еврейское население Александрии, как известно, празднует этот день, ведь тогда с очевидностью они удостоились избавления от самого Бога» (ПА, 2:5).

Вслед за этим он пишет, что евреи Александрии и других областей империи всегда сохраняли лояльность Риму, и с негодованием отвергает обвинения в адрес своих соплеменников в том, что они стали причиной голода в Риме, а также волнений в Александрии, закончившихся кровавым еврейским погромом. Иосиф напоминает, что ни один император в подобном евреев не обвинял, хотя не преминул бы этого сделать, будь для того хоть какая-то почва: «Если же Германик не мог наделить хлебом всех жителей Александрии, то это лишь говорит о бесплодии и неурожае и не дает повода к обвинению евреев. Каково отношение императоров к проживающим в Александрии евреям, не для кого не секрет. Ведь помощь хлебом поступала от них ничуть не более, чем от остальных жителей Александрии. А знак самого большого доверия, некогда оказанного им царями, императоры пожелали сохранить (я имею в виду надзор за рекой и всеми сторожевыми постами) и никогда не считали их недостойными исполнять эту обязанность» (ПА, 2:5).

Отметает Иосиф и обвинения и в том, что отказ служить языческим богам означает презрение к местным верованиям, а нежелание воздвигать статуи в честь покойных или здравствующих императоров — неуважение к центральной власти Рима.

Суть его контраргументов заключается в следующем: евреи не ставят статуй, так как им это категорически запрещено их религиозными законами, и из самого их мировоззрения следует, что «в этом нет никакой пользы ни для людей, ни для Бога». Поэтому «скорее следовало бы восхищаться великодушием и терпимостью римлян, которые не заставляют покоренные ими народы нарушать отеческие законы», а свое уважение и покорность Риму евреи во всех провинциях, а до того и в Иерусалиме, выказывали, регулярно принося за счет своих общин жертвоприношения Богу за императоров, за их здравие и процветание, чего другие народы не

делают. «Ни в каких других случаях, — подчеркивает Иосиф, — даже за наших детей, мы не совершаем жертвоприношений на общественный счет, но только императорам мы воздаем эту исключительную почесть, которой не удостаиваем ни единого из людей» (ПА, 2:6).

* * *

В следующих главах книги Иосиф переходит к разоблачению инспирированных известным стоиком и философом Посидонием из Апамеи (ок. 135–51 до н. э), а затем подхваченных Аполлонием, Молоном, Апионом и позже муссируемых Тацитом антисемитских мифов — начиная с мифа о том, что евреи в Святая Святых своего Храма поклонялись золотой ослиной голове, и заканчивая сказкой о том, что будто они во внутренних покоях Храма откармливали ненавистных им эллинов для принесения человеческих жертв, и всё это якобы было обнаружено царем Антиохом Епифаном, разграбившим и осквернившим Храм.

Иосиф начинает с нескрываемого сарказма в адрес египтян и их религии, не особенно стараясь скрыть свою неприязнь, если не сказать больше, к первым и презрения ко второй: «Итак, сперва ему в ответ я замечу, что даже если бы у нас и было что-то подобное, то египтянин ни в коем случае не мог бы поставить нам это в вину, поскольку ослы ничуть не хуже кошек, козлов и прочих животных, которые почитаются у них богами» (ПА, 2:7).

Он напоминает, что римские полководцы от Помпея до Тита при завоевании Иерусалима не раз входили в Храм и его Святая Святых, но никогда не обнаруживали там никакого изображения. Да этого и не могло быть, так как сотворение любого изображения запрещено евреям их верой и законом. И дальше снова идет необычайно острый выпад в адрес Апиона, а заодно и всех египтян: «Все это должен был принять во внимание Апион, если бы у него самого не было соображения осла и бесстыдства собаки, которую они боготворят. Ведь никаких иных оснований для этой лжи у него нет. Мы не поклоняемся и не воздаем ослам никаких почестей, в отличие от египтян с их крокодилами и змеями. Тех, кого ужалит змея или схватит крокодил, они почитают счастливцами, угодными богу. У нас же, как и у других благоразумных людей, ослы перевозят навьюченную на них поклажу. И если они заходят на поля и начинают жевать или не слушаются приказаний, то их при этом изрядно бьют — ведь они служат нам во многих делах, в том числе и в земледелии. Апион то ли сам был слишком невежественным, чтобы складно лгать, то ли, что более вероятно, собрав какие-то разрозненные сведения, оказался не в состоянии представить их в законченном виде, — раз ни один из его выпадов против нас не достигает цели» (ПА, 2:7).

В ответ на выдумку об откармливании эллинов в Храме Иосиф мог бы привести цитату из Торы, категорически запрещающую любые человеческие жертвоприношения и видящую в них самую большую мерзость, какую только можно совершить. Но он избирает другой путь, предпочитая воззвать к логике и здравому смыслу читателя, далекого от еврейской культуры и религии.

Во-первых, отмечает он, если Антиох и в самом деле нашел в глубине Храма такого эллина, почему он не поспешил его вывести наружу, чтобы спасти от якобы уготовленной тому страшной участи, и не препроводил его на родину — ведь в этом случае «он мог бы прослыть человеком благочестивым, особенно расположенным к эллинам и к тому же заручиться поддержкой многочисленных сторонников против ненавидящих его евреев» (ПА, 2:8). Но нет — Антиох даже в придуманной Апионом лжи этого не делает.

Далее Иосиф напоминает о том, что храмовая служба была строго регламентированна, а территория Храма была четко разделена на сектора: любому нееврею под страхом смерти нельзя было заходить во двор Храма, а уж на территорию, где велись жертвоприношения не могли попасть и обычные евреи — вход туда разрешался только коэнам и левитам, так что

откуда там было взяться греку?! Кроме того, порядок храмовой службы запрещал приносить туда любую пищу и напитки — там находилось лишь то, что было необходимо для жертвоприношений, так что непонятно, чем же там могли откармливать этого самого несчастного грека.

Наконец, он напоминает и о том, что в дни существования Храма в Иерусалим приезжали представители самых разных народов мира и никто из них никогда не слышал о подобных жертвоприношениях и не опасался попасть на храмовый жертвенник в виде жертвы. Да и само утверждение, что потом органы закланного эллина ели тысячи евреев, выглядит нелепо, так как на такое количество ртов их бы просто не хватило.

Следующий удар Иосиф наносит по другому, тоже очень распространенному, хотя с течением столетий и несколько трансформировавшемуся мифу: о том, что евреи ненавидят всех иноплеменников, и особенно эллинов, и клянутся Богу сохранить эту вечную ненависть.

«Уж если так, то следовало бы сразу сказать — в вечной ненависти ко всем иноплеменникам, и более всего к египтянам, — пишет он. — Пожалуй, тогда ему бы удалось согласовать историю о клятве с прежними своими выдумками, — если уж соплеменниками его египтянами предки наши были изгнаны не в наказание за какие-то злодеяния, а по несчастной случайности. От эллинов же нас отделяет более расстояние, нежели обычаи, так что ни малейшей ненависти или вражды к ним мы не питаем. Напротив, случилось так, что многие из них принимали наше вероучение, но одни оставались ему верны, другие же, не выдержав его строгости, отпадали. К тому же никто никогда не говорил, что слышал от нас подобную клятву, за исключением Апиона, который, разумеется, слышал, потому что сам же ее и сочинил» (ПА, 2:10).

Упреки же Апиона в том, что евреи приносят в жертву животных и таким образом животные эти вообще могут исчезнуть на Земле, а также его насмешки над тем, что они не едят свинину, Иосиф отбивает ответным выпадом, что жертвоприношение животных не нравится Апиону исключительно потому, что он является египтянином, почитающим этих животных священными. Если бы он был греком или представителем какого-либо другого народа, такое обвинение ему бы просто не пришло в голову, так как почти все народы приносят такие жертвы, «но из-за этого на земле еще до сих пор не перевелся скот». И затем снова следует резкий укол в адрес египетской формы язычества, еще раз свидетельствующий, насколько блестяще Иосиф Флавий владел искусством сарказма: «Между тем если бы все следовали египетским обычаям, на земле уже давно перевелись бы люди, и она наполнилась бы дикими зверями, которых они почитают за богов и потому прилежно откармливают» (ПА, 2:13).

Что касается обрезания, то Иосиф напоминает, что эту операцию совершали над собой и египетские жрецы, также отказывавшиеся и от поедания свинины — а ведь они считались у египтян эталоном мудрости и хранителями сокровенных тайн мироздания, и Геродот считал, что евреи заимствовали эти обычаи именно у жрецов Египта. Так что выходит, что Апион снова комплексует и смеется над священными традициями своего же народа.

С нескрываемым злорадством описывает Иосиф и то, что после стольких насмешек над обрядом обрезания Апион в итоге был вынужден сам пройти через эту «еврейскую» операцию в связи с тем, что у него образовалось воспаление на детородном органе. Однако это ему не помогло, и вследствие такого воспаления (вероятнее всего, это была гонорея) он и скончался в страшных муках. Иосиф явно усматривает в самих обстоятельствах смерти Апиона возмездие Бога за его нападки на евреев, но сдерживается от того, чтобы сказать об этом напрямую, и ограничивается прозрачным намеком: «Ибо следует строго придерживаться благочестия, уважать собственные законы и не хулить при этом чужие. Он же от своих уклонился, а наши оболгал» (ПА, 2:13).

Не прошло мимо внимания Иосифа и замечание Апиона о том, что евреи — «самые бездарные из варваров, и потому только мы не сделали никаких полезных для жизни изобретений», а также что от них «якобы не происходили великие люди, изобретатели ремесел или, например, великие мудрецы».

В наши дни это обвинение, безусловно, звучит смешно. Часто евреев, наоборот, обвиняют в том, что они слишком кичатся тем, что число выдающихся людей, которых они дали миру в самых разных областях человеческой деятельности, во много раз превышает их долю в населении планеты. Однако в ту эпоху миру лишь предстояло открыть мир еврейской мудрости, а в области развития техники и ремесел еврейский народ и в самом деле сильно отставал от греков и римлян, что отмечается как нееврейскими, так и еврейскими историками.

Иосиф же в ответ говорит о том, что на протяжении многих веков своей истории евреи породили немало выдающихся личностей, прежде всего народных лидеров и пророков, о которых он рассказал в своей книге «Иудейские древности».

Однако главную заслугу евреев перед человечеством — и в этом он опять намного опережает свое время! — Иосиф видит в создании основ человеческой морали, наилучшего, с его точки зрения, законодательства, охватывающего абсолютно все — от общественных до самых интимных — стороны человеческой деятельности, и, наконец, универсального представления о Боге, к которому в итоге, по сути дела, пришли и многие великие греческие философы.

Закон, полученный пророком Моисеем от Бога, утверждает Иосиф, вне сомнения, является одной из древнейших законодательных систем человечества, и уж точно намного древнее греческого и римского права, поскольку «и Ликурги, и Солоны, и локриец Залевк, и все прочие эллинские знаменитости по сравнению с ним родились чуть ли не на днях, причем в древности само слово, обозначающее „закон“, было эллинам неизвестно, о чем свидетельствует сам Гомер, который нигде в своих поэмах это слово не употребляет. Ибо в его время закона просто не было, а народы жили, руководствуясь какими-то неопределенными мнениями и повелениями царей» (ПА, 2:15).

Многие исследователи, кстати, обращают внимание на эту фразу Иосифа, отмечая точность его наблюдения: слово «закон» и в самом деле нигде у Гомера не встречается, и какого-либо законодательного кодекса у древних греков в его эпоху явно не было. Вместе с тем нам неизвестно, читал ли Иосиф Флавий поэмы Гомера вообще (хотя, вероятнее всего, конечно, читал и уж точно знал их сюжеты), но вот то, что он пристально вчитывался в каждую их строчку, чтобы убедиться в отсутствии в его текстах слова «закон», это уже вряд ли. Скорее всего, он вычитал это в исследовании какого-то греческого автора о Гомере и не преминул использовать в своем трактате. Но это опять-таки говорит только в его пользу, показывая, какое огромное количество литературы он «перелопатил», прежде чем приступить к сочинению «Против Апиона».

* * *

Отмечая исключительность личности пророка Моисея, Иосиф обращает особое внимание на то, что «при всяком удобном случае вожаки повсеместно стремились к утверждению своей власти и тирании, а народ приучали к полнейшему беззаконию, однако этот человек, обладавший таким могуществом, напротив, считал, что следует жить благочестиво и относиться к своему народу с искренней благожелательностью, — именно так, полагал он, ему более всего удастся проявить свою добродетель и избавить от верной гибели тех, кто поставил его над собою вождем. Он видел перед собой благую цель и совершал великие деяния, и потому мы были уверены в том, что имеем в его лице божественного наставника и

предводителя. И прежде сам убедившись в том, что он мыслит и поступает во всем по воле Божьей, он подумал, что следует безотлагательно привести свой народ к осознанию необходимости этого» (ПА, 2:16).

Для описания способа правления, на котором основывается еврейское общество, Иосиф вводит принципиально новое слово — «теократия», утверждая, что она является высшей и единственно правильной формой власти по сравнению с уже известными на тот момент человечеству монархией, олигархией и демократией.

Разумеется, создавая этот термин, Флавий вкладывал в него совершенно иное содержание, чем то, которое вкладывают сегодня: он имел в виду, что власть в государстве евреев принадлежит Богу и только Богу, который, будучи абсолютен, дал людям и абсолютно справедливые и мудрые законы. Вслед за этим он дает свое собственное необычайно емкое определение сущности взаимоотношений человека с Богом с точки зрения иудаизма: «От Него невозможно сокрыть ни единого поступка, ни человеческого помышления. А Сам Он, по словам законодателя, — нерожденный, вечно неизменный, превосходящий красотой всякое смертное существо, ведомый нам по Его действию, но непостижимый в своей сущности» (ПА, 2:16).

И дальше напоминает, что именно к такому пониманию сущности Творца мира пришли в итоге такие столпы греческой философии, как Пифагор, Анаксагор и Платон, однако они «всё же не осмеливались преподать свое истинное учение большинству, объятому предрассудками» (ПА, 2:16).

Отличие евреев от других народов мира, по Иосифу Флавию, как раз и заключается в том, Моисею удалось привить неколебимую веру в Единого Бога, донести понятие о Его сущности до всего народа, внушить каждому еврею необходимость постоянно изучать законы Бога и неукоснительно им следовать в повседневной жизни, а также передавать убеждение в этой необходимости всем следующим поколениям. Моисей, замечает Иосиф, «даже не оставил возможности оправдаться неведением, поскольку сделал знание закона самым важным и непременным условием воспитания и повелел слушать его не один раз, не два и даже не несколько раз, но каждую неделю собираться для чтения закона и подробно его изучать. Право же, другие законодатели, сколько я знаю, на это совсем не обращали внимания» (ПА, 2:17).

Это, конечно, не совсем так. В Пятикнижии предписано обязательное чтение текста Торы с начала до конца перед всем народом лишь раз в семь лет. Еженедельное же его чтение с разбивкой на главы появилось много позже, после возвращения евреев из Вавилонского пленения и возникновения института синагоги. Иосиф явно ошибается и дальше — к примеру, когда говорит, что Закон Моисея запрещает аборты и приравнивает их к детоубийству. Прямого такого запрета опять-таки в Пятикнижии нет, и он был, видимо, введен уже в эпоху Второго Храма. Но многие детали еврейского законодательства им описаны предельно точно.

Любопытно, что именно в едином представлении о Боге Иосиф видит основу единства евреев как нации и создание ими подлинно гармоничного и справедливого общества: «Ведь то, что мы имеем единое понятие о Боге и не различаемся между собой образом жизни и обычаями, способствует доброму согласию между людьми. Только у нас невозможно услышать противоречащих друг другу суждений о Боге, что по большей части свойственно всем остальным (не только всякий случайный человек ни с того ни с сего заговаривает с первым встречным об этом возвышенном предмете, но посягают на это даже некоторые из философов — одни в своих рассуждениях принимаются вовсе отрицать существование Бога, другие отрицают Его промышление о людях), — равным образом и в повседневных отношениях между нами не бывает разногласий, но все дела мы делаем сообща, с единой мыслью о Боге, согласной с нашим законом, которая гласит, что Он видит все. А что в повседневной жизни все

должно сводиться к одному — к благочестию, о том можно услышать даже от женщин и прислуги» (ПА, 2:19).

Поэтому Иосифу смешно слышать упреки в том, что у евреев не было великих изобретателей каких-либо практических новшеств, — те, кто бросает такие обвинения, по его мнению, просто не понимает, что у евреев другая система ценностей: «Ведь все остальные почитают своим долгом не следовать ни единому из отеческих установлений и проявления величайшей мудрости обнаруживают в тех, кто осмелился более всего от них отступить. Мы же, напротив, полагаем, что добродетель и благоразумие только в том и состоят, чтобы вообще ничего не совершать и не помышлять вопреки изначально установленным законам. Именно это, пожалуй, и является очевидным доказательством совершенства нашего законодательства. Ведь все попытки внесения исправлений говорят о недостатках существующих законодательств» (ПА, 20).

Снова и снова он пытается донести до читателя еврейское представление о Боге, заключающееся не в каких-то мистериях и таинствах, а в ежедневном исполнении Его запретов и требований.

«Каковы же сами эти запрещения и требования? — продолжает он. — Они просты и понятны. Первое, которое толкует о Боге, гласит: Бог объемлет все, будучи благим, всесовершенным, довлеющим самому себе и всему, он начало, середина и конец всего. Он проявляет себя в своих действиях и благодеяниях и более очевиден, чем что бы то ни было, но вид Его и величие нам недоступны, ибо всякое даже самое драгоценное вещество, взятое для создания Его образа, недостойно, всякое искусство в своих средствах изображения бессильно. Ни о чем подобном мы и не помышляем, и само изображение есть для нас грех. Мы видим перед собой Его творения — свет, небо, солнце, луну, воды, рождение живых существ, созревание плодов. Все это Бог сотворил не руками, не с каким-то усилием или с чьей-то помощью, но лишь по его благому желанию все тотчас возникло в совершенстве. Всем должно повиноваться Ему и почитать Его, упражняясь в добродетели, ибо это и есть лучший способ почитания Бога» (ПА, 2:22).

Далее Иосиф приступает к изложению еврейских законов, начиная с законов семейной жизни, понимая, что многие из них, особенно запрет на мужеложство, будут неприемлемы для греков и римлян: «Каковы же постановления о браке? Закон признает только естественное совокупление с женщиной, и только в том случае, если оно совершается для рождения детей. Совокупление же мужчин между собой он почитает мерзостью, и смерть полагается тому, кто это совершит. Женитьбу ради приданого он запрещает, так же, как и насильственное похищение и склонение хитростью или обманом, но повелевает просить руки невесты у человека, имеющего право выдать ее замуж, если к тому нет препятствий в родственных отношениях» (ПА, 2:24).

Здесь же мы находим подтверждение тому, что в дни жизни Иосифа женщина у евреев все еще считалась низшим существом по сравнению с мужчиной: «Жена, говорит закон, во всем хуже, чем муж. Именно потому она должна подчиняться, но не с тем, чтобы муж превозносился над ней, а чтобы она направлялась им, ибо Бог дал власть мужчине. Должно, чтобы муж совокуплялся с нею одной[71], а соблазнять жену другого беззаконно. Если же кто совершит это, — изнасилует девушку, давшую согласие другому, или соблазнит замужнюю женщину, — ему не избежать смерти. Закон повелевает воспитывать всех своих детей. И запрещает женщинам истреблять или вытравлять плод, а если бы это обнаружилось, она почиталась бы детоубийцей, которая губит жизнь и сокращает человеческий род. Именно потому, если кто-то совершит насилие или прелюбодеяние, то он уже не может быть чистым. Также и после законного совокупления мужа и жены закон требует совершать омовение. Ибо при этом

оскверняется и душа, и тело, как бы оказавшись на чужбине. Ведь душа, пребывающая в теле, страдает, и с приходом смерти снова тотчас отделяется от него. Именно потому во всех подобных случаях закон предписывает очищения».

Впрочем, некоторые исследователи считают первые два предложения вышеприведенной цитаты интерполяцией: какая-то часть оригинального текста Иосифа была испорчена или утеряна, и некий переписчик восстановил ее по своему усмотрению.

Далее Иосиф особо акцентирует внимание читателя на таких еврейских предписаниях, как законы против необузданного пьянства; обязательное образование и воспитание детей (которые должны «обучаться грамоте, изучать законы и знать о деяниях предков, чтобы одним подражать, а на примерах других воспитываться, и никогда не преступать законы, оправдываясь их незнанием»); обязательная отдача последних почестей любому умершему; почитание родителей; запрет отвергать просьбу ближнего о помощи и ссужать ему деньги в долг; предписание по доброму относиться к чужеземцу, решившему поселиться среди евреев.

Наконец, он сводит в одну группу целый ряд социальных законов: «Также он сделал предписания и относительно всего остального, в чем нуждаются люди, — следует предоставлять всем, кому это необходимо, огонь, воду, пищу, указывать дорогу, никого не оставлять без погребения. И не быть слишком жестокими по отношению к врагам. Ибо он не разрешил опустошать их страну огнем или вырубать плодовые деревья и запретил грабить тех, кто пал в битве. И о пленниках он проявил заботу, чтобы оградить их от поругания, в особенности женщин. В своем желании воспитать нас в кротости и человеколюбии он не забыл даже о бессловесных животных. Он допустил использование их только сообразно закону, а любое другое запретил. Тех животных, которые приходят к человеческому жилью, как бы прося защиты, он не позволил убивать. И запретил забирать из гнезда родителей с их детенышами. И даже в неприятельской стране он предписал щадить рабочий скот и не убивать. Так по отношению ко всему он велел проявлять милосердие, одни из вышеназванных законов учредив для поучения, а другие, наоборот, для наказания тех, кто их неоправданно преступил» (ПА, 2:29).

Любопытно, что хотя в финальной части Иосиф признается, что иудаизм запрещает хулить чуждые обычаи и религии, он все же не удерживается от признания, что ему как еврею смешны языческие представления о богах, явно апеллируя при этом к той части римской публики, которая в его эпоху придерживалась атеистических или гностических взглядов, осознавая всю нелепость традиционной мифологии: «Ибо кто из величайших эллинских мудрецов не осуждал самых прославленных поэтов и наиболее уважаемых законодателей за то, что они изначально распространили в народе такие представления о богах? Сколько их было числом, они определяли по собственному усмотрению, производя их друг от друга и выдумывая всевозможные способы их порождения. Словно животных по породам, они подразделяли их в зависимости от местопребывания и образа жизни на подземных, морских, притом древнейшие из них были заключены у них в тартар. А тем из богов, кому досталось небо, они назначили так называемого отца, который на самом деле был для них тираном и деспотом. Именно потому против него составляется заговор его жены, брата и дочери, порожденной им из собственной головы, которые якобы собирались схватить его и низвергнуть, так же, как некогда он сам своего собственного отца.

Все это естественно приводит здравомыслящих людей в возмущение или просто вызывает смех, раз среди богов одни, оказывается, безбородые мальчуганы, другие — умудренные сединой старцы, а из прочих каждому поручено заниматься своим делом — один кует, другая ткет, кто-то воюет с людьми, а иные играют на кифаре или не прочь пострелять из лука. И наконец — случающиеся между ними распри и препирательства из-за людей, причем дело

доходит до того, что они не только друг другу причиняют вред, но и от людей получают раны и потом от этого мучаются и страдают. Но что поистине возмутительнее всего, — как можно чуть ли не всем божествам, — и богам, и богиням, — приписывать необузданное любовное влечение и постоянные соития [с людьми]? К тому же сам первенствующий среди них благородный отец преспокойно взирает на то, как соблазненных и забеременевших от него женщин заключают в темницу или топят в море. Детей своих он также не в состоянии избавить от тяготеющего над ними проклятия и без слез пережить их утрату. Забавно, однако, и все остальное, что из этого следует — боги на небе настолько бессовестны в своем любовании развратом, что некоторые из них даже признаются в своей зависти к тем, кто в нем запутался. Впрочем, чего же еще от них ожидать, если даже почтеннейший царь не смог сдержать своей страсти к жене хотя бы до того, как войдет с нею в спальню? А те боги, которые якобы были в услужении у людей — одни строили за плату дома, другие нанимались пастухами, а иных даже заключали в медную темницу наподобие преступников, — кто из здравомыслящих людей сможет не возмутиться теми, кто это придумал, и не осудить величайшую глупость всего того, о чем здесь говорилось? И страх, и робость, и даже бешенство и коварство, и каких только еще самых гнусных страстей не приписали они природе и облику божества. А богам, имеющим добрую славу, целые города по их научению приносили жертвы. Именно потому они оказались в крайне затруднительном положении, когда одних богов им следовало почитать дарователями всевозможных благ, а других величать губителями. Потому-то их, как самых отъявленных негодяев из людей, они осыпают дарами и подношениями, убежденные в том, что их не постигнет очередное ниспосланное ими несчастие, если за это заплатить» (ПА, 33–34).

Рано или поздно, убежден Иосиф, нелепость подобных представлений о сущности божественного станет ясна большинству человечества, и оно придет к еврейскому или близкому к нему пониманию сущности Бога. И стоит заметить, что и в этом он был прав, хотя, учитывая существовавший в его время интерес римского общества к иудаизму и явно усиливавшееся год от года влияние христианства, сделать такое предсказание было не особенно трудно — надо было лишь стоять на определенных мировоззренческих позициях.

В финале он снова обращается к антисемитам, превращая их имена из собственных в нарицательные: «О наших законах более добавить нечего. Они сами за себя говорят, наставляя не в безбожии, а в истинном благочестии, призывая не к человеконенавистничеству, а к доброму отношению между людьми; всякому беззаконию они враждебны, заботятся о справедливости, исключают всякую праздность и любовь к роскоши, приучают к стойкости и трудолюбию, запрещают войну ради наживы, приучают уметь за них постоять, беспощадны в наказаниях и не позволяют обманывать себя на словах, но всегда требуют подтверждения делами. Так мы и поступаем всегда, что очевиднее любой буквы. Именно потому я, пожалуй, возьму на себя смелость сказать, что мы-то по большей части и стали для всех прочих народов наставниками во всяком добре и благе… Если бы у других народов обо всем том было бы написано что-то раньше, или сохранилось бы в большей неприкосновенности, чем у нас, мы были бы им весьма признательны как ученики своим учителям. Однако, если уж мы, как можно заметить, и пользуемся этими законами преимущественно перед всеми, и первенство в их изобретении, как было доказано, принадлежит нам, пусть умолкнут разные Анионы, Молоны и все сколько ни есть любителей лжи и злословия» (ПА, 41).

Это был достойный ответ.

Иосиф, по сути дела, вложил в руки евреев и христиан целый набор убедительнейших аргументов в пользу монотеизма. Однако большинство евреев по-прежнему отшатывалось от его сочинений, как от куска свинины. Зато отцы христианской церкви часто прибегали к трактату «Против Апиона» в своих сочинениях для отражения атак на свою религию римских и греческих философов, историков и политиков. Придет время — и это его сочинение, наряду с

другими, откроют и соплеменники Иосифа и в конце концов воздадут ему должное. Пусть сначала и под чужим именем.

Но об этом мы поговорим в следующей главе.

Глава 4. Жизнь после смерти

Нам ничего не известно ни о точной дате, ни об обстоятельствах смерти Иосифа Флавия, ни о месте его захоронения.

Если датировать его последнее сочинение «Против Апиона» 96 годом, то следует предположить, что он дожил до свержения и убийства императора Домициана, то есть до 18 сентября 96 года, и стал свидетелем восхождения на престол императора Нервы (96–98), став свидетелем указа последнего, вновь разрешающего евреям свободно следовать своим обычаям. Но Иосиф нигде о Нерве не упоминает, а потому не исключено, что он скончался либо в конце 96-го, либо в начале 97 года, дожив до шестидесяти лет.

С другой стороны, в «Жизнеописании» он упоминает о смерти Агриппы Второго, а как мы уже говорили, по принятому мнению, тот скончался в 100 году. Если это так, то в том году Иосиф был еще жив и скончался несколько позже. Но в 104 году его уже точно не было в живых, и потому обычно дата его смерти расплывчато обозначается как «около 100 года н. э.».

Лион Фейхтвангер в заключительной части своей трилогии об Иосифе Флавии «Настанет день» приводит его в Галилею, а непосредственными виновниками его смерти делает римских солдат, которые отказались поверить в то, что он является римским гражданином, и, приняв его за еврейского лазутчика, стали волочь, привязав к лошади, а затем, когда Иосиф не выдержал и упал, бросили умирать на дороге. Но все это — не более чем художественный вымысел. Хотя в одном Фейхтвангер был, безусловно, прав: «единственный памятник, который суждено иметь Иосифу, — это его труды».

Автор «Церковной истории» епископ Евсевий Кейсарийский (между 260 и 270–339/340) утверждает, что Иосиф Флавий считался одним из значительных римских писателей и в честь него даже была воздвигнута статуя. Но никаких ее следов не сохранилось. Римские историки упоминают Иосифа, но не как писателя, а как командующего еврейским восстанием в Галилее, предсказавшим Веспасиану, что тот станет императором, но нигде не цитируют его сочинения. Из последнего факта можно предположить, что они отнюдь не считали его сколько-нибудь значительным писателем.

Но вот по мере распространения христианства все меняется.

Иосиф Флавий становится одним из самых значимых писателей для нарождающейся церкви; его труды вновь и вновь переписываются, постоянно цитируются отцами-основателями церкви и ранними христианскими историками, представляющими их как достоверный и крайне авторитетный источник, тем самым повышая их значимость. В результате писательская судьба Иосифа оказалась куда более счастливой, чем многих его современников, чьи сочинения до нас не дошли по самым разным причинам, в том числе и потому, что последующие поколения не нашли их достойными сохранения.

Вокруг его личности начинают складываться легенды, в том числе и совершенно нелепая легенда о том, что он якобы во второй половине жизни принял христианство и даже стал епископом. Хотя все его сочинения, включая позднее «Против Апиона», это категорически опровергают, свидетельствуя о том, что Иосиф до конца жизни оставался верующим иудеем,

версия эта продержалась довольно долго. Например, в ее справедливости был убежден переводчик Флавия на английский язык знаменитый энциклопедист, историк, математик и теолог Уильям Уинстон (1667–1752).

Против этой версии говорит и тот факт, что, рассказывая об основных духовно-политических течениях Иудеи своего времени как в «Иудейской войне», так и в «Иудейских древностях», Иосиф нигде даже не упоминает христиан, видимо считая их слишком незначительным или даже вообще не имеющим какого-либо влияния течением. Некоторые исследователи считают, что в 50–60-е годы I века многие евреи принимали христиан за ессеев и путали их друг с другом (да и многие историки считают ессеев предшественниками христиан), а о ессеях у Флавия как раз повествуется очень подробно. Но все это выглядит не очень убедительно.

Зато из той же «Иудейской войны» явственно следует, что Иосиф Флавий крайне отрицательно относился к тем своим соплеменникам, которые выдавали себя за Мессию или его предтечу, считая, что своими проповедями они лишь будоражат народ и внушают ему ложные опасные надежды.

Сама идея богочеловека была ему, как последовательному стороннику иудаизма, глубоко чужда, о чем он ясно заявляет в уже цитируемом нами отрывке из трактата «Против Апиона»: «Но что поистине возмутительнее всего — как можно чуть ли не всем божествам, — и богам, и богиням, — приписывать необузданное любовное влечение и постоянные соития с людьми?» (ПА, 2:34).

В то же время сочинения Флавия приобретали для христианской теологии первостепенное значение, поскольку, во-первых, служили подтверждением исполнения пророчеств евангелистов о разрушении Иерусалимского Храма за грехи евреев, а во-вторых, однозначно подтверждали историчность их рассказа.

В «Иудейской войне» и в «Иудейских древностях» действовали те же герои, что и в Евангелии, — Ирод Великий, Ирод Антипа, Саломея, Понтий Пилат и др., причем описание их деяний и личностных характеристик в целом совпадало с евангельскими.

Наконец, «Иудейские древности» позволяли представить христианство не как некую новую, родившуюся на пустом месте религию, а как продолжение и развитие древней традиции, оправдывая деление Священного Писания на Ветхий и Новый Завет, и, как верно заметил Г. Г. Генкель, восполняли пробел между двумя этими книгами[72].

Так стоит ли удивляться тому, что произведения Флавия в оригинале на греческом и в переводе на латынь можно было найти в библиотеке почти каждого монастыря, а затем, по мере распространения христианства на Восток, и в переводах на древнерусский, грузинский и другие языки.

Но главным для христианства, безусловно, были и остаются четыре «свидетельства Флавия», подтверждающие, как утверждалось, историчность фигуры Иисуса Христа и христианской концепции в целом.

И они, безусловно, заслуживают отдельного и довольно долгого разговора.

* * *

Как верно заметил в своей статье в «Православной богословской энциклопедии» известный русский богослов Д. М. Муретов, все бесчисленные исследования, касающиеся «свидетельств

Иосифа», распадаются на три группы: одни считают свидетельства в том виде, в каком они приведены у христианских переводчиков, подлинными в полном объеме, другие объявляют их целиком подложными, а третьи считают, что они и в самом деле имелись в оригинале, но затем были искажены переводчиками и переписчиками[73]. В наши дни после долгих дебатов возобладала последняя точка зрения, хотя остается немало сторонников и двух первых.

К первому такому свидетельству Иосифа следует отнести его рассказ об Иоанне в 5-й главе 18-й книги второго тома «Иудейских древностей», которое и в самом деле почти не оставляет сомнений, что речь идет о евангельском Иоанне Крестителе:

«Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода» (ИД, 2:18:5).

Сравним с тем, как рассказывается о казни Иоанна в Евангелии от Матфея:

«В то время Ирод четвертовластник услышал молву об Иисусе и сказал служащим при нем: это Иоанн Креститель; он воскрес из мертвых, и потому чудеса делаются им. Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но боялся народа, потому что его почитали за пророка. Во время же празднования дня рождения Ирода дочь Иродиады плясала перед собранием и угодила Ироду, посему он с клятвою обещал ей дать, чего она ни попросит. Она же, по наущению матери своей, сказала: дай мне здесь на блюде голову Иоанна Крестителя. И опечалился царь, но, ради клятвы и возлежащих с ним, повелел дать ей, и послал отсечь Иоанну голову в темнице. И принесли голову его на блюде и дали девице, а она отнесла матери своей. Ученики же его, придя, взяли тело его и погребли его; и пошли, возвестили Иисусу» (Мф., 14:1–12).

Вне сомнения, деятельность Иоанна воспринимается евреями и христианами совершенно по-разному. То, что для христиан являлось сакральным актом крещения, для евреев было исполнением обязательной заповеди Торы о ритуальном очищении, о котором не раз упоминает Иосиф в своих книгах.

Но Иосиф подтверждает слова Евангелия о том, что проповеди Иоанна пользовались широкой популярностью в народе, а также говорит, что известное поражение Ирода-Антипы от арабского царя Ареты было наказанием ему свыше за казнь популярного проповедника, — очевидно, именно так это воспринималось народом. То, что Иосиф называет точное место казни — крепость Махерон, которой предстояло стать одним из последних очагов иудейского восстания против римлян, однозначно придает этому рассказу еще бóльшую историческую достоверность.

Однако все поздние утверждения христианских богословов о том, что Иосиф также говорил о связи Иисуса Христа с Иоанном Крестителем, — не более чем попытки выдать желаемое за действительное. Таких слов в тексте «Иудейских древностей» нет. Как нет в нем и самого слова «крещение» — речь идет именно о ритуальном окунании, в котором Иордан играет роль миквы — ритуального бассейна.

Думается, наиболее емко значение этого свидетельства Флавия с точки зрения историков христианства выразили Мартин Хенгель и Анна-Мария Швемер: «Рассказ Иосифа отличается от новозаветных сообщений тем, что он умалчивает о пророческо-апокалиптическом характере проповеди Крестителя, предпочитая говорить о ее этическом содержании, но особенность его в том, что он подчеркивает страх тетрарха перед политическим влиянием Крестителя на народ и даже восстанием. Но отрицание в столь ярко проявляющихся в те времена в Палестине „эсхатологических ожиданий“ представляет собой, наряду с подчеркиванием опасности политических беспорядков, устойчивую тенденцию исторических произведений этого автора. Он смотрит на Иоанна с такой точки зрения, которая дополняет новозаветные представления. Поразительно, как решительно он отвергает мотив прощения грехов путем крещения. Похоже, что Иосиф спорит здесь с воззрениями, о которых он слышал в Риме, где писал свои „Древности“»[74].

В то же время отождествление проповедника Иоанна у Флавия с евангельским Иоанном Крестителем порождает немало вопросов, на которые справедливо указывает автор замечательной статьи о свидетельствах Иосифа Флавия Борис Деревенский: «Указание на ритуальное омовение, совершаемое проповедником, почти не оставляет сомнений, что это Иоанн Креститель. Не мешает отождествлению и то обстоятельство, что, согласно Евангелиям, Иоанн был казнен Иродом по наущению его жены Иродиады, разгневанной на Крестителя за то, что он осуждал их противозаконный брак (Мф 14:2–12; Мк 6:14–29), тогда как Иосиф считает причиной казни Иоанна подозрительность Ирода. Рассказ Иосифа таков, что не исключает и евангельской версии. Ненависть Иродиады могла быть дополнительной причиной расправы с неугодным проповедником. Есть, впрочем, хронологическая неувязка. Согласно Иосифу Флавию, свадьба Ирода тетрарха с Иродиадой состоялась незадолго до войны с Аретой IV. Война эта началась в наместничество в Сирии Вителлия, т. е. в 36 г. Между тем Евангелие от Луки (3:1) датирует выход Иоанна Крестителя на проповедь 15-м годом Тиверия Кесаря (29 г.). Крестившийся у него Иисус еще не начал свою проповедь, как Иоанн уже был взят под стражу. Казнь Крестителя произошла в 30–31 гг., что на пять-шесть лет предшествует браку Ирода и Иродиады. Выходит, нужно либо найти хронологические неточности в последовательном изложении Иосифа Флавия, либо пересмотреть датировку Луки, либо признать, что брак Ирода тетрарха и Иродиады наступил много позже казни Иоанна и не имеет к его участи никакого отношения, либо, наконец, установить, что Флавиев Иоанн не есть Иоанн Креститель»[75].

* * *

Наибольшее число споров вызывает отрывок из той же 18-й книги второго тома «Древностей», помещенный в 3-й главе и обычно в переводах на русский звучащий так:

«Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любили Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени» (ИД, 2:18:33).

Сомнения в том, что этот отрывок именно в таком виде и в самом деле принадлежит Иосифу Флавию, начали высказывать еще христианские богословы — поскольку Иосиф предстает в нем человеком, верующим в Божественную природу Христа, в то, что он был Мессией, и в его воскресение из мертвых, чего, как уже говорилось, не было, и не могло быть.

В качестве доказательства последнего тезиса приводят знаменитый трактат основателя библейской теологии Оригена (ок. 185 — ок. 254), который в своем трактате «Против Цельса» писал: «Цельс в лице выведенного им иудея до некоторой степени соглашается на признание факта крещения Иисуса от Крестителя. Ввиду этого я и желаю обратить его внимание также на то обстоятельство, что писатель, живший немного спустя после Иоанна и Иисуса, повествует об Иоанне Крестителе и его крещении во оставление грехов. Я имею в виду Иосифа, который в восемнадцатой книге „Иудейских древностей“ свидетельствует, что Иоанн крестил и тем, которые принимали от него крещение, возвещал отпущение грехов. Правда, он со своей стороны не верит в Иисуса как в Христа, и когда занимается решением вопроса о причине падения Иерусолимы и разрушения храма, он не усматривает эту причину — как это следовало бы ему сделать — в кознях против Иисуса Христа со стороны [иудейского] народа, так как именно [иудеи] убили предреченного пророками Христа, но в то же время он, как бы сам того не замечая, значительно приблизился к истине, коль скоро говорит, что все эти беды обрушились на иудеев в наказание за убиение Иакова Праведного, который приходился братом Иисусу, называемому Христом»[76].

Из этого текста явно следует, что Ориген читал Иосифа, но отнюдь не нашел у него слов «То был Христос и т. д.» — иначе бы он не говорил, что Иосиф «не верит в Иисуса как в Христа». Больше того — он непременно использовал такой текст в свою пользу. Но это значит, что во II веке данного отрывка у Флавия еще не было либо он был в каком-то другом виде.

«Свидетельства Иосифа» начинают широко использоваться в христианской литературе начиная с Евсевия Кесарийского, жившего более чем столетие спустя и написавшего в своей «Церковной истории» буквально следующее:

«Будет небесполезным, если сверх того я приведу свидетельство еврея Иосифа, который в восемнадцатой книге своих „Иудейских древностей“, описывая времена Пилата, упоминает Спасителя нашего, говоря так: „Около того времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он творил удивительные дела и учил людей, почитавших истину. Он привлек к Себе многих иудеев и многих эллинов. Это был Христос. По доносу наших начальников Пилат осудил Его на распятие, но те, кто с самого начала возлюбили Его, оказались Ему верны. На третий день Он явился им живой. Пророки Божии предрекли это и множество другого о Нем. И поныне еще не исчез род христиан“. Итак, если и по свидетельству историка Он привлек к Себе не только двенадцать апостолов или даже семьдесят учеников, но многих иудеев и многих эллинов, то очевидно, что Он обладал такой силою, какой не обладают прочие люди. Да и чем иным смог бы Он привлечь к Себе множество иудеев и эллинов, как не удивительными и чудесными делами и изумительным, неслыханным ранее учением?»

Итак, «свидетельство Иосифа» об Иисусе в том виде, в котором мы находим его в современных переводах «Иудейских древностей», появляется только в IV веке и затем уже многократно тиражируется и обрастает новыми подробностями в последующие столетия.

Часто новую редакцию этого «свидетельства» связывают с Псевдо-Гегесиппом, написавшим в IV веке книгу «О разрушении Иерусалима» — своеобразное вольное переложение на латынь «Иудейской войны» с вкрапленными в него комментариями. Долгое время в качестве автора

этого сочинения называли Амвросия Медиоланского (Миланского) (ок. 339–397), но сейчас историки склоняются к версии, что его автором был некий еврей Исаак (Ицхак), крестившийся в молодости и в старости вернувшийся в иудаизм. Когда он писал «О разрушении Иерусалима», он, безусловно, был истовым христианином и решил «чуть подправить» Иосифа в соответствии со своими новыми убеждениями.

«Иудеи, — пишет Псевдо-Гегесипп, — также свидетельствовали [о Христе], как это сделал Иосиф, написавший их историю, который говорит так: „В это время был мудрый человек, если можно назвать Его человеком, который совершал удивительные дела и который на третий день после смерти явился своим ученикам живым, согласно писаниям пророков, предсказавших о Нем это и многое другое весьма чудесное. Он тот, от Кого пошло сообщество христианское, проникшее во всякий род человеческий, так что нет ни одного народа в Римском мире, который оставался бы не знаком с Его религией“. Если иудеи не верят нам, то пусть поверят их собственному [писателю]. Ибо это сказал Иосиф, кого они почитают великим; а ведь он, говоря так, и сам весьма заблуждался и не верил в то, что говорил. И все же он сказал так, чтобы подтвердить историческую истину (historiae fidem), поскольку считал обман грехом, хотя сам был неверующим из-за окаменелости его сердца и нечестивости помыслов. Однако ж истина не пострадала от того, что он был неверующим, но, напротив, именно это и добавляет веса его свидетельству, ибо, будучи неверующим и не желавшим, чтобы это было правдой, он тем не менее не отрицал, что это было так».

Спор вокруг данного «свидетельства Иосифа» особенно обострился в XIX — начале XX века, после того как известный философ и библеист Бруно Бауэр (1809–1882) объявил его ложным. В ходе развернувшейся полемики другой выдающийся религиовед, Эрнест Ренан (1823–1892), признал, что первоначальный текст Иосифа, возможно, был «немного отретуширован», но в том, что такой текст имелся и известная редакция в целом соответствует стилю Иосифа, было для него несомненным. Таким образом, главным в полемике стал вопрос: а каким же был первоначальный текст Иосифа?

В поисках ответа на него два русских ученых — В. Розен и А. Васильев — практически независимо друг от друга обратились к «Книге титулов» сирийского христианина Агапия, известного у арабов как Махбуб ибн Кунстантин ар-Руми ал-Манбиди (поскольку он был епископом города Манбиджа, расположенного на территории современного Ирака). Розен нашел в конце XIX века вторую часть «Книги титулов» во Флоренции, а Васильев — в библиотеке монастыря Святой Екатерины в Синае. И именно Васильев первым предположил, что Агапий цитирует в своем труде подлинный текст «свидетельства Флавия», который уцелел благодаря раннему переводу оригинала сначала на сирийский арамейский, а затем на арабский язык.

Но окончательно эта точка зрения утвердилась в науке после публикации статьи израильского историка и филолога Ш. Пинеса, перевод которой цитировали затем и И. С. Свенцицкая, и А. Б. Ранович, и другие советские религиоведы.

В изложении Пинеса текст Агапия звучит следующим образом:

«…В это время был мудрый человек по имени Иисус. Его образ жизни был похвальным, и он славился своей добродетелью, и многие люди из иудеев и других народов стали его учениками. Пилат осудил его на распятие и смерть, однако те, кто стали его учениками, не отреклись от своего ученичества. Рассказывали, будто он явился им на третий день после своего распятия и был живым. В соответствии с этим он-де и был мессия, о котором пророки предвещали чудеса…»[77]

«Текст, приведенный у Агапия, отличается от дошедшего до нас в греческих рукописях прежде всего тем, что воскресение Иисуса, как и его мессианство, представлено здесь не как факт, а как рассказ его учеников; нет там и упоминания о „знатнейших мужах“, по чьему доносу был осужден Иисус (упоминание, которое выпадает из общей тенденции Иосифа Флавия), — пишет И. С. Свенцицкая. — Исследователи при помощи филологического анализа показали, что текст Агапия является переводом с сирийской версии „Иудейских древностей“, которой не коснулась рука христианского редактора и которой пользовался Агапий, не знавший греческого варианта (невозможно предположить, чтобы этот апологет христианства выбросил из текста прохристианские вставки). Иосиф Флавий не враждебен Иисусу (как, впрочем, и другим проповедникам, например, Иоанну Крестителю), но, как верующий иудей, мессией его не признает, он только говорит, что его так называли ученики (здесь можно увидеть сходство с фразой из XX книги „Иудейских древностей“ о Иакове, брате Иисуса — там тоже речь идет о „так называемом“ Христе). Никаких сомнений не выражено в человеческой природе Иисуса, ничего не говорится о том, что его учение „правда“ и что он совершал „вещи необыкновенные“. Слова о том, что Пилат присудил Иисуса к смерти, перекликаются с соответствующей фразой Тацита (не исключено, что Тацит читал Флавия). В свете отрывка Агапия становятся понятны упреки Оригена, что Флавий не признает Иисуса мессией (не умалчивает о нем, а именно не признает, т. е. Ориген читал у Иосифа Флавия что-то об Иисусе, но без редакторских вставок). Таким образом, вся совокупность доводов позволяет считать, что в сочинении Агапия приведен перевод, который восходит к подлинным словам иудейского историка. Правда, кроме самого факта упоминания Иисуса, что позволяет говорить об историчности основателя христианства… Иисус был для Иосифа Флавия всего лишь одним из пророков, претендовавших на роль мессии, и сообщает он об этом пророке немногим больше, чем о других палестинских проповедниках»[78].

Сам Ш. Пинес в своей статье отмечал: «Ни одно из главных возражений, выдвинутых против аутентичности традиционного варианта „свидетельства Флавия“, не выдержало бы критики, если бы они были бы направлены против версии Агапия. В самом деле, совершенно невероятно, чтобы верующий христианин мог бы создать такой нейтральный текст, а если допустить, что он тем не менее написал его, то единственным смыслом этого могло бы быть стремление засвидетельствовать историческое существование Иисуса. Но вплоть до Нового времени такой необходимости не было: даже наиболее ожесточенные противники христианства никогда не выражали никакого сомнения в реальности существования Христа… Флавий, который в определенных рамках претендовал на роль объективного историка, такой текст мог написать»[79].

Таким образом, историчность фигуры Иисуса благодаря Флавию вроде бы и в самом деле можно считать подтвержденной. Правда, некоторые исследователи выражают сомнение в версии Пинеса.

«Сирийские христиане располагали довольно обширной литературой. В широком ходу был у них уже упоминавшийся перевод „Церковной истории“ Евсевия Кесарийского. Примечательно, что ссылки на Евсевия находятся у Агапия непосредственно до и после „свидетельства Флавия“. Вполне вероятно, что и само „свидетельство“ епископ Манбиджа взял из одного из сирийских вариантов „Церковной истории“. Кроме того, Агапий называет своим источником утраченные ныне сочинения сирийского христианского летописца Феофила из Эдессы… Последний известен как переводчик с греческого некоторых популярных христианских произведений. Не исключено также, что „свидетельство Флавия“ Агапий позаимствовал у Феофила, а уже последний списал его с „Церковной истории“ Евсевия. Но это не снимает главного вопроса: почему все-таки цитата Агапия существенно отличается от традиционных вариантов „свидетельства Флавия“ (в том числе и сирийских) и носит явно

нехристианский характер? Здесь уместно сказать, что „Книга титулов“ Агапия дошла до нас посредством арабоязычных копиистов, вдобавок в относительно поздних списках — XIV–XV вв. В этой связи О. Бетц высказал предположение (в частной корреспонденции), что вариант Агапия также мог подвергнуться редакторской правке, однако уже не христианской, но мусульманской (арабской). Мусульманские переписчики или переводчики труда Агапия приспособили его цитату к своим представлениям об Иисусе, и в этом виде препарированное „свидетельство“ создало иллюзию, жертвой которой стал Ш. Пинес, будто бы этот текст написал сам Иосиф Флавий. Добавим, что явная мусульманская правка ощущается и в других местах „Книги титулов“», — пишет, к примеру, один из самых авторитетных современных историков христианства Борис Деревенский.

Так что, по всей видимости, вопрос о том, каким был первоначальный текст этого свидетельства Флавия, остается открытым. Но вот то, что он не был таким, каким мы его читаем сегодня во всех изданиях «Иудейских древностей», почти однозначно.

* * *

Еще одним «свидетельством Флавия» считается упоминание Христа в связи с его братом Иаковом: «Анан же младший, о назначении которого (первосвященником. — *П. Л.*) мы только что упомянули, имел крутой и весьма неспокойный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особенною жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обвинил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие [тогда] в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбою запретить Анану подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозою наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея» (ИВ, 2:20:9:1).

И снова у нас имеется три мнения.

Согласно первому, речь однозначно идет об одном из четырех родных братьев Иисуса Христа Иакове, епископе Иерусалимском, казненном в 62 году. По второму, этот фрагмент — поздняя вставка. По третьей версии, фрагмент и в самом деле был, а переписчик добавил лишь слова об Иисусе, чтобы «читателям было понятно, о каком Иакове идет речь», — хотя, возможно, речь шла о совсем другом Иакове.

Наиболее взвешенным представляется снова мнение Б. Деревенского: «В принципе нельзя исключить того, что казненный по приговору синедриона в 62 г. Иаков на самом деле был тем самым праведным Иаковом, который известен в Церкви как „брат Господень“, хотя, согласно христианским преданиям, он не был побит камнями, а сброшен книжниками и фарисеями с „крыла храма“, с того самого, откуда, согласно Евангелиям, дьявол искушал броситься Иисуса (Евсевий Кесарийский. Церковная история, II 23.11–18). Впрочем, это обстоятельство ничуть не мешало христианам видеть во Флавиевом Иакове все того же „брата Господня“ и даже объединить обе версии его гибели. Со временем стали рассказывать, что враги сначала сбросили Иакова с „крыла храма“, а затем побили его камнями. В свете этого можно предположить также следующее. В данном отрывке Иосиф Флавий упомянул Иакова и как-то

представил (определил) его. Со своей стороны христианский копиист, идентифицировав Иакова как „брата Господня“, нашел авторское определение неадекватным и заменил его собственной фразой, сложенной на основе Мф 1:16 и 27:17. Так в рукописи появилось указание на Христа. Подобного рода операции не были редкостью у переписчиков»[80].

Наконец, еще одним «свидетельством Иосифа» считаются широко цитируемые как в христианской, так и в религиоведческой литературе фрагменты из так называемой «славянской версии» «Иудейской войны».

Дело в том, что сочинения Иосифа были необычайно популярны у православных священников Киевской Руси, и первый перевод его «Иудейской войны», вероятно, был сделан еще в 1100 году, то есть достаточно быстро после принятия христианства. Но перевод этот был изначально весьма вольный, а затем на протяжении столетий, очевидно, пополнялся все новыми вставками. В результате, если в греческом тексте «Иудейской войны» вообще нет упоминания об Иисусе, то в тексте на древнерусском ему посвящен довольно пространный фрагмент. В связи с этим даже была выдвинута версия о том, что в руки славянских переводчиков попал первоначальный, арамейский вариант «Иудейской войны». Но версия эта совершенно бездоказательна и неубедительна.

Некоторые места этой обширной вставки полностью повторяют евангельский рассказ (например, о явлении волхвов), а некоторые перекликаются с «Иудейскими древностями».

Например такой: «Тогда явился муж некий, если можно назвать Его мужем. Тело и облик Его были человеческие, по виду человек, а дела Его божественные. И творил чудеса удивительные и великие. Тем менее можем мы назвать Его человеком. [С другой же стороны], смотря только по виду, нельзя назвать Его и ангелом. И всё творил некоей невидимой силою, словом и повелением. Иные говорили о Нем, что это законодатель наш первый из мертвых восстал и великие исцеления и знамения показывает. Иные же думали, что от Бога послан, но противится во многом закону и субботы не хранит по отеческому обычаю, нечистоты же никакой не творит. Ни делами рук, но только словом всё делает. И многие из народа последовали за Ним и учению Его внимали. И многие души подвизались, думая, что тем освободятся колена иудейские от римских рук. Обычно пребывал Он перед городом на Елеонской горе, и там же заповеди даровал людям. И присоединилось к Нему учеников сто пятьдесят, и из людей множество, видя силу Его, что все, что хочет, творит словом. И велят Ему, чтобы, войдя в город, избил воинов римских и Пилата, и царствовал над ними. Но Он пренебрег этим. Потом же узнали о том властители еврейские и, собравшись с первосвященником, сказали: мы немощны и слабы противиться римлянам, ведь и лук натянут. Пойдем, возвестим Пилату, что мы слышали [о Нем], и не постигнет нас печаль, а если услышит от других, то лишат нас имения, а самих иссекут и детей наших расточат. И пойдя, возвестили [о Нем] Пилату. И тот, послав [воинов], избил многих из народа, и Того Чудотворца привели. Испытав Его и поняв, что [Он] делал добро, а не зло, и не был ни мятежником, ни желателем царской власти, Пилат отпустил Его. Ибо [Он и] жену его умирающую исцелил. И [Он] пошел на обычные места и делал обычные дела. И еще больше людей собралось вокруг Него, и славился своими свершениями больше всех. Завистью уязвились от Него законники. И дали тридцать талантов Пилату, чтобы убил Его. И тот взял и дал им волю самим свое желание исполнить. И с того времени искали, как Его убить. И, как сказано прежде, дали Пилату тридцать талантов, чтобы выдал им Иисуса. Они же распяли Его вопреки отеческому закону и весьма глумились над Ним»[81].

Амброджо Донини приходит к выводу, что весь фрагмент о Христе в «славянском варианте» «Иудейской войны» не имеет никакого отношения к данному произведению, и его анализ ясно показывает, что он написан христианином, причем христианином православным. Особенно

любопытен пассаж о том, что ученики Иисуса убеждали его напасть на Иерусалим, перебить римский гарнизон и сделаться царем, — он совершенно неожиданно смыкается с уже упомянутой нами в первой части книги версией некоторых еврейских историков о том, что реальный Иисус был одним из вождей сикариев, что и стало причиной его казни римлянами.

В любом случае Донини, несомненно, прав, когда считает, что «славянский вариант», возможно, представляет собой интерес для историков христианства, но с точки зрения «свидетельства Иосифа» не имеет никакой ценности[82].

Наконец, в одном из самых старых списков «Иосиппона» — своеобразного переложения «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» на иврит, есть несколько строк, которые затем были исключены из всех более поздних списков:

«И каждый день кипели сражения и споры в Иудее между фарисеями и отщепенцами нашего народа, которые следовали за сыном Иосифа, и т. д. Также и Элеазар совершил большие преступления в Израиле, пока его не поймали фарисеи».

Но в Иудее был только один «сын Иосифа», который сильно не ладил с фарисеями, — это Иисус Христос. Вне сомнения, это тоже — произвольная вставка редактора, решившего отразить свое отношение к первым христианам (которые, разумеется, были евреями) как к «отщепенцам нашего народа».

И вот теперь пришло самое время поговорить об «Иосиппоне».

* * *

Трудно переоценить и ту роль, которую Иосиф Флавий сыграл в пробуждении национального сознания еврейского народа.

Принято считать, что настоящее открытие произведений Иосифа евреями произошло только в XIX веке, когда значительная часть еврейской молодежи начала отходить от религии, получать современное образование и когда у нее появилась возможность читать «Иудейские древности» и прежде всего «Иудейскую войну» и «Против Апиона» в переводе на немецкий, английский, русский и другие языки.

Эти книги внушали им чувство причастности к древней еврейской истории, гордость за мужество своих предков, порождали ощущение связи со Святой Землей и в итоге привели к появлению в этой молодежной среде сионистских настроений — желания вернуться на землю предков и возродить на ней еврейское государство. Таким образом, когда сначала Л. Пинскер, а затем Т. Герцль сформулировали идеи политического сионизма, идеи эти упали на уже подготовленную почву. Интерес к древней еврейской истории вообще и к личности Иосифа Флавия в частности в итоге и побудил Лиона Фейхтвангера в начале 1930-х годов, когда над евреями Германии и всего мира стали сгущаться тучи, написать свою трилогию «Иудейская война», «Сыновья» и «Настанет день».

Сыграл Флавий, безусловно, выдающуюся роль и в становлении еврейского социализма — знаменитые палестинские, а затем и израильские кибуцы во многом строились под влиянием тех страниц его книг, которые рассказывали о коммунах ессеев.

Однако на самом деле интерес к творчеству Флавия вспыхнул в еврейской среде намного раньше. Как мы уже рассказывали, долгое время евреи относились к нему как к предателю; таковым его объявляли и еврейские мудрецы, управлявшие всей жизнью народа, а потому его книги запрещалось даже брать в руки.

Но, к примеру, историк Давид Флуссер считает, что такому запрету следовали не все, — были среди мудрецов Талмуда те, кто свободно читал по-гречески, и они, очевидно, заглядывали в книги Иосифа на этом языке, кое-что черпали оттуда для себя, и таким образом Иосиф косвенно оказал влияние и на становление талмудического иудаизма, с которым, собственно, по своим взглядам тесно смыкался.

Прорыв произошел в 953 году, когда некий оставшийся неизвестным еврей, живший в Южной Италии, выпустил на иврите «Сефер Иосипон» («Книгу Иосиппон»), или просто «Иосиппон», представляющую собой вольный перевод фрагментов «Книг Маккавеев», «Иудейских древностей» и «Иудейской войны».

Причем, по всей видимости, при составлении рукописи он пользовался не оригиналом работ Иосифа, а Псевдо-Гегесиппом, то есть изначально полным переложением «Иудейской войны» на латинский язык. Не исключено также, что и само название «Иосиппон» книга получила позже. Сам анонимный автор так и не решился прямо сказать, что речь идет о переложении книги «предателя» Иосифа Флавия, и сослался на то, что пользовался трудами некого Иосифа Бен Гуриона — фигуры, видимо, вымышленной.

Но успех этой книги у евреев Европы, а затем, после перевода ее на арабский, и стран Востока и Магриба, превзошел все ожидания. Книга в очень емкой форме охватывала собой всю еврейскую историю от первого тысячелетия до н. э., затем включала в себя историю Вавилона и Персии, пророка Даниила, построения Второго Храма, эпоху Александра Македонского и Рима, и далее — вплоть до разрушения Храма.

В результате она стала хорошим подспорьем для выдающихся комментаторов Священного Писания и Талмуда, сверявших с ней некоторые места последнего, что помогало прояснению темных мест талмудического текста.

Один из самых выдающихся еврейских законоучителей Средневековья, рабейну Гершом (ок. 960 — 1028), по преданию, лично переписал для себя один свиток «Иосиппона», чем дал этой книге окончательную легитимацию. К «Иосиппону» прибегал во время работы и величайший комментатор Писания Раши (1040–1105).

Использовал ее при написании книги «История царей Израиля» и живший в Испании Авраам ибн-Дауд (ок. 1110–1180), и знаменитый Магарал из Праги (1512–1609).

В 1480 году в Мантуе выходит первое печатное издание «Иосиппона», а затем следуют издания 1510 и 1544 годов, после чего переиздания следуют одно за другим. Некоторые из них были поистине роскошны и снабжены иллюстрациями. Затем были переводы «Иосиппона» на английский и немецкий, так как многие христианские авторы искали в этой «еврейской книге» новые «свидетельства» об Иисусе Христе, а когда не нашли, решили, что такие фрагменты были намеренно выброшены.

На древнерусский язык, кстати, еще в XI веке был переведен (как предполагается, каким-то крещеным евреем) отрывок из «Иосиппона», рассказывающий о визите Александра Македонского в Иерусалим.

Причем если на Западе в Новое время интерес к этой книге был утерян, то у евреев Восточной Европы в переводе на идиш она пользовалась популярностью вплоть до Второй мировой войны, и во многих синагогах Польши, Украины и России было принято в праздник Хануки или в день разрушения Храма 9 Ава читать отрывки из «Иосиппона».

Таким образом, Иосиф бен Маттитьягу продолжал жить столетие за столетием среди своего

народа, пусть и под именем Иосифа бен Гуриона.

Продолжает он жить и сегодня — в современном Израиле регулярно появляются старые или новые переводы его книг на иврит, часто — с пространными комментариями, превышающими их собственный объем; защищаются диссертации, кипят споры о его личности.

И, думается, это и есть та посмертная судьба, о которой втайне мечтает любой писатель и историк.

Послесловие. Историк перед судом Бога и истории

Мне есть что спеть, представ перед Всевышним.
Мне есть чем оправдаться перед ним…

Владимир Высоцкий

В дни работы над этой книгой я решил отправиться в Галилею, чтобы побродить по Тверии, Мигдалу, по национальному археологическому парку Ципори — словом, по тем местам, в которых чуть менее двух тысяч лет назад довелось действовать моему герою. Чтобы скоротать время в поезде, стал в который раз пролистывать ивритское издание книги Десмонда Сьюарда «Предатель из Иерусалима».

— Простите, — обратилась ко мне сидевшая напротив пожилая израильтянка, — вы читаете об Иосифе Флавии?

Я кивнул.

— Ну а о ком другом может быть книга с таким названием?! — продолжила попутчица, видимо, заскучавшая в дороге и искавшая повод поговорить. — Конечно, только об Иосифе Флавии! Я помню, как в школе нам рассказывали о том, как он струсил, решил спасти свою шкуру и сдался в плен римлянам. А потом помогал им разрушить Иерусалим и наш Храм! А еще я помню, как учитель рассказывал, что это Иосиф выдал римлянам скрывавшихся в Масаде евреев и вся последующая трагедия в этой крепости — целиком на его совести!

И тут я вдруг почувствовал, что начинаю закипать.

— Послушайте, уважаемая! — сказал я. — Иосиф не был предателем. Он был и остался до конца жизни верным сыном нашего народа. И уж что совершенно точно, он никак не мог выдать римлянам защитников Масады. Больше того: все, что мы знаем о Масаде, мы знаем только от него. И только благодаря ему считаем павших там героями. Хотя о том, герои они или нет, как раз можно поспорить. Возможно, у них был куда более разумный выход, чем убивать друг друга!

— Да я что?! Я — ничего! Просто рассказала, чему нас учили в школе на уроках истории. По-моему, и сейчас так учат. Видимо, в книге, которую вы читаете, написано по-другому. Обязательно теперь постараюсь ее достать и прочесть, — сказала явно напуганная таким натиском женщина.

Разумеется, она была ни в чем не виновата.

Именно так учили еврейских детей много лет назад, и так продолжают учить сегодня — несмотря на то, что все сочинения Флавия давно переведены на иврит, снабжены самыми подробными академическими комментариями, вводными статьями и примечаниями с явным

воздаянием ему должного как историку. Впрочем, воздавать должное ему начали очень давно, но вот отношение к его личности начало меняться лишь в последнее десятилетие. До этого в еврейской и, частично, в европейской историографии преобладал подход, который еще в 1900 году отлично выразил в своей статье о Флавии Г. Г. Генкель: «Если рассматривать Иосифа как человека, то мы найдем в нем мало отрадного. Все те отрицательные качества его, которые нам пришлось отметить при рассказе о его жизни, с достаточною доказательностью подкрепляются обилием данных из его исторических сочинений. Хитрость, неискренность, льстивость, неустойчивость во мнениях рядом с большою хвастливостью и самомнением обнаруживаются тут на каждом шагу. Но вместе с тем мы не можем отказать Иосифу в необычайном трудолюбии и усидчивости, в огромной эрудиции, в осмотрительном и умелом пользовании источниками, наконец в известной идейности (вспомним, какими целями задавался он при написании своих сочинений). Не его вина, если единоплеменники его отнеслись холодно к его трудам, если языческий мир не принял их с тем энтузиазмом, на который, очевидно, рассчитывал автор. Зато последующие века и особенно последнее время по достоинству оценили этого выдающегося и талантливого писателя. Для нас теперь совершенно безразлично, каким *человеком* был Флавий; для нас он неоценим как *писатель:* он раскрывает нам историю целой эпохи, дает обилие ценнейшего материала по экзегетике, истории христианства, римской и греческой истории, по библейской археологии и т. п. Мы никогда не должны забывать, что Иосиф Флавий в своих двух крупных трудах восполняет пробел между книгами Ветхого и Нового Заветов. Являясь дополнением Книги книг, его труды смело могут и должны рассчитывать на внимание всех образованных людей. Богатая литература о Флавии, множество его изданий, переводы его на все европейские языки служат лучшим тому доказательством»[83].

Итак, никто уже давно не оспаривает значение его трудов, как и того факта, что при субъективности многих его личных оценок, нередко продиктованных теми жизненными обстоятельствами, в которых он оказался, в целом эти труды соответствуют исторической правде.

Вопрос упирается в саму его личность, в связи с чем некоторые исследователи разделяют его жизнь на две части: дескать, до 67 года Иосиф Флавий был одним человеком, а после 67 года — совсем другим. Героя и борца с римской оккупацией сменил трус и коллаборационист, или человек, умело надевший маску коллаборациониста и не снимавший ее до конца жизни, а потому в любом случае заслуживающий презрения.

Что ж, Иосиф Флавий и в самом деле сдался в плен римлянам, предпочтя такой исход самоубийству. Но до этого он героически защищал Иотапату, придумывая для врага всё новые и новые смертельные ловушки, сам участвовал в битвах и выбрал плен, когда сопротивление было уже даже не бессмысленно, а попросту невозможно.

Неужели кому-то стало бы легче, если бы он все же покончил с собой, и мы никогда не смогли бы прочитать ни «Иудейскую войну», ни другие его книги?!

Он действительно во время осады Иерусалима находился в стане римлян, но неизвестно ни одного случая, когда бы он принимал участие в боях против своих соплеменников. Он выезжал под стены Иерусалима исключительно в качестве парламентера, предлагавшего сдать город и спасти таким образом Храм, но, думается, он искренне верил в то, что другого пути спасения нет, и такого мнения придерживался не он один.

Мы можем сомневаться в том, насколько он говорил правду, когда уверял, что Тит не хотел разрушения Храма, но нет никаких сомнений, что сам он страстно хотел сохранения и Храма, и Иерусалима, и то, что произошло 10 августа 70 года стало для него такой же величайшей

трагедией, как и для всего его народа. И не случайно именно он пытался ввести новое летосчисление, по которому все события мировой истории делились как на происшедшие до или после разрушения Храма.

Мы точно знаем, что когда римляне громили Иерусалим, он бросился спасать священные книги и выпросил у Тита полного помилования для более чем двухсот своих соплеменников, спася их от рабства и смерти. А разве еврейская мудрость не гласит, что тот, кто спас хотя бы одну душу, спас целый мир?!

Да и потом, оказавшись в Риме, он пытался использовать всё имевшееся у него, пусть и не бог весть какое влияние, чтобы отстоять интересы своего народа и отвести возводимую на него клевету.

Его «Иудейскую войну» часто называют «проримской книгой», но эта книга ясно показывает, что у его народа были веские основания для восстания, так как в какой-то момент произвол прокураторов и жестокость римской власти перешли все границы. Сам его рассказ о маленьком, не имевшем регулярной армии и опыта ведения современной войны народе, который в течение долгого времени героически противостоял многократно превосходящей его по численности, во всех смыслах лучшей армии той эпохи стал гимном этому народу.

Его «Иудейские древности» и трактат «Против Апиона» открыли греко-римской цивилизации историю, религиозные и нравственные ценности этого народа; они пронизаны такой национальной гордостью за принадлежность к нему, что оспаривать этот факт просто бессмысленно.

Его свидетельство об историчности личности Иисуса Христа и о непричастности евреев к его казни Понтием Пилатом стало одним из тех доводов, который в числе прочих привел в 2011 году к постановлению папы Бенедикта XVI о снятии Католической церковью вины с евреев за распятие Иисуса. Таким образом, и спустя две тысячи лет Иосиф продолжил верно служить интересам своего народа.

Ну а то, что его книги будут с интересом читаться последующими поколениями как евреев, так и христиан, сомнений не вызывает. И они того, безусловно, заслуживают.

Так что ему есть что сказать в свое оправдание на Небесном суде, и оправдания его, по логике вещей, должны быть выслушаны благосклонно. И главное, что он мог бы представить в свою пользу на таком суде, были, безусловно, его книги. Потому что это — великие книги.

Основные даты жизни и деятельности Иосифа Флавия

36/37 — в семье знатного потомственного священнослужителя (коэна) Маттитьягу (Маттафии, Матея) родился сын Иосиф бен Маттитьягу, он же — будущий писатель и историк Иосиф Флавий.

48/49 — Иосиф завершает домашнее образование, включавшее изучение «Пятикнижия Моисеева» и других священных книг, устной традиции, иврита, арамейского и, вероятно, основ математики и разговорного греческого языка («койне»).

50 — Иосиф становится свидетелем резни, учиненной в Иерусалиме прокуратором Вентидием Куманом.

50–55 — период напряженных поисков самого себя; знакомство и изучение учений трех

основных течений в современном Иосифу иудаизме — фарисеев, саддукеев и ессеев. Жизнь в пустыне с отшельником Банусом (Баном) и постижение используемых им мистических практик. Косвенное знакомство с зелотами («ревнителями») и «сикариями» («кинжальщиками»).

56 — Иосиф возвращается в родительский дом и окончательно примыкает к фарисеям, к которым принадлежал его отец. Начало карьеры священнослужителя при Иерусалимском Храме, исполнение различных административных обязанностей, участие в политической деятельности с целью привлечения масс на сторону фарисеев.

Около 64 — поездка в Рим с заданием добиться освобождения обвиненных в антиримской деятельности и отправленных на суд к императору нескольких знатных евреев.

64–66 — пребывание в Риме, знакомство с женой императора Нерона Поппеей.

66 — успешное завершение миссии по освобождению еврейских пленников. Начало Иудейского восстания, Синедрион назначает Иосифа одним из трех комендантов Галилеи. В его задачу входит подготовка области к войне с римлянами.

66–67 — Иосиф становится единоличным комендантом Галилеи, устанавливает в ней правопорядок и подвергается нападкам как со стороны сторонников мира с римлянами, так и со стороны приверженцев бескомпромиссной войны с ними во главе с Иоанном Гисхальским. Несколько раз он оказывается перед лицом смерти, но каждый раз спасается и в итоге обыгрывает своих недругов.

67, весна — начало вторжения армии Веспасиана в Галилею. Иосиф запрашивает Иерусалим о дополнительной военной помощи, но не получает ответа.

Весна — лето — героическая оборона Иосифом Иотапаты (Йодфаты).

Лето — Иосиф отказывается присоединиться к коллективному самоубийству последних защитников Иотапаты и сдается в плен римлянам. Во время встречи с полководцем Веспасианом предсказывает ему, что он станет императором. Остается в римском лагере в качестве пленника, становится свидетелем полного захвата римлянами Галилеи и городов, лежащих вдоль берега Средиземного моря. Женитьба на пленнице по указанию Веспасиана.

69 — Веспасиан провозглашен императором, он снимает с Иосифа кандалы. Развод с пленницей. Вместе с Веспасианом Иосиф отправляется в Александрию, где женится на уроженке этого города.

70 — Иосиф вместе с Титом возвращается в Иудею и в качестве переводчика сопровождает его во время возобновления Иудейской кампании.

Весна — лето — участвует в осаде Иерусалима римлянами. В качестве переводчика и парламентария несколько раз предлагает защитникам сдать город в обмен на отказ от его разрушения и сохранение жизни и свободы мирному населению.

Июль — римляне врываются на территорию Иерусалима; начало боев за Иерусалимский Храм.

10 августа — падение Иерусалимского Храма. Иосиф выпрашивает у Тита жизнь 240 пленников и спасает священные свитки Торы.

Лето — осень — подавление последних очагов сопротивления; пленение лидеров восстания

Иоанна Гисхальского и Шимона бар Гиоры.

71 — приезд в составе свиты Тита Веспасиана в Рим; жизнь на личной вилле императора Веспасиана; получение римского гражданства.

72–73 — написание первого варианта «Иудейской войны» на арамейском языке.

78 — окончание работы и издание «Иудейской войны» на греческом языке.

94 — окончание работы над «Иудейскими древностями» и их первое издание.

95–96 — наиболее вероятное время написания «Жизнеописания» и трактата «О древности еврейского народа. Против Апиона».

Около 100 — смерть.

Использованная литература

Сочинения Иосифа Флавия

Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб.: Журнал «Орел», 1991.

Иосиф Флавий. Иудейские древности. М.: Крон-пресс, 1996.

Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2021.

Иосиф Флавий. Жизнеописание // сайт «Книгогид»

Иосиф Флавий. Жизнь Иосифа / Предисл., пер., коммент. Даниэля Шварца. И[ерусали]м: «Яд Ицхак бен Цви», 2007 (иврит).

Филон Александрийский. Против Флакка. О Посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности еврейского народа. Против Апиона. М.; Иерусалим: Гешарим-Мосты культуры, 5755/1994.

Прочие источники и исследования

Алексеев М. А. Задача Иосифа Флавия // Империя Математики. 2001. № 2. С. 22–28.

Амбелен Робер. Драмы и секреты истории. М.: Прогресс-академия, 1993.

Atkinson K. Noble deaths at Gamla and Masada? A critical assessment of Josephus’ accounts of jewish resistance in light of archaeological discoveries // Zuleika Rodgers Making History: Josephus And Historical Method. BRILL, 2007. P. 349–371.

Беседы по еврейской истории. Эпоха Второго Храма / Под ред. И. Гольденберга. И-м: МИЛИ, 1998.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. ЭКСМО, 2015.

Бялик Х. Н., Равницкий И. Х. Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. «Библиотека Алия». И-м, 1989.

Генкель Г. Г. Флавий Иосиф, его жизнь и творчество. — В кн.: *Иосиф Флавий.* Иудейские

древности. М.: Крон-пресс, 1996.

Гесс Моше. Рим и Иерусалим. «Библиотека Алия». И-м, 1979.

Джонсон Пол. Популярная история евреев. М.: Вече., 2000.

Донини Амброджо. У истоков христианства. М.: Изд-во политической литературы, 1989.

Дубнов С. М. Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996.

Иисус Христос в документах истории / Сост., ст., коммент. Б. Г. Деревенского. СПб.: Алетейя, 2013.

Илан Таль, Наам Веред. Между Иосифом и мудрецами Талмуда. В 2 т. И-м: Изд-во «Яд Ицхак Бен Цви», 2017 (*ивр.*).

История Древнего мира / Под. ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. Т. 3. М., 1983.

История Европы. В 8 т. Т. 1: Древняя Европа. М.: Наука, 1988.

Лурье С. Антисемитизм в Древнем мире, попытки объяснения его в науке и причины. — В кн.: *Филон Александрийский.* Против Флакка. О Посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности еврейского народа. Против Апиона. М.; Иерусалим: Гешарим-Мосты культуры, 5755/1994.

Машкин Н. А. История Древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1948.

Муретов Д. М. Иосиф Флавий и его свидетельства о Христе // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1906 (Приложение к журналу «Странник»). Т. 7. Стб. 367.

«Пиркей авот» («Поучения отцов»). М.; Иерусалим: Даат/Знание, 2001. 5:25.

Pines Sh. An Arab Version of the Testimonium Flavianum and its Implications. Jerusalem, 1971.

Раджак Тесса. Иосиф Флавий. Историк и общество. Иерусалим; М.: Гешарим-Мосты культуры. 2017.

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Изд-во политической литературы, 1990.

Ренан Эрнест. Апостол Павел. Антихрист. (История первых веков христианства). М.: Советский писатель, 1991.

Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1987.

Сьюард Десмонд. Предатель из Иерусалима. Йосеф бен Маттитьягу, Массада и разрушение Иудеи / Пер. с англ. Ярон Бен Ами. Изд-во «Змура Бейтан». Ор-Иегуда, 2009 (*ивр.*).

Вавилонский Талмуд на русском языке. В 14 т. М.: Изд-во Таргум, 2018.

Тацит. Сочинения. СПб.: Наука, 1993.

Тацит. Анналы.

Фейхтвангер Лион. Собр. соч. В 12 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 7, 9.

Флуссер Давид. Иосиф Флавий. И-м: Изд-во «Модан», 2018 *(ивр.*).

Хенгель Мартин, Швемер Анна-Мария. Иисус и иудаизм / Серия «Современная библеистика». М.: Изд-во ББИ, 2016.

Черток Я. Л. Введение переводчика. — В кн.: *Иосиф Флавий.* Иудейская война. СПб.: Журнал «Орел», 1991.

Шураки Андре. Повседневная жизнь людей Библии. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004.

[1] *Генкель Г. Г.* Флавий Иосиф, его жизнь и творчество. Исторический очерк. — В кн.: *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. В 2 т. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. С. 285–324.

[2] *Черток Я. Л.* Введение переводчика. — В кн.: *Иосиф Флавий.* Иудейская война. СПб.: «Орел», 1991.

[3] *Тесса Раджак.* Иосиф Флавий. Историк и общество. И-м; М.: Гешарим — Мосты культуры, 2017.

[4] *Десмонд Сьюард.* Предатель из Иерусалима. Иосиф бен Маттитьягу, Массада и разрушение Иудеи. Изд-во «Кинерет-Змура бейтан». Ор-Иегуда, 2011 (*ивр.*).

[5] *Флуссер Давид.* Иосиф Флавий. И-м: Изд-во «Модан», 2018 (*ивр.*).

[6] См.: *Моше Гесс.* Рим и Иерусалим. Изд-во «Библиотека Алия», И-м, 1979.

[7] *Хенгель Мартин, Швемер Анна-Мария.* Иисус и иудаизм (серия «Современная библеистика»). М.: ББИ, 2016. С. 112.

[8] См. напр. *Таль Илан, Веред Наам.* Между Иосифом и мудрецами Талмуда. В 2 т. Изд-во «Яд Ицхак Бен Цви», И-м, 2017 (*ивр.*).

[9] Беседы по еврейской истории. Эпоха Второго Храма / Под ред. И. Гольденберга. И-м: Изд-во МИЛИ, 1998.

[10] *Джонсон П.* Популярная история евреев. М.: Вече, 2000.

[11] Память о принадлежности к сословию коэнов передается в их семьях от поколения к поколению по сегодняшний день. В наши дни их обычно легко отличают от других евреев по фамилиям. Носители фамилий Коэн, Коган, Каган, Каганович, Кац (аббревиатура слов «коэн цадик» — «праведный коэн») и т. п. почти всегда являются коэнами. Также высока принадлежность к коэнам у лиц с фамилиями Аронов, Аронович, Азулай, Раппопорт др.

[12] Талмуд (букв. «изучение») — сборник из 63 трактатов в шести частях, включающий в себя предания и диспуты мудрецов по различным аспектам выполнения законов Священного Писания. Согласно традиции, со времен пророка Моисея передавался изустно и окончательно был кодифицирован только в VI веке н. э.

[13] Далее мы будем пользоваться другим, более распространенным в литературе вариантом этого имени — «Матитьягу», за исключением случаев, когда речь идет о цитировании.

[14] Тора (букв. «теория, учение») — книга, известная в христианской традиции как «Пятикнижие Моисеево».

[15] *Машкин Н. А.* История Древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1948. С. 404–405.

[16] Современный израильский город Акко.

[17] «Пиркей авот» («Поучения отцов»); 5:25 // Даат/Знание. М.; И-м, 2001. С. 157.

[18] См. «Пиркей авот» («Поучения мудрецов»), 5:18 // Указ. изд. С. 147.

[19] *Десмонд Сьюард.* Предатель из Иерусалима. Йосеф бен Маттитьягу, Массада и разрушение Иудеи / Пер. с англ. Ярон Бен Ами. Изд-во «Змура Бейтан». Ор-Иегуда, 2009. С. 35.

[20] *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1987. С. 50.

[21] В христианской традиции этот праздник называется Пятидесятница.

[22] *Тацит.* Анналы.

[23] Сегодня это знаменитая Стена Плача.

[24] Как покажут последующие события, само пленение Эльазара было инсценировкой — юноша втайне давно уже презирал отца за соглашательство с римлянами и был горячим сторонником сикариев. Не исключено, что именно он и предложил устроить весь этот спектакль с его похищением.

[25] *Фейхтвангер Л.* Собр. соч. В 12 т. Т. 7. С. 9–10.

[26] *Ренан Э.* Святой Павел. Антихрист. М.: Советский писатель, 1991. С. 438–439.

[27] Эти дары обычно и приводятся в качестве «доказательства» любовной связи между Иосифом и Поппеей, но автор оставляет этот вопрос на суд читателя.

[28] *Шураки А.* Повседневная жизнь людей Библии. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2004. С. 93.

[29] *Иосиф Флавий.* Иудейская война / Пер. Я. Л. Чертока, с введением и примечанием переводчика. СПб.: «Орел». 1991. С. 224.

[30] Г. Г. Генкель был убежден, что речь была написана самим Иосифом уже в процессе работы над книгой в рамках существовавших тогда литературных канонов, в которых героям полагалось произносить подобные длинные и красивые речи. Иосиф, с этой точки зрения, писал речи за всех своих героев, вкладывая в их уста слова, которые они, по его мнению, должны были произнести в той или иной ситуации.

[31] В трактате «Против Апиона» Иосиф утверждает, что евреи совершали такое жертвоприношение не по обязанности, а исключительно по доброй воле.

[32] *Бялик Х. Н., Равницкий И. Х.* Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. И-м: «Библиотека Алия», 1989. С. 247–248.

[33] *Бялик Х. Н., Равницкий И. Х.* Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. С. 247–248.

[34] На этом же заседании или немногим позже было решено отчеканить собственную серебряную монету — шекель. Монеты достоинством в шекель, полшекеля и четверть шекеля чеканились из серебра. На аверсе монеты изображалась ритуальная чаша, а на реверсе — ветвь гранатового дерева с тремя гранатами. В первом выпуске монеты чаша на аверсе и ветвь граната на реверсе изображены в круге из выпуклых точек — «жемчужин». Надписи на монетах не случайно были сделаны палеоеврейским письмом — чтобы показать, что целью восстания является восстановление единого еврейского царства Давида и Соломона. Надпись на монете в 1 шекель гласила «Шекель Израиля», на монете в полшекеля — «половина шекеля». На реверсе монет была надпись: «Святой Иерусалим».

[35] *Ренан Э.* Святой Павел. Антихрист. С. 497.

[36] Иудейская война. Указ. изд. С. 251.

[37] Или, по версии «Жизнеописания», его супруга.

[38] *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей // Сайт «История Древнего Рима».

[39] Речь идет о грецкой сочевице (она же верблюжья трава, или пажитник) — Trigonella Foenum graecum L. — однолетнем травянистом растении из семейства бобовых и подсемейства мотыльковых. Вследствие высокого содержания масла в семенах, обладает повышенной скользкостью.

[40] *Алексеев М. А.* Задача Иосифа Флавия // Империя Математики. 2001. № 2. С. 22–28.

[41] По Фейхтвангеру, римляне перехватили письмо, которое Иосиф направил из Иотапаты в Иерусалим с обещанием продержаться 47 дней и, таким образом, выиграть время для подготовки Иудеи к обороне.

[42] *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей.

[43] От ивр. «гамаль» — верблюд.

[44] По одной из версий, озвучиваемой недоброжелателями Иосифа, под Гамалой он окончательно стал предателем, указав римлянам на слабые места крепости. Однако никаких подтверждений этой версии нет. См.: *Atkinson K.* Noble deaths at Gamla and Masada? A critical assessment of Josephus’ accounts of jewish resistance in light of archaeological discoveries // Zuleika Rodgers Making History: Josephus and Historical Method. BRILL, 2007. P. 349–371.

[45] *Дубнов С. М.* Краткая история евреев. М.: Сварог, 1996. С. 227.

[46] *Тацит.* История, V, 13 — В кн. *Тацит.* Сочинения. СПб.: Наука, 1993. С. 565.

[47] *Тацит.* Указ. соч. С. 585.

[48] История Европы. В 8 т. Т. 1. Древняя Европа. М.: Наука, 1988. С. 561.

[49] Талмуд рассказывает почти ту же историю, но героями в ней выступают сам Веспасиан и р. Иоханнан бен Заккай. То, что она встречается в разных источниках, наводит на мысль, что у

нее была какая-то реальная основа. Исследователи не исключают, что составители Талмуда решили отнести ее к раббану бен Заккаю в связи с запретом на упоминание имени Иосифа.

[50] Вероятно, речь идет о том же самом Никаноре, который уговорил Иосифа сдаться римлянам после падения Иотапаты.

[51] Охваченный восторгом Иосиф, чтобы передать единство недавних противников, прибегает к скрытой цитате из Библии: «И стал народ Израиля у горы Синай как один человек с одним сердцем».

[52] Это единственное свидетельство о том, что Иосиф был женат еще до назначения в Галилею, и все эти годы его первая жена жила в Иерусалиме. Вероятно, там она и погибла.

[53] Тосефта Гитин, 4. В этом же трактате приведена легенда, согласно которой император Нерон не покончил с собой, а бежал из Рима и принял иудаизм.

[54] *Ренан Э.* История первых веков христианства. Св. Павел. Антихрист. С. 626–627.

[55] *Фейхтвангер Л.* Собр. соч. В 12 т. Т. 7. С. 383–384.

[56] Историк С. М. Дубнов считал приводимые Иосифом Флавием данные о потерях евреев близкими к действительности, но относящимися ко всей Иудейской войне, то есть за 67–70 годы. См.: *Дубнов С. М.* Краткая история евреев. С. 233.

[57] Согласно устному еврейскому преданию, разрушение стен Храма было поручено Титом четырем союзным арабским царям. Однако одному из них, Фангару, явился ангел, давший знак, что ему не следует выполнять приказ. На вопрос Тита, почему он не выполнил приказ, Фангар ответил, что хотел сохранить Стену в его славу — чтобы, взглянув на нее, все увидели, какой сильный город он сумел взять. Тит сказал, что идея в целом ему нравится, но за нарушение приказа Фангар должен подняться на стены и броситься с нее вниз, а там уж пусть судьба решит, жить ему или умереть. Фангар разбился насмерть, но, по мнению еврейских мудрецов, был принят на Небесах как величайший праведник, исполнивший волю Всевышнего.

[58] Все эти бесценные и с исторической, и с религиозной точки зрения предметы какое-то время хранились в императорском дворце, а затем исчезли, и нынешнее их местонахождение неизвестно, что породило немало легенд, легших в основу множества известных книг и фильмов. Историки и многие видные деятели иудаизма предполагают, что они находятся в подвалах Ватикана, но последний до сих пор категорически отказывался подтвердить или опровергнуть данную версию, равно как и допустить каких-либо представителей академических кругов или раввинов в свою сокровищницу. Согласно неподтвержденным слухам, некоторым из них все же было дано такое разрешение, но с массой ограничений и под обещание хранить молчание о том, что они увидят.

[59] *Фукидид.* История. Л.: Наука, 1981. С. 82.

[60] В 1958 году в Израиле была выпущена памятная монета, одна сторона которой повторяет римскую со скорбящей женщиной под пальмой и римским воином, а на другой изображена та же пальма, возле которой стоят гордые граждане еврейского государства, и идет надпись на латыни: «Israel liberata» («Свободный Израиль») и на иврите: «Десять лет свободы Израиля».

[61] См.: *Иосиф Флавий.* Жизнь Иосифа / Предисл., пер., коммент. Даниэля Шварца. И-м: Изд-во «Яд Ицхак бен Цви», 2007 (*ивр.*). С. 12–13.

[62] См.: *Флуссер Д.* Иосиф Флавий. И-м: Модан, 2018 (*ивр.*). С. 57–58.

[63] *Гай Светоний Транквил.* Жизнь двенадцати цезарей

[64] *Бялик Х. Н., Равницкий И. Х.* Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и мидрашей. С. 250–251.

[65] В 1948 году, после создания Государства Израиль, римские евреи прошли под аркой Тита в обратном триумфу 71 года направлении — символизируя таким образом, что история повернула вспять.

[66] *Гай Светоний Транквил.* Указ. соч.

[67] Жившие в Александрии в I веке н. э. юдофобы, призывавшие местных жителей к еврейским погромам, для того, чтобы опознавать идейных сторонников, носили белую обувь, в связи с чем за ними закрепилось название белобашмачников. Впоследствии многие историки и публицисты использовали слово «белобашмачник» как синоним слова «антисемит».

[68] *Фейхтвангер Л.* Собр. соч. В 12 т. Т. 9. С. 274–277.

[69] *Лурье С.* Антисемитизм в Древнем мире. Попытки объяснения его в науке и его причины. — В кн.: *Филон Александрийский.* Против Флакка. О посольстве к Гаю. *Иосиф Флавий.* О древности еврейского народа. Против Апиона. М.; И-м: Гешарим — Мосты культуры, 1994 (5755). С. 70.

[70] Говоря словами великого египтолога Жозефа Мелез-Моджеевского, «изучение языческого антисемитизма помогает с большим реализмом отнестись к этому заблуждению нашей культуры».

[71] Любопытно, что на тот момент официального запрета на многоженство у евреев не было.

[72] *Генкель Г. Г.* Флавий Иосиф, его жизнь и творчество. — В кн.: *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. М.: Крон-пресс, 1996. С. 324.

[73] См. *Муретов Д. М.* Иосиф Флавий и его свидетельства о Христе // Православная богословская энциклопедия. Т. 7. Стб. 367. (Приложение к журналу «Странник» за 1906 г.)

[74] *Хенгель Мартин, Швемер Анна-Мария.* Иисус и иудаизм (серия «Современная библеистика»). М.: Изд-во ББИ, 2016. С. 302–303.

[75] Иисус Христос в документах истории / Сост., ст., коммент. Б. Г. Деревенского. СПб.: Алетейя, 2013. С. 23.

[76] Эта и следующие цитаты отцов церкви даются по кн: Иисус Христос в документах истории.

[77] Цит. по: *Ранович А. Б.* Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Изд-во политической литературы, 1990. С. 460.

[78] *Свенцицкая И. С.* Раннее христианство: страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1987. С. 63–64.

[79] *Pines Sh.* An Arab Version of the Testimonium Flavianum and its Implications. Jerusalem, 1971.

[80] См.: Иисус Христос в документах истории / Сост., ст., коммент. Б. Г. Деревенского. СПб, Алетейя, 2013.

[81] *Донини А.* У истоков христианства. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 47.

[82] *Донини А.* У истоков христианства. М.: Изд-во политической литературы, 1989. С. 47–52.

[83] *Генкель Г. Г.* Флавий Иосиф, его жизнь и творчество // *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. М.: Крон-пресс, 1996.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch